

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХLIX.

1887.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1887.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВІТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ 3

Н. Н. Землинскій. Еврейская синагога и ея функціи 1

М. А. Веневитиновъ. Записки въ исторіи Ханденія Данила Кудина 11

Н. Н. Лавровъ. Писемскій пунктъ Командоно въ Польшѣ 68

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Е. А. Бѣловъ. Московскія слухи въ концѣ XVII вѣка 99

В. А. Билъбасовъ. Новые русскіе матеріалы по исторіи Семилѣтней войны 146

А. Н. Степановъ. *Wiktor Czajkowski. Historia literatury czeskiej.* Warszawa. 1886 185

Э. А. Вальтеръ. *См. Bartsch. Mittheilungen der litauischen literarischen Gesellschaft.* 1886. 193

И. В. Воеводиновъ. Греческія рукописи въ Македоніи. 196

— Книжныя новости 199

К. К. Сентъ-Илеръ. Нѣсколько замѣтокъ о церковно-приходскихъ школахъ 1

— Наша учебная литература (разборъ 12 книгъ) 15

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Баронъ В. Р. Розенъ. Судной международной съѣздъ ориенталистовъ въ Вѣнѣ 1

— Милушинскій музей 32

— Наши учебныя заведенія: Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1883 году 41

А. Н. Воейковъ. Письма изъ-за границы. III. 90

Л. Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа 104

— Е. В. Вершинъ (некрологъ) 117

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

В. В. Латышевъ. Исследования объ исторіи и государственномъ устройствѣ города Ольвии 1

Редакторъ Л. Майморовъ.

(Вышла 3-го января).

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ОБЪ ИСТОРИИ И ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СТРОѢ ГОРОДА ОЛЬВИМ.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Значеніе Чернаго моря въ древности.

„Послѣ голубыхъ водъ Архипелага и сверкающей синевы Пропонтиды, Черное море показалось мнѣ мрачнымъ и пустыннымъ. Не даромъ древніе называли его негостепримнымъ, не даромъ и теперь зовутъ Чернымъ. Для прѣзжающихъ съ юга въ самомъ дѣлѣ есть что то печальное и непривѣтливое въ этой грустной водяной массѣ. Я съ невольнымъ стѣсненіемъ въ сердцѣ смотрѣлъ на его матовую, пепельно-синюю поверхность, и меня поразила его пустынность: на всей видимой дали его не замѣтно было ни одного паруса, и только вправо тянулась на горизонтѣ темная полоса дыма отъ далекаго парохода, который шелъ въ Трапезондъ, да стадо дельфиновъ, провожавшее насъ изъ Босфора, прыгало по волнамъ, разбѣгавшимся за нашею кормою“¹⁾.

Въ такихъ словахъ передаетъ одинъ изъ нашихъ путешественниковъ впечатлѣніе, полученное имъ при первомъ взглядѣ на необозримое темное зеркало Чернаго моря послѣ восхитительныхъ видовъ Фракійскаго Воспора. Такое же грустное, гнетущее впечатлѣніе произвело оно и на насъ самихъ, производитъ, безъ сомнѣнія, на большинство новыхъ путешественниковъ, по крайней мѣрѣ на тѣхъ, которые впервые знакомятся съ нимъ изъ устьевъ Воспора, и еще сильнѣе

¹⁾ А. П. Миллюковъ, *Ленны и Константинополь* (Спб. 1859), стр. 211.

должно было дѣйствовать на чувство и воображеніе древнихъ еллиновъ, обладавшихъ болѣе тонкимъ, развитымъ чутьемъ къ пониманію красоты природы и привыкшихъ къ живой, сверкающей прелести южныхъ водъ, въ которыя глядятся живописные берега Еллады, Малой Азіи и острововъ Архипелага. Ближайшее знакомство съ Чернымъ моремъ могло только усиливать тяжелое чувство, полученное при первомъ на него взглядѣ: частыя и смѣлыя бури, густые туманы, преимущественно съ сѣвера душіе вѣтры, отсутствіе хорошихъ гаваней (въ особенности на южномъ берегу, см. App. Пер. 6) и острововъ, сильное теченіе, дикость и суровость прибрежнаго населенія,— все это должно было очень сильно затруднять плаваніе по Черному морю для древнихъ народовъ, обладавшихъ лишь весьма скудными средствами для борьбы съ такими трудностями и опасностями, и пугать даже очень смѣлыхъ и предпримчивыхъ мореплавателей. Не даромъ про человѣка, избѣгнувшаго какой нибудь страшной опасности, древніе еллины говорили, что онъ вышелъ изъ средины Понта! ²⁾). И однако что-же оказывается? Уже начиная съ очень отдаленныхъ временъ, еллины не только постоянно плаваютъ по этому морю, не только ведутъ непрерывныя и правильныя торговыя сношенія съ окружающими его народами, но покрываютъ его берега цѣлою гирляндю цвѣтущихъ колоній, большинство которыхъ, не смотря на крайнюю переѣвчивость историческихъ судьбъ древняго міра, держалось очень долго, а нѣкоторыя и по настоящее время носятъ тѣ-же имена, которыми окрестили ихъ древніе...

Весьма интересно поэтому бросить хотя поверхностный взглядъ на причины этого явленія, познакомиться въ общихъ чертахъ съ тѣмъ важнымъ значеніемъ, которое имѣло Черное море для древнихъ народовъ, съ постепеннымъ развитіемъ еллинской колонизаціи на его берегахъ и съ тѣми жизненными условіями, которыя окружали здѣсь предпримчивыхъ переселенцевъ. Безъ такого предварительнаго обзора намъ многое, пожалуй, будетъ непонятно въ жизни того припонтійскаго города, политическія судьбы и государственное устройство котораго мы избрали предметомъ настоящаго труда ³⁾).

²⁾ *Анн. Дионисовъ*. VIII р. 351 с.

³⁾ Кроме общихъ сочиненій по исторіи и исторической географіи древняго міра, мы пользовались для предстоящаго очерка главнымъ образомъ слѣдующими трудами: *K. Neumann, Die Hellenen im Skythenlande, 1 Band (Berlin 1855)*. *L. Preller, Ueber die Bedeutung des Schwarzen Meeres für den Handel und Verkehr der Alten Welt (въ его Ausgewählte Aufsätze aus dem Geb. d. class. Alterthums-*

На сколько сильно развито было мореплаваніе по Понту до пер- ваго знакомства съ нимъ еллиновъ, кто первый избороздилъ его дѣвственныя, глубокія воды носомъ „чернобогаго“ корабля, — этого никто не можетъ сказать навѣрное. Лудвигъ Бюркнеръ, въ самое недав- нее время поставившій себѣ задачей пересмотрѣть свѣдѣнія о милет- ской колонизаціи на берегахъ Понта, основательно предполагаетъ, что жившія по его берегамъ варварскія племена по большей части только примѣромъ еллиновъ увлечены были къ мореплаванію ⁴⁾. И онъ, и Реннелъ ⁵⁾ указываютъ на тотъ важный фактъ, что цѣлый рядъ полуострововъ и мысовъ Понта только отъ еллиновъ получилъ наименованіе, и отсюда заключаютъ о крайне слабомъ развитіи море- плаванія въ Понтѣ до ознакомленія съ нимъ еллиновъ. У новыхъ изслѣ- дователей давно уже сдѣлалось общимъ мѣстомъ предположеніе, что финикіяне и карійцы были уже хорошо знакомы съ водами Понта прежде, чѣмъ появились въ нихъ еллинскіе паруса; но нужно со- знаться, что это предположеніе, какъ бы оно ни казалось вѣроят- нымъ а priori, сильно нуждается въ доказательствахъ. Бюркнеръ, вни- мательно и трезво, безъ предвзятыхъ цѣлей и излишнихъ увлеченій изслѣдовавшій этотъ вопросъ, находитъ (стр. 31), что слѣды фи- никійскаго пребыванія на южныхъ берегахъ Понта совершенно ни- чтожны, на западныхъ — сказочны, а на восточныхъ и вовсе не встрѣчаются, такъ что вліяніе финикіянъ на культуру припонтійскихъ странъ не могло быть ни интенсивно, ни продолжительно. Изслѣдованіе его относительно карійцевъ также дало почти отрицательные резуль- таты, не смотря на то, что слѣды ихъ знакомства съ Понтомъ прямо указываются нѣкоторыми древними писателями. Какъ бы то ни было, если эти два народа и плавали по Понту раньше еллиновъ, то до насъ всетаки не дошло никакихъ результатовъ ихъ знакомства съ его водами, такъ что для насъ Понтъ Евксинскій, можно сказать, впер- вые былъ открытъ малоазійскими еллинами, главнымъ образомъ милетцами.

wissenschaft herausg. von R. Köhler, Berlin 1864, стр. 441—467). *L. Bürchner*, Die Besiedelung der Küsten d. Pontos Euxeiнос durch die Milesier, I Teil (Kempten 1885) и пр. Чтобы не расширять нашего введенія до слишкомъ значительныхъ размѣровъ, мы позволили себѣ не касаться въ немъ физической географіи сѣ- вернаго побережья Понта, тѣмъ болѣе, что для ознакомленія съ нею первая часть труда *Неймана* (стр. 1—199) представляетъ удобное пособіе. Ср. также *G. Maiw*, Das Land der Skythen bei Herodot. Saaz 1884.

⁴⁾ Ул. соч. стр. 38.

⁵⁾ *Rennell* A compar. geography of Western. Asia II, 133 (цит. по Бюркнеру).

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробности о причинахъ, способствовавшихъ болѣе раннему и всестороннему развитію малоазійскихъ еллиновъ сравнительно съ европейскими ихъ братьями, развитію, однимъ изъ послѣдствій котораго было и болѣе раннее ознакомленіе ихъ съ водами, находившимися къ сѣверу отъ роднаго имъ Эгейскаго моря. Въ самомъ дѣлѣ, на своей новой родинѣ они неминуемо должны были вступить въ тѣсныя, даже родственныя *) связи съ народами, которые въ тѣ времена были самыми опытными и могущественными на морѣ,—финикіянами и карійцами, и отъ нихъ приобрѣсти богатый запасъ географическихъ познаній. Вотъ что говоритъ объ этомъ Нейманъ, къ сожалѣнію слишкомъ увлекавшійся гипотезою объ отличномъ знакомствѣ карійцевъ съ Чернымъ моремъ: „Было бы чудомъ, если бы іонійскіе греки не приобрѣли географическихъ познаній тотчасъ по своему переселенію; если бы они отъ карійцевъ, переплывавшихъ Понтъ Евксинскій на всемъ его протяженіи, не получили тотчасъ свѣдѣній объ этомъ морѣ. На всемъ свѣтѣ навѣрное не было тогда мѣста, гдѣ бы легче можно было получить свѣдѣнія объ отдаленныхъ странахъ; здѣсь жили кровные родственники тѣхъ людей, которые проходили черезъ Сирійскія пустыни и на дальнемъ западѣ основали Утику и Гадесъ; здѣсь была родина страшныхъ морскихъ разбойниковъ, которые разбѣжали за добычей по всемъ сѣвернымъ водамъ до Азовскаго моря включительно; здѣсь находилось поселеніе того народа, родиной котораго въ собственномъ смыслѣ считалась морская волна и отъ извѣстной опытности котораго въ морскомъ дѣлѣ получила начало пословица „критянинъ не знаетъ моря“, употреблявшаяся для обозначенія невѣроятнаго притворства. Таковы были счастливые элементы, съ которыми встрѣтились іонійцы на этомъ берегу; то, что ихъ ограниченному кругозору прежде казалось далекимъ, исчезало, какъ дѣтская мечта, предъ безконечно расширившимся горизонтомъ, который открывался здѣсь ихъ духовному оку; здѣсь только міръ самъ по себѣ показался имъ великимъ и достойнымъ изученія. Безъ сомнѣнія, не случай, но естественное и неизбѣжное дѣйствіе этого столкновенія повело къ тому, что именно здѣсь, а не гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, развились первые зародыши географической науки: въ Елладѣ Фалесы, Анаксимандры, Анаксимены, Діонисіи, Кадмы и Еватэи пропали бы; въ Милетѣ же ихъ умъ и сердце нашли уже приготовленною руками благопріятной судьбы ту пищу, которая

*) Извѣстенъ рассказъ Иродота (I, 146) о женитьбѣ милетцевъ на карійкахъ.

даровала имъ безсмертіе, какъ родоначальникамъ одной изъ самыхъ благородныхъ наукъ⁷⁾.

При такихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ было совершенно естественно, что малоазіятскіе еллины уже въ очень раннія времена перестали ограничиваться узкими предѣлами Эгейскаго моря и, одушевленные молодою энергіею и бодрымъ духомъ предприимчивости, стали постепенно расширять районы своихъ плаваній на сѣверъ и западъ, а за ними въ слѣдъ пошли и европейскіе ихъ родичи. Если даже оставить въ сторонѣ мнѣ о походѣ Аргонавтовъ, то всетаки уже въ Омировскихъ поэмахъ найдемъ мы слѣды знакомства еллиновъ съ сѣверными водами и странами. Нѣкоторые изслѣдователи (Дюбуа де Монперѣ, Нейманъ, Бэръ и др.), какъ извѣстно, увлекались даже на столько, что искали на Черномъ морѣ многія мѣстности, упоминаемыя въ Одиссеѣ. „Мы видимъ, говоритъ Нейманъ, что эпизоды о Лэстригонахъ, Киркѣ, странѣ киммерійцевъ, съ открывающимся тамъ входомъ въ подземное царство, переплетаются съ мѣстными описаніями, которыя повидимому были набросаны съ натуры на понтійскихъ берегахъ и только поэтически перенесены въ другія отдаленныя страны“⁸⁾. Даже не раздѣляя этого увлеченія, всетаки въ Омировыхъ „донтеляхъ кобылицъ, млекоѣдахъ“⁹⁾ нельзя не признать скиевскихъ племенъ, кочевавшихъ въ степяхъ нынѣшней южной Россіи. Исіодъ уже прямо называетъ этихъ „донтелей кобылицъ“ скинами, а „млекоѣдовъ“ — кочевымъ народомъ, имѣющимъ жилища на телегахъ¹⁰⁾; онъ же первый, говорятъ¹¹⁾, рассказалъ басню о грифахъ, а о походѣ Аргонавтовъ сообщилъ уже гораздо больше подробностей, нежели Омировскія поэмы¹²⁾.

Но всетаки у Омира и Исіода мы видимъ лишь слабыя слѣды

⁷⁾ Нейманъ, ук. соч. стр. 342 сл.

⁸⁾ Ук. соч. стр. 344. Съ воззрѣніями Дюбуа и его послѣдователей отчасти соглашается и *E. Bonnell*, Beiträge zur Alterthumskunde Russlands т. I (Спб. 1882) стр. 3 сл.

⁹⁾ Ил. XIII. 5 сл. Ζεύς... αὐτὸς δὲ πάλιν τρέπεν ὄσσε φαεινῶ,
νέσφι ἐφ' ἵπποπόλων Ἑρμῶν καθορώμενος αἶαν
Μουσῶν τ' ἀγχεμάχων καὶ ἀγαυῶν Ἰππηρολγῶν
γλαυτοφάγων, Ἄβρων τε, δικαιοτάτων ἀνδρώπων.

¹⁰⁾ Hesiodi carm. ed. *Götting-Flach* fr. CLXXXIX, CXС (Стрив. VII p. 300 n 302).

¹¹⁾ Слов. Эск. Пров. 793 (Hes. carm. fr. CXCI).

¹²⁾ О свидѣтельствѣхъ Омировскихъ поэвъ и Исіода о сѣверныхъ странахъ и народахъ ср. вообще *Bonnell*'я Beitr. ук. и.

первоначальнаго знакомства еллиновъ съ сѣверными странами. Дальнѣйшее его расширеніе составляетъ главнымъ образомъ заслугу миллетцевъ, которые, благодаря вышеуказаннымъ счастливымъ обстоятельствамъ, познакомились съ Понтомъ столь хорошо, что уже съ начала VIII в. до Р. Хр. стали основывать тамъ прочныя поселенія, которыя, быстро увеличиваясь въ числѣ и по большей части разцвѣтая пышнымъ цвѣтомъ, ввели Понтъ Евксинскій въ районъ обычныхъ морскихъ сношеній еллиновъ и изъ „негостепріимнаго“ сдѣлали „гостепріимнымъ“.

Является естественный вопросъ: въ чемъ же состояла та сила, которая привлекала еллиновъ въ эти мрачныя воды и заставляла изъ-подъ голубаго неба ихъ благословенной родины переселяться на туманныя, суровыя побережья Понта? Отвѣтъ коротокъ и ясенъ: корысть. Да, это была все та же сила, одинаково могущественная и въ древнія и въ новыя времена, крайне не симпатичная сама по себѣ, но сослужившая человѣчеству великія службы, послужившая причиною множества великихъ изобрѣтеній и открытій! Спѣшимъ впрочемъ оговориться: еллины во всей своей торговой и колонизаторской дѣятельности, на сколько мы ее знаемъ, никогда не гнались исключительно за прибылью, они повсюду несли съ собою духъ пытливаго изслѣдованія, горячую жажду знанія и кипучей созидающей дѣятельности; они всюду разсѣвали зерна еллинской культуры, иногда пышно развивавшіяся на непочатой почвѣ и приносявшія богатые плоды, однимъ словомъ—были истинными миссіонерами гуманности. Но все-таки торговые интересы были главною приманкою, увлекавшею ихъ къ опаснымъ путешествіямъ въ отдаленныя моря и страны, въ томъ числѣ и въ Понтъ.

У древнихъ писателей встрѣчается не мало указаній на важное коммерческое значеніе Понта и прилежащихъ къ нему странъ въ древности. Поливій¹²⁾, указывая на чрезвычайно выгодное положеніе Византіи при входѣ въ Понтъ, говоритъ, что Понтъ доставляетъ много предметовъ, полезныхъ для жизни; для первыхъ потребностей жизни служатъ скотъ и рабы, вывозимые оттуда въ огромномъ количествѣ и превосходнаго качества, а изъ предметовъ, нужныхъ для благосостоянія, припонтійскія страны доставляютъ въ изобиліи медъ, воскъ и соленую рыбу. Наоборотъ, изъ продуктовъ, изобилующихъ въ южныхъ странахъ, въ Понтъ идетъ масло и всякаго рода вино; хлѣ-

¹²⁾ Ист. IV, 38 (над. Hultsch).

бомъ припонтійскія страны, такъ сказать, обмѣниваются съ южными, то доставляя его на югъ въ случаѣ урожая, то получая. Поливнѣе указываетъ дѣйствительно важнѣйшіе предметы торговли еллиновъ съ припонтійскими странами, но далеко не всѣ; можно назвать еще нѣсколько предметовъ вывоза, которые были не менѣе важны и прибыльны для торговли, какъ, на примѣръ, строевой дѣсь, которымъ справедливо славилась припонтійскія страны, далѣе мѣха и шкуры, шерсть, льняныя и пеньковыя ткани, металлы и минералы изъ юго-восточнаго угла Понта, и ми. др., а изъ предметовъ ввоза — шерстяныя ткани, изящная глиняная посуда и др. предметы роскоши.

Скотъ вывозился, конечно, главнымъ образомъ съ сѣверныхъ побережьевъ Понта, занятыхъ кочевыми, по преимуществу скискими, племенами, хотя онъ могъ также служить предметомъ вывоза съ южныхъ береговъ Понта и изъ внутреннихъ областей Малой Азіи чрезъ Сиппу¹⁴⁾. Рабы, безъ которыхъ въ Елладѣ и Римѣ не обходилось ни одно, даже самое бѣдное хозяйство, которыхъ во множествѣ держали и государства для исполненія низшихъ служебныхъ обязанностей вывозились главнымъ образомъ изъ Фракіи, въ древнія времена обладавшей очень густымъ населеніемъ¹⁵⁾, далѣе изъ Скиѣи и изъ Малой Азіи; изъ послѣдней преимущественно въ позднія времена въ Римъ. Не будемъ приводить свидѣтельствъ въ подтвержденіе всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, замѣтимъ только, что названія жителей припонтійскихъ странъ (Θραῖται, Davus, Geta, Syrus и др.) являются самыми обычными рыбскими кличками какъ въ Елладѣ, такъ и у римлянъ. Медъ и воскъ доставлялись преимущественно также изъ верхней Фракіи и Скиѣи; объ этихъ странахъ ходили у еллиновъ разныя сказки, указывающія на чрезвычайное изобиліе тамъ пчелъ. Продотъ приводитъ рассказъ фракійцевъ, что земля по ту сторону Истра такъ заплотнена пчелами, что чрезъ нее нельзя пройти далѣе¹⁶⁾; по словамъ Павсанія, въ землѣ алазоновъ самыя лучшія луга для пчелъ, которыя тамъ даже не содержатся въ ульяхъ, а свободно слѣдуютъ за людьми отъ одного пастбища къ другому¹⁷⁾. Ловля рыбы и заготовленіе ея въ прокъ разными способами, въ особенности же посредствомъ соленія, составляли одинъ изъ прибыльнѣйшихъ промысловъ большинства припонтійскихъ городовъ. Черное море и впа-

¹⁴⁾ Ср. *Ирод.* V, 49. *Отрас.* XII p. 546 сл.

¹⁵⁾ *Ирод.* V, 3.

¹⁶⁾ *Ирод.* V, 10.

¹⁷⁾ *Павс.* I, 32, 1.

дающія въ него съ сѣвера и запада многоводныя рѣки, какъ извѣстно изобиловали рыбою, которая находила тамъ богатую пищу, болѣе прѣсную воду, удобныя мѣста для метанія икры и полную безопасность отъ прожорливыхъ морскихъ животныхъ ¹⁸⁾. Нѣкоторыя породы понтійскихъ рыбъ пользовались славой во всѣ древнія времена и составляли украшеніе самаго изысканнаго стола, между тѣмъ какъ простая соленая рыба составляла чуть ли не ежедневное меню бѣдняка. Особенно тунца и пеламиды, по справедливому замѣчанію Преллера, имѣли такое же значеніе для греческихъ морскихъ и торговыхъ государствъ, какое сельди для Голландіи въ лучшія ея времена. Для припонтійскихъ городовъ заготовленіе въ прокъ богатой добычи, которую доставляли имъ морскія и рѣчныя воды, было тѣмъ удобнѣе и дешевле, что у устьевъ рѣкъ нерѣдко встрѣчались осадки морской соли, которая и сама по себѣ составляла для нихъ довольно доходную статью ¹⁹⁾. Извѣстіе Полинія о томъ, что хлѣбъ служилъ то предметомъ ввоза въ припонтійскія гавани, то вывозился изъ нихъ, кажется Преллеру страннымъ при сравненіи съ извѣстіями другихъ писателей о чрезвычайномъ плодородіи, которымъ отличались тогдашнія нивы Крыма, особенно на пространствахъ между Θεодосією и Пантикапѣемъ. Преллеръ приводитъ свидѣтельство Стравона (VII р. 311), что тамошняя плодородная почва, будучи взрыта первымъ попавшимся плугомъ, приноситъ самъ-тридцать, такъ что жители Воспора, вмѣстѣ съ сосѣднимъ азіатскимъ побережьемъ, платили Мириадату VI дань въ 180,000 медимновъ хлѣба и 200 тал. золота, а раньше эта мѣстность служила настоящею житницею для Еллады; Ленковъ Воспорскій, напримѣръ, послалъ афинянамъ изъ Θεодосіи 2,100,000 медимновъ. Можно было бы, конечно, указать и у другихъ писателей, начиная съ Иродота ²⁰⁾, а также и въ епиграфическихъ памятникахъ ²¹⁾, свидѣ-

¹⁸⁾ Ср. *Пол.* IV, 42. *Апр.* Пер. р. 49. Данные, относящіяся къ рыбному промыслу на Черномъ морѣ въ древности, собраны знаменитымъ въ свое время Петербургскимъ академикомъ Келеромъ (Н. К. Е. Köhler) въ извѣстномъ трудѣ: *Táριχος* ou recherches sur l'histoire et sur les antiquités des pêcheries de la Russie méridionale (Nouveaux mémoires de l'Acad. Imp. de St.-Petersbourg, 6-ème série т. 1 стр. 347 сл., 1832 г.). Ср. *Bonnell* Beitrage т. I стр. 98.

¹⁹⁾ О соленыхъ осадкахъ въ Дивпровско-Бугскомъ лиманѣ ср. *Ирод.* IV, 53 и *Диона Хрисостома* Борнессенскую рѣчь (ог. XXXVI) въ началѣ (см. ниже § 4 пр. 9).

²⁰⁾ *Ирод.* IV, 17, 18, 53 и др.

²¹⁾ Ср. напр. *Rhein. Mus.* XXIII стр. 418 сл. = *Dittenberger* Syll. inser. Gr. № 101; С. I. Att. II, № 311 = *Dittenberger* Syll. № 140; *Mithr. d. D. Inst.* VIII стр. 211 сл. и др.

тельства о широкомъ развитіи хлѣбонашества на сѣверномъ побережьи Понта; но при этомъ не нужно забывать, что Поливій говорилъ вообще о понтійской торговлѣ, а не только о торговлѣ сѣвернаго побережья, и что если послѣднее не нуждалось въ привозномъ хлѣбѣ, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что на столько же богаты были хлѣбомъ и другія побережныя страны. Горныя побережья восточное и южное, безъ сомнѣнія, пользовались привознымъ хлѣбомъ, и очень можетъ быть, что именно ихъ и разумѣлъ Поливій. Затѣмъ можно припомнить не допускающее возраженій свидѣтельство Протогеновской надписи ²²⁾, что и сѣверное побережье Понта могло сильно страдать отъ неурожая въ смутныя времена, когда земледѣльцы или совсѣмъ не могли засѣвать своихъ полей изъ боязни вражескихъ нападений, или враги опустошали ихъ посѣвы и тѣмъ дѣлали бесплодными ихъ труды.—Кромѣ упомянутыхъ Поливіемъ предметовъ вывоза были, какъ мы уже замѣтили, и другіе, не менѣе важныя.

Изъ предметовъ ввоза Поливіемъ названы, какъ главныя, вино и масло. Вино доставлялось главнымъ образомъ съ острововъ Хиоса, Оаса и Рода, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ, кромѣ писателей, во множествѣ находимыя въ развалинахъ городовъ сѣвернаго побережья ручки амфоръ Фасійскаго и Родійскаго происхожденія ²³⁾. Масличное дерево воздѣлывалось, правда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ малоазійскаго берега, но добываемое тамъ количество масла никоимъ образомъ не могло удовлетворять потребностямъ всѣхъ припонтійскихъ странъ ²⁴⁾. Наконецъ можно упомянуть объ изящной, разукрашенной разными рисунками глиняной посудѣ, которая изъ Аонинъ, Коринѳа, Эгинъ и другихъ мѣстъ ея производства въ огромномъ количествѣ вывозилась въ разныя страны, въ томъ числѣ и въ припонтійскіе города, въ развалинахъ которыхъ встрѣчается множество цѣлыхъ сосудовъ и черепковъ несомнѣнно не туземнаго приготовленія. Различныя произведенія искусства, предметы роскоши, дорогія без-

²²⁾ *Inscr. graec. sept. P. Byz.* т. I № 16, см. ниже гл. 3.

²³⁾ Амеорныя ручки и черепицы съ надписями, находимыя въ развалинахъ Ольвии, Пантйганъ и др. городовъ, составляли предметъ специальныхъ исследований покойнаго П. Беккера. См. его статьи въ *Mélanges Gréco-Rom.* т. I стр. 416 сл., *Зап. Одесскаго Общ. ист. и древностей* т. V стр. 18 сл. (= *Jahrbücher für kl. Philol. Suppl.*-Band IV стр. 453 сл.), т. VII стр. 3 сл. (= *Jahrb. Suppl. Bd. V* стр. 447 сл.), т. XI стр. 13 сл.—Ручки, находимыя въ Керчи, издавалъ также академикъ Л. Э. Стефанъ почти въ каждомъ отчетѣ Императорской Археологической Комиссіи.

²⁴⁾ *Страб.* XII р. 546.

дѣлушки и т. п. также должны были составлять немаловажную и прибыльную отрасль привозной торговли.

Таково было, въ краткихъ чертахъ, торговое значеніе Чернаго моря въ древности. Выгоды, доставляемія торговыми путешествіями въ эти воды, безъ сомнѣнія должны были быть очень значительны, если перевѣсили страхъ передъ опасностями, которыми грозило морякамъ это „негостепріимное“ море, заставили еллиновъ ввести его въ районъ своихъ обычныхъ торговыхъ сношеній и даже довели тысячи ихъ до рѣшимости промѣнять цвѣтущіе берега благословенной Іоніи на суровыя, туманныя побережья Понта.

§ 2. Еллинская колонизація на побережьяхъ Чернаго моря.

Колонизаціонная дѣятельность на побережьяхъ Евксинскаго Понта принадлежитъ главнымъ образомъ двумъ государствамъ, изъ коихъ одно было европейское, другое — малоазійское, — именно Мегарамъ и Милету. Мегаряне еще въ первой половинѣ VII вѣка до Р. Хр. овладѣли двумя въ высшей степени удобными пунктами при устьѣ Понта — Халкидономъ и Византією ¹⁾, и на южномъ берегу Понта, въ землѣ маріандиновъ, основали Ираклію, одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ и могущественныхъ городовъ на всемъ этомъ побережьи, въ свою очередь ставшій метрополією нѣсколькихъ значительныхъ колоній, каковы Херсонисъ Таврической, Каллатія и Амастрія. Однако, колоніи Милета далеко превышали мегарскія и числомъ и значеніемъ. Извѣстно, что древніе приписывали этому городу основаніе 80-ти колоній ²⁾; Стравонъ говоритъ, что многочисленны дѣянія этого города и чрезвычайно велико число его колоній, ибо ими заселенъ весь Евксинскій Понтъ,

¹⁾ По словамъ Поливія (IV, 38) Византійцы, благодаря удобствамъ своего положенія, держали въ своихъ рукахъ всю понтійскую торговлю.

²⁾ *Плмн. N. hist. V, 31, § 112* (по нѣкоторымъ рукописямъ даже 90). *Семка* (Cognol. ad Helviam c. 6) даетъ 75 колоній. Интересно самовосхваленіе милетцевъ въ одной поздней (195 г. по Р. Хр.) надписи, C. I. Gr. II № 2878: [Τῆς πρῶτης [τῆς Ἰωνίας φ]ιλιπίνης καὶ μητροπόλεως πολλῶν καὶ μεγάλων πόλεων ἐν ταῖς Πόντῃ καὶ τῇ Αἰγύπτῃ καὶ πολλῶν τῆς οἰκουμένης Μιλησίων πόλεως ἢ βουλῆ καὶ ὁ δῆμος κτλ. Недурную для своего времени попытку перечисленія милетскихъ колоній представляетъ *Fr. Eb. Rambach De Miletu ejusque coloniis* (Halis Sax. 1790). *Бюрхнеръ* въ указ. соч. также поставилъ себѣ задачей прослѣдить вѣрнѣе исторію милетскихъ колоній въ Понтѣ, но вполнѣ ли удачно справился онъ съ своею задачею, это покажетъ вторая, еще не вышедшая часть его труда.

Пропонтида и многія другія мѣста ³⁾); подобно этому, Ефгоръ ⁴⁾ замѣтилъ, что милетцы заселили Евксинскій Понтъ блестящими городами. Благопріятныя условія, которыми были окружены милетцы на своей родинѣ и которыя уже вкратцѣ упомянуты нами выше, должны были уже очень рано обратить ихъ вниманіе на сѣверныя воды. Первые хронологически извѣстныя попытки ихъ основать здѣсь прочныя поселенія относятся къ началу VIII вѣка до Р. Хр., но, безъ сомнѣнія, этимъ попыткамъ колонизаціи долженъ былъ предшествовать продолжительный періодъ первоначальнаго ознакомленія съ Понтомъ и побѣдокъ въ него исключительно съ торговыми (а не съ колонизаторскими) цѣлями ⁵⁾. „Всякій внимательно изучившій расположеніе лежавшихъ при Понтѣ колоній, говоритъ Нейманъ ⁶⁾, не будетъ держаться ошибочнаго представленія, что онѣ были на удачу основаны авантюристами, развѣзавшими безъ опредѣленнаго плана за неизвѣстной еще добычей, на томъ мѣстѣ, куда ихъ прибывали вѣтры и бури; напротивъ, выборъ пунктовъ обнаруживаетъ такое подробное знаніе выгодъ каждой мѣстности, не только въ морскомъ отношеніи, но и по отношенію къ легкости обороны, къ характеру туземцевъ, къ природнымъ средствамъ страны, какое могло быть приобрѣтено только путемъ болѣе продолжительнаго знакомства, тщательнаго изслѣдованія мѣстности и послѣ многочисленныхъ неудачныхъ попытокъ утвердиться на другихъ, менѣе благопріятно расположенныхъ пунктахъ“. Далѣе Нейманъ справедливо замѣчаетъ, что прежде, чѣмъ рѣшиться основать прочное поселеніе въ томъ или другомъ мѣстѣ, еллинамъ необходимо было основательно изучить выгоды и невыгоды его положенія, удобства гавани, климатическія условія, степень плодородія почвы, условія снабженія мѣстности прѣсною водою, изобиліе или недостатокъ строительнаго матеріала, возможность защиты занятаго мѣста отъ вражескихъ нападеній, дружественное или враждебное расположеніе туземцевъ къ пріѣзжающимъ иностранцамъ, торговыя выгоды и пр., а все это могло быть познано только путемъ опыта и продолжительнаго наблюденія, хотя именно

³⁾ Страб. XIV, 1, 6 (р. 635): Πολλά δὲ τῆς πόλεως ἔργα ταύτης, μέγιστον δὲ τὸ κληθεὶς τῶν ἀποικίων· τε γὰρ Εὐξείνους κόλπος ὑπὸ τούτων συνφιεται πᾶς καὶ ἡ Προποντις καὶ ἄλλοι κλειοὺς τόποι.

⁴⁾ У Афин. XII, 26 (р. 524 с).

⁵⁾ Въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы существенно руководимся воззрѣніями К. Неймана и Вюрхнера.

⁶⁾ Die Hell. im Skythenl. стр. 345.

объ этой важнѣйшей части колонизаціоннаго дѣла, объ его генезисѣ, о томъ, какъ еллины научились вести торговлю на незнакомыхъ берегахъ, исторія совершенно умалчивается. Рынки для торговых сношеній конечно чаще всего устраивались еллинами въ такихъ пунктахъ, которые уже были заселены туземцами, миролюбиво встрѣчавшими чужеземныхъ мореплавателей и охотно обмѣнивавшими произведенія своей страны на привозные товары; постепенно приучивъ туземцевъ ожидать своего приѣзда съ товарами въ опредѣленные времена, еллины затѣмъ могли учреждать въ такихъ пунктахъ товарные склады и конторы съ жилищами для лицъ, остававшихся для присмотра за ними; нѣкоторыя изъ такихъ факторій быть можетъ первоначально были занимаемы только въ тѣ времена года, когда было возможно мореплаваніе, а зимою были совершенно покидаемы, и лишь впоследствии, когда торговля выгоды даннаго пункта и мирныя отношенія къ окружающимъ его туземцамъ были упрочены, факторія становилась постоянными и вокругъ ихъ, съ постепеннымъ наплывомъ новыхъ поселенцевъ, выростали цѣлыя города. Такимъ образомъ одні изъ колоній могли представлять собою только расширенныя и еллинизованныя поселенія, ранѣ принадлежавшія туземцамъ, другія могли образоваться постепенно изъ маленькихъ факторій или товарныхъ складовъ. Но, само собою разумѣется, нельзя при этомъ принимать вмѣстѣ съ Кеппеномъ ⁷⁾, что милетцы „охотнѣе всего, даже можетъ быть исключительно“ селились тамъ, гдѣ уже ранѣ существовали поселенія. О нѣсколькихъ милетскихъ колоніяхъ, напримѣръ о Трапезунтѣ, Истрѣ, Одиссѣ и др., нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній, чтобы онѣ были основаны на мѣстахъ, уже ранѣ заселенныхъ ⁸⁾. Относительно самой Ольвіи раздѣляемое Кеппеномъ мнѣніе Каннгиссера ⁹⁾, что „ее слѣдуетъ соб-

⁷⁾ *Peter v. Koepfen*, *Alterthümer am Nordgestade des Pontus* (Wien 1823) стр. 6 (русскій переводъ *Средн.-Камашева* изд. Обществомъ исторіи и древн. Россійскихъ, Москва 1828). Съ мнѣніемъ Кеппена существенно сходны воззрѣнія *В. Н. Юревича* въ *Зап. Од. Общ. ист. и древн.* т. VIII (1872) стр. 7 сл.

⁸⁾ Ср. *Бюржера* ук. соч., стр. 43.

⁹⁾ *P. Fr. Kanngisser*, *Grundriss d. Alterthumswissenschaft* (Halle 1815) стр. 168: „Wenn Cimmericr und Scythen sich am Borysthenes (Dnepr) in den Haaren legen: so mussten die Einwohner von dem Pontischen *Miletus*, einer alten dort legenden Handelsstadt, auf den Einfall kommen, sich bis zu dem Ausfluss der Donau einstweilen herabzuziehen, um den Gefahren zu entgehen, nicht aber konnten die Einwohner des Asiatischen Miletus Lust haben, sich dorthin auf die Beine zu machen. Dieselben Auctoren [d. h. Scymnus und sein Prosaist] melden, *Miletopolis*

ственно принимать за древнѣйшій Милетъ⁴, кажется намъ ни на чемъ не основаннымъ.

Вышеизложеннымъ предположеніемъ о постепенномъ возникновеніи и развитіи милетскихъ колоній изъ незначительныхъ факторій и торговыхъ складовъ легко объясняются два важныхъ явленія, которыя иначе не могли бы не казаться весьма странными, именно: 1) возможность основанія однимъ городомъ въ небольшой, сравнительно, промежутокъ времени такого огромнаго количества колоній, какое приписывается Милету, 2) отсутствіе хронологическихъ данныхъ объ основаніи большинства колоній. Если бы при основаніи каждой колоніи сразу высылаемо было значительное количество милетскихъ гражданъ, то послѣ основанія нѣсколькихъ десятковъ колоній Милетъ неминуемо обезлюдѣлъ бы совершенно или по крайней мѣрѣ сдѣлался бы весьма незначительнымъ городкомъ, — а между тѣмъ уже послѣ широкой колонизаціонной дѣятельности, при началѣ возстанія малоазіатскихъ грековъ, мы видимъ его стоящимъ на высокой степени могущества и процвѣтанія. Поэтому необходимо думать вмѣстѣ съ Бурхнеромъ (ук. соч. стр. 49), что при высылкѣ колоніи городъ, кромѣ своего имени и кораблей, давалъ лишь весьма ограниченное количество гражданъ, которые и составляли, такъ сказать, ядро предпріятія, тогда какъ остальные участники собирались изъ другихъ городовъ и состояли изъ такихъ людей, которымъ плохо жилось на родинѣ: бѣдняковъ, преслѣдуемыхъ, можетъ быть и авантюристовъ, гонявшихся за дешевой наживой, рабовъ и т. п. Къ такимъ только болѣе значительнымъ или послѣднимъ выселеніямъ въ ту или другую колонію могли относиться и хронологическія даты, которыя, стало быть, нельзя строго принимать въ томъ смыслѣ, что данная колонія была основана непременно въ показанномъ году, такъ какъ такимъ выселеніямъ могъ предшествовать болѣе или менѣе длинный періодъ постепеннаго возрастанія и расширенія колоніи изъ ничтожнаго зародыша, какимъ могла быть торговая контора или факторія. Если же такихъ выселеній не было, а городъ развивался изъ факторіи медленно и постепенно, то дата его основанія естественнымъ образомъ оставалась совершенно неизвѣстною. Замѣчательно, что имѣющіяся даты относятся преимущественно къ VII

sey von den Milesiern erbaut und zuerst *Olbia Savia* benannt worden, von den Griechen hatte sie aber den Namen *Borysthenes* erhalten. Also waren die Milesier keine Griechen? Wie fiel es sonst den Griechen ein, den Milesischen Namen umzutauschen? Die Stadt ist unter der Meder Herrschaft nach ihrer Angabe erbaut“.

и VI вв. до Р. Хр. когда политическія обстоятельства Милета должны были поддерживать въ гражданахъ сильное стремленіе къ эмиграціи, при которой вниманіе ихъ естественнымъ образомъ обращалось на пунеты, уже ранѣе занятыя мирнымъ путемъ для торговыхъ цѣлей. Извѣстно, что въ VII вѣкѣ Милету приходилось вести унорную борьбу противъ завоевательныхъ стремленій Лидійскихъ царей, борьбу, которая, вслѣдствіе ежегодно повторявшихся опустошеній городской области, должна была быть очень чувствительна, по крайней мѣрѣ, для бѣднѣйшаго класса народа, а затѣмъ городъ сдѣлался ареною ожесточенной борьбы партій, сопровождавшейся ужасными жестокостями и также, безъ сомнѣнія, побуждавшей несчастныхъ и угнетенныхъ искать счастья за моремъ¹⁰⁾.

Что касается до условій, на которыхъ туземцами предоставлялось еллинамъ право заселенія той или другой мѣстности, то объ нихъ мы имѣемъ крайне мало опредѣленныхъ свѣдѣній. Принимая, вмѣстѣ съ Нейманомъ и Бюрхнеромъ, постепенное возникновеніе изъ мелкихъ факторій наиболѣе вѣроятнымъ для большинства колоній, мы должны думать, что уже первые поселенцы на столько успѣвали обнаруживать предъ туземцами, въ числѣ которыхъ было очень мало мореходныхъ народовъ¹¹⁾, выгоды торговыхъ сношеній морскимъ путемъ, что туземцы охотно позволяли имъ занимать для постоянного жительства часть своихъ земель, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ быть можетъ давали имъ это право подъ условіемъ уплаты извѣстной ежегодной дани или одновременнаго взноса. Если выселенія происходили небольшими кучками, то врядъ ли переселенцы часто выступали въ роли завоевателей и съ оружіемъ въ рукахъ отнимали у туземцевъ мѣсто для поселенія или подчиняли ихъ себѣ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы имѣемъ извѣстія о такихъ отношеніяхъ¹²⁾. Въ частности относительно Ольвии мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о способѣ приобрѣтенія тамъ земли поселенцами, хотя врядъ ли

¹⁰⁾ О политическихъ судьбахъ Милета до восстанія малоазіатскихъ грековъ ср. *C. G. Schmidt*, De rebus publicis Milesiorum (dissert. Gotting. 1855). Диссертаций Шрёдера (*A. Schröder*, De rebus Milesiorum spec. I. Stralsund 1827) и Сольдана (*G. Th. Soldan*, Rerum Miles. commentatio. Darmst. 1829) мы, къ сожалѣнію, не имѣли подъ руками.

¹¹⁾ Ср. *Бюрхнера* ук. с. стр. 52.

¹²⁾ Напр. относительно Котіоръ *Ксеноф.* Анав. V, 5, 10, относительно Пактионія *Страб.* XI, 2, 5 и 11 (р. 494 сл.), относительно Иракліи *Страб.* XII, 3, 4 (р. 542). Страбонъ, какъ извѣстно, невѣрно считаетъ Ираклію милетской колоніей.

можно думать, вмѣстѣ съ графами Потоцкимъ и Уваровимъ ⁴⁹⁾, что переселенцы утвердились на берегахъ Ипанида путемъ завоеванія и изгнанія жившихъ тамъ скиновъ: послѣдующія отношенія между ольвіополитами и скивами скорѣе указываютъ, какъ мы увидимъ ниже, на занятіе земли мирнымъ путемъ. Во всякомъ случаѣ тотъ фактъ, что ничтожныя поселенія еллиновъ съумѣли не только удержаться среди окружавшихъ ихъ массъ варваровъ, но и достигнуть высокой степени развитія и процвѣтанія, ясно доказываетъ. высокое превосходство ихъ культуры, ловкость въ обращеніи съ грубыми сосѣдями и умѣнье сдѣлаться для нихъ необходимыми. Если впослѣдствіи эти дружественныя отношенія смѣнялись враждебными и еллинскимъ колоніямъ приходилось переживать тяжелые дни, то это обыкновенно бывало слѣдствіемъ передвиженій народныхъ массъ, причемъ дружественные сосѣди того или другаго поселенія были отгѣсняемы новыми пришельцами, которые или совершали хищническіе набѣги на еллинскія поселенія, или, подъ страхомъ такихъ нападеній, вымогали съ нихъ ежегодную дань. Политическія судьбы Ольвин, которыя мы нагнѣрены прослѣдить въ настоящемъ трудѣ, на сколько это позволятъ существующіе скудные источники, по всей вѣроятности были близко сходны съ судьбами многихъ другихъ городовъ сѣвернаго и западнаго побережья Понта.

§ 3. Туземное населеніе сѣвернаго побережья Чернаго моря.

Оставляя въ сторонѣ обитателей другихъ припонтійскихъ странъ, познакомимся вкратцѣ съ тѣми народами, которые были ближайшими сосѣдями ольвіополитовъ въ первые вѣка послѣ ихъ поселенія на берегахъ Ипанида. Это были грубые скины, древнѣйшими и въ то же время лучшими свидѣніями о которыхъ мы обязаны отцу исторіи — Иродоту. Всѣ припонтійскіе народы пользовались у еллиновъ весьма дурною славой за свою грубость и дикость, только о скивахъ имѣли они нѣсколько лучшее мнѣніе: еще Омиръ придаетъ своимъ „млекоѣдамъ“ званіе „справедливѣйшихъ изъ людей“, а Иродотъ (IV, 46) замѣчаетъ, что по берегамъ Понта живутъ народы, за исключеніемъ скинскаго, несравненно болѣе грубые, чѣмъ въ другихъ странахъ, и что между ними нельзя указать ни одного племени, выдающагося

⁴⁹⁾ Comte J. Potocki, Histoire ancienne du gouvernement de Cherson (St.-Petersb. 1804) стр. 6. Гр. А. С. Уваровъ, Исслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря, вып. 1 (Спб. 1851), стр. 72.

по уму, и ни одного знаменитаго человѣка, кромѣ скиеовъ и Анахарсиса; впрочемъ и у скиеовъ отецъ исторіи не находитъ ничего заслуживающаго вниманія, кромѣ способа ихъ жизни, дѣлающаго ихъ непобѣдимыми, а подробно описанные имъ нравы и обычаи ихъ указываютъ, что еще въ V вѣкѣ до Р. Хр. они стояли на очень высокой степени культуры. Наука до сихъ поръ не сказала еще послѣдняго слова относительно происхожденія скиеовъ и времени ихъ переселенія въ степи нынѣшней южной Россіи. По первому вопросу въ новой наукѣ, какъ извѣстно, существуютъ три главныя воззрѣнія: одни ученые (Гриммъ, Цейссъ, Мюленгофъ, Э. Курціусъ, Раулинсонъ, Ливдперъ, Томашекъ, Шифнеръ, Брунъ, Забѣлицъ, Иловайскій, Вс. О. Миллеръ, Боннель и др.) считаютъ скиеовъ аріяцами, другіе (Нибуръ, Ганзенъ, Нейманъ, Кипертъ, Юргевичъ и др.)—туранцами, третьи (Фр. Миллеръ, Овелякъ, Вамбери, Мищенко) принимаютъ, что подъ Иродотовыми скиеами слѣдуетъ разумѣть нѣсколько народностей различнаго происхожденія и разныхъ степеней культуры ¹⁾.

Признавая съ своей стороны послѣднее мнѣніе наиболѣе вѣроятнымъ, мы однако позволимъ себѣ не вдаваться въ разсмотрѣніе доказательствъ, приводимыхъ въ его пользу, такъ какъ насъ теперь интересуютъ не сами скиеи, а только одно изъ еллинскихъ поселеній въ ихъ странѣ. Для жителей этого поселенія, при ихъ дружественныхъ или враждебныхъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ, было совершенно безразлично, принадлежали ли эти сосѣди къ иранскому или туранскому племени, когда и откуда они явились на сѣверное побережье Понта (достаточно того, что елины застали ихъ тамъ при своемъ первомъ поселеніи), точно такъ же, какъ это безразлично и для насъ при разсмотрѣніи этихъ отношеній. Поэтому мы ограничимся только взглядомъ на этнографическую карту окрестностей Ольви.

„Торжище Борисеенитовъ“, какъ извѣстно, представлялось отцу исторіи срединнымъ пунктомъ всей приморской Скиеи (IV, 17). Ближайшія окрестности его по рѣкѣ Ипаниду (Бугу), къ западу отъ Борисеева (Дябъра), занимали Каллипиды (Καλλιπίδαί), а выше ихъ жили

¹⁾ Обзоръ новой литературы по вопросу о происхожденіи скиеовъ см. у Боннелла, *Weitâge* т. I стр. 473 сл. Убѣдительныя доказательства въ пользу разноплеменности населенія Скиеи собраны въ статьѣ Ф. Г. Мищенко: „Къ вопросу о царскихъ Скиеахъ“ въ *Кіевской Старинѣ* 1884 г., май, стр. 55 сл. (Ср. и другія его статьи, отмѣченныя въ указателѣ при 2-мъ томѣ его перевода Иродота, стр. 196; здѣсь, въ указателѣ, представленъ краткій сводъ возвращеній автора).

Алазоны (Ἀλαζώνες); оба эти народа были осѣдлые и земледѣльческіе; во всемъ образѣ жизни они, по словамъ Иродота, были сходны съ другими скиѣами кромѣ того, что сѣяли хлѣбъ (не на продажу только, но и) для употребленія въ пищу, кромѣ того лукъ, чеснокъ, чечевичу и просо. Каллипидовъ Иродотъ характеризуетъ словами ἑόντες Ἑλλήνας Σκώθαι. Относительно значенія этого выраженія новая наука представляетъ два главныя объясненія: а) каллипиды представляли собою помѣсь еллиновъ съ скиѣами, иначе называвшуюся въ Ольвіи (въ Протогеновскомъ декретѣ) Μίξέλληνας ²⁾; б) это были чистые скиѣи, но принявшіе еллинскую культуру, еллинизовавшіеся, ставшіе еллипами. Въ защиту послѣдняго мнѣнія очень недавно выступилъ профессоръ П. И. Люперольскій ³⁾. Намъ кажется однако, что почтенный ученый напрасно отвергаетъ вполне первое объясненіе и считаетъ второе единственно возможнымъ. Если онъ, отрицая тожество терминовъ Μίξέλληνας и Ἑλλήνας Σκώθαι, говоритъ, что слово Μίξέλληνας „не означаетъ непременно смѣси еллиновъ именно съ скиѣами, а вообще съ варварами, какими бы то ни было“, то можно поставить вопросъ, какіе же тутъ могли быть варвары кромѣ скиѣовъ или сарматовъ. Иродотъ по крайней мѣрѣ ни единымъ словомъ не упоминаетъ, что въ близкомъ сосѣдствѣ съ Ольвіею жили не-скиѣскія племена. Тиссаматы, савдараты, сани и другія племена, жившія вблизи Ольвіи во времена Протогена (III в. до Р. Хр.), всѣми также признаются за племена скиѣскія или сарматскія (см. ниже гл. 3), хотя для нашего вопроса это почти безразлично, такъ какъ очень мало вѣроятно, чтобы помѣсь могла образоваться уже отъ связей еллиновъ съ этими новыми сосѣдями, а не съ прежними. Далѣе самъ авторъ высказываетъ такіа соображенія, которыя прямо подрываютъ вѣроятность его объясненія: „Скиѣи стояли тогда на такой еще низкой ступени развитія, что высокая еллинская образованность была имъ не по плечу. Иродотъ говоритъ прямо, что скиѣи неохотно перенимаютъ

²⁾ Это объясненіе предлагаютъ, напр., Бѣкъ въ С. I. Граес. т. II стр. 81, *Bonhies* Weitr. стр. 82, 493 и др., *Мищенко* въ Киевской Ст. за май 1884, стр. 64, и ии. др.

³⁾ *Журн. М. Нар. Просв.* декабрь 1884, отд. ил. елл. стр. 67 сл. (Статья представляетъ рефератъ, прочитанный авторомъ въ одномъ изъ засѣданій VI археолог. съѣзда въ Одессѣ въ августѣ того же года). Напрасно г. Люперольскій выставляетъ свое объясненіе за новое: онъ могъ бы прочесть его, напр., уже у *Штейна* въ примѣчаніи къ данному мѣсту Иродота, или у *В. Н. Юрелича* въ Зап. Од. Общ. VIII стр. 4 и др.

чужіе обычаи, и менѣе всего еллинскіе (IV, 76). На примѣрѣ двухъ знатныхъ скивоовъ, Анахарсиса и Скилиса, онъ показываетъ, что приверженность къ еллизму въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностяхъ могла имъ дорого стоить (IV, 76—80). Однако эти же самые примѣры свидѣтельствуютъ, что обаяніе греческой образованности на скивоовъ уже и тогда всетаки было⁴. Но здѣсь прежде всего можно возразить, что, по справедливому замѣчанію Э. Г. Мищенко⁵), чувство національной исключительности отецъ исторіи приписываетъ главнымъ образомъ царскимъ скивоамъ, а не тѣмъ, которые жили въ ближайшихъ окрестностяхъ Ольвиі; во вторыхъ г. Люперсолюскій забылъ добавить, что распространенію еллинской образованности между скивоами способствовали заключавшіяся между ними родственныя, имѣнно брачныя связи: хорошо познакомившись другъ съ другомъ и вступивъ въ постоянныя дружескія отношенія, еллины и скивы стали заключать между собою браки, причѣмъ еллинъ, жившій на скивоанкѣ, естественно старался, по мѣрѣ возможности, приобщить ее своей культурѣ, а гречанка, сдѣлавшись женою скивоа, дѣйствовала въ этомъ направленіи если не на мужа, то на дѣтей, которые, такъ сказать, съ материнскимъ молокомъ всасывали влеченіе ко всему еллинскому и отвращеніе отъ грубыхъ скивоанскихъ нравовъ и обычаевъ. По словамъ Иродота, Скилъ (Скилисъ) сдѣлался такимъ яркимъ приверженцемъ еллизма именно потому, что былъ сынъ гречанки (изъ г. Истра), которая съ дѣтства научила его своему языку и грамотѣ. Безъ такихъ родственныхъ связей было бы весьма трудно (а не „весьма естественно“, какъ думаетъ г. Люперсолюскій), чтобы цѣлое племя скивоовъ поддавалось вліянію еллинской образованности. Поэтому кажется, что вѣрнѣе всего будетъ соединить оба вышеприведенныя объясненія и видѣть въ каллипидахъ особое населеніе Ипанидскаго побережья, происшедшее отъ брачныхъ связей еллиновъ съ скивоами и имѣвшее еллинскую культуру. Въ пользу тождества ихъ съ микселинами Протогеновскаго декрета говорить и то обстоятельство, что и Иродотъ и декретъ помѣщаютъ ихъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Ольвиі; очень можетъ быть, что именно имъ принадлежали тѣ поселенія внизъ и вверхъ отъ Ольвиі по Ипаниду, отъ которыхъ сохранились болѣе или менѣе значительныя слѣды, отмѣченныя новыми изслѣдователями⁶).

⁴) См. прим. 2.

⁵) См. Уварова Иссл. стр. 45. Списки насел. мѣстъ Херсонской губ. (Спб. 1868) стр. XXXI.

Если въ Протогеновскомъ декретѣ отмѣчено очень небольшое число микселлиновъ (1500), то очень вѣроятно, что они, живя въ открытыхъ, не защищенныхъ стѣнами поселеніяхъ, должны были сильно страдать отъ нападений пришлыхъ племенъ (каковы савдараты, оисаматы), наводнявшихъ окрестности Ольвии во времена Протогена. Впрочемъ и во времена Иродота каллипидовъ могло быть немного и они могли заселять только самыя близкія окрестности Ольвии. Здѣсь важно не количество такого смѣшаннаго населенія, а самый фактъ столь сильнаго вліянія, оказаннаго еллинскою культурою на скизовъ въ теченіи двухъ вѣковъ. Въ заключеніи своей статьи П. И. Липерольскій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Что касается отождествленія Каллипидовъ съ Карпидами, какъ это дѣлалось и дѣлается нѣкоторыми учеными ^{*)}, то не видимъ въ этомъ особенной выгоды для разъясненія вопроса, такъ какъ о Карпидахъ намъ еще менѣе что-либо извѣстно, чѣмъ о Каллипидахъ“. Мы съ своей стороны считаемъ возможнымъ не только согласиться съ этимъ замѣчаніемъ, но даже прибавить, что это отождествленіе представляется намъ весьма мало вѣроятнымъ. О карпидахъ мы имѣемъ въ приписываемой Скимну географической поэмѣ единственное извѣстіе, заимствованное у Ефора: Πρωτος δὲ κατὰ τὸν Ἰστρὸν εἶναι Καρπίδας εἶρηκεν Ἐφορος ^{*)}. Итакъ, мы видимъ, что каллипиды въ V вѣкѣ живутъ по Ипаниду, а карпиды въ IV вѣкѣ по Истру. Если на Ипанидѣ было болѣе раннее мѣсто ихъ жительства, и отсюда они постепенно распространились до Истра, то они не могли быть еракійскимъ племенемъ, какимъ ихъ считаетъ Томашекъ; если же думать, что они были дѣйствительно еракійцы и отъ Истра распространились до Ипанида, то, не говоря уже о томъ, что они являются на Ипанидѣ

*) Напр. *Нибуромъ* (Kleine histor. und philolog. Schriften т. I (Bonn 1828) стр. 359 пр. 17), затѣмъ *Нейманомъ* (Hell. im Skythenl. стр. 218), *Бруномъ* (Черноморье, т. II стр. 28), а въ последнее время вполне увѣренно *Томашкомъ* (*Das Ausland* 1883, № 36, стр. 701 сл.): „Unter ihnen [d. h. Skythen] lebten allophyle stamme zerstreut, z. B. die Kalipiden oder Karpiden, welche thrakischer, und die Alazonen, welche vielleicht slavischer Abkunft waren“. В. Л.

*) [*Scythia*] v. 841 въ Geogr. Gr. min. ed. *Müller* т. I стр. 231 (дословно повтoreно въ периплѣ Безименнаго (§ 49), тамъ же стр. 413): Показаніе Ефора о мѣстѣ жительства карпидовъ показалось и *Бэку* достаточнымъ препятствіемъ для того, чтобы принять мнѣніе *Нибура* (С. I. Gr. II р. 81: „Olbiae vero proximi ad Hyranim sunt *Callipidae*, Ἐλίπιδες Σκόθαι, ut ait Herodotus (IV. 17): quos cum Niebuhrus haud iniquitus dicerem eosdem, quos Ephorus fertur Καρπίδας dixisse, nisi hi ad ipsum dicerentur Istrum esse“).

раньше чѣмъ на Истрѣ, придется думать, что Иродотъ ошибочно назвалъ ихъ Ἑλλήνας Σκόβαι.

Владѣнія Алазоновъ простирались, по словамъ Иродота (IV, 52), до горьбаго ключа, который впадалъ въ Ипанидъ на разстояніи 4-хъ дней пути отъ моря и дѣлалъ его воду въ нижнемъ теченіи негодною для питья. Ключъ этотъ и самая мѣстность, изъ которой онъ вытекалъ, назывались по скиевски Ἐξαρπῆτος, а по гречески Ἰραὶ ὄδοι. Ключъ составлялъ границу между землями алазоновъ и скиеовъ-пахарей (Σκόβαι ἀροτῆρας), которые также сѣяли хлѣбъ, но не для собственнаго употребленія, а только на продажу. Иродотъ прибавляетъ еще, что въ землѣ алазоновъ Тирасъ (Днѣстръ) и Ипанидъ наиболѣе сближаются между собою, а потомъ снова расходятся, а въ другомъ мѣстѣ (IV, 81) говоритъ, что область Еksamпай находится между Борисееномъ и Ипанидомъ, откуда очевидно, что горькій ключъ долженъ былъ составлять лѣвнй притокъ послѣдняго. Эти топографическія указанія были бы совершенно достаточны для приблизительнаго опредѣленія области расселенія алазоновъ, если бы можно было съ точностью указать, гдѣ именно находился Иродотовъ Еksamпай; но новые изслѣдователи еще не пришли къ соглашенію относительно его, тѣмъ болѣе, что соленый вкусъ воды въ нижнемъ теченіи Буга объясняютъ другими причинами. Покойный профессор Брунъ принималъ за Еksamпай рѣчку Мертвоводъ, впадающую въ Бугъ слѣва при Вознесенскѣ и имѣющую негодную для питья воду, а графъ Потцкій—другой лѣвнй притокъ Буга, называемый Сняхою и отличающийся такимъ же свойствомъ воды^{*)}. Однако оба эти отождествленія не вполне согласны съ Иродотомъ, такъ какъ мѣсто наибольшаго сближенія Днѣстра съ Бугомъ находится выше устья этихъ притоковъ, приблизительно между Ямполемъ и Брацлавомъ. Какъ бы то ни было, область каллипидовъ и алазоновъ должна была приходиться главнымъ образомъ на нынѣшнюю Херсонскую губернію, а скиеовъ-пахарей — на губерніи Подольскую, Киевскую и сѣверо-восточную часть Херсонской, еще и теперь отличающіяся своимъ плодородіемъ.

Не касаясь здѣсь Невровъ (жившихъ, по свидѣтельству Иродота, сѣвернѣе скиеовъ-пахарей), въ виду того, что Ольвиополиты врядъ-ли могли поддерживать съ ними постоянныя и правильныя сношенія.

^{*)} Ср. обо всемъ этомъ *Боннелл* Beitr. стр. 81. Мнѣнію Бруна слѣдуетъ прое. *Л. Ф. Воеводскій* въ своей картѣ древнихъ поселеній на югѣ Россіи (изд. къ VI арх. съѣзду въ Одессѣ въ 1884 г.).

обратимся къ народамъ, жившимъ далѣе къ востоку. „Какъ переправишься чрезъ Борисеонъ, говорятъ Иродотъ въ 18-й гл. IV кн., отъ моря во-первыхъ Илэя (ἡ Ἰλλίη), а отъ нея вверхъ живутъ скиены-земледѣльцы (Σκόθαι γεωργοί), которыхъ еллины, живущіе на рѣкѣ Ипанидѣ, называютъ Борисеонитами, а самихъ себя [эти еллины называютъ] Ольбіополитами *)]. Эти скиены-земледѣльцы занимаютъ къ востоку пространство на три дня пути, доходя до рѣки, именуемой Пантикапомъ, а къ сѣверу на одиннадцать дней плаванія по Борисеону. Выше ихъ простирается на большое пространство пустыня, а за пустынею живутъ людодѣи.. (Гл. 19) Къ востоку же отъ этихъ скиеновъ-земледѣльцевъ, за рѣкою Пантикапомъ, живутъ уже кочевые скиены, ничего не сѣющіе и не пашущіе. Вся эта страна лишена деревьевъ, исключая Илэи. Кочевники эти къ востоку на 14 дней пути занимаютъ область, простирающуюся до рѣки Герра. (Гл. 20) По ту сторону Герра находятся такъ-называемыя „царскія владѣнія“ и живутъ скиены храбрѣйшіе, многочисленнѣйшіе и прочихъ скиеновъ считающіе своими рабами. Къ югу они спускаются въ Таврическую землю, а къ востоку (доходятъ) до того рва, который выкопали потомки слѣпыхъ, и до находящагося на Мэотійскомъ озерѣ торжища, называемаго Кримнами; владѣнія ихъ отчасти доходятъ до рѣки Танаида. Земли выше къ сѣверу отъ царскихъ скиеновъ занимаютъ меланхлэны“ и т. д. Въ другихъ мѣстахъ 4-й книги Иродотъ говоритъ, что рѣка Пантикапъ течетъ съ сѣвера, входитъ въ Илэю

*) Σκόθαι γεωργοί, τοὺς Ἕλληνας οἱ οἰκίσοντες ἐπὶ τῇ Ἰλίῳ ποταμῷ καλεῖσσι Βορυσσεύσιτας, σφέας δὲ αὐτοὺς Ὀλβιολίτας. Кстати замѣтимъ, что некоторые изъ нашихъ изслѣдователей толкуютъ оразу Иродота, волилъ ясную для всякаго мало-мальски понимающаго по гречески, весьма оригинально (чтобы не сказать больше), относи послѣднія слова ея къ скиенамъ и пытаясь даже объяснить, почему послѣдніе называли де себя Ольбіополитами. Вотъ что пишетъ напр. графъ *Потоцкій*, Histoire anc. du govern. de Cherson стр. 6: „Ceux-ci [т. е. les Scythes agricoles chassés par les Olbiens] s'étaient retiré sur les bords des Konskie-wody, et s'y étoient si bien établis, que les Grecs donnèrent à cette rivière le nom de Panli Karalos [sic], qui veut dire *Tout jardin* [!], et aux habitans le nom de Géorgiens [sic] qui veut dire *Cultivateurs*; mais eux mêmes refusoient cette dénomination et disoient qu'ils étoient Olbiopolites, c'est à dire du pays, dont les Milésiens s'étoient emparés“. Это замѣчательно неглаголюющее объясненіе воспроизводитъ въ нѣсколько нѣмѣннономъ видѣ и графъ *А. С. Уваровъ* (Изслѣд. стр. 73), удивительнымъ образомъ оставившій безъ вниманія вѣрныя объясненія этого мѣста. Но еще съ большимъ удивленіемъ встрѣтили мы примѣненіе названія „Ольбіополитовъ“ къ скиеновъ-земледѣльцамъ у *В. Г. Мищенко* въ указателѣ къ переводу Иродота (стр. 193 и 195).

и, протекши черезъ нее, сливается съ Борисееномъ; скиен-земледѣльцы занимаютъ пространство между этими двумя рѣками (гл. 54). Границей Илэи и Ахиллова бѣга съ правой стороны служить рѣка Ипакирь, протекающая посрединѣ области, занятой скинами-кочевниками, и впадающая въ море у города Каркинитиды (гл. 55). Рѣка Герръ, одноименная съ орошаемою ею теченіемъ областью, отдѣляется отъ Борисеена въ томъ мѣстѣ, до котораго послѣдній извѣстенъ, и изливается въ Ипакирь, составляя границу между областями кочевныхъ и царскихъ скиновъ (гл. 56).

Какъ извѣстно, рѣки Пантикапъ, Ипакирь и Герръ, по справедливому замѣчанію Надеждина ¹⁰⁾, „составляютъ донныя неотвратимыя каменья преткванія, истинный Гордіевъ узелъ для изслѣдователей и толковниковъ“. Не считая для себя необходимымъ здѣсь углубляться вслѣдъ за другими въ темную область догадокъ и споровъ, ограничиваюсь замѣчаніемъ, что по мнѣнію большинства изслѣдователей Пантикапъ есть не что иное, какъ нынѣшняя Конка (по нѣкоторымъ—Ингулець), а Ипакирь—нынѣшній Каланчакъ ¹¹⁾, что же касается до Герра, то изслѣдователи отождествляютъ его то съ рѣкой Самарой, то съ Молочной, то съ Бѣлозеркой и др., но вѣрнѣе всѣхъ, какъ кажется, смотритъ на него Э. Г. Мищенко, по мнѣнію котораго ¹²⁾, „слѣдуетъ думать, что въ этомъ случаѣ нѣсколько рѣкъ смѣшаны въ одномъ имени; рѣками этими могли быть Самара, Донецъ съ ихъ притоками, Конскія воды, Молочная и другія, наливающіяся въ Азовское море“. Илэю древнихъ писателей большинство новыхъ изслѣдователей помѣщаетъ на лѣвой сторонѣ Днѣпровскаго лимана, начиная отъ Кинбурна до Алешекъ или до Голой пристани при впаденіи рѣки Конки въ Днѣпръ; здѣсь еще въ прошломъ столѣтіи и даже въ нынѣшнемъ находились густые, хотя и не сплошные лѣса ¹³⁾. Лишь немногіе изъ новыхъ изслѣдователей цѣликомъ или отчасти переносятъ Илэю на правый берегъ Днѣпра ¹⁴⁾. Такимъ образомъ скиен-земледѣльцы или Борисеениты должны были занимать острова

¹⁰⁾ *Зап. Од. Общ. ист. и др.* I, стр. 45.

¹¹⁾ Мнѣнія новыхъ изслѣдователей объ этихъ рѣкахъ см. у *Боннеля Beitr.* I, стр. 82—106. Ср. *Ф. К. Бруна* Черногорье т. II (Одесса 1880) стр. 5 сл.

¹²⁾ Указатель къ переводу Иродота, стр. 49.

¹³⁾ Подробнѣйшее и лучшее описаніе Илэи принадлежитъ *И. О. Бурачкову* въ *Зап. Од. Общ.* т. IX стр. 1 сл. Ср. *Бруна* Черном. т. II стр. 9 сл. и *Зап. Од. Общ.* т. IV стр. 237 сл., *Боннеля Beitr.* стр. 87 сл.

¹⁴⁾ *Надеждинъ* въ *Зап. Од. Общ.* I стр. 47 сл., *Брунъ* Черном. II стр. 12.

между главнымъ теченіемъ Днѣпра и Конкою, но, безъ сомнѣнія, также и правую сторону Днѣпра до Ингульца, то-есть, восточную часть Херсонской губ. и части губерній Екатеринославской и Таврической; скиен-кочевники должны были жить главнымъ образомъ въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, а скиен царскіе занимали часть Крыма, уѣзды Мелитопольскій, Бердянскій и далѣе южную часть Екатеринославской губерніи и западъ земли Войска Донскаго.

Таковы были ближайшіе сосѣди Ольвіополитовъ въ V вѣкѣ до Р. Хр., а можетъ быть и при самомъ поселеніи ихъ на берегу Ипанида. Мы видимъ, что ближе всего къ Ольвіи жили и, безъ сомнѣнія, чаще всего вступали съ нею въ сношенія осѣдлыя или полuosѣдлыя племена, стоявшія на болѣе высокой степени культуры, чѣмъ кочевники, и потому, конечно, болѣе доступныю обаянію еллинской образованности. Съ ними Ольвіополитамъ легко было поддерживать мирныя, торговыя сношенія, легко было обезопасивать себя отъ возможности враждебныхъ нападений, и такимъ образомъ городъ могъ спокойно развиваться и крѣпнуть до тѣхъ поръ, пока въ средѣ скиенскихъ племенъ не начались сильныя движенія, пока въ ближайшихъ окрестностяхъ Ольвіи не появились враждебныя орды, изгнавшія или подчинившія себѣ ихъ мирныхъ сосѣдей. Тогда начались для Ольвіополитовъ тяжелыя времена борьбы за существованіе, столь ярко рисующіяся въ знаменитомъ Протогеновскомъ декретѣ. Но изложеніе историческихъ судебъ Ольвіи составляетъ уже существенную часть нашего труда, къ которой мы и перейдемъ послѣ краткихъ предварительныхъ замѣчаній о мѣстоположеніи и имени города Ольвіи.

§ 4. Мѣстоположеніе города Ольвіи.

Разнаго рода вещественныя памятники, въ значительномъ количествѣ сохранившіеся въ нѣдрахъ земли отъ древней Ольвіи, уже давно съ полною точностью указали мѣсто, гдѣ она находилась. Но если бы мы, такъ сказать, закрыли глаза на непреложное свидѣтельство памятниковъ и попробовали опредѣлить мѣстоположеніе Ольвіи, руководствуясь только показаніями древнихъ писателей, то сначала ихъ разногласіе поставило бы насъ въ большое затрудненіе; однако, послѣ внимательнаго разбора и сопоставленія разнорѣчивыхъ показаній всякій здравомыслящій изслѣдователь долженъ придти къ убѣжденію въ необходимости отложить въ сторону остальныхъ писателей и слѣдовать исключительно указаніямъ Иродота и Діона Хри-

состома, имѣющихъ право на наше предпочтеніе уже потому, что оба они лично были въ Ольвіи и, стало быть, досконально ознакомились съ ея мѣстоположеніемъ, тогда какъ другіе писатели, мало знакомые съ топографіей далекаго скинскаго побережья, не знали даже, на какой собственно рѣкѣ лежала Ольвіа, и почти единогласно помѣщали ее на Борисеенѣ. Такъ Стравонъ, послѣ Иродота наиболѣе авторитетный источникъ для ознакомленія съ сѣвернымъ побережьемъ Понта, прямо говоритъ, что Ольвіа лежала на Борисеенѣ на разстояніи 200 стадій, то-есть около 35 верстъ, отъ его устья ¹⁾. Плиній, Аррианъ и Аммианъ Марцелинъ также помѣщаютъ ее на берегу Борисеена ²⁾, а Помпоній Мела, различая два города—Борисеениду и Ольвію, ставитъ ихъ у впаденія Борисеена въ море ³⁾. Нѣсколько ближе къ истинѣ показаніе приписываемой Скимну стихотворной географіи, почти дословно повторенное въ периплѣ безыменнаго автора ⁴⁾: по этому показанію Ольвіа стояла при слияніи Борисеена и

¹⁾ Стр. VII, 3, 17: Εἶτα Βορυσθένης ποταμὸς πλωτὸς ἐφ' ἑξακοσίους σταδίους καὶ πλησίον ἄλλος ποταμὸς Ὑπανίς καὶ νῆσος πρὸ τοῦ στόματος τοῦ Βορυσθένους ἔχουσα λιμένα· πλεύσαντι δὲ τὸν Βορυσθένην σταδίους διακοσίους ὁμώνυμος τῷ ποταμῷ πόλις· ἢ δ' αὐτὴ καὶ Ὀλβία καλεῖται, μέγα ἐμπόριον, κτίσμα Μιλήσιων.

²⁾ Плин. N. h. IV, 12, 26. Арр. Пер. 31. Ам. Марк. XXII, 8, 40.

³⁾ Chorogr. II, 1, 6.

⁴⁾ Geogr. Gr. minores ed. Müller, т. I стр. 229: [Скимна] ст. 804 сл.

Ἐπὶ ταῖς δὲ καθ' Ὑπανίς τε καὶ Βορυσθένην ποταμῶν διπλαῖσι συμβολαῖς ἔστιν πόλις κτισθεῖσα, πρότερον Ὀλβία καλουμένη, μετὰ ταῦθ' ὕφ' Ἑλλήνων πάλιν Βορυσθένης κληθεῖσα· ταύτην τὴν πόλιν Μιλήσιοι κτίζουσι κατὰ τὴν Μηδικὴν ἐπαρχίαν· διακοσίων σταδίων δὲ καὶ δις εἰκοσίων ἀπὸ τῆς θαλάσσης τὸν ἀνάπλουον Βορυσθένα· ἔχει ποταμῷ.

Безыменный (Пер. 59), выписавъ это свидѣтельство почти дословно, только прибавляетъ въ концѣ: τῷ νῦν καλουμένῳ Δανάπρει, μίλια λβ'. У Стевена Византийскаго п. сл. Βορυσθένης какъ разъ тамъ, гдѣ говорится о мѣстѣ города, текстъ на столько испорченъ, что вся фраза стала совершенно непонятною. Бекъ (С. I. Gr. II, стр. 86) на основаніи свидѣтельствъ Иродота и Діона предлагаетъ вставить въ текстъ цѣлую фразу, которая дѣйствительно придаетъ ему ясный и правильный смыслъ; но стояла ли она въ первоначальномъ текстѣ именно въ томъ видѣ, какъ предполагаетъ Бекъ, поручиться конечно нельзя. Вотъ вся фраза съ поставленнымъ въ скобки дополненіемъ Бека: Βορυσθένης πόλις καὶ ποταμὸς τοῦ Πόντου... ἔστι καὶ πόλις Ἑλληνίς πρὸς ἐξπέρην [Ἑπάνιδος], Μιλήσιων ἀποικία, ἣν ο μὲν ἄλλοι Βορυσθένην, αὐτοὶ δὲ Ὀλβίαν [καλοῦσιν, ἐν τῷ καταντικρῷ τῆς Ἰπκολάου καλουμένης ἄκρας,] ἦν ποιεῖσιν ὃ τε Βορυσθένης καὶ ὁ Ὑπανίς и т. д.

Ипанида, на разстояніи 220 стадій отъ моря вверхъ по Бориссѣну; если принять въ послѣднемъ случаѣ Бориссѣнъ не за самую рѣку, а за лиманъ, то, на основаніи этого свидѣтельства, Ольвію пришлось бы искать у нынѣшняго Станиславскаго мыса. Итакъ мы видимъ, какъ далеки отъ истины свидѣтельства названныхъ писателей. Обратимся теперь къ Иродоту.

Отецъ исторіи говоритъ о мѣстоположеніи Ольвіи въ трехъ мѣстахъ 4-й книги своего безсмертнаго труда, по въ двухъ изъ нихъ—лишь кратко и мимоходомъ. Именно въ гл. 17-й онъ замѣчаетъ, что торжище Бориссѣнитовъ занимаетъ срединное положеніе между приморскими мѣстностями всей Скиѣи; въ слѣдующей главѣ, говоря о скиѣяхъ-земледѣльцахъ, онъ прибавляетъ, что живущіе на Ипанидѣ еллины называютъ ихъ Бориссѣнитами, а себя самихъ Ольвіополитами; отсюда уже ясно, что Ольвія лежала на Ипанидѣ, а не на Бориссѣнѣ⁵⁾. Еще важнѣе подробное указаніе въ главѣ 53-й, которое можетъ быть передано по русски такъ: „Вотъ Бориссѣнъ въ своемъ теченіи приближается къ морю, и съ нимъ сливается Ипанидъ, впадающій въ одинъ съ нимъ лиманъ; находящійся между этими рѣками выступъ земли называется Ипполаевымъ мысомъ, а на немъ построено святилище Матери (другое чтеніе: Димитры), а на противоположной отъ святилища сторонѣ на Ипанидѣ живутъ Бориссѣниты“⁶⁾. Здѣсь именемъ Бориссѣнитовъ писатель означаетъ, само собою разумѣется, жителей Ольвіи, а не тѣхъ скиѣовъ, къ которымъ они сами прилагали это названіе. Придерживаясь à la lettre этого свидѣтельства Иродота, мы уже значительно приближаемся къ опредѣленію истиннаго положенія Ольвіи: мы видимъ, что она лежала на Ипанидѣ, а

⁵⁾ См. стр. 21, прим. 9.

⁶⁾ *Ир.* IV, 53: Ἀγχοῦ τε δὴ θαλάσσης ὁ Βορυσθένης ῥέων γίνεται καὶ οἱ συμμίσχεται ὁ Ἰπανίς ἐς τούτῳ ἕλος ἐκδιδοῦς. τὸ δὲ μεταξύ τῶν ποταμῶν τούτων ἔδν ἱμβρολον τῆς χώρας Ἰππόλεω ἄκρη καλεῖται, ἐν δὲ αὐτῇ ἱρὸν Μητρὸς ἐνίδροται· πέτρην δὲ τοῦ ἱροῦ ἐπὶ τῇ Ἰπανί Βορυσθανεῖται κατοικηγται. Внѣсто Μητρὸς нѣкоторыя рукописи дають Δημήτρος. Невозможно рѣшить окончательно, какое чтеніе слѣдуетъ признать правильнымъ, такъ какъ обѣ эти богини почитались въ Ольвіи; о культѣ Димитры свидѣтельствуютъ монеты съ ея изображеніемъ, а о культѣ Матери боговъ—одна вновь изданная нами надпись (*Inscr.* № 107). Новые ученые отдають предпочтеніе то той, то другой, но безъ великихъ положительныхъ данныхъ. (См. напр. *H. K. E. Koehler*, Mémoire sur les îles et la course sous. à Achille (С.-Пб. 1826), стр. 128. *K. Mannert*, Geographie der Griechen und Römer т. IV (1820 г.), стр. 114. *Восскѣ* С. I. Gr. II, стр. 86. *Гр. Уварова* Иссл. стр. 34 и др.).

не на Борисенѣ, и притомъ на противоположной сторонѣ отъ мыса, образуемаго слияніемъ этихъ двухъ рѣкъ, стало быть на правомъ берегу Ипанида; но болѣе точное опредѣленіе съ помощью одного только Иродота невозможно. Если строго придерживаться его показанія, что Ипполаевъ мысъ образуется слияніемъ Борисеена и Ипанида, то его можно отождествить только съ нынѣшнимъ Станиславскимъ мысомъ, какъ это и дѣлаютъ почти всѣ новые изслѣдователи ⁷⁾, и въ такомъ случаѣ пришлось бы искать Ольвию ниже ея дѣйствительнаго мѣстоположенія, около нынѣшняго Аджигѣла ⁸⁾. Теперь же, зная, гдѣ дѣйствительно лежала Ольвия, мы должны признать слѣдующую дилемму: или Ипполаевъ мысъ не соответствуетъ нынѣшнему Станиславскому, а находился выше его, и въ такомъ случаѣ нельзя принимать буквально слова Иродота, что этотъ мысъ выдавался въ видѣ клнна

⁷⁾ См. напр. гр. Уварова Изсл. стр. 33. Некоторое сомнѣніе въ вѣрности этого отождествленія возбуждается тѣмъ обстоятельствомъ, что до сихъ поръ на Станиславскомъ мысу и въ его ближайшихъ окрестностяхъ не найдено никакихъ слѣдовъ существованія храма Димитры или Матери боговъ и всѣ поиски остаются совершенно безплодными (см. гр. Уварова Изсл. стр. 34 и статью г. Бурачкова, указываемую ниже). Это обстоятельство заставило некоторыхъ изъ нашихъ изслѣдователей искать храмъ подалеже отъ Станиславскаго мыса или даже отвергать возможность отождествленія его съ Ипполаевымъ. Такъ, покойный Ф. К. Бруна, посѣтивъ Ольвию и ея окрестности лѣтомъ 1862 г., въ своемъ донесеніи объ этой поездкѣ (*Зап. Од. Общ.* т. V, стр. 986 сл. = *Черноморье* т. I, стр. 146 сл.) предположительно указалъ мѣсто храма въ такъ называемомъ „городкѣ“ въ 1^{1/2} верстахъ къ сѣверу отъ нынѣшняго села Станиславскаго, гдѣ иногда попадаются Ольвійскія монеты, черепки амфоръ и вазъ и др. древности. Позже Бруна извѣстный знатокъ и любитель южно-русскихъ древностей П. О. Бурачковъ представилъ третьему (Кіевскому, 1874 г.) археологическому съезду „Опытъ объясненія одного темнаго мѣста въ сказаніяхъ Геродота о древней Скивіи“ (*Труды III арх. съезда*, т. II стр. 63), въ которомъ высказалъ предположеніе, что за Ипполаевъ мысъ слѣдуетъ признать не Станиславскій, а такъ называемую Волошскую косу, въ 2 верстахъ выше Ольви, на той же сторонѣ Буга. Но, чтобы показать, насколько заслуживаетъ довѣрія „опытъ“ г. Бурачкова, достаточно упомянуть, что онъ прямо противорѣчитъ и Иродоту и Діону Хрисостому: оба писателя положительно говорятъ, что Ольвія лежала не на той же сторонѣ рѣки Ипанида, гдѣ святилище, а на противоположной (*ἐν τῇ πέρην, ἐν τῇ χαταντικρῷ*), и притомъ, по словамъ Діона, немного выше (*ὀλίγον ὑπερ*) мыса. Послѣ этого не стоить и приводить другія соображенія, которыми могли бы быть представлены противъ мнѣнія г. Бурачкова.

⁸⁾ См. „карту устьевъ рѣкъ Буга и Днѣпра“, снятую съ натуры извѣстнымъ знаткомъ южной части Днѣпровскаго бассейна подполковникомъ А. П. Чирковымъ и приложенную къ донесенію Бруна въ V томѣ Записокъ Од. Общ. (1863 г.).

между двумя рѣками; или Ипполаевъ мысъ есть дѣйствительно нынѣшній Станиславскій, и тогда Иродотово ἐν τῇ κέρτῃ слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ „напротивъ“, а въ болѣе широкомъ значеніи: „на противоположной сторонѣ“.

Свидѣтельство Діона Хрисостома (въ самомъ началѣ 36-й рѣчи) въ сущности отличается отъ Иродотова только двумя подробностями, но для насъ въ данномъ случаѣ весьма драгоцѣнными: а) объясненіемъ, почему городъ названъ не по имени той рѣки, на которой лежалъ, и б) прибавкою, что онъ лежалъ немного выше Ипполаева мыса. Вотъ подлинныя слова писателя въ дословномъ переводѣ: „Надо знать, что хотя городъ [Ольвіа] получилъ названіе отъ Бориссена вслѣдствіе красоты и величины этой рѣки, но какъ нынѣ лежитъ на Ипанидѣ, такъ и прежде былъ выстроенъ тамъ же, немного выше такъ называемаго Ипполаева мыса, на противоположномъ отъ него берегу. Мысъ этотъ представляетъ собою острый и крутой выступъ материка въ видѣ корабельнаго носа, около котораго сливаются обѣ рѣки; далѣе онѣ представляютъ уже лиманъ вплоть до моря, на протяженіи почти 200 стадій; и ширина рѣкъ въ этомъ мѣстѣ не менѣе“⁹⁾. Такимъ образомъ, вѣрившись руководству Иродота и Діона, мѣсто Ольвіи можно было бы опредѣлить если не безошибочно, то по крайней мѣрѣ съ достаточною приблизительностью, такъ что остается только удивляться тому, что историки и географы конца

⁹⁾ Приведемъ кстати и слѣдующее непосредственно далѣе описаніе самаго лимана. „Большая часть лимана представляетъ мелъ, и при безвѣтріи поверхность воды тамъ постоянно гладка, какъ на озерѣ. Лишь съ правой стороны замѣтно теченіе воды, и плывущіе съ моря заключаютъ по теченію о глубинѣ; здѣсь же рѣка наливается въ море вслѣдствіе силы теченія; если бы его не было, то вода легко могла бы быть задержана сильнымъ южнымъ вѣтромъ, дующимъ въ устье. Въ остальной части лимана берега болотисты и покрыты густымъ тростникомъ и деревьями; даже въ самомъ лиманѣ видно много деревьевъ, издали похожихъ на мачты, такъ что неопытные корабельщики ошибаются, правя къ нимъ, какъ бы къ кораблямъ. Здѣсь же есть много соли и отсюда получаетъ ее покупкою большинство варваровъ, а также елмины и скиены, живущіе на Таврическомъ полуостровѣ. Рѣки впадаютъ въ море у укрѣпленія Алектора, принадлежащаго, какъ говорятъ, супругѣ цара савроматовъ“. Огромное значеніе 36-й рѣчи Діона для топографіи и исторіи Ольвіи дивно уже заставило нашихъ ученыхъ обратить на нее серьезное вниманіе. Мы имѣемъ и. пр. два перевода важнѣйшихъ мѣстъ этой рѣчи: *Муравьева-Алстола* въ Путешествіи по Тавридѣ (С.-Пб. 1823), стр. 323 сл., и *Минцлова* въ Зап. И. Р. Археолог. Общества т. V (1853), стр. 282 сл. Оба перевода, впрочемъ, не безукоризненны со стороны точности.

прошлаго и начала нынѣшняго вѣка оставляли въ сторонѣ именно этихъ-то надежнѣйшихъ руководителей и, слѣдуя свидѣтельствамъ другихъ писателей, носили Ольвію съ мѣста на мѣсто по низовьямъ Днѣпра и Буга ¹⁰⁾.

Впрочемъ уже съ конца прошлаго вѣка мы могли бы въ вопросѣ

¹⁰⁾ Еще *Муравьевъ-Апостолъ* (Пут. по Тавр. стр. 25) жаловался, что „древніе географы, хотя имѣли Иродота въ рукахъ и повѣствовали о Ольвіи въ такое время, когда она еще существовала, если не въ цвѣтущемъ состояніи, то, по крайней мѣрѣ, извѣстнѣйшимъ горговымъ городомъ, составили о ней описанія до того ложныя и запутанныя, что новѣйшіе изыскатели, слѣдуя по нещастію имъ и оставивъ надежнѣйшаго путевода Иродота, пустилися искать города сего на Днѣпровскихъ берегахъ и вездѣ, кромѣ того мѣста, гдѣ онъ подлинно существовалъ и которое такъ вѣрно означено Иродотомъ“. (Последнее, правда, нѣсколько преувеличено). Указывать и опровергать такія невѣрныя приурочиванія считаемъ бесполезнымъ и неинтереснымъ для читателей. Въ видѣ примѣра замѣтимъ только, что еще *Маннертъ* въ IV томѣ своей знаменитой въ свое время „*Географіи Грековъ и Римлянъ*“, вышедшей въ 1820 г., на стр. 243 начинается описаніе Ольвіи словами: „Beim Einflusse des Hypanis (Bog) in den Borysthenes lag die Stadt *Olbia* (Ὀλβία), die Gesegnete. Diese Lage hat schon der Augenzeuge Herodot hinlänglich bestimmt, und der Periplus Anonymi sagt das Nemliche“. Далѣе авторъ приводитъ свидѣтельства другихъ географовъ, ни однимъ словомъ не упоминая о Діонѣ; это тѣмъ же не извинительно, что онъ зналъ 36-ю рѣчь Діона и смысляетъ на нее, упоминая о разореніи города гетами; непосредственно послѣ этой ссылки онъ снова забываетъ Діона, высказывая прямо противорѣчащее ему предположеніе, что послѣ этого разоренія городъ былъ восстановленъ южнѣе прежняго мѣста, у Очакова на Днѣпрѣ, причемъ остался существовать и старый городъ, и что можетъ быть поэтому Птолемей и Мела называютъ два имени. Послѣ этого предположенія, доказывающаго ничѣмъ необъяснимое пренебреженіе къ Діону, Маннертъ вдругъ огорошиваетъ читателя извѣстіемъ о существованіи развалинъ Ольвіи на *лѣвомъ* берегу Буга: „Ruinen von der alten Stadt, Münzen mit dem Namen Olbia etc. finden sich 3 geogr. Meilen südlich von der heutigen Stadt Nikolaiev am linken Ufer des Bugs, nicht ferne von der Mündung“. И все это почти на одной страницѣ сочиненія, на которое въ свое время ссылался какъ на непогрѣшимый авторитетъ! Последняя ошибка Маннерта впрочемъ давно уже отмѣчена Бѣкомъ (С. I. Gr. II стр. 86), но быть можетъ кому нибудь не безъинтересно будетъ узнать, какимъ образомъ она произошла. Дарчикъ по обыкновенію отыскивается безъ всякаго „секрета“: Маннертъ очевидно заимствовалъ свое извѣстіе о развалинахъ Ольвіи у *Палласа*, въ трудѣ котораго (см. ниже пр. 13) вслѣдствіе досадной описки или опечатки селеніе Кисляковна, наупротивъ котораго находятся эти развалины, помѣщено на правомъ берегу Буга вмѣсто лѣваго. Все дѣло, значить, въ томъ, что почтенный географъ повѣрилъ Палласу на слово и не только не далъ себѣ труда сравниться съ картою, но даже не замѣтилъ, что у Палласа двумя строками ниже говорится о правомъ берегу Буга, какъ о противоположномъ тому, на которомъ стоитъ Кисляковна.

о мѣстоположеніи Ольвин обойтись безъ всѣхъ вѣрныхъ и невѣрныхъ свидѣтельствъ древнихъ, такъ какъ оно, какъ мы уже замѣтили, съ полною точностію опредѣлялось находками разныхъ памятниковъ древности съ именемъ города. Ольвія, какъ оказалось, лежала на правомъ берегу Буга (у самой рѣки), въ верстѣ къ югу отъ нынѣшняго большаго села Ильинскаго или Парутина, въ 35 верстахъ къ югу отъ г. Николаева и въ 28 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Очакова, на землѣ, нынѣ принадлежащей графинѣ Музиной-Пушкиной, урожд. Безбородко. Окружающая Ольвію мѣстность покрыта пинѣ множествомъ кургановъ, издавна сообщившихъ всему урочищу названіе „Ста могилъ“. Является вопросъ: кому же принадлежитъ честь открытія мѣстоположенія Ольвин или, по крайней мѣрѣ, кто первый повѣдалъ міру объ этомъ открытіи?

Земли отъ Днѣпра и Буга до Днѣстра, со включеніемъ Очакова, уступлены Россіи по Ясскому трактату 29-го декабря 1791 года. Относительно перваго заселенія Парутина графъ А. С. Уларовъ, основы, ваясь на разсказахъ „любопытнаго молодаго человѣка“ М. В. Розена, жившаго въ Парутинѣ во время его археологическаго путешествія въ 1849 г., сообщаетъ слѣдующее: „Старожилы говорятъ, что основателями этого села были Некрасовцы, вытѣсненные изъ селенія Чобричи на Днѣстрѣ и поселившіеся добровольно у Парутинскаго оврага около 1789 года. Селеніе ихъ состояло изъ 37 дворовъ; они принадлежали къ сектѣ Филипоновъ и выстроили себѣ часовню. Хлѣбопашество и рыбная ловля были главными ихъ промыслами. По присоединеніи Очаковской стороны, въ 1793 году Екатерина пожаловала графу Ильѣ Андреевичу Безбородкѣ землю на берегахъ самаго Буга, до 12 тысячъ десятинъ, вдоль рѣки верстѣ на 15. Въ составъ этого имѣнія вошло и селеніе Парутино, переименованное новымъ владѣльцемъ въ Ильинское. Когда графъ Безбородко перевелъ сюда крестьянъ изъ малороссійскихъ своихъ имѣній, то Некрасовцы покинули Парутино и снова поселились на берегахъ Днѣстра, въ селѣ Маякахъ“⁴¹⁾.

Въ первые же годы послѣ присоединенія къ Россіи Очаковской земли, для изслѣдованія ея былъ командированъ подполковникъ Херсонскаго гренадерскаго полка Андрей Мейеръ, который и издалъ въ 1794 г. въ Петербургѣ „Повѣственное, земельное и естествословное описаніе Очаковскія земли, содержащееся въ двухъ донесе-

⁴¹⁾ Изслѣд. стр. 35.

ніяхъ"¹²⁾. Въ этомъ пространномъ „Описаніи“, во многихъ мѣстахъ обнаруживающемъ прискорбное даже для того времени невѣжество „трехъ ученыхъ въ Россіи обществъ члена“, каковымъ былъ подполковникъ Мейеръ, неоднократно встрѣчаются упоминанія о мѣстности, гдѣ стояла Ольвія, и даже попытки опредѣлить положеніе нѣкоторыхъ древнихъ городоуъ, теперь, правда, вызывающія только улыбку сожалѣнія. Ольвию Мейеръ ставитъ на мѣстѣ Бѣлозерокъ. Для насъ въ его книгѣ наиболѣе интересно описаніе современнаго ему вида „Ста могилъ“, которое мы, въ виду рѣдкости книги въ настоящее время, позволимъ себѣ привести цѣликомъ (стр. 14). „Такъ называемыя сто могилы представляютъ нынѣ холмы, покрывающіе, на подобіе многихъ Валдайскихъ сопокъ, развалины древнихъ каковыхъ либо здавій, состоящихъ нынѣ изъ четверугольныхъ, обширныхъ каменныхъ жилищъ съ четверугольными же узкими для свѣта въ стѣнахъ отверстіями. Положеніе сихъ могилъ заставляетъ меня догадываться, что на ихъ мѣстахъ былъ или городъ, упоминаемый въ Византійскихъ писателяхъ подъ именемъ Озополя или Воиучаго, разореннаго Алянами, или, что еще вѣроятнѣе, были здѣсь гробницы вождей котораго [sic] либо изъ жившей въ сей землѣ отрасли Скивовъ. Въ нѣкоторыхъ подземныхъ сихъ такъ сказать пещерахъ находятся отрывки мрамора. Сколь же далеко онѣ простираются подъ землею, того опредѣлить я не могу, по причинѣ опасности въ сихъ мѣстахъ отъ кроющихся тамъ въ великомъ числѣ волковъ. Печенѣги и послѣ ихъ Татары конечно скрывали въ оныхъ богатя свои добычи. Какъ нынѣ Очаковская земля принадлежитъ Россіи, то можетъ быть и сія часть, привлекающая вниманіе, не останется безъ изслѣдованія, которое откроетъ прямое онаго [?] начало; ибо, невозможно кажется, чтобы въ сихъ развалинахъ не находились на камняхъ надписи, а можетъ быть и старинныя монеты, такъ какъ и нынѣ находятъ послѣднихъ еще ежегодно въ окрестностяхъ Прилукуъ и другихъ Малороссійскихъ городоуъ“.

Такимъ образомъ Мейеръ, лично осматривавшій Ольвійскіе могильные курганы, еще не зналъ о существованіи Ольвійскихъ надписей и монетъ.

Между тѣмъ путешествовавшій въ 1794 г. по югу Россіи знаменитый академикъ Палласъ въ изданномъ въ 1801 году въ Лейпцигѣ

¹²⁾ Мы обязаны знакомствомъ съ этой рѣдкой книгой любезности И. К. Суручана.

описаніи своего путешествія уже вполне опредѣлительно говоритъ о мѣстоположеніи Ольвии, имя которой ему удалось прочитать на нѣсколькихъ монетахъ, найденныхъ на самомъ мѣстѣ города. Вотъ его слова въ точномъ переводѣ ¹³⁾: „Мѣстность по Бугу ниже города [Николаева] замѣчательна еще по сохранившимся тамъ греческимъ древностямъ. Около 20 верстъ внизъ по теченію, насупротивъ лежащаго на правомъ [чит. лѣвомъ] берегу Буга мѣстечка Кисляковки, гдѣ лежитъ небольшое соленое озеро и находилась прежде рыбная ловля Занорожцевъ, подлѣ самаго праваго берега, между Волошской и Широкой балками, находятся остатки греческаго города, отъ котораго видны еще подвалы и развалины. Судя по найденнымъ тамъ монетамъ, которыя по большей части представляютъ на лицевой сторонѣ голову въ лавровомъ вѣнкѣ, а на оборотной — коршуна, и изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ на себѣ ясную надпись Ольвиополя, здѣсь слѣдуетъ собственно искать остатковъ милетской колоніи Ольвии. Я изобразилъ три изъ этихъ монетъ на табл. 5-й. Тамъ же нашли камень, служившій для замыканія дуги, величиною около аршина, съ греческою надписью ¹⁴⁾, хранящійся теперь въ церкви въ Николаевѣ, гдѣ находится также большая плита съ изображеннымъ на табл. 18-й барельефомъ ¹⁵⁾, найденная нѣсколько ниже, въ мѣстности Цара-Камыши, гдѣ она служила проходящимъ судамъ для привязыванія причаловъ и поэтому очень повреждена. Ближе къ Николаеву, нѣсколько ниже Долгой Кошки, также, говорятъ, находятся остатки другаго древняго обиталища ¹⁶⁾).

Черезъ пять лѣтъ послѣ Палласа упомянутый имъ камень съ надписью видѣлъ въ Николаевской церкви русскій путешественникъ Павелъ Сумароковъ, который также вполне опредѣлительно указываетъ на мѣстоположеніе Ольвии ¹⁷⁾. Описание его путешествія

¹³⁾ *P. S. Pallas, Bemerkungen auf einer Reise in die südl. Statthalterschaften des Russ. Reichs in d. Jahren 1793 u. 1794, т. II стр. 511 сл.*

¹⁴⁾ Теперь въ *Извѣст. о. в. Р. Виз.* № 61.

¹⁵⁾ *Извѣст.* № 123.

¹⁶⁾ Далѣе Палласъ описываетъ нѣсколько монетъ, лампочку и барельефъ, хранившіеся въ его время въ Николаевѣ у профессора Леонина. Описание монетъ оставляетъ желать много лучшаго, но въдѣ знаменитый академикъ не былъ специалистомъ-нумизматомъ.

¹⁷⁾ *П. Сумароковъ, Путешествіе по всему Крыму и Бессарабій въ 1799 году М. 1800*, стр. 17: „Внутри олгара [церкви въ Николаевѣ] лежитъ на полу камень въ $\frac{2}{3}$ длиною и 5 вершковъ шириною, на коемъ старинной Еллинской

вышло въ свѣтъ раньше Палласова. Поэтому честь открытія Ольвии, какъ кажется, съ полнымъ правомъ можетъ быть раздѣлена между этими двумя лицами: Палласу она принадлежитъ потому, что онъ раньше констатировалъ мѣстоположеніе Ольвии около „Ста могилъ“, а Сумарокову—потому, что онъ первый сообщилъ объ этомъ міру. Что касается до перваго открытія монетъ съ именемъ города, то Муравьевъ-Апостоль и съ его словъ графъ Уваровъ приписываютъ его Парутинскому управителю, который, случайно открывъ урну съ медалями, отправилъ ее къ своему помѣщику¹⁸⁾.

Около самаго начала нынѣшняго вѣка въ Ольвійскихъ развалинахъ производилъ розыски инженеръ-генералъ Сухтеленъ, нумизматическія открытія котораго окончательно подтвердили открытіе Палласа, такъ что въ 1804 г. знаменитый впоследствии академикъ Кёлеръ, полагая начало научному изслѣдованію Ольвійскихъ мо-

надпись никто еще по сіе время разобрать не могъ. Оной, какъ думать надобно, служилъ гдѣ либо замыканіемъ въ дугѣ дверной. Его нашли верстахъ въ 40 отсюда по ту сторону Буга, на развалинахъ древняго и извѣстнаго города Ольвии, что нынѣ называется урочищемъ Сто могилъ и принадлежитъ графу Безбородкѣ. Въ семь мѣстъ попадались еще древнѣйшія монеты, отломки карнизовъ и колоннъ, служащіе къ заключенію о бытіи здѣсь оваго града“. Замѣчательно, что ни Палласъ, ни Сумароковъ совершенно не упоминаютъ имени Парутина. *Ваксель*, почти одновременно съ Сумароковымъ и Палласомъ выпустившій въ свѣтъ свои „Изображенія разныхъ памятниковъ древности“ (Сиб. 1801), какъ кажется, еще не зналъ, гдѣ именно находятся развалины Ольвии, хотя и слышалъ о нихъ (см. стр. 7: „№ 26 и 27 изображаютъ монеты, отсканнныя близъ Николаева; на нихъ видно слово: *Olybio*, имя древняго греческаго города, стоявшаго при стеченіи рѣкъ Буга и Днѣпра; изъ которыхъ развалины оваго и подіясь существуютъ“). Тоже самое можно предположить и относительно *Clarke* (см. его „Travels in the various countries“ изд. 4, т. II стр. 351 и 364. Ср. *Raoul-Rochette* Ant. du Bosph. Cimmér. стр. 16, гдѣ, впрочемъ, не вполне вѣрно передано свидѣтельство *Clarke*). Вообще кажется, что вѣстие объ открытіи Палласа медленно распространялось за границую. Если не ошибаюсь, *Сестини* первый изъ заграничныхъ ученыхъ привелъ названіе мѣстности, въ которой лежала Ольвия, болѣе 20 лѣтъ спустя по открытіи Палласа (см. его *Lettere e dissert. numismat.* т. IV (1818 г.) стр. 33: „villaggio *Stromogil* [sic], distante 35 Werste da Chersona“). Свидѣніе это заимствовано изъ статьи Кёлера, указываемой нами ниже въ прим. 19). Еще въ 1820 году *Маннертъ*, говоря о мѣстоположеніи Ольвии, допустилъ отмѣченную нами въ прим. 10 странную ошибку. Впрочемъ и въ болѣе новыхъ трудахъ (хотя бы, напр., въ Реальной Энцикл. *Паули* и сл. *Boysthene*) встрѣчаются ошибочныя указанія мѣстоположенія Ольвии, ничѣмъ уже не извинимыя.

¹⁸⁾ *Муравьевъ*, Пут. по Тавридѣ стр. 25. Гр. *Уваровъ*, Извѣд. стр. 36.

нетъ, уже говорить о мѣстоположеніи Ольвии, какъ о чемъ-то давно извѣстномъ, не называя при этомъ ни Палласа, ни Сумарокова ⁴⁹⁾.

§ 5. Названія города Ольвии.

У древнихъ писателей встрѣчаются разныя формы названія занимающаго насъ города: одни называютъ его 'Ολβία, другіе Βοροσθίνης, третьи Βοροσθάνις, Плиній прибавляетъ еще имена Olbiopolis и Miletopolis. Въ виду того, что разборъ степени достовѣрности и употребительности каждаго изъ этихъ названій сдѣланъ уже Бѣкомъ ¹⁾, мы не будемъ останавливаться на немъ съ особенною подробностью; мы отмѣтимъ только, что намъ кажется въ объясненіяхъ Бѣка не вполне вѣрнымъ, недостаточно обоснованнымъ или получившимъ новое освѣщеніе въ данныхъ, сообщаемыхъ открытыми въ новѣйшее время эпиграфическими памятниками. Бѣкъ совершенно вѣрно отмѣтилъ, что собственное имя города, употреблявшееся его жителями было 'Ολβία; названіе Βοροσθίνης, по его мнѣнію, употребляли иностранцы, „quibus quasi e longinquo spectantibus urbs ab illustriore appellabatur fluvio Borysthene, quatenus ei non apposita“. Но сдѣлан-

⁴⁹⁾ *Nova acta acad. scient. Petropol.* т. XIV (1805 г.) стр. 99 сл.—Графъ Поттоцкій въ указ. соч. (1804 г.) издалъ 3 Ольвійскія надписи, хранившіяся въ то время въ Тульчинскомъ музеѣ (= *Inscr.* №№ 33, 78 и 116), но при этомъ ни слова не говоритъ о мѣстоположеніи Ольвии.

Волге или менѣе подробныя описанія мѣстности, никогда занятой Ольвиею, даютъ: П. И. Келленъ въ статьѣ, написанной въ 1819 г. для задуманной имъ исторіи Ольвии, но напечатанной только въ 1872 г. при изданіи перенесеннаго съ архіепископомъ Евгеніемъ въ *Зап. Од. Общ. ист. и древн.* т. VIII стр. 404 сл.; *Муравьевъ-Апостолъ*, Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 годѣ (Спб. 1823) стр. 5—38; анонимная статья (Бларамберга?) подъ загл. „Ruines d'Olbia“ въ *Journal d'Odessa (Одесскій Вѣстникъ)* 1827 г. № 85; гр. *Уваровъ*, Иссл. стр. 36 сл. (1849 г.); Ф. К. Брунъ въ *Зап. Од. Общ. т. V* стр. 985 сл.—Черноморье т. I стр. 146 сл. (1862 г.); *Брунъ* и *Архакъ* въ *Зап. Од. Общ. VIII* стр. 412 сл. (1870 г.); *И. Е. Забѣлинъ* въ Отчетѣ Импер. Археол. Комм. за 1873 г. стр. XVІІІ сл. и др.—Археологическіе планы мѣстности Ольвии извѣстны намъ слѣдующіе: 1) *Келлена*, снятый въ 1819 г. и изданный въ Спб. въ 1821 (перепечатавъ при VІІІ т. Записокъ Од. Общ. на табл. ІХ), по компетентному отзыву И. К. Суручана самый вѣрный изъ всѣхъ существующихъ; 2) *Бларамберга* при его *Choix des medailles d'Olbiopolis* (повидному уменьшенная копія предыдущаго); 3) *Муравьева-Апостола* при Пут. по Тавридѣ; 4) гр. *Уварова* въ *Собраніи картъ и рисунковъ къ Иссл. о древн. южной Россіи*, табл. VІІІ А и В.

¹⁾ С. I. Gr. II стр. 86.

ная Бёкомъ къ этому объясненію прибавка „sed ipsi Olbiopolitae sese non potuerunt ex fluvio denominare, cui non essent adiecti, et Borysthenitas appellarunt huius fluminis accolae Scythas“ оказывается теперь не вполне вѣрно: въ началѣ надписи № 11 нашего сборника, которую мы относимъ вмѣстѣ съ Диттенбергеромъ къ 1-й половинѣ IV вѣка до Р. Х., читается: „[Εἰς Βο]ρυσθένης εἰσπλεῖν τὸν βουλόμενον κατὰ τάδε“. Принимать здѣсь Βορυσθένης за названіе рѣки едва ли возможно ³⁾, такъ какъ всѣ дальнѣйшія постановленія въ этомъ документѣ относятся къ куплѣ и продажѣ золота и серебра въ городѣ, что же касается проводимаго Диттенбергеромъ ⁴⁾ различія между *urbs* и *emporium*, то признаемся, что оно совершенно для насъ непонятно: вѣдь у Геродота по крайней мѣрѣ самый городъ называется Βορυσθεναίων ἐμπόριον. Итакъ остается принять, что въ IV вѣкѣ оба названія города были въ употребленіи у самихъ жителей, причемъ, быть можетъ, они, называя свой городъ Βορυσθένης, примѣнялись къ тому *usus*, который распространенъ былъ между иностранцами, для которыхъ главнымъ образомъ и изданъ былъ занимающій насъ декретъ ⁴⁾. Имъ же окончательно опровергается свидѣтельство приписываемой Скимну географической поэмы, что названіе Ολβία было древнѣйшимъ, а Βορυσθένης позднѣйшимъ ⁵⁾. Но въ послѣдствіи названіе Ολβία сдѣлалось единственно употребительнымъ у жителей, какъ доказываютъ почти всѣ другія надписи и всѣ безъ исключенія монеты, на которыхъ, какъ справедливо замѣтилъ уже Му-

³⁾ Впрочемъ покойный Н. И. Надеждинъ, безъ сомнѣнія, нашелъ бы въ нашемъ документѣ блистательное подтвержденіе своего мнѣнія, что „вытѣшнѣйшій Бугъ для Геродота былъ не иное что, какъ самый Борисфенесъ“. См. Записки Од. Общ. ист. и древн. т. I (1844 г.) стр. 28 сл.

⁴⁾ Sylloge inscr. Graec. стр. 491, № 354 пр. 1: „Βορυσθένης hic non urbem, sed emporium significat; nam urbs etiam tum ab ipsis incolis 'Ολβία vocata videbitur (v. 16). quam sane reliqui Graeci ipsam quoque Βορυσθένης dicebant“.

⁵⁾ Мейеръ (прибавл. къ статьѣ Olbia въ Allgem. Encyclopädie herausg. von Ersch und Gruber отд. III т. 3 стр. 481) объясняетъ происхожденіе названія Βορυσθένης слѣдующимъ образомъ: „Bei den Olbiern selbst hiessen die am Flusse wohnenden Skythen Βορυσθεναῖται, Βορυσθενῖται; aber eben dadurch, dass Olbia den diese Küste besuchenden Griechen ein Stapelplatz für den Handel mit jenen Barbaren wurde, also ein ἐμπόριον Βορυσθεναίων und in wiefern es in ihrem Gebiete lag, auch eine πόλις Βορυσθεναίων war, mussten sie leicht dazu kommen, die Stadt selbst der Kürze wegen Borysthenes und die Einwohner Borystheniten zu nennen“.

⁶⁾ См. § 4 прим. 4. Вѣрность этого свидѣтельства опровергнута уже Бёкомъ и Мейеромъ.

равлевы-Апостолъ ⁶⁾, названія Борисеева (ΒΟΡΥΣ) никто и никогда не видывалъ.

Изъ двухъ особыхъ именъ, приводимыхъ Плиніемъ, второе, то-есть Miletopolis, нигдѣ до сихъ поръ не встрѣчалось, хотя и могло быть въ употребленіи, такъ какъ трудно думать, чтобы Плиній или авторъ, послужившій для него источникомъ, самъ его выдумалъ. Относительно названія Olbiopolis Вѣкъ замѣчаетъ: „Olbiopolin dictam non usquam reperimus, et videtur Plinius ex civium nomine illud urbis nomen collegisse“. Намъ кажется, однако, что такую форму имени необходимо предполагать для объясненія постоянной формы названія жителей 'Ολβιοπολίται: если бы не было этой формы, то почему бы жители не назывались, напримѣръ, 'Ολβιανοί или 'Ολβιακοί, подобно жителямъ Ольвии Лигистійской или Киликійской? ⁷⁾. Форма 'Ολβία, какъ болѣе краткая и легкая для произношенія, естественно должна была на практикѣ получить преимущество предъ длиннымъ словомъ 'Ολβιοπολίς ⁸⁾; но нельзя положительно утверждать, что послѣдняя форма никогда не употреблялась: по крайней мѣрѣ намъ кажется, что именно она должна быть восстановлена въ одномъ вновь изданномъ нами отрывкѣ Ольвійской надписи ⁹⁾.

Въ периплѣ безыменнаго автора нашъ городъ называется еще 'Ολβία Σαοία. Это второе названіе, по обыкновенному объясненію, прибавлялось для отличія Ольвии Борисеевской отъ другихъ одноименныхъ городовъ и производилось отъ названія народа Σάοιοι или отъ Σάβρος=Σαβάζιος и т. п. ¹⁰⁾. Однако такое объясненіе не намъ однимъ кажется въ высшей степени невѣроятнымъ. Во первыхъ, саями (Σάοιοι, а не Σαοίοι или Σάβιοι) называлось только одно изъ жившихъ въ окрестностяхъ Ольвии варварскихъ племенъ, притомъ очень мало извѣстное, не упоминаемое ни однимъ авторомъ и только случайно встрѣтившееся въ Протогеновскомъ декретѣ; далѣе, эти саяи были не исконными обитателями окрестностей Ольвии; иначе Иродотъ, кото-

⁶⁾ Путеш. по Тавр. стр. 29.

⁷⁾ *Стеф. Визант.* п. сл. 'Ολβία.

⁸⁾ Ср. *Χερσόνησος* и *Визант.* *Χερσόνη* или наши формы: Петербургъ и Пилтеръ, Ориенбаумъ и Рамбовъ и т. п.

⁹⁾ *Извст.* № 27 fr. а стр. 2.

¹⁰⁾ Первое производство предлагаетъ Вѣкъ въ С. I. Gr. II стр. 84, второе—*Креймеръ* въ рецензіи Вларамбергера *Choix de medailles antiques d'Olbiopolis ou d' Olbia*, помѣщенной въ *Heidelb. Jahrbücher der Litter.* 1822, № 78, стр. 1285 (русскій переводъ В. Н. Юрjewича въ *Зап. Од. Общ.* т. X стр. 407 сл.).

рому именно эта мѣстность въ Скиѣи была наиболѣе извѣстна, не могъ бы обойти ихъ молчаніемъ. Стало быть имя этого народа могло быть приложено къ названію Ольвин только въ сравнительно позднія времена, а тогда является вопросъ, почему же раньше не было надобности въ такомъ отличіи? Да еслибы оно и понадобилось, то греки безъ сомнѣнія, стали бы называть городъ, напримѣръ, 'Ολβία Ποντικῆ или Σκιδικῆ, а не приложили бы къ ней названія одного мало извѣстнаго варварскаго племени. Притомъ мы знаемъ, что греки нашли способъ гораздо удобнѣе обозначать этотъ городъ — однимъ именемъ близкой къ нему и всѣмъ извѣстной рѣки Борисеена, стало быть въ названіи, состоящемъ изъ двухъ словъ ('Ολβία Σαία, Ποντικῆ и т. п.), совсѣмъ уже не было надобности. Наконецъ, если мы обратимъ вниманіе на тотъ единственный источникъ, въ которомъ встрѣчается это прозваніе Ольвин, то нельзя будетъ не удивиться той легкости, съ которою ученые принимали на вѣру его показаніе: извѣстно, что периплъ безыменнаго автора есть не что иное, какъ конгломератъ отрывковъ, выхваченныхъ на скорую руку изъ разныхъ авторовъ (преимущественно Арріана и поэмы, извѣстной подъ именемъ Скимна) и сшитыхъ между собою, что называется, бѣлыми нитками; данное мѣсто безыменный буквально выписалъ изъ Скимна и только въ концѣ къ названію Борисеена прибавилъ „τῆ νόν χαλοῦμένῃ Δανάκρει“; у Скимна названія Σαία нѣтъ, и весьма трудно допустить, чтобы безыменный, еслибы онъ заимствовалъ это названіе изъ какого-либо другаго источника, вставилъ его въ текстъ Скимна безъ всякой оговорки: скорѣе можно было бы ожидать, что онъ прибавилъ бы его въ концѣ цитаты изъ Скимна, напримѣръ, въ такой формѣ: χαλεῖται δὲ καὶ Σαία. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній мы считаемъ безусловно необходимымъ согласиться съ К. Мюллеромъ, который считаетъ слово Σαία простой диттографіей и исключаетъ изъ текста¹¹⁾. Такимъ образомъ изъ многихъ именъ, подъ которыми

¹¹⁾ Geogr. Gr. min. т. I стр. 229: „Nomen Σαία nihil est, optior, nisi ditto-graphia nominis 'Ολβία (CABIA, OABIA)“. Намъ, быть можетъ, поставить въ упрекъ, что мы такъ долго распространялись въ оправданіе чужой поправки, давнымъ давно извѣстной; но въ виду того, что она была сдѣлана голословно, безъ всякихъ объясненій, намъ казалось великимъ выслушаніемъ мотивовъ, по которымъ мы считаемъ внутренно несостоятельнымъ чтеніе Σαία, тѣмъ болѣе, что оно и до сихъ поръ нѣкоторыми исследователями принимается за достоверное. Впрочемъ другіе, руководимые вѣрнымъ чутьемъ, давно уже высказывали недоумѣнія по поводу этого названія. Такъ *Маннертъ* (Geogr. IV стр. 243 пр. f)

встрѣчается Ольвія у авторовъ, въ обыденномъ употребленіи были только два: Ὀλβία у жителей и Βοροσθίνης у иностранцевъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся къ главной задачѣ нашего труда и постараемся прослѣдить, на сколько позволяютъ существующіе скудные источники, историческія судьбы Ольвіи и ея государственное устройство.

Графъ А. С. Уваровъ¹²⁾ дѣлитъ исторію Ольвіи на три главные періода: 1) греческій, простирающійся отъ основанія Ольвіи до нашествія Биребиста, царя гетовъ (655—54 до Р. Хр.); 2) скиео-греческій, простирающійся отъ раззоренія Ольвіи до совершеннаго подчиненія ея Риму (54 до Р. Хр.—196 по Р. Хр.), 3) римскій, въ теченіи котораго Ольвія была подъ властію римскихъ императоровъ (196—235 по Р. Хр.). Но это дѣленіе никоимъ образомъ не можетъ быть для насъ обязательнымъ. Во первыхъ въ теченіи перваго періода въ положеніи Ольвіи происходили настолько рѣзкія перемены, что его въ свою очередь можно было бы подраздѣлить на болѣе мелкіе-періоды, если бы ея исторія за это время была болѣе намъ извѣстна: сначала мы увидимъ ее въ цвѣтущемъ состояніи, затѣмъ въ крайнемъ упадкѣ, наконецъ подъ непосредственной властію скиескихъ царей. Въ вторыхъ, между вторымъ и третьимъ періодами не возможно провести рѣзкой грани: подчиненіе Ольвіи верховной власти римскихъ императоровъ было только официальнымъ признаніемъ такого положенія, которое de facto давно уже существовало и возникло не сразу, а постепенно. Наконецъ мы не можемъ сказать навѣрное, что послѣ 235 г. Ольвія уже не существовала и что этотъ годъ былъ, стало быть, концомъ ея исторіи. Поэтому мы считаемъ возможнымъ провести въ исторіи Ольвіи только одну рѣзкую черту, раздѣляющую ее на два періода: этою чертою будетъ именно гетскій погромъ, послѣ котораго существованіе Ольвіи на время совершенно прѣкратилось.

признавалъ его опіскою (Schreibfehler), которую, впрочемъ, отказывался объяснить, а *Муравьевъ-Апостолъ* замѣтилъ: „Что же касается до вѣдѣта Савія, ко-его кроми безыменнаго никто Ольвіи не давалъ, то я признаюсь, что ничего въ немъ не понимаю и догадаться не могу, какому онъ языку принадлежитъ“. (Путешествіе по Тавр. стр. 27, пр. 24).

¹²⁾ Иссл. стр. 71.

ЧАСТЬ I.

Историческія судьбы Ольвіи.

ГЛАВА I.

Періодъ процвѣтанія Ольвіи отъ ея основанія до осады Зоупріона.

§ 1. Отъ основанія Ольвіи до конца V в. до Р. Хр.

Милетскіе поселенцы явились на берега Ипанида, по словамъ приписываемаго Скимну Хиосскому стихотворнаго землеописанія, ката τὴν Μηδικὴν ἐπαρχίαν ¹⁾, а по хронологическому показанію Евсевія (у Иеронима)—около 4-го года 33-й Олимп., то-есть 645/4 до Р. Хр. ²⁾.

¹⁾ См. введ. § 4 прим. 4. Основаніе Ольвіи изъ Милета единогласно засвидѣтельствовано древними авторами. См. *Ирод.* IV, 78. *Страб.* VII p. 306 и др. (свидѣтельства псевдо-Скимна, Везимениаго и Стевана Визант. см. во введ. § 4 пр. 4). Оно доказывается также сходствомъ государственныхъ и религіозныхъ учрежденій, календаря и пр., какъ мы неоднократно будемъ видѣть это при дальнѣйшемъ изложеніи.

²⁾ Слѣдуемъ датѣ, показанной въ новѣйшемъ полномъ изданіи Евсевія — Шёне (*Eusebi Chroniconum libri duo* ed. A. Schoene, т. II (Berol. 1866) стр. 89). Въ прежнихъ изданіяхъ Иеронимова латинскаго перевода Евсевія (изъ которыхъ мы имѣли подъ руками второе изданіе Скалигера: *Thesaurus temporum, Eusebii Pamphili... chroniconum saeculorum omnimodaе historiae libri duo, interprete Hieronimo etc., opera et studio Ios. Iusti Scaligeri* ed. altera, Amstel. 1658, стр. 121) основаніе городовъ: Аганаеа, Стагиря, Истра, Лампаса, Андиръ и Борисеена приписано, между прочими историческими событіями, въ періоду времени отъ 4-го г. 30-й Ол. до 3-го г. 31-й Ол. (657—654 до Р. Хр.; въ греческомъ текстѣ на стр. 157 изд. Скалигера основаніе Борисеена поставлено подъ 3-мъ г. 31-й Ол.); въ изданіи же Шёне дата основанія Борисеена отодвинута на 10 лѣтъ ниже: *главная* дата (т. е. отмѣченная тѣмъ способомъ, которымъ по объясненію издателя (praef. p. XLI) „aut omnium librorum consensum indicat, aut optimorum codicum, aut eam omnino memoriam, quam certis ex causis omnium integerrimam existimo“) поставлена подъ Ол. 33, 4, а кромѣ того отмѣчены два варианта: въ еод. P(etaianus) основаніе Борисеена поставлено подъ Ол. 33, 2, а въ еод. F(egerianus) — подъ Ол. 33, 3. Въ виду того, что въ основу изданія Шёне положено новое сличеніе рукописей, его дата заслуживаетъ, конечно, полного предпочтенія предъ датой прежнихъ изданій и уже принята некоторыми новѣйшими учеными (напр. *G. Gilbert, Handbuch d. Griech. Staatsalterth.* т. II стр. 186; *G. Busolt, Griech. Geschichte* т. I стр. 588 и др.).

Объ основаніи ями города, первомъ его укрѣпленіи и расширеніи и вообще о первыѣхъ временахъ жизни колонистовъ на новой родинѣ и отношеніяхъ ихъ къ сосѣдамъ у насъ нѣтъ никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ. Намъ кажется однако, что сообразно съ представленнымъ выше *) очеркомъ послѣдовательнаго развитія еллинской колонизаціи на Евксинскомъ Понтѣ, можно представить себѣ заселеніе еллинами западнаго берега Ипанида въ слѣдующемъ видѣ. Милетцы, познакомившись съ Понтомъ Евксинскимъ и населившимися его побережья племенами, мало по малу, привлекаемые коммерческими выгодами, распространили районъ своихъ торговыхъ сношеній вплоть до отдаленнѣйшихъ сѣверныхъ береговъ Понта и здѣсь между прочимъ облюбовали мѣстечко на западномъ берегу Ипанида, удобное для торговли съ туземцами, страна которыхъ изобиловала различнаго рода естественными произведеніями, привлекательными для милетскихъ коммерсантовъ. Завязались правильныя сношенія, скиѣмъ привыкли являться на это мѣсто для обмѣна своихъ товаровъ, и для милетцевъ явилась надобность, для окончательной организаціи торговли, устроить здѣсь факторію, конторы съ магазинами для склада товаровъ и пр., а затѣмъ, прочно утвердивъ за собою этотъ торговый пунктъ и ясно представляя себѣ всѣ его выгоды, они явились сюда въ болѣе значительномъ количествѣ для постояннаго жительства и положили прочное основаніе поселенію, которое, благодаря стеченію различнаго рода благоприятныхъ обстоятельствъ въ первое время его существованія, быстро окрѣпло, расширилось и разцвѣло. Къ этому-то окончательному заселенію берега Ипанида милетцами и относится, быть можетъ, Евсевіево хронологическое указаніе, достовѣрность котораго, конечно, не можетъ быть признана стоящею влѣ всякаго сомнѣнія.

Мы не можемъ, конечно, рѣшить, получили ли милетцы для окончательнаго поселенія на Ипанидѣ формальное разрѣшеніе скиѣвъ, или же еллинскій городъ здѣсь выросъ незамѣтно для послѣднихъ изъ факторій, въ которую скиѣмъ мало-по-малу привыкли обращаться для обмѣна своихъ товаровъ на произведенія еллинской промышленности и искусства. Но во всякомъ случаѣ можно сказать навѣрное, что первоначальное количество милетскихъ поселенцевъ не могло быть велико и что уже по тому самому невозможно согласиться съ предположеніями нѣкоторыхъ изъ нашихъ изслѣдователей, будто новыя поселенцы очистили для себя мѣсто посредствомъ изгнанія

*) Введ. § 2.

съ него скиеовъ ⁴⁾. Какимъ образомъ, спрашивается, могли пришельцы выгнать скиеовъ, когда сами представляли сравнительно съ ними ничтожную горсть, которая легко могла быть стерта съ лица земли до послѣдняго человѣка? Какъ могли еллины вступить въ враждебныя отношенія съ тѣми народами, торговля съ которыми была главною, если не единственною, приманкою для ихъ поселенія въ странѣ, на столько удаленной отъ ихъ отечества, обладавшей столь суровымъ климатомъ и еще въ V в. считавшейся краемъ свѣта? ⁵⁾ Такими отношеніями еллины могли повредить исключительно себѣ, а никакъ не скиеамъ. Поэтому намъ кажется, что о борьбѣ здѣсь не могло быть и рѣчи, напротивъ, еллины должны были стараться во что бы то ни стало жить въ мирѣ съ скиеами, привлекать ихъ на свою сторону и распространять между ними блага своей цивилизаціи; такой образъ дѣйствій былъ единственнымъ залогомъ ихъ будущаго могущества и процвѣтанія. Что это такъ и было въ дѣйствительности,— въ этомъ вполне убѣждаютъ насъ факты, сообщаемые Иродотомъ, извѣстія котораго впервые выводятъ Ольвію изъ глубокаго мрака, окутывающаго первыя времена ея существованія.

Иродотъ не занимается въ своемъ разсказѣ исторіею Ольвіи; онъ только мимоходомъ упоминаетъ о ней при случаѣ въ своемъ описаніи Скиеи ⁶⁾, но и изъ этихъ разрозненныхъ упоминаній очевидно, что въ V в. до Р. Хр. Ольвія представляла собою уже значительный, хорошо обстроенный, окруженный стѣнами съ башнями, богатый и благоустроенный городъ, жители котораго имѣли уже на столько

⁴⁾ Ср. напр. гр. Уварова Изсл. стр. 72: „Милетскіе поселенцы, вытѣснивъ Скиеовъ земледѣльцевъ (Σκόβαι γειωροί) съ береговъ Гипаниса, заняли ихъ страну. Часть этихъ Скиеовъ осталась, вѣроятно, въ окрестностяхъ возникающей Ольвіи; а другая часть, перешедши Днѣпровскій лиманъ, поселилась на сѣверѣ Гилекъ, между Борисееномъ и Пантгалесомъ. Эти Скиеи получили отъ Грековъ названіе Борисеенитовъ, по мѣстности своего новаго поселенія; но они сами, или недовольные своимъ новымъ жилищемъ, или жалѣя о берегахъ Гипаниса, называли себя Ольвіополитами, т. е. изгнанниками изъ той страны, въ которой была построена Ольвія“. Впрочемъ такое возвращеніе на основаніе Ольвіи и своеобразное пониманіе извѣстнаго свидѣтельства Иродота не принадлежатъ гр. Уварову, а заимствованы у *Потоцкаго*, объясненія котораго были уже оцѣнены нами по достоинству: см. введ. § 3 прим. 9.

⁵⁾ Ср. Эсл. Пром. ст. 1. Χθονὸς μὲν ἐς τηλοῦρόν ἤκομαν πέδον,
Σκόβην ἐς οἶμον, ἄβροτον ἐς ἐρημίαν κτλ.

⁶⁾ Нашествіе Дарія совершенно не коснулось Ольвіи, она осталась внѣ раѣона военныхъ дѣйствій, и потому Иродотъ въ разсказѣ о нихъ вовсе не упоминаетъ объ Ольвіи.

сильное вліаніе на сосѣднихъ туземцевъ, что болѣе развитыя личности между послѣдними начинали ясно сознавать превосходство еллинской цивилизаціи, перенимали ихъ обычаи и образованность, женились на гречанкахъ, поклонялись ихъ богамъ и пр.; хотя большинство скиноовъ и противилось еще принятію еллинскихъ обычаевъ, и отдѣльныя личности между ними иногда дорогою цѣною искупали свое сочувствіе къ еллинизму, но въ ближайшихъ окрестностяхъ Ольвии образовалось уже цѣлое племя, представлявшее собою помѣсь еллиновъ со скинами и обладавшее еллинской культурой ¹⁾). Для ознакомленія съ состояніемъ Ольвии приблизительно въ срединѣ V в. до Р. Хр., то-есть чрезъ два вѣка послѣ ея основанія, особенно важенъ рассказъ Иродота о несчастной судьбѣ скинскаго царя Скила (IV, 78 сл.); приводимъ его поэтому въ подробномъ пересказѣ.

Скиль былъ сынъ скинскаго царя Аріапнеа отъ одной изъ его женъ, по происхожденію гречанки изъ г. Истра; мать научила Скила своему языку и грамотѣ. Послѣ смерти Аріапнеа, измѣннически убитаго Спарганиномъ, царемъ агаеирсовъ, Скиль наслѣдовалъ его престолъ и, по обычаю, взялъ за себя одну изъ женъ отца, по имени Опію. Сдѣлавшись царемъ, Скиль сталъ чуждаться скинскаго образа жизни и склоняться къ еллинскому, что было естественнымъ слѣдствіемъ его полугреческаго происхожденія и полученнаго отъ матери воспитанія. Для того, чтобы безъ помѣхи со стороны скиноовъ слѣдовать своимъ склонностямъ, Скиль поступалъ такъ: приходя съ большой свитой ²⁾ къ городу Ворисеенитовъ, онъ оставлялъ свиту въ

¹⁾ См. выше стр. 17 сл.

²⁾ Иродотъ говоритъ: εἰς τὴν ἀγαίαν [ὁ Σκύλης] τὴν στρατὴν τὴν Σκυθῶν ἐς τὸν Ворисεηνεῖτον ἔστω, τὴν μὲν στρατὴν καταλίπας ἐν τῷ προαεῖσιφ и т. д. Слово *στρατὴν* большинство изслѣдователей, комментаторовъ и переводчиковъ (не исключая и г. Мищенко) понимаетъ въ буквальномъ смыслѣ „войско“; но при такомъ пониманіи невольно возникаютъ вопросы, не поддающіеся объясненію. Если Скиль являлся въ Ольвию съ прямою цѣлью помѣсть среди симпатичныхъ ему людей и пріятной обстановки, то спрашивается, зачѣмъ ему было брать съ собою цѣлую армию? Если же, что гораздо менѣе вѣроятно, онъ заходилъ въ Ольвию мимоходомъ при движеніи съ арміею противъ какихъ либо непріятелей, то какъ могъ онъ заживать въ ней по цѣлымъ мѣсяцамъ, забывая цѣль похода? Наконецъ, совершенно невѣроятно, чтобы онъ бралъ съ собою войско для собственной безопасности и для угрозъ Ольвиополитамъ, такъ какъ въ городѣ онъ являлся совершенно одинъ и стало бы вполнѣ довѣрять своимъ еллинскимъ друзьямъ. Поэтому намъ кажется гораздо лучше видѣть въ Штеинномъ (Herodotus *op. cit.* von H. Stein, прим. къ данному мѣсту) понимать подъ *στρατὴν* не войско

предградіи, а самъ входилъ въ городъ и приказывалъ запираеть за собою ворота и охранять ихъ стражею, чтобы никто изъ скиеовъ не проникъ въ городъ; принявъ такія мѣры предосторожности, онъ сбрасывалъ свое скиеское одѣяніе, надѣвалъ еллинское и ходилъ въ немъ по площади безъ всякихъ тѣлохранителей, подражалъ еллинамъ во всемъ образѣ жизни и совершалъ священнослуженіе по ихъ обрядамъ. Проведя такимъ образомъ въ городѣ съ мѣсяць или больше, онъ снова надѣвалъ скиеское платье и возвращался къ своимъ. На случай такихъ посѣщеній Скилъ даже построилъ себѣ въ Ольвиі огромный и роскошный дворецъ, окруженный бѣломраморными сфинксами и грифами, и поселилъ въ немъ на жительство жену изъ туземокъ. Дѣло кончилось однако бѣдою, по слѣдующему поводу: Скилъ захотѣлъ быть посвященнымъ въ таинственное служеніе Діониса Вакхія и не отказался отъ своего намѣренія даже тогда, когда ему было послано божествомъ знаменіе, состоявшее въ томъ, что молнія ударила въ дворецъ и сожгла его до тла. А надо знать, что скионъ неодобрительно смотрѣли на вакхическія празднества еллиновъ: „Не слѣдуетъ, говорили они, выдумывать такого бога, который приводитъ людей въ неистовство“. И вотъ, когда Скилъ принялъ посвященіе въ таинства, одинъ Борисеенитъ тайкомъ вышелъ изъ города къ его свитѣ и сказалъ: „Вы, скионъ, смѣтаетесь надъ нами, что мы совершаемъ вакхическіе праздники и неистовствуемъ подъ наитіемъ божества; а вотъ теперь тотъ же богъ обуялъ и вашего царя,—онъ находится въ вакхическомъ экстазѣ. Если вы мнѣ не вѣрите на слово, то пойдите, я вамъ покажу“. Съ этими словами Борисеенитъ тайкомъ провелъ скиескихъ начальниковъ на одну башню, съ которой они дѣйствительно увидѣли Скила, въ вакхическомъ изступленіи прошедшаго мимо нихъ въ толпѣ посвященныхъ. Скионъ сочли это за страшное несчастье для себя и, сойдя съ башни, объявили о видѣнномъ всей свитѣ. Когда Скилъ послѣ

въ собственномъ смыслѣ, а просто большую долу скиеовъ, которую Скилъ могъ брать съ собою въ качествѣ свиты. Ср. въ подобномъ же значеніи *Πρωτεύων στρατός* у Ирод. I, 126, *ἐπιστρατεύουσαι* III, 107 и др. Подъ *προστειών* мы понимаемъ не предметъ въ обыкновенномъ смыслѣ, т. е. поселеніе „по окрестностямъ города, за городскими стѣнами (какъ объяснить напр. графъ Уваровъ, Иссл. стр. 39: „За стѣною начиналась предѣстья, столь обширныя, что могли вмѣщать въ себя всю скиескую армію“), а просто открытую местность предѣ городовъ, на которой свита Скила располагалась лагеремъ въ ожиданіи его возвращенія изъ города. Ср. *Ирод.* I, 78, II, 41 и др.

этого возвратился изъ города къ своимъ, они подняли противъ него возстаніе, избравъ своимъ царемъ брата его Октамасада, родившагося отъ дочери еракійскаго царя Тирея. Скилъ бѣжалъ во Фракію къ царствовавшему тогда сыну Тирея Ситалку⁹⁾. Октамасадъ съ войскомъ послѣдовалъ за нимъ. На берегу Истра встрѣтили ихъ еракійцы и готовились уже вступить въ бой, когда Ситалкъ послалъ къ Октамасаду предложеніе вымѣнять Скила на своего брата, находившагося въ рукахъ Октамасада. Послѣдній согласился на это и, выдавъ дядю, получилъ брата, которому и отрубилъ голову.

На основаніи этого разказа, который по всей вѣроятности былъ сообщенъ Иродоту въ Ольвии Тимномъ, повѣреннымъ царя Ариапиеа¹⁰⁾, и въ достовѣрности котораго нѣтъ никакихъ поводовъ сомнѣваться, мы можемъ въ слѣдующихъ чертахъ представить себѣ городъ Ольвию и отношеніе его къ своимъ сосѣдямъ - скизамъ чрезъ два вѣка послѣ его основанія. Городъ былъ окруженъ крѣпкими стѣнами, на столько высокими, что онѣ могли закрывать отъ любопытныхъ взоровъ все, что дѣлалось внутри его; въ стѣнахъ находились ворота, крѣпко запиравшіяся въ случаѣ надобности; на стѣнахъ возвышались башни¹¹⁾, въ одну изъ которыхъ можно было тайкомъ пробраться извнѣ. Городъ былъ украшенъ, между прочимъ, роскошнымъ дворцомъ Скила, украшеннымъ бѣломраморными сфинксами и грифами; такъ какъ этотъ дворецъ съ изваяніями, конечно, не могъ быть дѣломъ скинскихъ рукъ, то необходимо предположить, что въ Ольвиі были уже свои архитекторы и ваятели¹²⁾. Граждане поддерживали

⁹⁾ Это тотъ самый Ситалкъ, который съ начала Пелопоннесской войны былъ союзникомъ аеинянъ и въ 424 г. погибъ въ битвѣ съ трибаллами. См. *Ирод.* II, 29, 95 сл., IV, 101, *Діод.* XII, 50 сл. Ср. *Курциуса* Греч. ист. т. II стр. 327, 355 (р. перев. Веселовскаго), *Воннелъ Beitr.* I стр. 407 и др.

¹⁰⁾ *Ирод.* IV, 76. О значеніи придаваемого Иродотомъ Тимну титула *ἐκίτροπος* ср. *Niebuhr* Kl. hist. Schriften I стр. 355, *Stein* прим. къ ук. и. Иродота, *Воннелъ Beitr.* I стр. 42, пр. 1. По вѣроятному предположенію Штейна, Тимнъ былъ Ольвиополитъ, завѣдывавшій дѣлами Ариапиеа въ своемъ родномъ городѣ и потому могшій имѣть хорошія свѣдѣнія о скинскомъ царскомъ домѣ.

¹¹⁾ Отъ III в. до Р. Хр. изъ надписей Клеомврата и Протогена намъ извѣстны названія семи башенъ. Изъ Протогеновскаго же документа слѣдуетъ, кажется, заключить, что раньше городъ не со всехъ сторонъ былъ украшенъ стѣнами. См. ниже гл. 3.

¹²⁾ Ср. *Воннелъ Beitr.* I стр. 405 сл. Относительно скинскихъ и греческихъ, украшавшихъ дворецъ Скила, Штейнъ (въ прим. къ ук. и. Иродота) замѣчаетъ: „Die Grefe gehören in die Hyperboreer- und Arimaspen-Sage (т. е. 13, 3), die

дружественныя сношенія съ окрестными скинами и или сами угѣли говорятъ по скински, или (что во всякомъ случаѣ менѣе вѣроятно) скины по гречески; въ самомъ дѣлѣ, невозможно же предположить, чтобы донесшій на Скила Ольвіополить, выходя изъ города, предусмотрительно захватилъ съ собою переводчика¹³⁾. Смѣшанные браки заключались даже царями, не говоря уже о простыхъ смертныхъ; еллинская культура производила уже обаятельное впечатлѣніе на скиновъ, въ особенности смѣшаннаго происхожденія; послѣдніе, такъ сказать, съ материнскимъ молокомъ всасывали любовь ко всему еллинскому и отвращеніе отъ своихъ грубыхъ обычаевъ и всего образа жизни. Въ ближайшихъ окрестностяхъ Ольвіи отъ смѣшанныхъ браковъ еллиновъ со скинами успѣло уже образоваться цѣлое племя каллиподовъ, обладавшее еллинской культурой. Однако, скины, жившіе далѣе отъ Ольвіи, въ особенности кочевые¹⁴⁾, все еще крѣпко держались своихъ обычаевъ, неодобрительно относились къ новшествамъ и иногда заставляли ихъ приверженцевъ платиться головою.

auch in Olbia heimisch gewesen zu sein scheint. Ob aber die Wahl und Verbindung der beiden symbolischen Thiere zur Verzierung des Palastes in sonstigen localen Culten und Sagen einen Anlass hatte, bleibt dunkel^a (Ср. Bonnell стр. 403 пр. 1). Кстати напоминиъ здѣсь же читателямъ, что по мнѣнію академика Л. 9. Стефани къ IV или V в. до Р. Хр. относится уголь украшеннаго рельефомъ фриза, найденный въ Ольвіи при раскопкахъ И. Е. Забѣлина въ 1873 г. и описанный въ *Отчетъ И. Арх. Комиссіи* за 1874 г. стр. 96 сл. По мнѣнію нашего наститаго археолога „концепція и отдѣлка каждой фигурки вполне отзываются тѣмъ совершенствомъ, которымъ отличалась древняя скульптура въ періодъ высшаго своего процвѣтанія“. Въ IV в. до Р. Хр. любовь къ изящному на столько была развита у Ольвіополитовъ, что они не постыжались приобрести одно изъ произведеній рѣзца великаго Праксителя, къ сожалѣнію неизвѣстно какое. См. *Извст.* № 145 (ср. *E. Loewy* Inschriften Griech. Bildhaucr стр. 383 № 76a. Издатель очень склоненъ раздѣлять наше мнѣніе объ этомъ памятникѣ).

¹³⁾ Что скинскій языкъ не былъ особенно труденъ для изученія, это видно, между прочимъ, изъ разсказа Геродота о скинахъ и амазонкахъ: женившіеся на амазонкахъ скины не могли научиться языку своихъ женъ, тогда какъ послѣднія усвоили себѣ языкъ мужей (*Герод.* IV, 114).

¹⁴⁾ Геродотъ говоритъ вообще (IV, 76): Σκινικοῖσι δὲ νομαίοισι καὶ οὗτοι αἰνῶς χρεῖσται φύρουσι, μῆτε τῶν Ἑλλῶν, Ἑλληνικοῖσι δὲ καὶ ἤματα. По мнѣнію О. Г. Мищенко (*Журн. М. Н. Пр.* іюль 1884, отд. 2, стр. 151) „крайняя національная несклончивость, жертвами которой стали два скинскіе цари, должна быть приписана прежде всего царенинѣ скинамъ и вѣроятно тѣмъ, которые у Геродота носятъ особое названіе скиновъ-номадовъ. Черта эта не могла быть свойственна всѣмъ скинамъ, потому что были же и греко-скины, представлявшіе смѣшеніе скиновъ съ греками“.

Признавала ли въ это время Ольвія верховную власть скинскихъ царей надъ собою, какъ думаютъ нѣкоторые новыя ученые¹⁵⁾, навѣрное рѣшить нельзя. Такія отношенія, какія существовали между Ольвіополитами и Скиломъ, могли быть основаны и на взаимной дружбѣ и довѣрїи, а не исключительно на подчиненїи одной стороны другой. Если же таковое и было на дѣлѣ, то, при крайнемъ филеллинствѣ Скила, оно не могло быть особенно тягостно для Ольвіополитовъ. Въ такомъ случаѣ отношеніе къ нимъ Скила скорѣе всего можно представить себѣ въ родѣ отношеній Лидійскаго царя Креза къ малоазіатскимъ колонїямъ¹⁶⁾. Со смертью же Скила оно, конечно, должно было круто измѣниться.

Во 2-й половинѣ V вѣка Ольвія можетъ быть въ теченїи нѣкотораго времени входила въ составъ Аеннскаго морскаго союза. Высказываемъ это въ видѣ простаго предположенія, такъ какъ о распространенїи аеннской игемонїи на понтійскіе города имѣемъ лишь темныя намеки, сильно нуждающіеся въ уясненїи и подтвержденїи. Такъ, Плутархъ въ біографїи Перикла (гл. XX) говоритъ, между прочимъ, что великій создатель аеннскаго могущества „совершилъ экспедицію въ Понтъ съ огромнымъ и блестящимъ флотомъ, причемъ къ еллинскимъ городамъ отнесся благосклонно и исполнилъ все, о чемъ они просили, а окрестнымъ варварскимъ народамъ и ихъ царькамъ и волостелямъ показалъ огромное могущество, полномъ властіе и смѣлость аеннянъ, плававшихъ гдѣ имъ было угодно и подчинившихъ себѣ всѣ моря“. Затѣмъ изъ свидѣтельства Кратера, сохраненнаго Арпократиономъ¹⁷⁾, мы знаемъ, что крѣпость Нѳмаіонъ, находившаяся близъ Паптикапэи, ежегодно платила аеннянамъ одинъ талантъ дани. Безъ сомнѣнїя, именно это свидѣтельство и послужило для Ульриха Кблера главнымъ основанїемъ для восстановленія именъ нѣсколькихъ припонтійскихъ городовъ въ двухъ обломкахъ аеннскихъ спис-

¹⁵⁾ Напр. *Raoul Rochette*, *Ant. grecques du Bosphore Cimm.* стр. 100 (его мнѣніе опаривалъ въ своей рецензїи *Keller*, *Gen. Schriften* I стр. 144), *Wonnell Beitr.* I стр. 404. Последний представляетъ себѣ отношеніе Скила къ Ольвіи сходнымъ съ отношенїемъ царя Сантаварна во времена Протогена (см. ниже), но по нашему мнѣнію такое сравненїе совершенно невозможно: Сантаварнъ въ документѣ Протогена представляется врагомъ, который думалъ только о томъ, чтобы содрать побольше денегъ съ обнищавшей Ольвіи.

¹⁶⁾ Ср. объ этомъ *Дурциуса* Греч. мет. т. I стр. 463 (р. пер.).

¹⁷⁾ *Арпокр.* *Лекс.* п. сл. *Νόμμαιον* ... *Κρατερὸς δὲ ἐν ἐννάτῃ τῶν ψηφισμάτων φησὶν ὅτι Ἀθηναίοις τὸ Νόμμαιον ἐτίλει τέλαντον.*

ковъ данн, относящихся къ Ол. 88; 4 (425/4 до Р. Хр.), но; къ сожалѣнію, очень плохо сохранившихся¹⁸⁾. Покойный Дункеръ, не задолго до своей смерти серьезно заинтересовавшійся вопросомъ о Понтійской экспедиціи Перикла¹⁹⁾, путемъ остроумныхъ соображеній и комбинацій старался доказать, что эта экспедиція могла имѣть мѣсто только весной или лѣтомъ 444 г. до Р. Хр. и была совершена съ тою цѣлью, чтобы съ одной стороны отвлечь вниманіе аѳинянъ отъ Египта, съ другой—распространить сферу аѳинскаго вліянія на припонтійскіе города, что было тогда одинаково выгодно какъ для послѣднихъ, такъ и для аѳинянъ. Дункеръ указываетъ, что незадолго до этого времени князь одрисовъ Тирей распространилъ свое могущество за Гѣмъ вплоть до Истра и къ востоку до берега Понта, не безъ борьбы подчинивъ себѣ жившее здѣсь племя оиновъ. За Истромъ начинались уже обширныя владѣнія скинскаго царя Аріапнеа, съ которымъ Тирей вступилъ въ дружбу, закрѣпленную брачными узами (по мнѣнію Дункера около 465 г.). Возрастающее могущество обоихъ дружественныхъ царей не могло не произвести сильнаго и тяжелаго впечатлѣнія на еллинскіе города еракійскаго и скинскаго побережья, — на Аполлонію, Одиссъ, Истръ, Тиру, Никоній, Ольвію, Пантикапэй и Фанагорію. Имъ должна была представляться очень желанною возможность опереться противъ могущественныхъ сосѣднихъ царей на другую силу, которая была бы въ состояніи доставить имъ защиту съ моря. Такою силою являлись исключительно Аѳины. Дункеру кажется вполне возможнымъ, что тотъ или другой еллинскій городъ еракійскаго или скинскаго побережья обратился въ Аѳины съ подобною просьбою и что, опираясь на нее и на просьбы синопейцевъ, Периклъ тѣмъ легче могъ устроить дѣло такъ, чтобы экспедиція въ Понтъ было отдано предпочтеніе предъ войною въ Египтъ. Относительно этихъ соображеній нельзя не согласиться съ

¹⁸⁾ *U. Köhler*, Urkunden und Untersuchungen zur Geschichte d. Delisch-Attischen Bundes вь *Abhandl. der Berl. Akademie* 1869, ч. I стр. 74 и 164 сл.; *O. I. Att. I*, 17 fr. s. Келеръ предполагаетъ, что на обломкѣ могли быть названы имена: Κά[λλαις], Κη[μερί...], Νη[ωνία], Πατ[ραβός], Кер[αβός]; на обломкѣ есть имена городовъ, начинающіеся съ О и Т, для которыхъ можно было бы предложить возстановленія 'Ο[λβία] и Τ[ύρας]; оба эти города платили по 1 таланту данн.

¹⁹⁾ *M. Duncker*, Des Perikles Fahrt in den Pontus вь *Sitzungsberichte d. Berl. Akad.* 1885, т. II стр. 538 сл. Ср. ею же *Geschichte d. Alterthums* т. IX (1886) стр. 95 сл.

миѣніемъ Дункерова рецензента Нисе ²⁰⁾, который видитъ въ нихъ „ein auffallendes Beispiel einer kühnen aber nicht genügend begründeten 'Kombination'“; но дальнѣйшія замѣчанія Дункера заслуживаютъ вниманія. При своей экспедиціи Периклъ едва ли могъ имѣть въ виду включеніе припонтійскихъ городовъ въ число платящихъ дань аеинскихъ союзниковъ: отъ этого аеинянамъ не могло быть особенной выгоды, такъ какъ отдаленность этихъ городовъ съ одной стороны облегчала имъ возможность уклоняться отъ взносов, съ другой—затрудняла аеинянамъ принятіе принудительныхъ мѣръ, которыя они практиковали по отношенію къ другимъ, болѣе близкимъ союзникамъ. На первый разъ достаточно было завязать правильныя торговыя сношенія, основать аеинскія факторіи, обѣщать припонтійскимъ городамъ покровительство и защиту, однимъ словомъ ввести ихъ въ сферу аеинскаго вліянія. По справедливому замѣчанію Дункера въ аеинскихъ спискахъ дани не упоминаются понтійскіе города; попытка привлечь ихъ къ уплатѣ дани, повидимому, сдѣлана только при новой раскладкѣ ея въ 425/4 году, какъ можно заключать на основаніи упоминанія о дани Нимфэа, о денежныхъ сборахъ Ламаха въ Понтѣ въ 424 г., и восстанавливаемыхъ Келеромъ въ вышеуказанной надписи названій нѣсколькихъ припонтійскихъ городовъ. Была ли между ними Ольвія, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ, въ виду того, что она представляла собою одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ скинскаго побережья, можно думать, что вниманіе аеинявъ было обращено на нее болѣе, чѣмъ на какой нибудь Никоній, Патраей или Керасунтъ.

§ 2. Свидѣтельства эпиграфическихъ памятниковъ о положеніи
Ольвиі въ IV в. до Р. Хр.

Политическія судьбы Ольвиі въ IV в. до Р. Хр. остаются для насъ почти совершенно неизвѣстными: за исключеніемъ двухъ строкъ Макробія объ осадѣ Ольвиі Зопиріономъ (см. ниже), мы не встрѣчаемъ въ существующихъ литературныхъ памятникахъ никакихъ свидѣтельствъ объ Ольвиі, относящихся къ этому вѣку. Это отсутствіе литературныхъ свидѣтельствъ лишь въ весьма незначительной степени восполняется памятниками эпиграфическими и нумизматическими. При этомъ необходимо замѣтить, что между нашими исследователями судебъ Ольвиі было распространено миѣніе, что при гет-

²⁰⁾ *Götting. gel. Anzeigen* 1886 № 19, стр. 745.

скомъ разгромѣ въ Ольвii буквально не осталось камня на камнѣ и что если не всё, то почти всё сохранившiеся эпиграфическiе памятники принадлежатъ новому городу, возстановленному изъ развалилъ послѣ нашествiя гетовъ ¹⁾. Однако, при новой обработкѣ ольвийскихъ надписей для порученнаго намъ изданiя ихъ, мы, на основанii внимательнаго съ ними ознакомленiя, пришли къ убѣжденiю, что далеко не всё имѣющiяся надписи принадлежатъ римскимъ временамъ; о нѣкоторыхъ изъ нихъ на основанii характера письма, особенностей редакци и др. признаковъ, доступныхъ эпиграфистамъ, оказалось возможнымъ вполне констатировать, о другихъ—съ большею или меньшею вѣроятностью предполагать, что онѣ принадлежатъ болѣе древней эпохѣ. Древнѣйшимъ изъ существующихъ эпиграфическихъ памятниковъ Ольвii мы признаемъ № 120 нашего сборника, относящiйся вѣроятно еще къ V в. до Р. Хр., а къ слѣдующему вѣку относимъ №№ 8—12, 145 и нѣкоторые другiе. Эти документы представляютъ немногочисленные, но тѣмъ болѣе драгоценныя и интересныя данныя для ознакомленiя съ положенiемъ города въ современную имъ эпоху. Мы видимъ изъ нихъ, что онъ пользовался уже вполне опредѣлившимся демократическимъ устройствомъ и тщательно заботился о своихъ коммерческихъ интересахъ, вполне понимая, конечно, что его благосостоянiе зависѣло главнымъ образомъ отъ правильной организаци торговли, составлявшей, такъ сказать, главную жизненную его артерiю. Въ этомъ отношенii особенно замѣчательенъ документъ № 11, относящiйся, по вѣроятному мнѣнiю Диттенбергера, еще къ 1-й половинѣ IV в. до Р. Хр. Онъ заключаетъ въ себѣ сдѣланное по предложенiю гражданина Канова Фрасидамантова постановленiе совѣта и народнаго собранiя относительно урегулированiя торговли чеканнымъ золотомъ и серебромъ (то-есть иностранною монетою). Это постановленiе разрѣшаетъ ввозъ въ Ольвию и вывозъ изъ нея всякаго чеканнаго золота и серебра, причемъ, однако, только кизикскiе золотые статеры принимаются за монету и курсъ ихъ строго опредѣляется ²⁾, тогда какъ

¹⁾ Ср. напр. гр. Уварова Иссл. стр. 86: „При разоренii Ольвii Биребитомъ погибли все ея древнiе памятники; дошедшiя же до насъ надписи сдѣланы уже по основанii второй Ольвii“.

²⁾ Опредѣленiе стоимости кизикскаго статера по ольвийскому счету на нумизмѣ не сохранилось, но по прекрасному объясненiю Диттенбергера въ журн. Негмелт. XVI стр. 189 сл. онъ равнялся 11¹/₂ или (гораздо вѣроятнѣе, ср. въ моемъ сборникѣ Иссл. стр. 220) 10¹/₂ ольвийскимъ серебрянымъ статерамъ. Это

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХLIX.

1887.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1887.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ 29

Н. Н. Любавичъ. Папскій нунцій Коммендоне въ Польшѣ (*окончаніе*). 203

Э. Л. Радловъ. Очерки изъ исторіи скептицизма 240

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Ю. П. Вестужевъ-Рюминъ. Методы историческихъ зачатій. 291

Е. А. Вѣловъ. Московскія смуты въ концѣ XVII вѣка (*окончаніе*). 319

Г. С. Дестунисъ. Повонзданный списокъ Повѣсти о Царьградѣ 366

А. Н. Щукаревъ. Геродотъ. Исторія. Переводъ съ греческаго *Θ. Γ. Мищенка*. М. 1836. 383

Н. П. Холоднякъ. *Dialectorum Italicarum aevi vetustioris exempla selecta. In usum scholarum edidit Engelbertus Schneider, Vol. I. Pars I. Lipsiae. 1896* 387

А. Н. Веселовскій. *O. B. Haghel. Die deutsche Sprache. Leipzig-Prag. 1896* 397

— Книжныя новости 400

Д. О. Вѣляевъ. Еще объ элементарномъ методѣ начального обученія древнимъ языкамъ. 33

— Наша учебная литература (разборъ 5 книгъ) 61

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорская Академія Наукъ въ 1886 году. I. Физико-математическое и историко-филологическое отдѣленія 123

— Памяти А. М. Бутлерова 149

А. Н. Воейковъ. Письма изъ-за границы. IV—V. 152

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

В. В. Матышовъ. Исслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи 49

Редакторъ Л. Матышовъ.

(Вышла 4-го февраля).

всякое другое чеканное золото и серебро считается просто товаромъ и опредѣленіе его цѣны предоставляется добровольному соглашенію продавцовъ съ покупателями; покупка и продажа золота и серебра производится безпошлинно, но не иначе, какъ на мѣстную серебряную и мѣдную монету, подъ страхомъ судебной отвѣтственности и конфискаціи всего купленного или проданнаго золота и серебра; мѣсто торговыхъ сдѣлокъ также строго опредѣлено, — имъ долженъ былъ служить „камень, что въ еклисиастириѣ“, т. е. каменное возвышеніе, съ котораго говорились рѣчи въ народномъ собраніи; лица, совершавшія сдѣлки въ другихъ мѣстахъ, также подвергались судебной отвѣтственности. Итакъ это постановленіе признавало за мѣстною серебряною и мѣдною монетою и кизикскими золотыми статирами исключительное право обращенія на городскомъ рынкѣ, тогда какъ всѣ остальные монеты признавались просто товаромъ. Кизикскимъ статирамъ присвоивается право обращенія наравнѣ съ мѣстною монетою безъ сомнѣнія потому, что они въ Ольвіи были самою распространенною изъ иностранныхъ монетъ. И дѣйствительно, П. О. Вурачковъ *) говоритъ, что они и теперь еще попадаются въ нумизматическихъ находкахъ въ Ольвіи. Конецъ документа къ сожалеанію не сохранился, но, какъ кажется, пропала лишь очень незначительная часть, въ которой не заключалось уже ничего существеннаго. Сразу очевидно, какую важную гарантію представляло это постановленіе для торговыхъ интересовъ города: въ силу его всѣ иностранные купцы, привозившіе въ Ольвію съ товарами, при продажѣ ихъ получали плату ольвійскою монетою, которую при отъѣздѣ по необходимости должны были мѣнять на золото или серебро подъ

объясненіе дало Диттенбергеру возможность представить слѣдующую попытку опредѣленія тогдашней цѣнности ольвійскихъ денегъ: „Durch Demosth. XXXIV 23 wissen wir, dass in einem der Entstehungszeit unserer Inschrift auf jeden Fall nicht fern liegenden Zeitpunkt im Bosphoros der Kyzikenische Stater 28 Attische Drachmen galt. Vorausgesetzt, dass in beiden Fällen dasselbe Verhältniss des Silbers zum Golde zu Grunde liegt — und das wird bei der örtlichen und zeitlichen Nähe wenigstens ungefähr der Fall gewesen sein — würde sich daraus (je nachdem in der Inschrift von Olbia $\epsilon\upsilon\delta\epsilon\chi\alpha\tau\omicron\upsilon$ oder $\delta\omicron\upsilon\delta\epsilon\chi\alpha\tau\omicron\upsilon$ gelesen wird) ein Stater von 2, 66 oder 2, 44 attischen Drachmen ergeben. Ein Silberstück aber, welcher dem letzteren Werthe fast genau entspricht, galt gerade in Miletos, der Mutterstadt von Olbia, und war auch sonst unter den Griechen der östlichen Colonialländer weit verbreitet (Hultsch Metrologie p. 269)“.

*) Общій каталогъ монетъ, издад. эллинискимъ колоніямъ сѣв. бер. Чернаго моря (Одесса 1884), стр. 7.

контролемъ правительства, а купцы, прїѣзжавшіе за товарами, предварительно должны были мѣнять на мѣстную монету привезенное съ собою золото или серебро. Такимъ образомъ устанавливалось принудительное обращеніе мѣстной монеты, которое естественнымъ образомъ должно было держать ея курсъ на значительной высотѣ, предохранять его отъ паденія и, стало быть, представляло собою важное обезпеченіе торговыхъ интересовъ города. Что касается опредѣленія мѣста торговыхъ сдѣлокъ, то, по мнѣнію перваго издателя и комментатора нашего документа, извѣстнаго константинопольскаго епиграфиста I. Г. Мордтмана ⁴⁾, при немъ имѣлось въ виду, чтобы всѣ разнѣнныя операциі производились при посредствѣ мѣстныхъ траpezитовъ, которые, вѣроятно, помѣщались со своими столами на городской площади, какъ въ Афинахъ; такимъ образомъ это постановленіе предупреждало для иностранныхъ купцовъ возможность заключать между собою частныя сдѣлки или обмѣнивать другъ другу иностранную монету безъ посредства ольвійской и слѣдовательно еще болѣе усиливало обязательность обращенія послѣдней.

Итакъ, во время изданія этого постановленія ходячими монетами въ Ольвіи были исключительно серебряныя и мѣдныя, золотая монета была только иностранная; но уже немного спустя Ольвіополиты стали безъ сомнѣнія чеканить собственную золотую монету и перешли къ счету на золото, какъ видно изъ относящагося вѣроятно къ IV-му же вѣку документа № 12 въ честь Каллиника Евксенова, которому за заслуги (перечисленіе которыхъ, къ сожалѣнію, не вполне сохранилось въ decretѣ) опредѣляется въ награду статуя и 1000 золотыхъ. Счетъ на золото и во времена Протогена, въ III в. до Р. Хр., былъ единственно употребительнымъ ⁵⁾.

⁴⁾ *Herms* т. XIII стр. 373 сл.

⁵⁾ Замѣтимъ здѣсь же, что по поводу употребляемаго въ Протогеновской надписи счета на золото П. О. Бурачковъ (Кат. стр. 7), шѣя въ виду чрезвычайную рѣдкость находокъ золотыхъ монетъ Ольвіи, полагаетъ, что денежные запасы Протогена состояли изъ *иностранной* золотой монеты, „по всей вѣроятности статеровъ кизикскихъ и царей македонскихъ“. Но противъ этого можно возразить, что счетъ на золото употребляется въ надписи не только по отношенію къ деньгамъ Протогена, но и въ другихъ случаяхъ (напр. А стр. 14 сл. τῶν τ, ἀρχόντων θέντων τὰ ἱερὰ ποτήρια... πρὸς χρυσοῦς ἑκατόν, стр. 19 сл. τῶν ἀρχόντων ἀγοραστῶν οἷων χρυσῶν τριακοσίων и пр.), изъ которыхъ видно, что этотъ счетъ постоянно употреблялся въ городѣ; а въ такомъ случаѣ было бы очень странно если бы городъ, шѣя собственную монету, велъ счетъ на иностранную: это было бы все равно, что намъ, русскимъ, счѣтать на марки или франки.

Такое же стремленіе къ охраненію коммерческихъ интересовъ города видно и въ двухъ относящихся приблизительно къ тѣмъ же временамъ декретахъ о награжденіи иностранцевъ за оказанныя ими Ольвіи услуги. Одинъ изъ этихъ декретовъ (№ 8), изданный въ честь нѣкогого Хэригена Митродорова, гражданина города Месимврїи, найденъ въ цѣломъ видѣ, отъ другаго (№ 9) сохранился только конецъ, такъ что награжденное лицо остается неизвѣстнымъ. Хэригенъ за свои заслуги, впрочемъ не упомянутыя въ документѣ, изложенномъ съ чрезвычайною сжатостью, получилъ потомственную проксенію, право гражданства, освобожденіе отъ пошлинъ за ввозимые или вывозимые товары и право въѣзда въ городъ и выѣзда изъ него въ военное и мирное время *ἀσολεὶ καὶ ἀσπουθεὶ* *). Изъ правъ и привилегій, данныхъ неизвѣстному лицу въ № 9, на камнѣ сохранилось только упоминаніе о беспошлинности и о правѣ въѣзда и выѣзда въ военное и мирное время; послѣднее право названо также въ № 10, отъ котораго на найденномъ обломкѣ сохранились, къ сожалѣнію, только 4 неполныхъ строки; можно однако почти навѣрное сказать, что этими двумя декретами были дарованы заслуженнымъ лицамъ тѣ же права, что и Хэригену, то есть потомственная проксенія и гражданство: изъ декрета въ честь Навтима Каллатїйца (№ 15) мы видимъ, что дарованіе этихъ правъ и привилегій и въ болѣе позднія времена оставалось въ Ольвіи обычнымъ способомъ награжденія иностранцевъ за ихъ заслуги †). Наиболѣе интересными для характеристики отношенія Оль-

*) *Н. Н. Мурзакевичъ*, издавая впервые этотъ декретъ въ Зап. Од. Общ. т. II стр. 405, объяснялъ его содержаніе такъ: „Надпись эта открываетъ установленіе торговыхъ сношеній Ольвіи съ Месимврїйскимъ портомъ... Хэригенъ сынъ Митродоровъ, кажется, былъ первымъ изъ месимврїянъ, который установилъ непосредственнымъ торговымъ сношеніемъ со Склеїею и ея знаменитымъ портомъ Ворисеенитовъ... Вѣроятно товары Хэригена, произведенія Месимврїи и ея окрестностей, были новы и выгодны для ольвіополитинъ, что они предоставили Хэригену и его роду право беспошлиннаго ввоза месимврїйскихъ и вывоза ольвійскихъ продуктовъ“. Эти объясненія доказываютъ только, что ихъ авторъ раньше не видывалъ ни одного декрета о проксеніи. О правахъ и привилегіяхъ проксеновъ вообще см. *Р. Монсаиш*, *Les proxénies Grecques* (Paris, 1885).

†) Декретъ въ честь Навтима, судя по характеру письма, повиднѣ разбираемыхъ, но въ то же время, по всей вѣроятности, древнѣе Протогеновскаго документа, такъ какъ во времена Протогена Ольвіополиты были доведены до столь печальнаго положенія, что имъ въ пору было думать только о себѣ, а не о дарованіи наградъ и привилегій иностранцамъ.

виополитовъ къ своимъ торговымъ интересамъ являются въ №№ 8 и 9 тѣ условия, которыми было обставлено дарованное Харигену и неизвѣстному право беспошлиннаго ввоза и вывоза товаровъ: въ декретахъ подробно обозначено, что этимъ правомъ, кромѣ самихъ награжденных имъ лицъ, могли пользоваться только ихъ дѣти и ихъ щипки а въ декретѣ Харигена, кромѣ того — неотдѣленные его братья (ἀδελφοὶ οἱς κοινὰ τὰ πατρῶα).

§ 3. Культъ Ахилла на Бѣломъ островѣ подъ покровительствомъ Ольвиополитовъ.

Затѣмъ въ ряду епиграфическихъ памятниковъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи Ольвии, заслуживаютъ вниманія найденные въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія на Бѣломъ островѣ (Λευκή, нынѣшній Змѣиный, новогреч. Φιδονήσιον), тур. Иланъ-Адасси, противъ устья Дуная) документы №№ 171 и 172, которые по характеру письма и особенностямъ орфографическимъ и стилистическимъ могутъ быть отнесены также къ IV вѣку до Р. X. Первый изъ нихъ представляетъ собою не вполне сохранившійся декретъ ольвийскаго народнаго собранія о постановкѣ на островѣ статуи какаго-то умершаго заслуженнаго дѣятеля; его имени нѣтъ въ дошедшей до насъ части надписи, а изъ перечисленія заслугъ сохранилось только то, что онъ кого-то изгналъ съ острова (какъ кажется — напавшихъ на островъ разбойниковъ) и затѣмъ, прибывъ въ Ольвию, оказалъ народу много важныхъ услугъ. За это народъ при жизни почтилъ его подаркомъ (неизвѣстно, какимъ) и послѣ смерти, случившейся очевидно въ Ольвию, — погребеніемъ на общественный счетъ. Не довольствуясь такимъ выраженіемъ своей благодарности къ почившему дѣятелю, Ольвиополиты постановили воздвигнуть ему статую на островѣ, мотивируя это постановленіе желаніемъ, „чтобы и его дѣянія оставались въ памяти, и городъ сдѣлалъ очевиднымъ еллинамъ, что онъ и объ островѣ имѣетъ большое поученіе по заповѣдямъ отцовъ (ὅτι καὶ τῆς νῆζου πολ[λὴν πρόνοιαν? ποι]εῖται [κα]τ[ὰ] τὰ πατρία), и служащихъ ему и при жизни почитаетъ и умершимъ воздаетъ достойную благодарность“¹⁾. Второй памятникъ представляетъ

¹⁾ Въ то время, какъ печатались послѣдніе листы моего сборника надписей, извѣстный французскій ученый *Egger* (нынѣ уже покойный) получалъ отъ отграею этой надписи и представлялъ французской академіи записку о ней, на-

собою пьедесталь отъ статуи съ сохранившеюся (впрочемъ неполнѣ) двухстрочною надписью, гласившею, что статуя воздвигнута Ахиллу, владыкѣ Левки, неизвѣстномъ по имени ольвійскимъ гражданиномъ, сыномъ [Ди]мострата или [Ти]мострата.

Извѣстно, что культъ Ахилла былъ широко распространенъ на сѣверо-западныхъ побережьяхъ Евксинскаго Понта и что, въ частности, этотъ герой былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ представителей ольвійскаго пантеона. По древнѣйшему преданію еллиновъ Ахиллъ, убитый подъ Троей, былъ торжественно сожженъ на кострѣ и прахъ его погребенъ подъ высокимъ курганомъ на берегу Гелеспонта, тогда какъ тѣнь его, спустившись въ подземное царство, стала царствовать надъ умершими³⁾. Но уже рано распространяется между еллинами другое вѣрованіе, по которому Ѳетида унесла трупъ сына съ пылающаго костра на острова блаженныхъ или въ Елисійскія поля или, наконецъ, на Вѣлнй островъ (Левку) или Ахилловъ, гдѣ герой, получивъ безсмертіе и женившись на Еленѣ (по другимъ на

печатанную уже послѣ выхода въ свѣтъ моего сборника въ Bulletin de cong. hellénique т. IX стр. 375 сл. (въ июль 1885 г. Отмѣчаю въ точности время появленія статьи Egger'a для того, чтобы показать неосновательность сдѣланнаго мнѣ Th. Reinach'омъ въ Revue critique 1885 г., № 51, упрека въ томъ, что я не принялъ во вниманіе этого изданія). Считаю здѣсь наипрѣдѣлѣннѣе приводить варианты копій Egger'a, замѣчу только, что они состоятъ главнымъ образомъ въ томъ, что многія буквы, плохо сохранившіяся на камнѣ, по крайней мѣрѣ судя по той фотোগравіи, съ которой снята данная мною копія, въ его изданіи показаны вполне сохранившимися; что же касается до комментарія Egger'a, то изъ него видно только, что почтенный академикъ былъ очень мало знакомъ съ многочисленными извѣстіями древнихъ о Левкѣ; напримѣръ его предположеніе, что этотъ островъ „avait sans doute gardé, durant le premier siècle de notre ère, une population assez nombreuse, et elle continuait jouir d'une certaine prospérité“, доказываетъ полное его незнакомство съ свидѣтельствами древнихъ о необитаемости острова, не говоря уже о томъ, что характеръ письма надписи никакъ не позволяетъ отнести ее къ 1-му вѣку нашей эры. Нашъ рецензентъ, г. Reinach, съ гораздо большею основательностью могъ бы отмѣтить то ускользнувшее отъ нашего вниманія (какъ и отъ вниманія Egger'a) и любезно указанное намъ г. Мордтманомъ (въ частномъ письмѣ) обстоятельство, что эта надпись была впервые издана уже 12 лѣтъ тому назадъ англійскимъ ученымъ Vaddington'омъ по копіи извѣстнаго капитана Spratt'a въ Transactions of the R. society of litter. 2 serie t. X (1874) стр. 133 № 34, хотя и эта копія (данная только minusculls) не представляетъ такихъ вариантовъ, которые могли бы служить къ болѣе полному восстановленію текста.

³⁾ Одисс. 11, 467 сл., 24, 43 сл.

Мидии или Ифигении), проводятъ дни свои въ гимнастическихъ и военныхъ упражненіяхъ, а вечера — въ веселыхъ пирахъ въ обществѣ супруги и близкихъ друзей. Это сказаніе, мало по малу распространяясь, почти совершенно затмило первоначальное, такъ что въ вѣрованіи позднѣйшихъ еллиповъ Бѣлый островъ былъ неразрывно связанъ съ именемъ Ахилла. Первый отголосокъ этого преданія въ существующихъ литературныхъ памятникахъ встрѣчаемъ мы у Пиндара ³⁾. У болѣе позднихъ авторовъ есть много сказаній о жизни Ахилла на своемъ островѣ, объ его пирахъ и упражненіяхъ объ опасностяхъ, которыя грозили пристававшимъ къ его острову мореплавателямъ, о воздвигнутомъ на островѣ храмѣ и проч. и проч. ⁴⁾. Имѣя въ виду довольно древнее происхожденіе сказанія о пребываніи Ахилла на Бѣломъ островѣ, необходимо думать, что уже первые милетскіе поселенцы принесли съ собою на западные и сѣверные берега Понта его культъ, причемъ стали почитать его безъ сомнѣнія какъ покровителя мореплаванія по Понту и въ этомъ качествѣ называли „владыкою Понта“ (Ποντάρχης ⁵⁾). Кромѣ Ахиллова острова этому герою были посвящены и другія мѣстности въ Понтѣ, главнымъ образомъ узкая песчаная коса, тянувшаяся къ югу отъ Днѣпровскаго лимана и Егорлыцкаго залива вдоль берега древней Илэи и нынѣ называемая Тендровскою (въ восточной части — Джариль-агачъ), а въ древности извѣстная подъ именемъ „Ахиллова бѣга“ (Ἀχιλλεύος δρόμος или δρόμος Ἀχιλλέως), такъ какъ она по мионическимъ сказаніямъ служила Ахиллу мѣстомъ упражненія въ бѣгѣ. Въ самомъ городѣ Ольвии культъ Ахилла пользовался величайшимъ уваженіемъ, особенно въ римскія времена, отъ которыхъ до насъ дошли болѣе подробныя о немъ свѣдѣнія. Во времена Діона Хрисостома Ольвиопо-

³⁾ Нем. 4, 49: (ἔχει) δ' ἐν Εὐξείνῃ πελάγῃ φαεινὰν Ἀχιλλεύος—ναῖον.

⁴⁾ Вся данныя о культѣ Ахилла на Черномъ морѣ собраны академикомъ Келлеромъ въ его знаменитомъ „Mémoire sur les Iles et la course consacrées à Achille dans le Pont Euxin“ (*Mém. de l'Acad. de St.-Petersbourg* т. 10, 1827 г.). Кратко, но схватывающее всѣ существенные моменты, изложеніе относящихся сюда преданій представляетъ Флейшеръ въ Roscher's Ausf. Lexikon der Griech. und Röm. Mythologie п. сл. Achilleus. Бѣлый островъ и существовавшія на немъ развалины храма Ахилла описаны Келлеромъ (по сообщеніямъ адм. Грейга и капитана Критскаго) въ ук. соч. стр. 73 сл. — Н. Н. Мурзакевичъ, проведшій исследование острова въ 1841 г., уже не нашелъ остатковъ храма, которые въ 1839 г. были разобраны подрядчикомъ В... для постройки маяка. См. *Зан. Од. Общ.* т. I стр. 549 сл. и т. II стр. 413 сл.

⁵⁾ Ср. Флейшера ук. ст. стр. 58.

ляты, вслѣдствіе чрезвычайнаго уваженія къ Ахиллу, страстно любили прославлявшую его подвиги Илиаду; оцти всѣ знали ее наизусть и кромѣ Омира ни о какомъ поэтѣ не хотѣли и слушать. Когда Діонъ, въ разговорѣ съ молодымъ Ольвіополитомъ Калистратомъ, бывшимъ въ числѣ самыхъ усердныхъ его слушателей, въ шутку сказалъ, что для мыслящихъ людей два стиха Фоклида стодятъ цѣлой Илиады и Одиссеи, то Калистратъ съ сердцемъ отвѣтимъ ему, что еслибы Діонъ не былъ любимъ и уважаемъ въ городѣ, то ни одинъ Ольвіополитъ не вынесъ бы подобныхъ нападокъ на Ахилла и Омира, изъ коихъ первому они поклоняются какъ богу, а втораго почитаютъ почти наравнѣ съ богами. Ольвіополиты, по словамъ Діона, имѣли два храма Ахилла: одинъ въ городѣ, а другой на такъ называемомъ Ахилловомъ островѣ ⁶⁾. Изъ одного епиграфическаго памятника римскихъ временъ можно заключить; что городской храмъ Ахилла былъ извѣстенъ подъ названіемъ *προαουτή*, какъ мы увидимъ ниже, во 2-й части нашего изслѣдованія. Изъ другихъ надписей мы знаемъ, что Культъ Ахилла въ Ольвіи былъ соединенъ съ гимнастическими и конными состязаніями. Послѣднія были установлены, еще до гетскаго погрома, по совѣту Дельфійскаго оракула ⁷⁾, а состязанія гимнастическія упоминаются только въ римскія времена, именно состязанія въ бѣгѣ, прыганье, метаніи диска и копья ⁸⁾. Высокое уваженіе, которымъ пользовались эти состязанія со стороны Ольвіополитовъ, прекрасно доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что высшіе сановники государства, архонты, принимали въ нихъ участіе и одержанную побѣду ставили такъ высоко, что считали долгомъ увѣковѣчивать ее въ записяхъ о дарахъ, посвященныхъ ими самими или другими лицами въ храмъ Ахилла. Коллегія архонтовъ въ римскія времена считала этого героя своимъ специальнымъ покровителемъ и по окончаніи годичнаго срока своей должности посвящала въ его храмъ различныя благодарственныя приношенія (*χαριστήρια*) за миръ и благосостояніе города и собственное здравіе ⁹⁾.

⁶⁾ *Діона Хрис.* р. XXXVI, т. II стр. 51 сл. по изд. Л. Диндореа.

⁷⁾ *Инскр. Р.* № 17 стр. 30: ἀὐτὸν τὰχὺλλεῖ κατὰ τὸ καθόρητον τῆς ἱπποδρομίας. Надпись, по нашему мнѣнію, относится къ 1-й половинѣ I вѣка до Р. X.

⁸⁾ *Инскр. Р.* №№ 77, 80, 90. Что эти состязанія совершались въ честь Ахилла, очевидно изъ того, что отмѣтки о побѣдахъ на нихъ приписывались къ записямъ о посвященіяхъ различныхъ даровъ въ храмъ Ахилла.

⁹⁾ *Инскр. Р.* 77, 78.

Такія же посвященія дѣлали стратиги и жрецы Ахилла ¹⁰⁾. Послѣдніе, по вѣроятному мнѣнію Бѣка ¹¹⁾, въ болѣе древнія времена (именно еще въ III вѣкѣ до Р. Х., при Протогенѣ) имѣли въ Ольвіи епонимію, внослѣдствіи перешедшую къ архонтамъ. Всѣ эти данныя ясно говорятъ о высокомъ уваженіи, которымъ культъ Ахилла пользовался въ Ольвіи.

Послѣ нашего краткаго обзора свидѣтельствъ, относящихся къ культу Ахилла въ Ольвіи, понятно будетъ то важное значеніе, которое имѣютъ вышеуказанные памятники, найденные на Змѣиномъ островѣ: они показываютъ, во первыхъ, что этотъ культъ пользовался въ Ольвіи уваженіемъ не только въ римскія времена, но искони, такъ что уже въ IV вѣкѣ до Р. Х. Ольвіополиты чтили героя не только въ своемъ родномъ городѣ, но и на томъ островѣ, который считался мѣстопребываніемъ безсмертнаго героя, и что имъ издавна (κατὰ τὰ πάτρια) принадлежало главное попеченіе объ этомъ островѣ,— фактъ, свидѣтельствующій въ свою очередь о высокомъ могуществѣ Ольвіи среди другихъ колоній сѣвернаго и западнаго побережья Понта. Вовторыхъ, наши документы важны въ томъ отношеніи, что— какъ намъ, по крайней мѣрѣ, кажется — окончательно рѣшаютъ вопросъ о томъ, на какомъ именно островѣ былъ построенъ Ольвіополитами храмъ Ахилла, упоминаемый Діономъ Хрисостомомъ. Дѣло въ томъ, что неточное опредѣленіе мѣстоположенія Ахиллова острова у нѣкоторыхъ древнихъ писателей подало новымъ изслѣдователямъ поводъ принимать его не за нынѣшній Змѣиный, а за островъ Березань (др. Βεροσθενίς), лежащій, какъ извѣстно, при входѣ въ Днѣпровскій лиманъ, или полагать, что культъ Ахилла существовалъ на обоихъ этихъ островахъ, хотя ни одинъ древній писатель не говоритъ о двухъ островахъ, посвященныхъ Ахиллу въ Понтѣ. Такъ, академикъ Кѣлеръ въ своемъ трудѣ, уже упомянутомъ нами выше въ примѣчаніи 4-мъ, настойчиво доказываетъ существованіе культа и храма Ахилла на Березани, и его мнѣніе нашло себѣ послѣдователей между учеными, въ томъ числѣ и знаменитаго Бѣка ¹²⁾, хотя вызвало не мало и возраженій. Кѣлеръ съ величайшею тщательностью собралъ всѣ встрѣчающіяся у древнихъ авторовъ упоминанія о Левкѣ и Бо-

¹⁰⁾ *Ильст.* Р. 79, 80 (посвященія стратиговъ), 81—83 (посв. жрецовъ).

¹¹⁾ С. I. Gr. II, стр. 88.

¹²⁾ С. I. Gr. II, стр. 78. Ср. гр. *Уварова Исслѣд.* стр. 51; *П. В. Беккера* въ *Зап. Од. Общ.* IV стр. 120 и *Mélanges gr.-rom.* II стр. 51 сл.; *Д. Н. Яковскаго* *Очерки и рассказы изъ вс. исторіи ч. I* стр. 350, и др.

рисеенидѣ и весьма старательно разсмотрѣлъ ихъ⁴³⁾). Предоставляя нашимъ читателямъ обратиться къ его труду для ознакомленія съ такими извѣстіями, въ которыхъ мѣстоположеніе Ахиллова острова не опредѣляется съ точностію или опредѣляется такъ, что въ тождествѣ его съ нынѣшнимъ Змѣинымъ не сомнѣвался самъ Келлеръ, мы остановимъ наше вниманіе только на тѣхъ свидѣтельствахъ, которыя или дѣйствительно относятся къ Березани или гадательно отнесены къ ней Келлеромъ. Между первыми прежде всего отмѣтимъ, что Стравонъ ясно различаетъ о. Бѣлый отъ Борисеениды, не называемой, впрочемъ, по имени, въ слѣдующихъ словахъ⁴⁴⁾): „На разстояніи 500 стадій отъ устья Тиръ лежитъ въ открытомъ морѣ островъ Бѣлый, посвященный Ахиллу. Затѣмъ рѣка Борисеень, судоходная на 600 стадій, и вблизи другая рѣка Ипанидъ и островъ предъ устьемъ Борисеена съ гаванью“. Такъ же ясно различаетъ эти острова Аррианъ въ своемъ „Периплѣ Понта Евксинскаго“: въ § 31 онъ говоритъ, что „отъ Борисеена до маленькаго, необитаемаго и безыменнаго острова 60 стадій“, а далѣе въ § 32—что противъ того устья Истра, которое называется *ψιόν*, въ морѣ „лежитъ островъ, который одни называютъ островомъ Ахилла, другіе — Вѣгомъ Ахилла, третьи — Бѣлымъ по его цвѣту“⁴⁵⁾). У Птолемея также названы рядомъ два острова, причемъ лежащій предъ Борисееномъ впервые окрещенъ у него собственнымъ именемъ: „къ Нижней Мезіи въ названной части Понта прилегаютъ два острова,— такъ называемый островъ Борисеенида и Бѣлый островъ Ахилла“⁴⁶⁾).

⁴³⁾ *Mém. sur les Iles etc.* стр. 16 сл.

⁴⁴⁾ Геогр. VII, 3, 16 (р. 306): Διέχει δὲ τοῦ στόματος [τοῦ Τόρα] ἡ νῆσος ἡ Λευκὴ διάστημα πεντακοσίων σταδίων, ἰσρὰ τοῦ Ἀχιλλέως, πελαγία. (17) Εἶτα Βορυσθένης ποταμὸς πλωτὸς ἐφ' ἑξακοσίου σταδίου καὶ πλησίον ἄλλος ποταμὸς Ὑπανικ καὶ νῆσος πρὸ τοῦ στόματος τοῦ Βορυσθένου ἔχουσα λιμένα. Ср. 8, 19: Μετὰ δὲ τὴν πρὸ τοῦ Βορυσθένου νῆσον ἐξῆς πρὸς ἀνίσχοντα ἤλιον ὁ πλοῦς ἐπὶ ἔκραν τὴν τοῦ Ἀχιλλείου ὁρόμου κτλ.

⁴⁵⁾ *App. Пер.* въ *Geogr. Gr. min. ed. C. Müller* т. I стр. 396 сл. § 31. Ἀπὸ δὲ Βορυσθένου ἐπὶ νῆσον σμικρὰν, ἐρήμην καὶ ἀνώνυμον στάδιοι ἐξήκοντα κτλ. § 32: Κατὰ τοῦτο μάλιστα τὸ στόμα [т. ἔ. τὸ ψιόν], ἐπ' αὐθὺ πλέοντι ἀνέμφ ἀπαρτία ὡς τὸ πέλαγος, νῆσος πρόκειται, ἦντινα οἱ μὲν Ἀχιλλέως νῆσον, οἱ δὲ Ἀρόμον Ἀχιλλέως, οἱ δὲ Λευκὴν ἐπὶ τῆς χροιάς ὀνομάζουσι (далѣе слѣдуетъ описаніе острова). Свидѣтельство Арриана списано Безыменнымъ въ *Пер. II. Евкс.* § 61 и 64 (такъ же стр. 417 и 419).

⁴⁶⁾ *Птол.* Геогр. III, 10: Νῆσοι δὲ παράκεινται τῇ κάτω Μυσίᾳ τῶ εἰρημένῳ μέρει τοῦ Πόντου ἢ τε καλουμένη Βορυσθενίς νῆσος καὶ ἡ Ἀχιλλέως ἢ Λευκὴ νῆσος. Ср. *Цѣца Хи.* XI v. 938.

Итакъ мы видимъ, что у названныхъ авторовъ нѣтъ ни слова о культѣ Ахилла на томъ островѣ, который нынѣ носитъ названіе Березани. Далѣе Кёлеръ приводитъ въ пользу своего мнѣнія свидѣтельство Помпонія Мелы¹⁷⁾: „Leuce Borysthenis ostio oblecta, parva admodum, et quia ibi Achilles situs est, Achillea cognomine“. Нашему автору во что бы то ни стало хочется увѣрить читателей, что Мела разумѣлъ здѣсь островъ Березань, а не Змиинный; но главный его доводъ сводится къ тому, что Мела назвалъ островъ „admodum parva“, тогда какъ другіе авторы не называли его маленькимъ¹⁸⁾. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Вѣдь Змиинный островъ дѣйствительно очень малъ¹⁹⁾, и Мела легко могъ встрѣтить замѣчаніе о небольшой его величинѣ въ одномъ изъ своихъ источниковъ, до насъ не сохранившихся. Мы рѣшительно не видимъ основаній думать вмѣстѣ съ Кёлеромъ, что „древніе должны были считать Левку довольно большимъ островомъ“. Далѣе, нашъ авторъ совсѣмъ не замѣтилъ, что желаніе отнести извѣстіе Мелы къ Березани повлекло его въ непримиримыя противорѣчія съ самимъ собою: нѣсколькими страницами выше (стр. 19), говоря о томъ, что нѣкоторые авторы, въ томъ числѣ и Плиній, помѣщаютъ о. Вѣлнй слишкомъ далеко къ сѣверу, передъ Борисѣеномъ, онъ замѣчаетъ, что описаніе Плинія не можетъ быть отнесено къ Березани, какъ это видно изъ придаваемого острову имени Левки и изъ показанныхъ Плиніемъ разстояній отъ острова до Борисѣена и Ахиллова бѣга²⁰⁾. Почему же, спрашивается, названіе острова Вѣлнмъ у Плинія препятствуетъ отнести его описаніе къ Березани, а у Мелы не препят-

¹⁷⁾ Chor. II, 7, 2.

¹⁸⁾ Мѣт. стр. 23.

¹⁹⁾ Вотъ собственныя показанія Кёлера о величинѣ Змииннаго острова (Мѣт. стр. 74), основанныя на мѣреніяхъ капитана Критскаго: „D'après le nouveau plan... le circuit de Leucé est de 925 sagènes, dont 500 font un verste. Du Sud au Nord sa longueur prise au milieu est de 206 sagènes, et sa largeur de 194. Mais comme cette île est de forme irrégulière, si on la mesure de l'angle Sud-Ouest à celui de Nord-Est, on la trouve de 310 sagènes; et de l'angle Sud-Est au Nord-Ouest, de 15 sagènes de moins“. Островъ Березань, по сообщаемымъ Кёлеромъ (стр. 101) даннымъ, оказывается *больше* Змииннаго: „Sa longueur du Sud au Nord est de 403 sagènes; sa largeur de 180 à 190, son circuit de 2 verstes 20 sagènes, et son terrain de plus de 19 désiastines“. После этого доводъ Кёлера оказывается поспешнѣе замечательнымъ: о большемъ островѣ можно было сказать „admodum parva“, а о меньшемъ—*нельзя!*

²⁰⁾ Plin. N. hist. IV, 26, § 83 и 27, § 93.

ствуеть? Очевидно Мела говоритъ вовсе не о Березани, а о Зиѣпомъ островѣ, но только помѣщаетъ его не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, раздѣляя ошибку Конона, Діонисія, Плинія, Солина и др.²¹⁾ Еще менѣе говоритъ въ пользу мнѣнія Кёлера приводимое имъ свидѣтельство Марціана Капеллы.

Еще менѣе удачною оказалась попытка Кёлера²²⁾ подкрѣпить свое мнѣніе тремя надписями, будто бы найденными на Березани. Относительно первой изъ нихъ²³⁾ онъ могъ только сказать, что „au défaut de notions précises sur le lieu où ces marbres ont été découverts, des traditions avérées nous donnent la certitude que la première inscription a été découverte dans l'île de Borysthénis. C'est M. de Ribas, propriétaire d'une campagne située vis-à-vis et au Nord-Ouest de l'île de Bérézan, qui la fit transporter de cette île, et la ceda ensuite à M. de Blagemburg“. Почтенный академикъ не потрудился прибавить при этомъ, откуда онъ получилъ эти „traditions avérées“, а между тѣмъ ихъ достовѣрность заранѣе была подорвана свидѣтельствомъ Рауль Рошетта²⁴⁾, что надпись эта была найдена въ развалинахъ Ольвии, — свидѣтельствомъ, безъ сомнѣнія основаннымъ на показаніи Стемпковскаго, отъ котораго Рауль Рошеттъ получилъ ея копию²⁵⁾; впоследствии же ложность преданій, на которыхъ основывался Кёлеръ, была поставлена внѣ всякаго сомнѣнія Ф. К. Бруномъ, который, будучи связанъ узами родства съ упоминаемымъ у Кёлера де-Рибасомъ, скорѣе всякаго другаго могъ получить отъ него точныя свѣдѣнія о

²¹⁾ Ошибочность мнѣнія Кёлера была уже вкратцѣ отмѣчена *Укертомъ* (F. A. *Ukert*, *Geographie d. Griechen und Römer*, 3 Th. 2 Abtheilung: *Skythien und das Land der Geten oder Daken*. Weimar 1846, стр. 450), съ которымъ согласенъ *Маллеръ* (*Geogr. Gr. min.* I стр. 397, и *Ф. К. Бруномъ* въ *Зап. Од. Общ.* т. III стр. 64 сл.).

²²⁾ *Mém.* стр. 107 сл.

²³⁾ *Inscr. P.* № 77.

²⁴⁾ *Ant. du Vosph. Cimn.* стр. 16, гдѣ задана и самая надпись.

²⁵⁾ Весьма интересно то обстоятельство, что Кёлеръ въ своей извѣстной рецензій на трудъ Рауль Рошетта (*Ges. Schg.* т. I стр. 88 § II), изобличая неточность данной имъ копій надписи сравненіемъ съ своей собственной копіей, прямо называетъ надпись ольвийскою, ни полсловомъ не упоминая о происхожденіи ея съ острова Березани, что онъ, при своемъ стараніи всячески очернить трудъ Рауль Рошетта, навѣрное не преминулъ бы сдѣлать, если бы не-ольвийское ея происхожденіе было ему извѣстно. Вслѣдствіе этого невольнo приходитъ на умъ предположеніе, что смысла на „traditions avérées“—только уловка, придуманная Кёлеромъ тогда, когда ему понадобилось доказать Березанское происхожденіе надписи для того, чтобы имѣть лишній доводъ въ пользу своего предвзятаго мнѣнія.

происхожденіи занимающаго насъ теперь памятника: со словъ Рибаса Брунъ положительно утверждаетъ, что камень былъ найденъ въ окрестностяхъ села Тузлы, между лиманами Тилигульскимъ и Березанскимъ²⁶⁾. Что касается до другихъ двухъ надписей, то мѣсто ихъ открытія было совершенно неизвѣстно Кёлеру, и доводъ, приводимый имъ въ пользу ихъ происхожденія съ Березани, своей негнѣпостью вызываетъ невольную улыбку²⁷⁾. Наконецъ соображенія, которыми Кёлеръ старается убѣдить своихъ читателей²⁸⁾, что Діонъ Хрисостомъ въ двухъ мѣстахъ своей Борисеенской рѣчи подъ именемъ Ахиллова острова разумѣлъ непременно Березань, а не Змѣиный, такъ натянуты, что ихъ можно было бы опровергнуть въ двухъ-трехъ словахъ, если бы это не было уже сдѣлано Бруномъ²⁹⁾. Въ заключеніе отмѣтимъ, что спеціальныя изслѣдованія и раскопки, произведенныя на Березани гг. Пренделемъ и Видгальмомъ лѣтомъ 1884 года, предъ VI археологическимъ съѣздомъ въ Одессѣ, окончательно уничтожили всякую тѣнь вѣроятія мнѣнія Кёлера: изслѣдователи нашли несомнѣнные признаки обитаемости этого острова въ эпоху еллинскихъ поселеній на берегахъ Чернаго моря, но при этомъ не открыли ни одного слѣда существованія на островѣ Ахиллова храма и ни одной надписи³⁰⁾.

²⁶⁾ *Зап. Од. Общ.* т. III (1853) стр. 64 и С. I. Lat. III, 2, стр. 1009 (см. *Извѣст. Р.* стр. 113).

²⁷⁾ Надписи эти помѣщены въ *Извѣст.* подъ №№ 78 и 81. По свидѣтельству Бруна (II. сс.) надпись № 78 найдена такъ же, гдѣ и № 77. Доводъ Кёлера въ пользу происхожденія ихъ съ Березани приводитъ цѣликомъ: „Plusieurs officiers établis depuis longtemps dans les environs de Bérézan m'ont raconté, pendant mon dernier voyage dans le gouvernement d'Ekaterinoslav et en Crimée, qu'ils avoient vu, il y a plusieurs années, dans cette île trois ou quatre tables de marbre avec des inscriptions, récit qui porte à croire que les deux autres inscriptions en l'honneur d'Achille proviennent aussi de l'île de Bérézan“.

²⁸⁾ *Mém.* стр. 106 сл.

²⁹⁾ *Зап. Од. Общ.* т. III стр. 64. Заимѣтимъ, что Брунъ не вѣрно полагаетъ, будто „слова Діона не заставляютъ думать, что первый храмъ [т. е. находившійся на Ахилловомъ островѣ] былъ построенъ жителями Ольвии“. Напротивъ, слова писателя (τοῦτον μὲν γάρ [т. е. τὸν Ἀχιλλεῖα οἱ Ὀλβιοκοίται] ὑπερφῶς τιμᾶσι καὶ καὶ τὸν μὲν ἐν τῇ νήσῳ τῇ Ἀχιλλεῖος καλουμένῃ ἴδρονται, τὸν δὲ ἐν τῇ κόλῳ) не допускаютъ въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго сомнѣнія. Къ доводамъ Бруна можно прибавить, что Кёлеръ не имѣлъ никакого основанія требовать отъ Діона, чтобы онъ непременно назвалъ упоминаемый имъ островъ Вальмиъ, такъ какъ и другіе писатели древности иногда называли его просто Ахилловымъ островомъ.

³⁰⁾ Рефератъ г. Пренделя, прочитанный въ одномъ изъ засѣданій Одесскаго съѣзда, напечатанъ въ „Трудахъ“ послѣдняго, т. I стр. 216—219; ср. отчетъ *И. В. Помяловскаго* въ Журн. М. Н. Просв. 1885, январь.

Найденные же на Змѣиномъ островѣ эпиграфическіе памятники Ольвиполитовъ даютъ самый краснорѣчивый отвѣтъ на поставленный Келеромъ вопросъ: „Comment les Olbiens auroient-ils pu avoir la volonté de construire un temple en l'honneur d'Achille sur une île éloignée de plus de 950 stades ou de 190 verstes de leur ville?“

Все вышележенное ведетъ насъ къ несомнѣнному заключенію, что на островѣ Березани въ древности культа и храма Ахилла не было и что вездѣ, гдѣ древніе говорятъ объ Ахилловомъ островѣ, слѣдуетъ разумѣть островъ Бѣлый, нынѣшній Змѣиный; Ольвіа, какъ самый могущественный городъ сѣверо-западнаго района еллинскихъ поселеній на Черномъ морѣ, имѣла попеченіе объ островѣ и о существовавшемъ на немъ храмѣ, который, по свидѣтельству Діона Христомата, и построенъ былъ Ольвиполитами; начало этого попеченія восходитъ къ первымъ вѣкамъ существованія Ольвіи, такъ какъ уже въ документѣ IV вѣка Ольвиполиты заявляютъ о немъ, какъ о заповѣданномъ имъ отцами (*κατὰ τὰ πατέρα*). Отсюда само собою вытекаетъ правдоподобное заключеніе, что самое учрежденіе культа Ахилла на о. Бѣломъ принадлежитъ никому иному, какъ Ольвиполитамъ²¹⁾. О существованіи такихъ же отношеній къ острову въ болѣе позднюю эпоху (приблизительно въ III вѣкѣ до Р. Хр.) свидѣтельствуется документъ, помѣщенный въ нашемъ сборникѣ подъ № 13. Несмотря на то, что отъ него найденъ лишь незначительный обломокъ, сохранившіяся на немъ буквы заставляютъ думать, что мы имѣемъ на немъ часть декрета въ честь нѣкоего ра, оказывавшаго услуги Ольвійскимъ гражданамъ, пріѣзжавшимъ на о. Бѣлый, безъ сомнѣнія, для поклоненія Ахиллу. О высокомъ уваженіи, которымъ культъ Ахилла пользовался въ Ольвіи въ римскія времена, мы уже говорили выше.

ГЛАВА II.

Осада Ольвіи Зониріономъ.

Цвѣтущее состояніе Ольвіи, о которомъ намъ свидѣлствуютъ разсмотрѣнные выше документы, какъ кажется, начало измѣняться къ худшему уже во 2-й половинѣ IV-го в. до Р. Хр. Городъ, забро-

²¹⁾ Кстати замѣтимъ, что отношеніе Ольвиполитовъ къ культу Ахилла на Тендровской косѣ было повидному такое же или близко сходное. Еще *Вѣжъ* (С. I. Gr. II, стр. 87) замѣтилъ: „Ceterum cursum Achillis et ipsum probabile est Olbiopolitas tenuisse; Olbiopolitis congrua nomina habes in titulis eius loci“. Ср. *Извѣст. Р.* стр. 170 сл.

шенный въ отдаленный уголокъ варварской земли и всѣмъ обремененный торговлѣ, естественно долженъ былъ захирѣть, если не окончательно пасть, лишь только обстоятельства, благопріятствовавшія ея развитію, стали смѣняться неблагопріятными. Первый ударъ процвѣтанію Ольвии былъ по всей вѣроятности нанесенъ осадомъ Зоппиріона. Единственное извѣстіе объ этомъ событіи ольвийской исторіи имѣемъ мы въ слѣдующихъ немногихъ словахъ. Макробіа: „Борисеениты, осаждаемые Зоппиріономъ, освободили рабовъ, дали гражданство иностранцамъ, ввели новыя долговныя книги и такимъ образомъ могли отстоять себя отъ врага“¹⁾. Наши отечественные исследователи судебъ Ольвии почти единогласно, хотя и съ колебаніями²⁾,

¹⁾ *Макр. Saturn. I, 11, 33: Borysthenitae obpugnante Zopyrione servis liberatis dataque civitate peregrinis et factis tabulis novis hostem sustinere poterunt.* Значеніе выраженія „facere tabulas novas“ объяснилъ *Θ. Α. Струве* въ *Зап. Од. Общ. VI стр. 8 сл.* противъ барона *Кёне*, понимавшаго это выраженіе въ смыслъ изданія новыхъ законовъ, которыхъ, по справедливому замѣчанію *Струве*, никогда не составляютъ жители города въ ту минуту, когда враги предъ воротами.

²⁾ *Бларамбергъ*, *Оп. др. мед. Ольвии стр. 29: „Читаемъ въ Макробіа, что нѣкто Зоппиріонъ [подстр. нр.: Можетъ быть тотъ же Зоппиріонъ, военачальникъ Александровъ, о которомъ упоминаютъ Квинтъ Курцій и Юстинъ, который начальствовалъ во Фракіи], когда осадилъ городъ Ольвию: тогда народъ, развернувъ свои гражданскіе свитки, даровалъ право гражданства невольникамъ и чужестранцамъ“.*—*Гр. Уваровъ* (*Иссл. стр. 85*), говоря, что „въ 334 г. до Р. Хр. надо отнести осаду Ольвии какимъ-то полководцемъ Зоппиріономъ“, ссылается на приведенное замѣчаніе *Бларамберга*, а свою невѣрную (какъ мы увидимъ ниже) дату осады мотивируетъ тѣмъ, что Зоппиріонъ былъ назначенъ правителемъ Фракіи передъ походомъ Александра противъ персовъ въ 334 г., причѣмъ ссылается на *Кари, Hist. des rois de Thrace p. 28.*—*Баронъ Кёне* (*Музей кн. В. В. Кочубя, т. I стр. 12*) послѣ ссылокъ на *Бларамберга* и *гр. Уварова* говоритъ: „Этотъ Зоппиріонъ вѣроятно и былъ тотъ самый, о которомъ говоритъ Квинтъ Курцій, но самая осада города Ольвии была послѣ смерти Александра Великаго, ибо Александръ не допустилъ бы своего полководца отступитъ отъ города, не исполнивши возложеннаго на него порученія [такъ!]. Можетъ быть Зоппиріонъ, подражая своимъ товарищамъ, хотѣлъ основать въ этихъ странахъ независимое небольшое царство или, что вѣроятнѣе, можетъ быть онъ былъ на службѣ у *Ливинаха*, который, ведя войну съ *Антигономъ*, не имѣлъ возможности выслать Зоппиріону вспомогательное войско“. Эта тирада доказываетъ только, что *б. Кёне* не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о свидѣтельствахъ *Курція* и *Трога Помпелла*, по которымъ Зоппиріонъ былъ убитъ со всѣмъ своимъ войскомъ во время похода противъ скиновъ за нѣсколько лѣтъ до смерти Александра.—*Бѣкъ* (*C. I. Gr. II стр. 87*) и *Гротъ* (*Griech. Geschichte übers. von Meissner т. VI стр. 800 пр. 67*) называютъ Зоппиріона неизвѣстною личностью, не высказывая даже

признаютъ этого Зоппиріона за одно лицо съ полководцемъ Александра Великаго, оставленнымъ имъ во Фракіи для охраны сѣверныхъ границъ Македонскаго царства отъ варваровъ. И дѣйствительно, самая краткость этого извѣстія у Макробія и отсутствіе всякаго ближайшаго объясненія, кто былъ этотъ Зоппиріонъ, заставляютъ полагать, что Макробій или его источникъ, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстный ³⁾, смотрѣлъ на Зоппиріона, какъ на человѣка вполне извѣстнаго и не нуждавшагося поэтому въ ближайшихъ объясненіяхъ какъ своего имени, такъ и времени и повода предпринятой имъ осады Ольвии. Поэтому мы вмѣстѣ съ Мюлленгофомъ, I. Г. Дройзеномъ и др. ⁴⁾ считаемъ за несомнѣнное, что упоминаемая Макробіемъ осада Ольвии была дѣломъ именно Александрова полководца. О немъ мы имѣемъ лишь весьма скудныя упоминанія у Курція Руфа и Юстина, основанныя, по мнѣнію новыхъ изслѣдователей, на показаніяхъ Клитарха ⁵⁾. Курцій Руфъ называетъ Зоппиріона *Thrasiae praepositus*, Юстинъ въ одномъ мѣстѣ (XII, 1, 4)—*praefectus Alexandri in Scythia*. въ другомъ (XII, 2, 16)—*praefectus Ponti ab Alexandro Magno relictus*. Безъ сомнѣнія, это назначеніе Зоппиріона состоялось при окончаніи гетскаго похода Александра, въ 334 г., для того, чтобы держать въ страхѣ покоренныхъ сѣверныхъ варваровъ

предположеній объ идентичности его съ полководцемъ Александра, а *Мейеръ* (ст. *Olbia* въ *Allgem. Encyclop.* Эрша и Грубера отд. III ч. 3 стр. 480 сл.) совершенно обходитъ молчаніемъ этотъ фактъ изъ исторіи Ольвии.

³⁾ Изслѣдователь источниковъ Макробіевыхъ Сатурналій, Георгъ Виссова (*G. Wissowa, De Macrobiani Saturnaliorum fontibus, Vratisl. 1880, стр. 7*) дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе о способѣ пользованія Макробіемъ своими источниками: [*Macrobianum*] „non diversum esse a plerisque similis indolis scriptoribus, qui gaudent auctorum citatorum multitudine, primo obtuto adparet; neque tamen minus certum est etiam ea re non discrepare eum a solito compilatorum usu, quod eorum tantum scriptorum nomina citat, quos in fontibus suis nominatos repererat, ipsorum vero fontium nomina constanter reticet, neque hoc mirum est in ea quam Macrobius sequitur compilandi ratione: quem cum sciamus anxie auctoris sui vestigia premere nihilque fere de suo addere, non erat ubi auctoris nomen commemoraret“. Имя дѣло съ такимъ писателемъ, трудно, конечно, доискаться, какими путями попала къ нему записка о Борисеенитахъ.

⁴⁾ *K. Müllenhoff*, ст. *Geten* въ *Allgem. Encyclop.* Эрша и Грубера ч. 64 стр. 453.—*I. G. Droysen*, *Geschichte d. Hellenismus* I² стр. 395.

⁵⁾ Объ источникахъ Курція и Юстина вообще ср. *Car. Raun, De Clitarcho Diodori Curtii Iustini auctore* (diss. Bonn. 1868); *K. Petersdorff, Diodorus, Curtius, Arrianus quibus ex fontibus expeditiones ab Alexandro... factas hauserint* (diss. Regim., Gedani 1870).

и охранять сѣверныя границы Македонскаго царства. Спустя нѣсколько лѣтъ, Зопріонъ, по мнѣнію Дройзена „навѣрное безъ приказанія Александра и безъ одобренія Антипатра“, началъ свое гибельное предпріятіе противъ скивовъ, обусловленное, по словамъ Юстина, единственно желаніемъ отличиться. Онъ собралъ 30,000 войска и двинулся противъ скивовъ, но со всѣмъ войскомъ или истребленъ былъ ими, какъ говоритъ Юстинъ ⁶⁾, или погибъ отъ бурь и непогодъ, какъ свидѣтельствуеъ Курцій Руфъ ⁷⁾. Относительно времени получения Александромъ извѣстія о несчастномъ исходѣ предпріятія Зопріона, а слѣдовательно и самаго предпріятія, названные авторы разногласятъ между собою: Юстинъ, рассказавъ о смерти и погребеніи Дарія, непосредственно затѣмъ продолжаетъ: „Во время этихъ происшествій Александру было доставлено письмо Антипатра изъ Македоніи, извѣщавшее о войнѣ спартанскаго царя Агида въ Греціи, войнѣ епирскаго царя Александра въ Италіи и войнѣ его намѣстника Зопріона въ Скивіи“ ⁸⁾. Между тѣмъ по словамъ Курція Руфа Александръ получилъ отъ Кина (Κοῖνος) извѣстіе о гибели Зопріона уже по возвращеніи изъ Индіи въ Персію, и самое предпріятіе его было совершено во время покоренія Александромъ Индіи. Помпей Трогъ рассказывалъ о предпріятіи Зопріона въ концѣ 12-й книги (какъ видно изъ ея пролога), которая обнимала собою бактрійскіе и индійскіе походы Александра до его смерти, затѣмъ въ экскурсахъ — дѣянія Антипатра въ Греціи, Аркидама царя спартанскаго и Александра Молосскаго въ Италіи и пр., стало-быть вообще важнѣйшія событія на западѣ во время пребыванія Александра въ Азіи ⁹⁾. Такимъ обра-

⁶⁾ *Iust.* XII, 2, 16: Dum haec in Italia aguntur, Zopyrion quoque, praefectus Ponti ab Alexandro Magno relictus, otiosum se ratus, si nihil et ipse gessisset, adunato XXX milium exercitu Scythis bellum intulit caesusque cum omnibus copiis poenas temere inlati belli genti innoxiae luit.

⁷⁾ *Curt.* X, 1, 43: ...[Alexander] litteras a Coeno accipit de rebus in Europa et Asia gestis, dum ipse Indiam subegit. Zopyrio, Thraciae praepositus, quum expeditionem in Getas faceret, tempestatibus procellisque subito coortis, cum toto exercitu oppressus erat.

⁸⁾ *Iust.* XII, 1, 4: Dum haec aguntur, epistulae Antipatri Macedonia ei reduntur, quibus bellum Agidis, regis Spartanorum, in Graecia; bellum Alexandri, regis Epiri, in Italia; bellum Zopyrionis, praefecti eius in Scythia, continebatur.

⁹⁾ *P. Trogi* prol. l. XII: Duodecimo volumine continentur Alexandri Magni bella Baetiana et Indica usque ad interitum eius, dictaeque in excessu res a praefecto eius Antipatro in Graecia gestae, et ab Archidamo rege Laedaeamoniorum, Мо-

зомъ, на основаніи свидѣтельства Курція можно бы было отнести предпріятіе Зописіона къ послѣднимъ годамъ жизни Александра, какъ это и дѣлаетъ Мюлленгофъ, полагающій, что оно произошло въ 327 или весной 326 г. ⁴⁰⁾, но едва ли не вѣрнѣе поступаетъ Дройзенъ, довѣряя въ данномъ случаѣ Юстину и относя гибельное предпріятіе Зописіона къ осени 331 года, главнымъ образомъ на основаніи связи этого событія съ другими, относящимися къ 331 и 330 годамъ: именно поражение войска Зописіона, по его мнѣнію, нанесло столь сильный ударъ македонскому могуществу въ сѣверныхъ странахъ, что Мемнонь, македонскій стратигъ во Фракіи, могъ осмѣлиться сдѣлать попытку пріобрѣсти независимость, фракійскій князь Севеъ также готовъ былъ къ отпаденію и по всей Фракіи распространилось возстаніе.

Противъ отождествленія упоминаемаго Макробіемъ Зописіона съ Александровымъ полководцемъ можетъ быть выставлено то соображеніе, что предпріятіе послѣдняго было направлено противъ гетовъ или скивовъ, а не противъ еллинскихъ городовъ понтійскаго побережья, и что поэтому Ольвіополиты, какъ единоплеменники Зописіона, могли скорѣе сдѣлаться его союзниками, нежели врагами; но въ виду того, что исторія Ольвіи за это время совершенно намъ неизвѣстна, такое соображеніе отнюдь не можетъ имѣть рѣшающаго значенія; напротивъ, имѣя въ виду вышеприведенные факты, свидѣтельствующіе о дружественныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между Ольвіополитами и скивами въ предшествующія времена, можно съ неменьшимъ правомъ выставить и противоположное предположеніе,—что такія отношенія продолжали существовать и во время нашествія Зописіона и что Ольвіополиты могли гостеприимно открыть скивамъ, угрожаемымъ Зописіономъ, свой укрѣпленный городъ, стѣны котораго представляли надежную защиту въ оборонительной войнѣ

losaque Alexandro in Italia, quorum ibi est utorque cum exercitu deletus. Additae his origines Italicae Apulorum, Lucanorum, Samnitum, Sabinorum, et ut Zopyrion in Ponto cum exercitu perit.

⁴⁰⁾ Называя полученіе Александромъ письма Антипатра во время пребыванія въ Парѣи „chronologisch unmöglich“, Мюлленгофъ полагаетъ, что „Justin hat den ungefähr gleichzeitigen Anfang der Bewegungen in Thracien und Griechenland verkehrt genug gleich mit ihren Katastrophen zusammen genommen“. Затѣмъ, на основаніи сопоставленія извѣстій Діодора и Курція, онъ приходитъ къ выводу, что „Zopyrion erst der Nachfolger des Memnon war; sein Unglück mag im Jahre 327 oder im Frühjahr 326 passirt sein“.

и прочный операціонный базисъ въ наступательной. Совершенно аналогичный фактъ встрѣчаемъ мы спустя нѣкоторое время въ Протогеновскомъ документѣ: когда въ Ольвіи и между сосѣдними варварами распространился слухъ о готовившемся нашествіи соединенныхъ силъ галатовъ и скировъ, то оисаматы, скины и савдараты, боясь жестокости галатовъ, желали укрыться за стѣнами Ольвіи; но на этотъ разъ такое желаніе оказалось уже весьма неудобнымъ для Ольвіополитовъ, находившихся тогда въ крайне стѣсненномъ положеніи, а можетъ быть и наученныхъ предшествовавшимъ опытомъ, какъ невыгодно укрывать сосѣдей за своими стѣнами: вѣдь по разсказу Макробія для того, чтобы отбиться отъ Зоппіріона, потребовались чрезвычайныя и крайне стѣснительныя для государства мѣры: увеличеніе числа гражданъ посредствомъ натурализаціи иностранцевъ, эманципація рабовъ и погашеніе долговыхъ обязательствъ. Принятіе такихъ мѣръ заставляеть предполагать, что осада Зоппіріона была продолжительна и потребовала крайняго напряженія силъ со стороны Ольвіополитовъ, такъ какъ подобныя мѣры не могли быть приняты сразу. И въ самомъ дѣлѣ Зоппіріонъ, если вѣрить Юстину, явился въ Скиею съ весьма значительными силами (30000), съ которыми врядъ ли могло равняться даже все наличное число гражданъ Ольвіи.

ГЛАВА III.

Упадокъ Ольвіи во времена Протогена.

§ 1. Вопросъ о времени Протогеновскаго документа.

Осада Ольвіи Зоппіріономъ была, повидимому, однимъ изъ первыхъ явленій длинной цѣпи бѣдствій, опутавшей нѣкогда богатую и счастливую Ольвію въ III вѣкѣ до Р. Хр. и доведшей ее до того печальнаго положенія, о которомъ столь краснорѣчиво свидѣтельствуеть декретъ въ честь Протогена,—этотъ перлъ эпиграфическихъ документовъ сѣвернаго побережья Евксинскаго Понта. Однако читатель можетъ прямо предложить намъ вопросъ, на какомъ основаніи относимъ мы этотъ памятникъ къ III вѣку? Вопросъ весьма важный и тѣмъ болѣе естественный, что первые издатели и комментаторы этого замѣчательнаго документа, не исключая и знаменитаго Бѣка, очень расходились между собою въ мнѣніяхъ относительно его даты, хотя ни одинъ не могъ представить въ пользу своего мнѣнія до-

статочнo вѣскихъ аргументовъ, которые бы заставили послѣдующихъ изслѣдователей предпочесть его другимъ. Первые издатели документа—Кёппенъ и Кёлеръ ¹⁾ сразу не высказали опредѣленныхъ воззрѣній на счетъ его даты; лишь позже, въ своей рецензіи на книгу Кёппена, Кёлеръ коротко и голословно замѣтилъ, что документъ относится ко временамъ Августа и Тиберія ²⁾. За то французскіе ученые отнеслись къ вновь изданному драгоцѣнному памятнику съ величайшимъ интересомъ и обратили серьезное вниманіе на вопросъ объ его времени. Лишь только изданіе Кёппена сдѣлалось извѣстно во Франціи, какъ Malte-Brun, одинъ изъ редакторовъ извѣстнаго въ то время журнала „Nouvelles annales des voyages“, помѣстивъ въ немъ свой переводъ надписи съ краткими объяснительными примѣчаніями, въ которыхъ между прочимъ съ полною увѣренностью, хотя также безъ всякихъ доказательствъ, высказалъ мнѣніе, что надпись относится ко времени могущества галловъ въ странахъ сосѣднихъ съ Понтомъ Евксинскимъ, или приблизительно къ 240—200 гг. до Р. Хр. ³⁾, и выразилъ надежду, что знаменитые въ то время ученые Рауль Рошеттъ и Летроннъ скажутъ свое компетентное слово по поводу новой находки. Дѣйствительно, оба они отозвались на вызовъ и прислали Malte-Brun'у письма, помѣщенные въ томъ же томѣ его журнала ⁴⁾. Первый въ своемъ письмѣ занялся главнымъ образомъ вопросомъ объ упоминаемыхъ въ надписи народахъ, а второй—о встрѣчающемся въ ней денежномъ счетѣ. По мнѣнію Рауль-Рошетта имя галатовъ въ нашей надписи навѣрное указываетъ эпоху позднѣйшую ихъ поселенія въ Азіи; но при отсутствіи прочныхъ данныхъ относительно времени ихъ перехода, остается широкое поле для до-

¹⁾ Ихъ изданія указаны въ нашемъ сборникѣ (№ 16 in lemmate).

²⁾ Ges. Schriften, т. II стр. 41: „Strabo lebte unter Augustus und Tiberius, also in den Zeiten, in welche der Beschluss für Protogenes gehört“.

³⁾ Nouvelles annales des voyages, de la géographie et de l'histoire etc., publ. par MM. J. B. Eyriès et Malte-Brun, т. XIX (1823) стр. 132 сл. О времени надписи см. стр. 135: „L'époque des grandes expéditions des Galates ou Celtes en Grèce et en Asie est incontestablement aussi l'époque de notre inscription“ и стр. 137: „Le nom de Galates fixe l'époque de l'inscription à l'espace compris entre les ans 200 et 240 avant J. C., époque de la puissance des Gaulois dans les pays voisins du Pont Euxin“.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 274 сл. и 282 сл. Рауль Рошеттъ въ своемъ письмѣ неоднократно упоминаетъ о томъ, что онъ готовилъ въ то время „un mémoire développé“ о нашей надписи; но на сколько намъ извѣстно, этотъ мемуаръ не вышелъ въ свѣтъ.

гадокъ, и поэтому для точнѣйшаго опредѣленія времени надписи нужно обратиться къ даннымъ палеографическимъ и стилистическимъ, разсмотрѣнiе которыхъ приводитъ автора къ убѣжденiю, что надпись должна быть близка ко времени войнъ Миридата съ римлянами, повлекшихъ за собою большія переселенія народовъ и перемѣны династiй во всей сосѣдней съ Азiею части европейскаго материка ⁵⁾. Летронню кажется, что документъ не можетъ принадлежать столь древней эпохѣ, къ какой отнесъ его Malte-Brun: онъ ставитъ его примѣрно въ I столѣтiе до Р. Хр., но самъ затрудняется выяснитъ основанiя своего мнѣнiя ⁶⁾ и тѣмъ самымъ лишаетъ его всякаго значенiя для другихъ. Изъ другихъ писателей, занимавшихся вопросомъ о времени Протогеновскаго документа, Нибуръ считаетъ возможнымъ только предположить, что онъ, можетъ быть, древнѣе и вродѣ ли повдѣе Ганнибаловской войны, такъ какъ болѣе продолжительное существованiе Гетскаго царства къ востоку отъ Борисоена невѣроятно ⁷⁾. Но противъ этого Бѣкъ справедливо замѣ-

⁵⁾ Стр. 277: „Le nom des *Galates* indique certainement sur notre inscription une époque postérieure à celle de l'établissement de ces peuples en Asie; mais, dans l'absence des faits qui se rapportent précisément à la date de leur passage, un vaste champ reste ouvert aux conjectures; et il semble, au premier abord, que les règles de la paléographie fournissent le plus sûr moyen d'arriver à une détermination exacte. Or, en examinant l'inscription de Protogène sur ce point de vue, il semble bien difficile de lui assigner une date aussi ancienne que celle du troisième siècle avant notre ère. La forme des caractères, tels que M. de Koeppen en a fait graver plusieurs, n° 18 planche II, particulièrement des lettres Σ, Ε, Ζ, Ο, Θ et Ω, ne remonte, sur presque aucune inscription connue, à une pareille époque [?]. Cependant, d'un autre côté, le style n'offre aucune de ces altérations qui, au temps où Dion Chrysostôme se trouvoit à Olbia, prévalent dans le dialecte de cette ville par suite du commerce de ses habitans avec les barbares du voisinage; la diction m'en paroît même plus pure et de meilleur goût que celle de l'inscription de Théoclès que j'ai publiée, et à laquelle, par cette raison, je la crois antérieure de plusieurs années; de sorte qu'en ne jugeant cette inscription que sous le rapport de la paléographie et de la langue, je serois porté à croire qu'elle s'éloigne très peu des temps des guerres de Mithridate avec les Romains, guerres qui occasionnèrent, dans toute cette partie du continent européen voisin de l'Asie, de grands déplacements de peuples et de dynasties“.

⁶⁾ Стр. 287: „Vous croyez, Monsieur, que l'inscription est de la fin du troisième siècle avant J. C. Je la jugerois plus moderne, et par exemple, du premier siècle avant J. C.; mais je serois assez embarrassé de vous dire sur quoi je me fonde“.

⁷⁾ Kleine Schriften, т. I стр. 387. Жъ 218—201 гг. до Р. Хр. относятся надпись и *Шафарикъ*, Славянскiя древности, переводъ Воданскаго (изд. 2, Москва 1848), т. I кн. 2 стр. 18, 201 и др.

тилъ, что ни о какомъ Гетскомъ царствѣ въ надписи нѣтъ и рѣчи. Самъ Бѣкъ, сообщивъ читателямъ вышеприведенныя мнѣнія и разсмотрѣвъ затѣмъ палеографическія особенности надписи, въ концѣ концовъ замѣчаетъ: „Quare non obsum si quis titulum primo vel secundo a. Chr. saeculo tribuat: et certe Getica Olbiae vastatione, hoc est initio octavi urbis Romae saeculi, antiquiorem esse titulum facile mihi persuadeo“⁸⁾.

Очевидно, что ни одно изъ этихъ мнѣній, по малой ихъ основательности или полной бездоказательности, не могло заслуживать серьезнаго вниманія послѣдующихъ ученыхъ, такъ что вопросъ о времени Протогеновскаго документа и послѣ этихъ мнѣній оставался совершенно открытымъ.

Въ 1834 г. берлинскій ученый В. А. С. Шмидтъ посвятилъ нашему документу замѣчательную статью⁹⁾, въ которой впервые поставилъ на строго научную почву вопросъ о времени документа и на основаніи своихъ изслѣдованій и соображеній приурочилъ его къ III в. до Р. Хр. Къ сожалѣнію его интересный трудъ у насъ не получилъ той извѣстности, которой онъ заслуживаетъ¹⁰⁾, такъ что намъ представляется необходимымъ подробно передать здѣсь содержаніе статьи Шмидта, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время нашлись и новыя данныя въ пользу его взгляда.

Сдѣлавъ въ самомъ началѣ своего изслѣдованія необходимую оговорку о томъ, что единственнымъ надежнымъ путемъ для опредѣленія времени Протогеновскаго документа представляется путь исторической, Шмидтъ останавливается на встрѣчающихся въ надписи именахъ народовъ: сав, скиры, оисаматы, скионы, савдараты и микселлины, но относительно ихъ не прибавляетъ ничего существенно-новаго къ изслѣдованію Бѣка, такъ какъ эти имена сами по себѣ не могутъ служить къ рѣшенію вопроса, а только къ подтвержденію или опроверженію

⁸⁾ С. I. Gr. II стр. 122, ср. стр. 85.

⁹⁾ Rhein. Museum für Phil., herausg. von Welcker und Nöcke, т. IV стр. 357 сл. и 571 сл. Результаты изслѣдованія Шмидта, по его словамъ, вкратцѣ были сообщены еще раньше въ сочиненіи: De fontibus veterum auctorum in enarrandis expeditionibus a Gallis in Macedoniam atque Graeciam susceptis. Berol. 1834.

¹⁰⁾ Еще въ концѣ 1884 г. профессоръ Люперсолъскій, коснувшись вопроса о времени Протогеновскаго декрета въ своей статьѣ объ эллинахъ-скионахъ (см. выше стр. 17), повторилъ старыя мнѣнія, вычитанныя у Бѣка. Графу Уварову, барону Кёне и другимъ нашимъ изслѣдователямъ судебъ Ольвии, кромѣ Бруна, статья Шмидта также осталась неизвѣстною.

миѣній, основывающихся на другихъ данныхъ. Только упоминаніе о галатахъ представляетъ по миѣнію автора „единственный пунктъ, который можетъ пролить болѣе ясный свѣтъ на весь вопросъ“¹¹⁾. Прежде всего не лишено значенія то, что въ надписи народъ этотъ названъ Γαλάται, а не Κελτοί: отсюда слѣдуетъ, что документъ не можетъ быть древнѣе 280 г. до Р. Хр., такъ какъ имя Γαλάται вошло въ употребленіе только послѣ ихъ вторженія въ Елладу и перехода въ Азію, а раньше употреблялось только названіе Κελτοί. Доказавъ затѣмъ тождество этихъ именъ и замѣтивъ, что сначала греки строго отличали галатовъ, поселившихся во Фракіи и въ Азіи, отъ западно-европейскихъ кельтовъ, но что позже наступилъ періодъ ихъ смѣшенія (уже Поливій вполнѣ смѣшиваетъ эти имена), авторъ ставитъ такого рода дилемму: если надпись принадлежитъ къ періоду точнаго различенія этихъ двухъ именъ, то упоминаемые въ ней галаты могутъ быть только тѣ, которые наводнили Македонію, Грецію, Фракію и Азію; если же надпись относится къ періоду смѣшенія, то названіе Γαλάται можетъ быть отнесено и къ другой вѣтви кельтовъ: „но такъ какъ, продолжаетъ Шмидтъ, мы не знаемъ ни того, къ которому періоду относится документъ, ни границы между ними, то мы должны избрать для рѣшенія дилеммы другой путь, именно посредствомъ изслѣдованія, о какихъ кельтахъ вообще можетъ быть рѣчь въ надписи“. Приступивъ къ этому изслѣдованію, Шмидтъ доказываетъ, что Ольвіополиты, подобно своимъ южнымъ еллиническимъ братьямъ, не назвали бы своихъ враговъ галатами, если бы они сами не называли себя этимъ именемъ, т. е. еслибы они не были дѣйствительно кельтами, а такимъ народомъ, который только по недоразумѣнію или ex coepectura получилъ такое названіе отъ еллиновъ (какъ напримѣръ кимбры).

Затѣмъ является вопросъ: съ какимъ изъ чисто кельтическихъ народовъ могли воевать Ольвіополиты? Въ послѣдніе три вѣка до Р. Хр. далѣе всего къ востоку и, стало быть, ближе всего къ Ольвіи жили слѣдующія кельтическія племена: 1) Бои въ Богеміи и Мо-

¹¹⁾ Принятіе Шмидтомъ этой точки отправленія для изслѣдованія о времени надписи тѣмъ болѣе важно, что его предшественники, не исключая и Бека именно относительно галатовъ не могли выставить ничего опредѣленнаго. См. напримѣръ С. I. Gr. II p. 85: „Quodsi plus semel ad Tyram sedes habuerint Cimbri, hi sane tituli nostri Galatae haberi poterunt: nec tamen hinc definiti poterit, quo tempore cum Olbiopolitis dimicaverint: atque insuper sunt alii Galatae, quos aequo huc iure advocas“.

равин; 2) кельтическія народности въ Панноніи и Норикѣ, именно тавриски, бои и многія другія, которыя являются подъ общимъ названіемъ скордисковъ; 3) кельтическія орды, поселившіяся во Фракію послѣ несчастнаго похода на Елладу; 4) перешедшіе въ Азію галаты. Такимъ образомъ, говоритъ Шмидтъ, мы получаемъ настоящую цѣпь кельтическихъ народовъ, которая, спускаясь отъ сѣверныхъ границъ Богеміи чрезъ Иллирію, Фракію и Малую Азію, описываетъ почти правильный полукругъ къ западу и югу отъ Ольвии“. Кроме того Шмидтъ называетъ еще нѣкоторыхъ другихъ кельтовъ, которыхъ однако по тѣмъ или другимъ причинамъ нельзя принимать въ расчетъ. Желаніе опредѣлить, которое изъ названныхъ кельтическихъ племенъ могло явиться врагомъ Ольвиополитовъ, даетъ автору поводъ пересмотрѣть сохранившіяся о нихъ извѣстія древнихъ писателей. Онъ подробно, на нѣсколькихъ страницахъ, разбираетъ вопросъ о томъ, могли ли быть врагами Ольвиополитовъ богемскіе бои, и приходитъ къ заключенію, что они не могли ни воевать съ Ольвиею съ мѣста своего жительства за дальностію разстоянія, ни переселиться далѣе къ востоку отъ Геркинскаго лѣса въ ближайшее сосѣдство съ этимъ городомъ, такъ какъ о подобномъ переселеніи нѣтъ рѣшительно никакихъ извѣстій.

Но если даже допустить нѣкоторую, очень слабую возможность предположенія относительно столкновенія съ Ольвиополитами боевъ богемскихъ, то относительно паннонскихъ кельтовъ такая возможность окончательно исчезаетъ. Ихъ исторія распадается на слѣдующіе три періода: 1) отъ ихъ переселенія до вторженія галатовъ въ Грецію; 2) отъ вторженія до паденія Галло-фракійскаго царства; 3) до паденія ихъ свободы.

1) Пеллутье въ прошломъ столѣтіи и Нибуръ въ нынѣшнемъ отвергли разсказъ Ливія о странствованіяхъ кельтовъ подъ начальствомъ Лиговеза и Белловеза. Нибуръ, какъ извѣстно, тѣсно связываетъ вторженіе кельтовъ въ Цизальпинскую Галлію и походъ ихъ противъ Рима въ промежуткѣ семи лѣтъ (387 — 381) и къ тому же времени относитъ вторженіе кельтовъ изъ верхней Италіи въ Паннонію и Норикъ, гдѣ они осѣли уже прочно. Въ 12-мъ году послѣ взятія ими Рима изгнанцы ими трибаллы появляются у Авдирь (Апп. Иллир. III р. 832). Стало бытъ кельты должны были занять Паннонскія земли еще раньше 370 года до Р. Хр., т. е. раньше временъ Филиппа Македонскаго. Этотъ взглядъ Нибура на происхожденіе паннонскихъ кельтовъ и на время ихъ переселенія Шмидтъ считаетъ единственно

вѣрнымъ и подтверждаетъ самостоятельнымъ разборомъ относящихся къ нимъ свидѣтельствъ древнихъ писателей и сравнительной оцѣнкой ихъ значенія и достовѣрности. Что въ теченіи этого перваго періода своей исторіи паннонскіе кельты не могли быть врагами Ольвіополитовъ, Шмидтъ доказалъ, мнѣ кажется, вполне убѣдительно. Онъ основываетъ свой взглядъ: 1) на свидѣтельство Юстина (XXIV, 4, 5), что они „послѣ покоренія паннонцевъ въ теченіи многихъ лѣтъ вели разныя войны съ сосѣдами“ и слѣдовательно не могли думать о столь отдаленномъ походѣ, а въ числѣ ихъ сосѣдей (*finitimi*) Ольвіополиты уже конечно никакъ не могли считаться; 2) на томъ, что въ разсказахъ о войнахъ Филиппа и Александра Македонскихъ съ сѣверными народами нѣтъ никакихъ упоминаній о кельтахъ; 3) на свидѣтельствѣ Птоломѣя сына Лага (у Страв. VII р. 301 и Арр. Ан. I, 4), что кельтское посольство, привѣтствовавшее Александра при его возвращеніи изъ гетскаго похода, было совершенно новымъ и необыкновеннымъ явленіемъ и что послы эти, по ихъ собственнымъ словамъ, пришли отъ Адриатическаго моря и изъ Иллиріи; другое посольство, которое Александръ принималъ въ Вавилонѣ, пришло отъ кельтовъ съ Ионическаго залива (Арр. VII, 15. Діод. XVII, 113), стало быть и тогда еще они жили не далѣе къ востоку. Эти два посольства, по словамъ Діодора, впервые познакомили грековъ съ галатами, но это были только отдѣльные проблески изъ густаго мрака, окутывавшаго ихъ вплоть до вторженія Бельгія и Бренна. Наконецъ, что самое главное, во времена Александра и діадоховъ процвѣтало сильное Гетское царство, которое стояло твердою стѣною между припонтійскими странами и паннонскими кельтами; для того, чтобы имѣть возможность нападать на скивовъ и Ольвіополитовъ, кельтамъ нужно было предварительно разрушить эту стѣну,—но въ рассматриваемый періодъ Гетское царство оставалось крѣпкимъ и цвѣтущимъ ¹²⁾.

¹²⁾ Въ виду того, что геты играютъ впоследствии весьма важную роль въ судьбѣ Ольвіи, намъ необходимо держать въ памяти хотя краткій очеркъ ихъ историческихъ судебъ, который мы считаемъ за лучшее сдѣлать здѣсь же при первомъ о нихъ упоминаніи. Объ исторіи ихъ см. *G. Bessell*, *De rebus Geticis* (Gotting. 1854); *K. Müllenhoff*, ст. *Geten* въ *Allg. Encyclop. Zuna и Gruber* т. 64 стр. 446—464; *E. Rösler*, *Die Geten und ihre Nachbarn* въ *Sitzungsber. d. Wiener Akad., phil.-hist. Kl.* т. 44 (1863) стр. 140—187; *Ф. К. Бруна* Черноморье 9. I стр. 241 и др. Има гетовъ впервые является въ исторіи у Иродота (IV, 93—97) при описаніи Даріева похода въ Скиею. Когда Дарій переправился на европейскій берегъ Фракійскаго Воспора, фракійцы Салиндисса и жившіе выше Аполлонія и Месимарія иллиріанцы и иппсы покорились ему безъ сопротивленія,

Во второмъ періодѣ исторіи кельтовъ, приблизительно отъ 280 до 213 года до Р. Хр., мѣсто Гетскаго царства во Фракіи заступило Галатское. Если въ этомъ періодѣ были совершаемы кельтами какія либо предпріятія противъ припонтійскихъ странъ вообще и Ольвии въ частности, то они совершенно естественно и необходимо должны быть приписаны этимъ еракійскимъ галатамъ, жившимъ гораздо ближе

тогда какъ геты, храбрѣйшіе и справедливѣйшіе изъ еракійцевъ (о принадлежности гетовъ къ еракійскому племени ср. Отрав. VII р. 303) попытались было загородить ему дорогу, но напрасно; они были побѣждены и принуждены присоединиться къ полчищамъ побѣдителя, который затѣмъ беспрепятственно перешелъ черезъ Истръ и вступилъ въ Скиею. Стало быть геты занимали тогда восточную часть нынѣшней Болгаріи отъ Балканъ до Дуная и на западѣ приблизительно до Ятры (Ирод. *Ἰστρος*), которая по Иродоту (IV, 49) текла уже по владѣніямъ кровизовъ. Послѣ несчастнаго похода предпріятія Дарія геты конечно были независимы отъ еракійскихъ сатраповъ, но вообще ихъ страна снова скрывается въ глубокомъ мрачѣ, который лишь на минуту разсѣвается благодаря случайному упоминанію Фукидида (II, 96): геты являются въ зависимости отъ быстро усилившагося въ южной Фракіи царства одрисовъ, царь которыхъ Ситалкъ въ 429 г., предпринимая походъ противъ Македоніи и Халкидическихъ городовъ, „поддалъ во первыхъ подвластныхъ ему еракійцевъ по сѣю сторону Гѣма и Родоны до Понта Евксинскаго и Геллеспонта, затѣмъ жившихъ за Гѣмомъ гетовъ и другіе народы, жившіе по сѣю сторону Истра по направленію къ Евксинскому Понту. Геты и другіе тамошніе народы были соседями скиеовъ и имѣли одинаковое съ ними вооруженіе; всѣ они были конные стрѣлки“. Между 410 и 405 годами царство одрисовъ, представлявшее первую попытку политическаго объединенія еракійцевъ, пришло въ упадокъ и геты снова сдѣлались независимыми (Bezzel стр. 7 сл., Roalser стр. 158). Нѣсколько счастливице оказалась попытка Македоніи, которой удалось на время соединить почти всѣхъ еракійцевъ въ одно государственное цѣлое. При нашествіи на Фракію великаго Македонскаго завоевателя Филиппа II, геты повидимому успѣли отвратить грозившую имъ участь соседей дружественными предложеніями: ихъ послы явились предъ Филиппомъ, играя на клеветѣ по туземному обычаю, и предложили отъ имени своего царя Коеелы множество даровъ и руку царской дочери Миды. Филиппъ принялъ дары и руку царевны (см. Мюлленгофа стр. 451, Рёслера стр. 159). Впослѣдствіи геты еще разъ пришли въ соприкосновеніе съ Филиппомъ при осадѣ имъ города Одисса: боясь столь близкаго соседства могущественнаго завоевателя и надѣясь на прежнюю дружбу съ нимъ, геты отправили къ Филиппу своихъ жрецовъ, носившихъ названіе „Благочестивыхъ“; они успѣли уговорить Филиппа не только снять осаду, но и выдать пѣнныхъ и заключить съ ними союзъ. „Дружба гетовъ, говоритъ Мюлленгофъ, должна была имѣть особенное значеніе для Филиппа не только при завоеваніи Фракіи, но и теперь, послѣ покоренія страны, такъ какъ главный проходъ Гѣма, ведшій отъ нижняго Дуная въ долину Гебра, находилась еще въ рукахъ этого народа, который въ то же время могъ служить оплотомъ противъ сѣвера“. А здѣсь въ это время

къ Ольвиі, но никакъ не западнымъ ихъ братьямъ, жившимъ у нихъ въ тылу, въ Панноніи; стало быть о послѣднихъ за это время не можетъ быть и рѣчи. Къ тому же паннонскіе кельты въ это время были уже извѣстны; они постоянно тяготѣли къ греческому югу и наводняли собою Македонію, Грецію, Фракію и Малую Азію, куда имъ была открыта дверь; въ началѣ этого періода по словамъ Юстина (XXXII,

было далеко не спокойно: у устьевъ Дуная усилились скины, соединившіеся въ могущественную державу подъ властью царя Атея, а съ запада начинали грозить трибаллы. Филиппу удалось въ 339 г. очень счастливо справиться съ Атеемъ и взять большую добычу, но на возвратномъ пути на него напали трибаллы и въ происшедшей битвѣ самъ царь былъ раненъ и вся добыча потеряна. Въ это-то время, по всей вѣроятности, съ одной стороны вслѣдствіе давленія со стороны трибалловъ, съ другой — привлекаемые желаніемъ овладѣть наслѣдствомъ Атея, геты переселились на сѣверный берегъ Дуная: въ началѣ царствованія Александра мы видимъ ихъ уже на той сторонѣ, тогда какъ до столкновенія Филиппа съ скинами и трибаллами они, повидимому, занимали исключительно земли къ югу отъ Дуная. Походъ Александра Великаго въ эти страны, предпринятый съ цѣлью обезопасить на время своего похода въ Азію сѣверныя границы своего царства отъ нападений воинственныхъ соседнихъ варваровъ, хорошо извѣстенъ по рассказамъ Страбона (р. 301 сл.) и Арриана (Анав. I, 1—5), основанными на одномъ и томъ же авторитетномъ источникѣ—сочиненіи Александра сподвижника Птолемея сына Лага. Выступивъ изъ Амвиполя весной 334 г., Александръ перешелъ чрезъ Гемъ, побѣдоносно прошелъ всю землю трибалловъ и, дойдя до Дунайскихъ гирлъ, хотѣлъ овладѣть островомъ Певкою, на который укрылись трибаллы съ женами и дѣтьми, но эта попытка окончилась неудачей. Между тѣмъ геты въ количествѣ 10,000 пѣхоты и 4,000 конницы собрались на сѣверномъ берегу Дуная съ цѣлью остановить Александра въ случаѣ, еслибы онъ вздумалъ переправиться на ихъ сторону; но Александръ, обманувъ ихъ бдительность, успѣлъ подъ покровомъ ночи переправить чрезъ Дунай 4,000 оплитовъ и 1,500 всадниковъ, такъ что на утро геты съ изумленіемъ увидели предъ собою готовую къ бою вражескую силу и въ ужасѣ бросились въ находившіеся не подалеку (по мнѣнію Ф. К. Бруна, Черном. I стр. 243, — въ окрестностяхъ нынѣшняго селенія Каргала) свой городъ, захватили тамъ женъ и дѣтей и бѣжали въ степи. Александръ разрушилъ городъ и въ тотъ же день возвратился въ свой лагерь на правой сторонѣ Дуная. Затѣмъ мы встрѣчаемъ упоминаніе о гетахъ еще при жизни Александра у Курція Руфа (см. выше стр. 64 пр. 7), который говоритъ, что несчастный походъ Зопиріона былъ предпринятъ противъ этого народа, тогда какъ по свидѣтельству другихъ писателей онъ былъ направленъ противъ скиновъ. Это смѣшеніе могло производиться весьма легко, если геты продолжали жить въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ скинами на сѣверномъ берегу Дуная, гдѣ ихъ владѣнія распространились далеко къ сѣверу (Страб. VII, 3, 1). Послѣ смерти Александра мы встрѣчаемъ во главѣ гетовъ могущественнаго Дромикета, который успѣшно боролся съ Фракійскимъ царемъ Лисимахомъ и въ 292 г., застигнувъ въ степяхъ между Дунаемъ и Днястромъ измученное голодомъ и жаждою войско, взялъ его

3, 8) название Scordisci сдѣлалось общимъ для возвратившихся на родину кельтовъ.

Въ третьемъ періодѣ скордиски были господствующимъ народомъ въ придунайскихъ странахъ, Панноніи и Иллиріи; но Галатское царство во Фракіи было ниспровергнуто фракіяцами (Пол. IV, 46); стало быть послѣдніе снова приобрѣли могущество и Гетское царство снова сдѣлалось самостоятельнымъ. Хотя гетамъ, по словамъ Страбона (VII р. 304), приходилось много бороться съ врагами, можетъ быть иногда и съ паннонскими кельтами, всетаки ихъ царство достаточно отдѣляло послѣднихъ отъ припонтійскихъ странъ, и наконецъ въ I вѣкѣ до Р. Хр. Гетскій царь Биребистъ, который распространилъ свое могущество на всѣ сосѣдніе народы и на всю Дакію до Дуная и Савы, своею побѣдою падъ тавриками и боями до того ослабилъ кельтовъ, что остатки ихъ вскорѣ послѣ того признали господство римлянъ, съ которыми скордиски уже послѣ паденія Македоніи во II вѣкѣ до Р. Хр. боролись съ перемѣннымъ счастіемъ (Т. Liv. еріт. 63). Мало по малу ослабѣвая, они во времена Тиберія окончательно покорились Риму (Стр. VII р. 318. Велл. Пат. II, 39). Стѣсняемые со всѣхъ сторонъ, паннонскіе кельты не могли совершать великихъ предпріятій; и можно ли при подобныхъ обстоятельствахъ думать о неоднократной войнѣ ихъ противъ Ольвій? И даже если бы это было возможно, то могъ ли бы авторъ документа обойтись безъ упоминанія о гетахъ, чрезъ страну которыхъ необходимо было пройти кельтамъ? Надпись должна относиться къ такому времени, когда могущество и самое имя гетовъ равнялись нулю.

Къ вышеприведеннымъ разсужденіямъ Шмидтъ дѣлаетъ еще слѣдующія прибавки: 1) во второмъ періодѣ своей исторіи паннонскіе

въ плѣнъ вѣсть съ Лисимахомъ, но обошелся съ нимъ очень милостиво и далъ ему свободу взаимнѣ уступки сѣверныхъ областей его царства, ближайшихъ къ гетамъ. „Военное могущество Лисимаха, говоритъ Мюлленгофъ, послѣ постигшаго его несчастія на первое время должно было быть совершенно сломлено. Сѣверная граница его царства была уступлена гетамъ и ничто не могло съ этой стороны воспрепятствовать имъ распространять свое могущество вплоть до ирешней ихъ родины на Гемъ“. Вниманіе Лисимаха было отвлечено отъ нихъ македонскими и азіатскими дѣлами и мы не видимъ никакихъ признаковъ новой борьбы его съ гетами до самой его смерти въ 281 году. Какъ разъ въ это время начинаются нападенія галатовъ на Фракію, Македонію и Елладу. Въ 279 г. галаты подъ предводительствомъ Комонтора основали во Фракіи сильное царство, столицей котораго была Тиа и которое существовало приблизительно до 213 года. Трибаллы и геты, разбитые галатами (Юст. 25, 1, 3), принуждены были имъ подчиняться.

кельты всегда являются подъ этимъ именемъ, тогда какъ еракійскіе и малоазіатскіе галаты такъ же постоянно и какъ ἑξοχῆν называются Γαλάται. Подъ именемъ галатовъ нигдѣ нельзя разумѣть скордисковъ; поэтому если бы послѣдніе воевали съ Ольвіополитами, то по твердому убѣжденію Шмидта они были бы названы ихъ собственнымъ именемъ, а не галатами. 2) Паннонскіе кельты отъ начала до конца ихъ исторіи оставались на Дунаѣ въ одной и той же странѣ и только предпринимали оттуда отдѣльныя экспедиціи. Но предположенію, что война противъ Ольвии была такою издалека предпринятою экспедиціею, противорѣчатъ сама надпись, которая говоритъ очевидно о сосѣдяхъ. Грозныя донесенія, принесенныя въ Ольвію, гласили, что галаты собрали большія силы и заключили союзъ съ скирами, чтобы идти на Ольвію; здѣсь рѣчь идетъ, стало быть, о военныхъ приготовленіяхъ въ странѣ галатовъ, предъ выступленіемъ ихъ въ походъ. А кто же приноситъ это извѣстіе въ Ольвію? Перебѣжчики. Но они могутъ являться только изблизи; отпаденіе рабовъ и пограничныхъ микселлиновъ также намекаетъ, что нападеніе ожидалось со стороны сосѣдняго народа. „Однимъ словомъ, одинъ аргументъ усиливаетъ другой, и вѣроятность, что галаты надписи — не паннонскіе кельты, возводится такимъ образомъ до высшей степени“.

Переходя затѣмъ къ Галатскому царству, основанному во Фракіи Комонторіемъ, нашъ авторъ прежде всего подробно разбираетъ свидѣтельства древнихъ о самомъ нашествіи галатовъ на Елладу, объ основаніи ихъ царства во Фракіи, объ его объемѣ, могуществѣ и исторіи. Изъ этой части его изслѣдованія мы позаимствуемъ только то, что ближе всего относится къ интересующему насъ теперь предмету. Главнымъ городомъ вновь возникшаго государства была Тила или Тились, во Фракіи близъ Гѣма. Мѣстоположеніе этого города, говоритъ Шмидтъ, должно быть средоточіемъ владѣній галатовъ, и уже отсюда можно вывести вѣроятное слѣдствіе, что галаты господствовали не только къ югу, но и къ сѣверу отъ Гѣма. Если бы имъ были подвластны только южныя еракійцы, то они навѣрное выбрали бы другое мѣсто для столицы и не основали бы ее въ отдаленнѣйшемъ углу своего царства, гдѣ имъ не только стали бы угрожать другіе враждебныя народы съ сѣвера, но и на югѣ подчиненныя народы и города, какъ напримѣръ Визактія, при такой отдаленности отъ столицы галатовъ воспользовались бы первымъ случаемъ для того, чтобы свергнуть съ себя ихъ иго. Обозрѣвъ затѣмъ свидѣтельства древнихъ относительно галатскаго господства

въ южной части Фракіи, авторъ обращается къ разсмотрѣнію отношеній галатовъ къ народамъ, которые оказались ихъ сосѣдями съ сѣвера и между которыми наиболѣе значительными были трибаллы и геты. Первые, будучи прогнаны паннонскими кельтами около 101 Олимп., заняли мѣстность между Гемою, нижнимъ Дунаемъ и Понтомъ (Niebuhr kl. hist. Schr. I стр. 374 сл.); геты, владѣвшіе ранѣе этою областью, были потомъ отброшены за Дунай и заняли восточную Дакию между Карпатами и Іерасомъ, даже до Тиръ. Здѣсь-то, между Истромъ и Тирою, бились они съ Лисимахомъ и здѣсь была такъ называемая Гетская степь (Страв. VII р. 303 сл.).

Итакъ, чтобы достигнуть линіи соприкосновенія съ скинами, оисаматами, савдаратами и Ольвиополитами, т. е. Тиръ, оракійскимъ галатамъ нужно было побѣдить или покорить только два народа, трибалловъ и гетовъ. Но что эти два народа дѣйствительно были покорены галатами, это можно считать вполне достовѣрнымъ, принимая во вниманіе прямое свидѣтельство Юстина (XXV, 1, 3): *Galli... fugatis Getarum Triballogumque sorpis*. Правда, это не были галаты Комонторія, а орда Леоннорія и Лутарія ¹²⁾, но тѣмъ не менѣе этотъ фактъ вполне доказываетъ тогдашнюю слабость гетовъ и трибалловъ, при которой они, конечно, не могли оказать сильнаго сопротивленія болѣе многочисленнымъ ордамъ Галатско-оракійскаго царя. Этой же слабостью ихъ объясняется и то, что въ теченіи этого періода времени они совершенно исчезаютъ изъ исторіи. Ихъ царство повидимому быстро пало послѣ Дромикхэта. Но по уничтоженіи Галатскаго царства оракійцами, съ которыми могли участвовать въ этомъ событіи и геты, ихъ царство снова поднялось и достигло самостоятельности; но оно все таки оставалось довольно слабымъ до I вѣка до Р. Хр., когда могущественный геній Виребиста, залѣчивая старыя раны, создалъ для него новый блескъ и новое величіе. Поэтому Стравонъ, послѣ разсказа о Дромикхэтѣ, минуетъ весь этотъ періодъ времени, какъ не имѣющій значенія для гетской исторіи, и прямо переходитъ къ Виребисту (VII р. 304). Діодоръ, Юстинъ и Павсаній также разсказываютъ о Дромикхэтѣ, но ни слова не говорятъ о послѣдующемъ времени. Іорданъ говоритъ только о самомъ важномъ періодѣ исторіи гетовъ, то-есть о Виребистѣ (с. 11).

¹²⁾ Мюлленгофъ (ук. ст. стр. 456), опровергая Шмидта, считаетъ этихъ галатовъ именно Комонторіевыми. Съ Шмидтомъ согласенъ *Leop. Conzen*, *Die Wanderungen der Kelten* (Leipzig 1861) стр. 212.

Послѣ всего этого легко объясняется то странное повидному обстоятельство, что въ ольвійскомъ декретѣ не упоминаются геты; а съ этимъ уже прямо связывается необходимость относить упоминаемыя въ надписи событія къ періоду существованія царства Галатскаго и ничтожества Гетскаго. Такимъ образомъ является несомнѣннымъ, что господство Галатскаго царства распространилось съ Гѣма не только въ южномъ направленіи до Византіи, но и въ сѣверномъ до Тиро; мы имѣемъ право заключить, что многіе береговые города къ сѣверу отъ Гѣма подвергались такому же давленію со стороны галатовъ, какъ и южные. Отъ Тилы до устьевъ Истра было не больше разстоянія, чѣмъ до Фракійскаго Воспора. Всѣ эти города были слабѣе Византіи, всѣ лежали ближе ея къ центру варварскаго царства и поѣтому можетъ быть всѣ или по крайней мѣрѣ въ большинствѣ подпали скипетру Галатскаго царя.

Итакъ, заключаетъ Шмидтъ, это Галатское царство, столь богатое объемомъ и могуществомъ, ограниченное съ юга Воспоромъ, а съ сѣвера Тирою, и имѣвшее сосѣдями этихъ еисаматовъ, скинозовъ, савдаратовъ и скировъ, — это царство навѣрное и есть то, о которомъ говоритъ надпись⁴⁾. Здѣсь собственно оканчивается то, что хотѣлъ доказать авторъ; лишь ради полноты онъ указываетъ въ концѣ статьи, что о малоазіатскихъ галатахъ въ надписи никонимъ образомъ не можетъ быть рѣчи, затѣмъ дѣлаетъ еще нѣсколько замѣчаній относительно дальнѣйшей судьбы Галатскаго царства во Фракіи и нѣсколько объясненій, ближайшимъ образомъ касающихся текста надписи.

Не смотря на то, что Шмидтъ съ такою основательностью рассмотрѣлъ вопросъ о галатахъ Протогеновской надписи и связанный съ нимъ вопросъ объ ея времени, его взглядъ встрѣтилъ мало сочувствія въ Германіи. Первый ученый, которому пришлось коснуться этого вопроса послѣ Шмидта, былъ Цейссъ. Въ своемъ сочиненіи „Нѣмцы и сосѣднія съ ними племена“¹⁴⁾ онъ полагаетъ, что подъ именемъ галатовъ Протогеновской надписи можно разумѣть только бастарновъ, появленіе которыхъ на нижнемъ Дунаѣ относится къ началу II в. до Р. Хр. Справедливо признавая бастарновъ за народъ германскаго племени, Цейссъ тѣмъ не менѣе полагаетъ, что тогдашніе греки по внѣшнимъ признакамъ признали этихъ пришельцевъ соплеменниками болѣе извѣстныхъ имъ галатовъ и безъ колебаній окрестили ихъ тѣмъ же именемъ. Дѣй-

⁴⁾ Kaspar Zeuss, Die Deutschen und die Nachbarstämme (München 1837), стр. 61 сл. и 127 сл. Статья Шмидта, кажется, не была известна Цейссу.

ствительно мы встрѣчаемъ у греческихъ писателей отождествленіе бастарновъ съ галатами ¹⁵⁾, но оно безъ сомнѣнія основано только на маломъ ихъ знакомствѣ съ новыми пришельцами, тогда какъ относительно Ольвіополитовъ нельзя не припомнить справедливаго замѣчанія Шмидта, что они должны были хорошо знать своихъ грозныхъ враговъ и могли называть ихъ галатами только въ такомъ случаѣ, когда тѣ сами называли себя этимъ именемъ. Безъ сомнѣнія на этомъ основаніи Шмидтъ въ своей статьѣ совершенно не коснулся вопроса, можно ли подѣ именемъ галатовъ Протогеновской надписи разумѣть бастарновъ. Какъ бы то ни было, мнѣніе Цейсса пришлось болѣе по вкусу послѣдующимъ ученымъ. Его раздѣляютъ или самостоятельно высказываютъ: Дункеръ, Укертъ, Мюлленгофъ, Брунъ и др. ¹⁶⁾. Гротъ, не касаясь вопроса о галатахъ, согласно съ этими учеными относитъ документъ ко II в. до Р. Хр. ¹⁷⁾. Однако въ пользу мнѣнія

¹⁵⁾ См. *Zauss* стр. 128.

¹⁶⁾ *M. W. Duncker*, *Origines Germanicae*, comment. I (Berolini 1840) стр. 80 сл. *Müllenhoff* ух. ст. въ Энциклоп. Эрша и Грубера стр. 456. *Ukert*, *Skythien* стр. 46 сл. Укертъ не осымается, впрочемъ, на Цейсса и Дункера и, стало быть, самостоятельно пришелъ къ одинаковому съ ними взгляду. Противъ мнѣнія Шмидта онъ замѣчаетъ (стр. 47 пр. 57): „Nichts aber berechtigt anzunehmen, wie man gethan hat, dass diese Völkerschaft [то есть галаты еракіѣнскіе] sich damals nördlich vom Danubius vorgewagt habe“. По мнѣнію *Ф. К. Бруна*, Черноморье т. I стр. 244, Укертъ „вѣроятно не ошибается, когда въ галатахъ песенна узнаетъ бастарновъ“.

¹⁷⁾ *G. Grote*, *Gesch. Griechenlands übers. von Meissner*, т. VI стр. 800 пр. 66: „Der Schrecken, den die Gallen sogar andern Barbaren einflössten, scheint besser auf das zweite Jahrhundert v. Chr. als auf eine spätere Periode zu passen.“—Ради полноты нашего обзора отмѣтимъ еще мнѣнія тѣхъ изъ нашихъ изслѣдователей, которые, занимаясь спеціальными изслѣдованіями объ Ольвіи, тѣмъ не менѣе не знали мнѣній ни Шмидта, ни Цейсса съ его послѣдователями. Графъ *Уваровъ* (Искл. стр. 90 пр. 2) пишетъ: „Мнѣ кажется, что бѣдственное положеніе Ольвіи явно происходило отъ разворенія города гетами [о которыхъ однако въ надписи нѣтъ ни одного слова], слѣдовательно нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Кёлера о времени обнаруженія этого песенна; можно даже положительнѣе его сказать, что эта надпись принадлежитъ ко времени управленія императора Тиверія“. Но приводимыя авторомъ основанія въ пользу такого мнѣнія не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. — Баронъ *Кёне* считаетъ надпись гораздо древнѣе; но шаткость его воззрѣній на счетъ ея времени и вообще его историческихъ свѣдѣній сразу обнаружится изъ слѣдующихъ *буквалыныхъ* выписокъ. М. Коч. I стр. 13: „мраморъ Протогена принадлежитъ времени, предшествовавшему осадѣ Зониріона... т. е. къ концу II или началу III [sic] вѣка до Р. Хр.“ — Стр. 19: надпись „принадлежитъ ко времени до осады Зониріона, около половины III вѣка

Шмидта много говоритъ то, что съ нимъ вполне согласился Конценъ, специально изслѣдовавшій вопросъ о передвиженіяхъ кельтическихъ племенъ ¹⁸⁾. Въ недавнее время профессоръ Диттенбергеръ ¹⁹⁾ снова обратилъ серьезное вниманіе на взглядъ Шмидта и представилъ его критическую оцѣнку.

Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ учености и остроумію Шмидта („disputatio doctrinae et acuminis plena“) и вполне согласившись съ его отрицательными результатами относительно боевъ, кимбровъ и малоазійскихъ галатовъ, этотъ почтенный ученый, самымъ тѣснымъ образомъ связавшій свое имя съ прогрессомъ эпиграфическихъ изслѣдованій послѣдняго десятилѣтія, признаетъ вѣроятность мнѣнія Шмидта о томъ, что въ надписи упоминаются галаты еракійскіе, но тѣмъ не менѣе находитъ, что изъ остальныхъ предположеній одно осталось не опровергнутымъ: „Nempe quominus Galatas Scordiscos potius esse statuamus, говоритъ онъ, et titulum medio circiter saeculo a. Chr. altero incisum, mea quidem sententia nihil obstat“. Въ пользу такого предположенія Диттенбергеръ приводитъ слѣдующія доказательства: 1) мнѣніе Шмидта, что Ольвиополиты называли бы это галльское племя его собственнымъ именемъ, а не вообще галатами, опровергается документомъ № 247 сборника Диттенбергера ²⁰⁾, гдѣ тѣ же

до Р. Хр.“—Стр. 22: „Протогенъ и Сантаеарій жили, кажется, во времена Александра Великаго“. — „Можетъ быть Ливинахъ сражался съ Сантаеаріемъ, когда покорялъ приморскіе города Эракія“. Всѣе комментаріи къ этимъ тирадамъ, полагаю, излишни.

¹⁸⁾ L. Conzen, Die Wanderungen der Kelten, стр. 217.

¹⁹⁾ Sylloge inscr. Graec. стр. 363.

²⁰⁾ Документъ этотъ, найденный въ деревнѣ Анвати въ разстояніи 2-хъ часовъ къ с. отъ Тессалоники и изданный Диттенбергеромъ по копіи французскаго ученаго Duchesne (Revue archéol. т. XXIX, 1875 г., стр. 6 сл., съ поправками Э. Миллера тамъ же, стр. 176 сл.), представляетъ собою постановленіе литейцевъ (Ληταίων, ср. Стев. Виз. Λητή πόλις Μακεδονίας κтл.) въ честь Римскаго квестора Марка Аннія, относящееся къ 117 г. до Р. Хр. Къ галатамъ относится въ документѣ слѣдующее мѣсто (стр. 10 сл.): 'Εν δὲ τῶν παρόντων καιρῶν καὶ τοῦ τῶν Γαλατῶν ἔθνος συναχθέντος καὶ ἐπιστρατεύσαντος εἰς τοὺς κατὰ Ἄργος τόπους στρατοπέδω μείζονι, ἐφ' οὗ καὶ ἐκπορευθέντος Σέξτου Πομπηίου τοῦ στρατηγοῦ καὶ παραταξαμένου μετὰ τῶν ἰδίων στρατιωτῶν, οὗ καὶ συνβάντος ἐν τῇ μάχῃ τελευτῆσαι, θλιβομένων γε διὰ τὴν αἰτίαν ταύτην τῶν στρατιωτῶν, ἐπεξεληθῶν Μάαρχος ὁ ταμίης ἔχων τοὺς ὑφέαυτον τεταγμένους ἐτρέψατο τοὺς ὑπεναντίους καὶ τοῦ τε πτόματος ἐκράτησεν καὶ πολλοὺς αὐτῶν ἀπέκτεινεν, ἐχορίευσεν δὲ καὶ ἵππων καὶ ὄνων κλειόνων... μετ' οὗ πολλὰς δὲ ἡμέρας ἐπισυναχθέντων τῶν Γαλατῶν ἵππων ἐτι κλειόνων καὶ συνεκλήθη τος μετ' αὐτῶν Τίπα τοῦ τῶν Μαίδων δυνάστου μετ' ὄχλου πλείους... ἐνίκησεν τοὺς

скордически названы галатами; 2) если Шмидтъ говоритъ, что скордически жили слишкомъ далеко отъ Ольвии, то разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ Ольвіополитовъ, было не больше разстоянія отъ послѣднихъ до еракійской Тилы. Однако по нашему мнѣнію это возраженіе не имѣетъ серьезнаго значенія и даже можетъ быть названо придиркой: вѣдь Шмидтъ именно доказываетъ, что скордически постоянно оставались на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ жительства, тогда какъ Галатское царство во Оракіи по его мнѣнію могло доходить до Тиря, откуда уже рукой подать до Ольвии; значить мѣрить разстояніе нужно было не отъ столицы этого царства, а отъ сѣверныхъ его предѣловъ. Впрочемъ, на это обстоятельство Диттенбергеръ обратилъ вниманіе въ третьемъ пунктѣ своихъ возраженій, но старается и его повернуть противъ Шмидта. „Шмидтъ предполагаетъ, говоритъ онъ, что царство Комонторія распространилось до тѣхъ мѣстъ, и часть галловъ имѣла жительство недалеко отъ Ольвии; но то же самое и съ такимъ же правомъ можно предполагать относительно скордисковъ во II в. до Р. Хр.: я рѣшительно не вижу, на какомъ основаніи Шмидтъ говоритъ, что могущество гетовъ, жившихъ между Мезіею и Скиѳіею, во II вѣкѣ до Р. Хр. было больше, чѣмъ въ третьемъ: вѣдь Стравонъ (VII р. 303, 4) прямо говоритъ, что только Биребистъ, царствовавшій, какъ извѣстно, въ половинѣ I вѣка до Р. Хр., не только спасъ доведенный почти до отчаянія народъ, но даже побѣдилъ всѣ сосѣдніе народы и создалъ великую державу“. Но противъ этого мнѣнія Диттенбергера также могутъ быть представлены возраженія. Во первыхъ, о столь широкомъ распространеніи области скордисковъ во II в. до Р. Хр. не говоритъ ни одинъ древній авторъ; самъ Диттенбергеръ въ

πολεμίου μάχῃ κατὰ τῆς τῶν θεῶν προνοίας καὶ πολλοὺς μὲν αὐτῶν ἐν χειρῶν νομαῖς ἐπέκτησαν, οὗ δὲ ζωγρία συνέλαβεν κτλ. Относительно упоминаемыхъ здѣсь галатовъ Диттенбергеръ замѣчаетъ слѣдующее: „Scordiscos intellexit D[uchesne], quia Galli Asiatiei tum in Macedonia irrupere non potuissent, regnum Gallicum a Comontorio in Thracia constitutum illa aetate non iam fuisset (Polyb. IV, 46). Inde a Persei aetate, qui eos auxilia contra Romanos vocasset (Plut. Aem. Paul. 12), eos Thraciam Macedoniaeque identidem incursionibus vexasse; a. 135 a. Chr. a M. Cosconio in Thracia pulsos esse (Liv. per. 56), 114 a. Chr. M. Porcio Catoni eadem intulisse (Liv. per. 63. Flor. I, 38. Eutrop. IV, 10), sed insequenti anno a M. Didio fusos esse et a M. Livio trans Danuvium expulsos“. Нужно замѣтить однако, что Шмидтъ говоритъ о невозможности приложенія имени галатовъ въ надписи только къ тѣмъ племенамъ, къ которымъ оно прилагалось греками только по недоразумѣнію или по догадкѣ, а не къ тѣмъ, которые дѣйствительно были кельтскаго происхожденія.

вышеприведенномъ примѣчаніи къ № 247 говорить, что они дѣлали только набѣги на Фракію и Македонію (*incursionibus vexabant*), а не поселились тамъ на постоянное жительство; восторыхъ, геты, конечно съ неудовольствіемъ сносившіе иго фракійскихъ галатовъ, должны были съ восторгомъ привѣтствовать паденіе царства Комонторія, возвращавшее имъ свободу, и едва ли могли снова безпрекословно и безъ борьбы поддаться владычеству скордисковъ; а для такой борьбы и для того, чтобы послѣ подчиненія гетовъ держать ихъ въ повиновеніи, скордиски должны были оставить прежнія мѣста своего жительства и придвинуться ближе къ гетамъ, о чемъ, повторяю, писатели ничего намъ не говорятъ. Наконецъ Диттенбергеръ, по нашему взгляду, чрезчуръ уже преувеличиваетъ значеніе словъ Стравона²⁰⁾. Такая слабость гетовъ до воцаренія Бурвисты, какую рисуетъ Стравонъ, вполне возможна была и при самостоятельномъ ихъ положеніи, независимомъ отъ скордисковъ; Бурвиста поднялъ ихъ духъ, распространилъ ихъ владычество на сосѣдніе народы, но чтобы онъ предварительно освободилъ ихъ самихъ отъ чуждаго ига, этого изъ словъ Стравона не видно. Впрочемъ самъ Диттенбергеръ, повидимому сознавая слабость своихъ аргументовъ, въ концѣ концовъ не слишкомъ настаиваетъ на своемъ мнѣніи относительно того, что въ Протогеповскомъ документѣ подъ галатами слѣдуетъ разумѣть скордисковъ: „*Iam utrum tertii saeculi sit titulus et ad Thracicos illos Galatas spectet, an altero saeculo scriptus de Scordiscis intellegendus sit, non audeo diiudicare. Illi sententiae sermo favet, huic litteratura; sed neutro argumento multum proficitur, quia illius regionis tituli non tam frequentes sunt, ut sermonis scripturae vicissitudines accurate definiri liceat*“.

Такимъ образомъ самъ Диттенбергеръ указываетъ на необходимость обратиться къ изслѣдованію письма Протогеповскаго документа для того, чтобы имѣть возможность окончательно опредѣлить его время. Въ нашемъ сборникѣ надписей мы старались какъ можно точнѣе передать характеръ его письма, на сколько это было возможно при употребленіи типографическаго шрифта, кромѣ того на таблицѣ 2-й предста-

²⁰⁾ Для ясности приводимъ ихъ въ роданинскѣ: Βοιρεβίστας ἀνὴρ Γέτης, ἐπιστάς ἐπὶ τῆν τοῦ ἔθνους ἐπιστάσιαν, ἀνέλαβε κεκαχωμένους τοὺς ἀνθρώπους ὑπὸ συγῶν πολέμων καὶ τοσοῦτον ἐπήρει ἀσκήρει καὶ ἠύφει καὶ τῷ προσέχειν τοῖς προσταγμασιν, ὡστ' ὀλίγων ἐτῶν μεγάλην ἀρχὴν κατεστήσατο καὶ τῶν ἡμέρων τοῦς πλείστους ὑπέταξε τοῖς Γέταις.

вѣли точные снимки всѣхъ буквъ его въ натуральную величину и такимъ образомъ, надѣемся, дали всѣмъ желающимъ возможность составить себѣ довольно вѣрное понятіе объ его письмѣ. Мы сами не находимъ ни въ общемъ характерѣ письма, ни въ начертаніи отдѣльныхъ буквъ такихъ признаковъ, которые представляли бы серьезное препятствіе для отнесенія документа къ III вѣку до Р. Хр.; только начертанія буквъ С и Ω могли бы показаться довольно поздними, но относительно первой формы въ настоящее время вполне констатировано, что начало ея употребленія въ греческомъ алфавитѣ восходитъ къ гораздо болѣе древнимъ временамъ, чѣмъ думали прежде: въ Атикѣ она неоднократно встрѣчается въ документахъ IV вѣка до Р. Хр.²¹⁾ и въ самой Ольвii въ документѣ № 10 нашего сборника она является между такими буквами, которыя по характеру своихъ начертаній свободно могутъ быть отнесены къ тому-же вѣку; что же касается до оригинальнаго начертанія буквы Ω, то оно до сихъ поръ извѣстно намъ только изъ двухъ Ольвійскихъ документовъ (Протогеновскаго и № 100) и одного Пантикапейскаго²²⁾; въ послѣднемъ она стоитъ между такими начертаніями, которыя почти навѣрное могутъ быть отнесены къ IV вѣку, что подтверждается и остаткомъ юнизма въ этой надписи въ формѣ 'Ιωνίη вм. 'Ιωνία. Такимъ образомъ мы видимъ, что характеръ письма не можетъ препятствовать отнести Протогеновскій документъ къ III вѣку до Р. Хр.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію другихъ новыхъ данныхъ, прямо или косвенно свидѣтельствующихъ въ пользу того же. При собираніи матеріаловъ для нашего сборника намъ посчастливилось познакомиться съ цѣлымъ рядомъ эпиграфическихъ памятниковъ, болѣею частью оставшихся неизданными и стоящихъ въ болѣе или менѣе близкой хронологической связи съ документомъ Протогеновскимъ. Приводимъ прежде всего ихъ перечень:

1. № 99, посвященіе башни Ираклу и народу Клеомвротомъ сыномъ Пантакла;
2. № 100, запись о постройкѣ 'нилона и 'скиниѣи тѣмъ же Клеомвротомъ;

²¹⁾ Ср. замѣчанія Ульриха Келера въ Mitth. d. D. Inst. II стр. 261 и С. I. Attic. II, 2, къ № 1152. S. Reinach, 'Traité d' épigraphie Grecque (Paris 1886) стр. 207.

²²⁾ Отч. Имп. Археол. Комм. за 1868 г., стр. 117; характеръ буквъ надписи не вполне выдержанъ при передачѣ ихъ типографическимъ шрифтомъ.

3. № 105, надпись на пьедесталѣ статуи Еврисвіа Димитріева, посвященной народомъ Зевсу-царю;

4. № 106, надпись на пьедесталѣ статуи жреца Діонисіа, поставленной его сыновьями Агротомъ и Посидіемъ;

5. № 114, огромный перечень Ольвійскихъ гражданъ.

Послѣдній документъ именно и служить связующимъ звеномъ между Протогеновскимъ и остальными перечисленными: дѣло въ томъ, что между 106 гражданами, имена которыхъ съ отчествами сохранились вполне или отчасти въ этомъ документѣ, дошедшемъ до насъ далеко не въ полномъ видѣ, встрѣчаются слѣдующіе:

Κλεόμβροτος Παντακλέους дважды,
 Ἦροσῶν Πρωτογένους,
 Διονύσιος Ἀγρότου,
 Εὐρησίβιος Δη[μητρίου],
 Παντακλῆς Κ[λεομβρότου?].

Значить всѣ эти лица были между собою современниками; между тѣми совпаденіе ихъ именъ съ тѣми, которыя сдѣлались извѣстны изъ вышеперечисленныхъ документовъ, на столько поразительно, что признать его чисто случайнымъ почти невозможно, или по крайней мѣрѣ съ гораздо большею вѣроятностью можно думать, что это одни и тѣ же лица, что Ἦροσῶν Πρωτογένους былъ или отцомъ или сыномъ того Протогена, въ честь котораго составленъ декретъ № 16, и что стало быть всѣ эти документы приблизительно одновременны. Къ сожалѣнію, ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ такихъ данныхъ, которыя бы прямо и ясно указывали на время его происхожденія, такъ что приходится довольствоваться тѣми опредѣленіями, которыя можно сдѣлать на основаніи внѣшнихъ признаковъ камней или письма надписей. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляютъ два памятника Клеомврата: во второмъ изъ нихъ (№ 100) характеръ письма на столько сходенъ съ Протогеновскимъ, что можно даже подумать, что они вырѣзаны на камнѣ однимъ и тѣмъ же рѣзчикомъ; только нѣкоторыя буквы надписи Клеомврата, на примѣръ Π, имѣютъ болѣе древнюю форму, кромѣ того всѣ буквы гораздо крупнѣе и разставлены гораздо шире, чѣмъ въ Протогеновскомъ декретѣ. Другая надпись Клеомврата (№ 99), какъ нами подробно объяснено въ сборникѣ, очень испорчена и читается съ величайшимъ трудомъ; но всетаки и теперь еще можно сказать, что по общему характеру письма она можетъ быть отнесена еще къ IV вѣку или по крайней мѣрѣ къ 1-й

половинѣ III-го; затѣмъ относительно камня необходимо припомнить замѣчаніе, высказанное намъ лично хранителемъ древностей Императорскаго Эрмитажа, извѣстнымъ знатокомъ древняго искусства, Г. Е. Кизерицкимъ, и вкратцѣ приведенное нами въ сборникѣ: г. Кизерицкій положительно утверждаетъ, что камень, на которомъ вырѣзана надпись Клеомврата, — не мѣстнаго происхожденія, а вывезенъ изъ Атики и представляетъ собою по всей вѣроятности низшій сортъ Гиметтскаго мрамора, подходящий къ такъ называемому Пирейскому камню; роскошный анеемій, которымъ украшенъ камень, по мнѣнію г. Кизерицкаго навѣрное представляетъ собою произведеніе аттическаго искусства и по времени исполненія не можетъ быть позднѣе половины IV вѣка до Р. Хр. Остается, стало быть, принять, что камень этотъ былъ вывезенъ на продажу въ Ольвію, гдѣ его купилъ Клеомвротъ и, не обращая вниманія на его настоящее назначеніе служить надгробнымъ памятникомъ, приказалъ вырѣзать на немъ свою надпись о посвященіи башни Иравлу и народу; это могло случиться, конечно, значительно позже того, какъ камень былъ приготовленъ на продажу въ Атикѣ, но все-таки едва-ли можно допустить, чтобы между приготовленіемъ камня и вырѣзкою на немъ надписи Клеомврата прошло болѣе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ; такимъ образомъ надписи Клеомврата съ наибольшою вѣроятностью могутъ быть отнесены къ концу IV-го или началу III-го вѣка до Р. Хр. Что вторая надпись Клеомврата древнѣе Протогеновской, это видно и изъ того, что во время Протогена, послѣ другихъ его работъ, оставалась неоконченною одна только скинія (часть стѣны) отъ башни Посія сверху (№ 16, В, стр. 57 сл.), стало быть скинія Клеомврата, упоминаемая въ № 100, была построена раньше. Отсюда слѣдуетъ, что Иросонтъ, записанный въ № 114 вмѣстѣ съ Клеомвротомъ, былъ отецъ Протогена, а не сынъ его. Что касается до надписей №№ 105 и 106, то объ нихъ можно сказать только то, что характеръ ихъ письма, по нашему мнѣнію, ничуть не препятствуетъ относить ихъ къ 1-й половинѣ III вѣка до Р. Хр. и такимъ образомъ считать записанныхъ въ нихъ лицъ современниками Клеомврата. Слѣдовательно до сихъ поръ всѣ данныя говорятъ въ пользу того, что вся разбираемая серія документовъ относится приблизительно къ III вѣку до Р. Хр., и ихъ принадлежность къ этому времени могла бы считаться стоящею внѣ всякаго сомнѣнія, если бы не было помѣхи, представляемой характеромъ письма каталога № 114: дѣло въ томъ, что по общему пошибу письмо это похоже на письмо Протогеновскаго декрета, но въ немъ

нѣкоторыя буквы встрѣчаются въ такихъ формахъ, которыя мы привыкли считать болѣе поздними, напримѣръ *α, ε, ρ, μ, π, ω*; по поводу этой странности я могу только напомнить читателямъ то, что было уже замѣчено въ сборникѣ (стр. 138): по указанной причинѣ пожалуй ктонибудь скажетъ, что каталогъ этотъ позднѣе другихъ разбираемыхъ надписей и что въ немъ записаны сынъ и внукъ Клеомврата, сынъ Протогена и внуки жреца Діонисія и Еврисивія; но, во первыхъ, кажется мало вѣроятнымъ, чтобы у всѣхъ этихъ лицъ были внуки, носившіе тѣ же имена; во вторыхъ, не слѣдуетъ забывать, что до насъ дошло такое небольшое количество Ольвійскихъ надписей древнѣйшихъ временъ, что на основаніи одного лишь характера письма почти невозможно высказывать вполне опредѣленныя сужденія о времени того или другаго документа: потому мы считаемъ возможнымъ думать, что такія формы буквъ, какія встрѣчаются въ № 114, были въ употребленіи одновременно съ такими, которыя обыкновенно считаются болѣе древними.

Таковы существующія по настоящее время данныя, могущія служить къ опредѣленію времени Протогеновскаго декрета и пяти вышеуказанныхъ, приблизительно съ нимъ одновременныхъ. Нельзя не сознаться, что каждая изъ этихъ данныхъ въ отдѣльности далеко не имѣетъ рѣшающаго значенія; но будучи взяты и взвѣшены въ совокупности, онѣ оставляютъ очень мало мѣста сомнѣнію въ томъ, что Протогеновскій декретъ относится ко времени существованія Галатскаго царства во Фракіи, то есть къ 279—213 гг. до Р. Хр.²³⁾, и притомъ скорѣе можетъ быть отнесенъ къ первой половинѣ этого промежутка времени, нежели ко второй; во первыхъ потому, что завоевательныя стремленія галатовъ естественно должны были съ наибольшою интенсивностью проявляться въ первое время послѣ утвержденія ихъ владычества во Фракіи, а во вторыхъ потому, что документы Клеомврата, какъ уже замѣчено выше, не могутъ быть слишкомъ отдалены отъ начала III вѣка.

Покончивъ такимъ образомъ съ вопросомъ о времени Протогеновскаго документа, обратимъ вниманіе на содержаніе его и другихъ современныхъ ему документовъ и попробуемъ на основаніи встрѣчающихся въ нихъ данныхъ нарисовать общую картину состоянія Ольвии за это время.

²³⁾ Я очень счастливъ тѣмъ, что основательность моего мнѣнія уже призналъ печатно мой многоуважаемый учитель *Θ. Θ. Соколовъ* (См. *Ж. М. Н. Пр.* 1886. июль, отд. 2 стр. 6).

§ 2. Сосѣднія съ Ольвіею народности въ III вѣкѣ до Р. Хр.

Прежде всего мы видимъ, что отношенія Ольвіополитовъ къ своимъ сосѣдямъ были въ это время совершенно не тѣ, какія были во времена Иродота: сосѣди эти почти всѣ безъ исключенія являются врагами Ольвіополитовъ, которые должны напрягать всѣ свои силы для того, чтобы охранить отъ нихъ свою самостоятельность то оружіемъ, то „подарками“, которые впрочемъ скорѣе имѣютъ видъ определенной дани. Главная причина этого измѣненія отношеній лежала безъ сомнѣнія въ перомѣнѣ самихъ сосѣдей: обь Иродотовскихъ каллипидахъ, алазонахъ, земледѣльцахъ и другихъ сосѣднихъ скинскихъ племенахъ нѣтъ и помина въ Протогеновскомъ декретѣ; въ ту эпоху, къ которой онъ относится, скиены составляли только одну часть въ разноплеменномъ варварскомъ населеніи, окружавшемъ Ольвію; кромѣ нихъ упоминаются: савы, галаты, скиры, оисаматы, савдараты. Степное пространство между Днѣпромъ и Днѣстромъ является широкою ареною, по которой движутся въ разныхъ направленіяхъ варварскія народности, въ этомъ движеніи сталкиваются между собою, борются и при этомъ одни для спасенія и защиты отъ болѣе сильныхъ враговъ, другіе съ цѣлью наживы устремляются на затерявшійся въ этой степи несчастный городъ Ольвіополитовъ, которому и приходится такимъ образомъ испытывать постоянные удары, губительно отражающіеся на его благосостояніи.

Для того, чтобы яснѣе представить себѣ печальное положеніе Ольвіи въ эту эпоху, необходимо поближе познакомиться съ движеніемъ окружавшихъ ее народовъ, насколько это ознакомленіе возможно при крайней скудости положительныхъ данныхъ. Впрочемъ мы позволимъ себѣ коснуться этого вопроса лишь вкратцѣ, такъ какъ задача разбора и сравнительной оцѣнки этихъ данныхъ сдѣлана уже раньше насъ различными учеными, въ особенности гениальнымъ Бѣкомъ, мнѣнія котораго по этому вопросу на нашъ взглядъ заслуживаютъ полного преимущества предъ другими.

Во первыхъ, что касается скиновъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что они продолжали жить въ степяхъ Новороссіи отъ Днѣпра до Дуная вплоть до позднѣйшихъ римскихъ временъ. Во времена Филиппа Македонскаго воевавшій съ нимъ скинскій царь Атей, какъ вытекаетъ изъ сопоставленія словъ Юстина съ Страбоновыми ¹⁾,

¹⁾ Юст. IX, 2, 1: Erat eo tempore rex Scytharum Atheas, qui cum bello Histrianorum premeretur, auxilium a Philippo per Apollonienses petit etc. Страв.

господствовалъ надъ большею частью скискихъ племенъ, жившихъ отъ Истра до Маотиды. Тяжкій ударъ, нанесенный скиоамъ Филиппомъ ³⁾, и поражение, полученное отъ Лисимаха въ 313 г. ⁴⁾, видимою значительно ослабили ихъ силы; по крайней мѣрѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, при нашествіи галатовъ, они не рѣшались встрѣтить ихъ въ открытомъ полѣ съ оружіемъ въ рукахъ, а вмѣстѣ съ оисаматами и савдаратами изъясляютъ желаніе укрыться отъ галатовъ за укрѣпленіями Ольвіи ⁵⁾. Эти племена жили очевидно въ открытой степи къ западу отъ Буга, такъ какъ, если бы они жили къ востоку, имъ не зачѣмъ было бы переходить чрезъ рѣку для того, чтобы укрыться за стѣнами Ольвіи отъ враговъ, которыхъ имъ легко можно бы было удержать отъ переправы чрезъ рѣку.

Что касается до этихъ двухъ племенъ, упомянутыхъ въ декретѣ вмѣстѣ со скиоами, но болѣе нигдѣ не встрѣчающихся, то о савдаратахъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго ⁶⁾, а оисаматовъ Бѣкъ на основаніи ихъ имени причисляетъ въ савроматскимъ или маотійскимъ племенамъ, прежде обитавшимъ за Танаидомъ ⁷⁾. И дѣйстви-

VII p. 307: 'Ατίας δι' ὁμοίαν τῶν πλείστων ἄρχει τῶν ταύτῃ [т. е. μεταξύ Βορυσθίνου καὶ τοῦ στόματος τῆς Μαίωτιδος] βαρβάρων ὁ πρὸς Φίλιππον πολεμήσας τὸν Ἀμόντοσ.

³⁾ Юст. тамъ же, § 15. Cum virtute et animo praestarent Scythae, astu Philippi vincuntur. XX milia puerorum ac feminarum capta, pecoris magna vis, aurique argentiq;ue nihil. Ea primum fides inopie Scythicae fuit. XX milia nobilium equarum ad genus faciendum in Macedoniam missa. Самъ Атея палъ въ битвѣ, имѣя болѣе 90 л. отъ роду (Лук. Махрѳ. 10).

⁴⁾ Діод. XIX, 73.¹

⁵⁾ Протог. декр. стор. В, стр. 5 сл.

⁶⁾ Шмидтъ въ подробно разсмотрѣнной нами статьѣ считаетъ савдаратовъ тождественными съ саттагаріями, упоминаемыми у Iordana de reb. Get. c. 50, а по мнѣнію Бруна (Черном. I, стр. 244) они „быть можетъ попали на памятникъ по ошибкѣ рѣзчика, вмѣсто савроматовъ“, но это невѣроятно.

⁷⁾ С. I. Gr. II стр. 85 § 3: „Ab Hypani in occasum cum Scythiis aetate tituli n. 2058 [= 16] versantur *Saudaratae*, de quibus non habeo quod dicam, et *Thisamatae*, qui sese a Galatis tutari Olbiae moenibus cupiebant. Haec altera vox componitur ex θισα et μαται, Asiaticis radicibus. Prior radix comparet in nomine Asiaticae gentis Θυσσαγετῶν s. Thussagetarum, apud quos Tanais fontes habere Herodoto videtur (Herod. IV, 22. Plin. IV, 26. Mela I, 19); quod compositum ex eadem radice paulo aliter scripta et alia γεται, quam habes in Μασσαγέται, Μογγέται (Steph. Byz. v.) etc. Radix finalis autem... est eadem, quae in Σαυρομάται, Σαρμάται, Σορμάται et in Ἰαζαμάται s. Ἰζομάται, cuius vocis radix initialis habetur in Ἰαζάρτης, composita cum vulgatissimo αρτα...: Ἰαζαμάται vero Ephoro auctore Sauromatae sunt, Demetrio Callatensi iudice Maeotae veterum (Scymn. Fragm. 140 et Per. P. Eux. Anon. p. 2. Huds.); Maeotis eos annumerat etiam Polyæn. VIII, 56.

тельно имѣются положительныя свидѣтельства о постепенномъ движеніи савроматскихъ племенъ съ востока на западъ по южно-русскимъ степямъ. Иродотъ помѣщаетъ ихъ къ востоку отъ Танаида и къ сѣверу отъ Мэотиды ⁷⁾. Между тѣмъ уже во время Иппократа они жили „въ Европѣ вокругъ Мэотійскаго озера“ ⁸⁾, слѣдовательно по сю сторону Танаида, который у древнихъ считался границею между Европою и Азіею. Точно также во времена Филиппа Македонскаго по свидѣтельству приписываемаго Скилаку перипла на европейскомъ берегу Мэотиды жили сирматы ⁹⁾, которыхъ периплъ, правда, отличаетъ отъ савроматовъ, но позднѣйшій авторъ Евдоксъ признаетъ тождественными съ ними ¹⁰⁾. По известному разсказу Полиэна ¹¹⁾ Амага, царица сарматовъ, жившихъ на Понтійскомъ побережьи, помогала жителямъ Херсониса отражать нападенія на нихъ скивовъ, что случилось безъ сомнѣнія раньше, чѣмъ херсонисцы отдались подъ покровительство Миеридата VI ¹²⁾ (хотя достовѣрность этого разсказа сомнительна). Во времена Діона Хрисостома савроматы уже твердою ногою стояли на западномъ берегу Буга, владѣли тамъ крѣпостью Алекторомъ, получившею это названіе отъ имени савроматской царицы, и часто тревожили своими нападеніями Ольвіополитовъ. Въ Ольвійскихъ надписяхъ римскаго періода также упоминаются цари сарматовъ ¹³⁾. Такимъ образомъ ничто не мѣшаетъ думать, что передовыя орды савроматовъ подъ именемъ онсаматовъ и савдаратовъ къ половинѣ III в. до Р. Хр. успѣли уже пройти далеко впередъ отъ Танаида и прочно утвердятся среди скивовъ въ степяхъ, разстлавшихся къ западу отъ Ипанида. При этомъ не мѣшаетъ прибавить, что при этомъ поступательномъ движеніи савроматовъ на западъ часть ихъ всегда оставалась позади, такъ что еще во времена Тиберія савроматы продолжали жить на берегахъ Танаида ¹⁴⁾.

Quibus collatis Thisamatas quoque iudico Sauromatis ac Maeotis affinem esse gentem, quae olim trans Tanain habitavit in Asia“. Укертъ (ук. соч. стр. 426) оба племени причисляетъ къ сарматамъ.

⁷⁾ Ирод. IV. 21. 57. 116.

⁸⁾ Иппокр. de aëre, aqua, locis с. 89 Cor.: 'Εν δὲ τῇ Εὐρώπῃ ἐστὶ ἔθνος Σκυθικόν, ὃ περὶ τὴν λίμνην οἰκεῖ τὴν Μαιώτιν, διαφέρον τῶν ἔθνων τῶν ἄλλων. Σαυρομάται δὲ καλεῖνται.

⁹⁾ Müller, Geogr. Gr. min. т. I стр. 58, § 68.

¹⁰⁾ Стрѣ. Виз. п. сл. Συρμάται, οἱ Σαυρομάται, ὡς Εὐδοξος πρῶτος.

¹¹⁾ Страт. VIII, 56.

¹²⁾ Ср. Düscher, Or. Germ. стр. 81.

¹³⁾ Inscr. P. № 38

¹⁴⁾ Тац. Ann. VI, 33.

Обращаемся къ царю Саитафарну и саямъ, упоминаемымъ въ первой части Протогеновскаго декрета въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Стр. 9 сл. „Вопервыхъ, когда царь Саитафарнъ прибылъ въ Канкитъ и требовалъ даровъ (по случаю) проѣзда, а общественная казна была пуста, Протогенъ по просьбѣ народа далъ 400 золотыхъ“.

2) Стр. 33 сл. „При томъ же жрецѣ (то есть Иродорѣ), когда явились во множествѣ сая за полученіемъ даровъ, а народъ не могъ имъ дать и попросилъ Протогена помочь его стѣсненнымъ обстоятельствамъ, онъ, выступивъ, предложилъ 400 золотыхъ; и будучи избранъ членомъ коллегіи Девяти, онъ предложилъ отъ себя не менѣе 1500 золотыхъ въ счетъ будущихъ доходовъ, изъ которыхъ были во время удовлетворены многіе скиptronосцы и не мало даровъ было выгодно приготовлено для царя“.

3) Стр. 45 сл. „Когда отдано было на откупъ посольство въ резиденцію царя по постановленію, по которому откупщики должны были получить отъ города 300 золотыхъ..., то Протогенъ, увидя, что городъ подвергнется большимъ неприяностямъ, самъ, явившись въ собраніе, далъ эти 300 золотыхъ“.

4) Стр. 82 сл. „Когда царь Саитафарнъ явился на ту сторону за дарами..., Протогенъ, выступивъ, далъ 900 золотыхъ; когда же послы Протогенъ и Аристократъ взыали эти деньги и явились къ царю, то царь, недовольный дарами, разгнѣвался и выступилъ въ походъ“..

Изъ этихъ выписокъ явствуетъ: 1) что Саитафарнъ царствовалъ по всей вѣроятности надъ саями; 2) что жили они на противоположной отъ Ольвіи, то есть восточной сторонѣ Ипанида; 3) что Ольвіополиты платили царю регулярную дань, которую впрочемъ евфимистически называли „дарами“; 4) что особые дары давались царю и въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось проѣзжать мимо Ольвіи, и что размѣръ такихъ даровъ вполне зависѣлъ отъ произвола царя, который въ случаѣ, если былъ недоволенъ количествомъ даровъ, немедленно угрожалъ Ольвіополитамъ походомъ. Къ сожалѣнію, послѣ 4-й цитаты камень обломанъ, такъ что мы не знаемъ, чѣмъ кончилась въ данномъ случаѣ угроза царя; но, принимая во вниманіе, что о ней подробно разсказывается въ документѣ, изданномъ въ честь Протогена, можно думать, что послѣдній и на этотъ разъ отвратилъ грозившую родному городу опасность матеріальнымъ пожертвованіемъ.

Вопросъ о томъ, кто были эти сая, давно уже занималъ ученыхъ. О нихъ писали Malte-Brun, Рауль Рошеттъ, Нибуръ, Келеръ и др.,

но ихъ мнѣніи такъ основательно опровергнуты Вѣкомъ ¹⁵⁾, что мы избавлены отъ необходимости новаго ихъ разбора, тѣмъ болѣе, что къ его собственнымъ соображеніямъ позднѣйшіе ученые, спеціально или мимоходомъ занимавшіеся Протогеновскимъ документомъ, не могли прибавить ничего существенно новаго ¹⁶⁾. Сущность мнѣнія самого Вѣка выражается въ слѣдующихъ словахъ (стр. 84 b): „Sali licet Olbiae vicini quum Herodoto ignoti sint, eius certe aetate non apud Olbiam coluerunt: Herodotus enim quod ab Olbiopolitis sciscitatus Scythicas res est, nihil prius narrasset quam de Sais, si hi tum ibi iam habitassent. Quo minus probabile est Saios fuisse Scythas; magis consentaneum, Sauromaticam vel Sauromatis affinem Maeoticam esse gentem, quae aliquanto post Tanain transgressa Scytharum occupavit sedes, ubi iam tituli [nostri] aetate... degat: ipsumque regis nomen Medica sive Persica voce insigne ad eandem deducit sententiam, quod et Maeotica et Sauromatica lingua Medicae Persicaeque maxime est affinis“ ¹⁷⁾.

Относительно скировъ, которые являются въ документѣ союзниками галатовъ, мы встрѣчаемъ кое какія разрозненные упоминанія у авторовъ. Прежде всего заслуживаетъ вниманія свидѣтельство Стефана Византійскаго (къ сожалѣнію неизвѣстно откуда заимствованное), что это было одно изъ племенъ галльскаго же происхожденія (п. сл. *Σκίρος*:... εἰσὶ καὶ Σκίροι Γαλατικὸν ἔθνος). Плиній ¹⁸⁾ помѣщаетъ ихъ на нижней Вислѣ рядомъ съ сарматами, венедами и др., а впоследствии, въ V и VI вѣкахъ по Р. Хр., они являются гораздо южнѣе, на Дунаѣ ¹⁹⁾. Это послѣднее обстоятельство послужило для Куно

¹⁵⁾ С. I. Gr. II стр. 83 b, 2.

¹⁶⁾ Напр. *Диттенбергеръ* (Syll. I. Gr. стр. 365 пр. 11) ограничивается только слѣдующимъ замѣчаніемъ къ сл. *Σαίων*: „Gens ad orientalem Hypanis ripam incolens... Utrum Scythica fuerit an ut Boeckhius voluit Sarmatica, peritiores diudicent. Utique his cum Sais Thracibus ex Archilochi fragmento notis praeter fortuitam nominis aequalitatem nihil necessitudinis intercedit“.

¹⁷⁾ Изъ послѣдующаго изложенія Бека приведемъ его замѣчанія относительно царской резиденціи Сантафарна: „Quodsi Sali Scythis successerunt, occuparint etiam Scytharum τὰ χαλοῦμενα βασίλεια a Gerrho in orientem (Herod. IV, 20); Olbiopolitae vero ubi magno sumptu tributa mittunt εἰς βασίλεια, Saitapharnis haud dubie,... quidni intelligamus illum locum, ubi Scytharum olim fuere βασίλεια? Certe quum sine articulo εἰς βασίλεια, non εἰς τὰ βασίλεια dicatur, βασίλεια debuit nomen loci esse, quod longo usu evaluerit in proprium. Etiam *εὐκρητοῦχοι*... fuerint Sauromatici, vel Maeoticae gentis, Saitapharni subiecti“.

¹⁸⁾ N. hist. IV, (27) 97.

¹⁹⁾ Ср. *Zeuss*, Die Deutschen стр. 486 сл.

поводомъ отнести Протогеновскій декретъ къ „позднему“ времени; на сколько именно позднему, авторъ прямо не говоритъ, но изъ его словъ необходимо вывести, что онъ относитъ документъ къ тѣмъ временамъ, когда скиры въ своемъ поступательномъ движеніи на югъ отъ Вислы появились близъ сѣверо-западныхъ береговъ Чернаго моря²⁰⁾. Такъ далеко не отодвигалъ Протогеновскій документъ ни одинъ изъ ученыхъ, посвящавшихъ ему свое вниманіе, и само собою разумѣется, что согласиться съ взглядомъ Куно нѣтъ никакой возможности, такъ что остается только удивляться, какъ ему самому не пришло въ голову то простое соображеніе, которое Диттенбергеръ²¹⁾ изложилъ въ слѣдующихъ словахъ: „Nos [i. e. Scyros] ad Vistulam habitare narrat Plinius... Prioribus saeculis eorum sedes Ponto propiores fuisse ex hoc titulo cognoscitur“. Въ самомъ дѣлѣ, весьма возможно, что скиры, въ III вѣкѣ до Р. Хр. жившіе, положивъ, у Днѣстра и поддерживаемые своими сильными соплеменниками, послѣ разгрома послѣднихъ были оттѣснены далѣе на сѣверъ, къ Вислѣ, а спустя нѣсколько вѣковъ снова спустились на югъ, къ Дунаю, гдѣ мы и встрѣчаемъ ихъ въ V и VI вѣкахъ по Р. Хр.

§ 3. Политическій и экономическій упадокъ Ольвин во времена Протогена.

Таковы были ближайшіе сосѣди Ольвин въ III в. до Р. Хр.; какъ мы уже замѣтили, почти всѣ они стояли во враждебныхъ къ ней отношеніяхъ. Въ какомъ же положеніи находился этотъ городъ въ то время, когда на него отовсюду надвигались грозныя тучи, какіе громоотводы могъ онъ выставить противъ нихъ? Увы, ничто не мо-

²⁰⁾ *J. G. Cuno*, Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde, 1 Teil: Die Skythen (Berlin 1871) стр. 353: „Dass auch diese Inschrift einer spä- ten zeit angehört, bekundet namentlich die erwähnung der Skiren. Plinius (IV, 97) setzt sie an die untere Weichsel neben Sarmaten und Veneter, es sind aber Germanen, wie wir durch Stephanus wissen, der sie Γαλατικὸν ἔθνος nennt; in den südlichen gegendен findet sie erst die zeit nach der mitte des fünften jahrhunders, als kaiser Leo I (457 — 474) ihnen gegen die Goten hilfe sendet (Müller Hist. IV, 107); sie waren in gesellschaft der Hunnen in das römische gebiet eingefallen, erlitten schwere verluste und nahmen später ihre wohnsitze in Niedermö- sien; dort und an den Donau-mündungen nennt sie um die mitte des sechsten jahr- hunders noch Jordanis“.

²¹⁾ Syll. inser. Gr. стр. 367 пр. 23. Такъ же, впрочемъ, смогралъ на ихъ передвиженія и Цейссъ (ук. ж.).

жетъ быть печальнѣе того состоянія, которое такъ ярко обрисовывается въ Протогеновскомъ декретѣ! Нѣкогда богатый и цвѣтущій городъ захирѣлъ и впалъ въ крайнюю бѣдность. Прошли тѣ времена, когда городъ могъ давать по тысячамъ золотыхъ въ награду своимъ заслуженнымъ гражданамъ (какъ напр. Каллинику Евксену, *Inscr. P. № 12*); теперь ему самому приходилось низко кланяться всякому гражданину, который могъ бы ссудить его деньгами въ случаѣ надобности; поэтому совершенно естественно, что столь широкая благотворительная дѣятельность, какою отличались Протогенъ и Клеомвротъ, обращала на себя всеобщее вниманіе и вызывала въ согражданахъ искреннѣйшую благодарность. Необходимо при этомъ оговориться, что печальное состояніе города изображается въ Протогеновскомъ декретѣ лишь постольку, поскольку оно имѣло отношеніе къ заслугамъ Протогена, поскольку вызывало его на благодѣяніи городу: излагая ту или другую заслугу, декретъ приводитъ и тѣ обстоятельства, которыми она была обусловлена; поэтому, въ виду такого чисто-служебнаго значенія тѣхъ частей декрета, въ которыхъ излагается современное положеніе Ольвии, невозможно допустить, чтобы его составители намѣренно грѣшили противъ истины, скрывая или прикрашивая состояніе своего города; напротивъ, отъ всего разсказа вѣетъ правдою и потому то онъ, не смотря на свой сухой, канцелярскій стиль, производятъ на читателя сильное, гнетущее впечатлѣніе.

Причины критическаго положенія города ясны изъ документа: постоянныя войны съ враждебными сосѣдями и непремѣнныя ихъ послѣдствія,—неурожанъ и всякія бѣды сводили на нѣтъ всѣ средства города (*τῶν ἐν τῇ πόλει κακῶς διακείμενων πάντων διὰ τε τοὺς πολέμους καὶ τὰς ἀφορίας, καὶ τῶν ὑπαρῶντων εἰς τὸ μῆθ' ἐν ἤχοντων*, В стр. 79 сл.). Ольвию отовсюду окружали теперь хищническія орды, старавшіяся при каждомъ удобномъ случаѣ поживиться на ея счетъ, и злополучнымъ Ольвиополитамъ постоянно приходилось защищать свою жизнь и имущество или силою оружія, или денежными взносами, которые въ документѣ евфимистически называются „подарками“, но подъ которыми безъ сомнѣнія слѣдуетъ разумѣть вмѣстѣ со всѣми почти новыми изслѣдователями регулярную дань. Ея уплата носила специальное названіе *θερατεία*. Этою данью Ольвиополиты могли обезопасивать свою самостоятельность и имущество конечно только отъ тѣхъ племенъ, которыя болѣе или менѣе продолжительное время жили по сосѣдству съ Ольвиею, тогда какъ отъ хищническихъ намѣреній

такихъ ордъ, которыя лишь на короткое время появлялись въ окрестныхъ степяхъ, приходилось или обороняться силою оружія, или затворяться въ городѣ, оставляя на произволъ судьбы городскія земли. Изъ племенъ, къ которымъ Ольвія стояла въ данническихъ отношеніяхъ, надпись называетъ саевъ, находившихся подъ властью дара Сантафарна. Въ другой надписи (№ 14), которая намъ кажется нѣсколько древнѣе Протогеновской, повидимому есть упоминаніе о подобныхъ отношеніяхъ къ нѣсколькимъ „мѣстнымъ царямъ“, которыхъ, быть можетъ, слѣдуетъ отождествлять съ упоминаемыми въ Протогеновскомъ декретѣ скиптухами. Мы не можемъ навѣрное сказать, были ли эти отношенія чисто вынужденными и обусловленными исключительно желаніемъ Ольвіополитовъ по возможности обезопасить городъ отъ хищническихъ набѣговъ саевъ, или можно думать вмѣстѣ съ Д. И. Иловайскимъ ¹⁾, что „тамъ, гдѣ не доставало силы, они употребляли политику: богатыми дарами, или просто условленною данью они покупали покровительство кого-либо изъ наиболее сильныхъ скинскихъ князей и съ его помощью обезпечивали себѣ мирное занятіе торговлею“. Однако врядъ ли дѣло было такъ: въ отношеніяхъ Сантафарна и его саевъ къ Ольвіи, на сколько они обрисовываются въ надписи, не видно никакого признака покровительства или защиты Ольвіи отъ нападеній другихъ враждебныхъ ей народовъ; напротивъ, они постоянно носятъ характеръ разбойничьихъ вымогательствъ, сопровождающихся угрозами нападеній и заставляющихъ Ольвіополитовъ трепетать отъ страха и изыскивать всѣ средства для удовлетворенія ненасытной алчности хищниковъ. Если таковы были слѣдствія „ловкой политики“, то Ольвіополиты, значитъ, были очень плохіе дипломаты! Одни эти „подарки“ поглощали у Ольвіополитовъ значительныя суммы: мы видимъ, что въ весьма короткое время, всего въ 4 года, они переплатили Сантафарну болѣе 2000 золотыхъ чистыми деньгами или въ видѣ цѣнныхъ подарковъ. Кромѣ самого царя, приходилось давать такіе же подарки и подвластнымъ ему мелкимъ князькамъ, которые въ надписи называются *σχηκτοῦχοι* ²⁾.

¹⁾ Очерки и рассказы изъ всеобщей исторіи, ч. I (древній міръ) стр. 350.

²⁾ Такое возвращеніе на скиптуховъ общепринято въ науцѣ, такъ какъ такое названіе для подчиненныхъ князьковъ въ этихъ странахъ встрѣчается и у писателей (ср. напр. Бѣка въ С. I. (г. II стр. 124). Но изъ того, что скиптухи упоминаются у Страбона, конечно нельзя выводить вмѣстѣ съ П. О. Бурачковымъ (Кн. стр. 7), что Протогеновская надпись принадлежитъ къ позднему времени.

Существовалъ ли между Саитафарномъ и Ольвiополитами формальный договоръ, въ которомъ была бы опредѣлена сумма ежегодныхъ „даровъ“, время и способъ ихъ уплаты? Это сказать трудно. Въ надписи упоминается нѣсколько случаевъ принесенiя „даровъ“, но обстоятельства, при которыхъ совершалось каждое изъ нихъ, на столько различны, что на первый взглядъ кажутся исключаящими возможность существованiя строго опредѣленныхъ условий. Одинъ разъ Саитафарнъ является въ Канкитъ ³⁾ и требуетъ даровъ по случаю прохода, причемъ Протогенъ на просьбѣ народа даетъ для этой цѣли 400 золотыхъ; черезъ годъ является за полученiемъ даровъ цѣлая орда саяговъ и Протогенъ даетъ такую же сумму. Такимъ образомъ, въ обоихъ этихъ случаяхъ Саитафарнъ и самъ какъ бы вымогаютъ себѣ дары; но въ то же время Ольвiополиты считаютъ нужнымъ, по мѣрѣ возможности, заблаговременно заботиться о заготовленiи даровъ: „будучи избранъ членомъ коллегii Девяти ⁴⁾, читаемъ мы далѣе въ документѣ, Протогенъ предложилъ отъ себя въ счетъ будущихъ доходовъ не менѣе 1500 золотыхъ, изъ которыхъ были во время удовлетворены многiе скиптропосцы и не мало даровъ было выгодно приготовлено для царя“. Непосредственно затѣмъ мы видимъ, что снаряженiе посольства съ дарами въ резиденцiю царя (безъ сомнѣнiя того же Саитафарна) было отдано на откупъ, причемъ откупщики по народному постановленiю должны были получить изъ государственной казны 300 золотыхъ. Въ слѣдующемъ году послѣ этого Саитафарнъ снова самолично появляется въ виду Ольвиi на противоположномъ берегу Ипанида съ спеціальною цѣлью, чтобы его какъ слѣдуетъ „ублагодворили“ (ἐπι θρακεϊαν), и Протогенъ на этотъ разъ даетъ уже не 400 золотыхъ, а цѣлыхъ 900, и тѣмъ не менѣе царь остается недоволенъ дарами и двигается походомъ противъ Ольвиi ⁵⁾. Итакъ, самое правдоподобное заключенiе,

³⁾ Графъ *Уваровъ* (Изм. стр. 46 сл.), полагая, что Саитафарнъ оба раза приходилъ въ одно и то же мѣсто, вполне увѣренно ставитъ Канкитъ прямо на-супротивъ Ольвиi на другомъ берегу Ипанида, гдѣ нынѣ Кисликовка; но въ надписи нѣтъ никакого намека на то, что во второмъ случаѣ Саитафарнъ, прибывъ εἰς τὸ πέραν, остановился именно въ Канкитѣ; напротивъ было бы даже странно, что во второмъ случаѣ эта мѣстность не названа собственнымъ ея именемъ. Поэтому мы полагаемъ, что помѣщать Канкитъ на мѣстѣ нынѣшней Кисликовки нѣтъ никакихъ основанiй.

⁴⁾ Объ этой коллегii см. ниже во 2-й частн.

⁵⁾ Не понимаемъ, на какомъ основанiи *Л. Шабе* полагаетъ, что послы въ первый разъ явились къ Саитафарну съ пустыми руками (Die Griechen und die

которое можно вывести изъ указанныхъ случаевъ, по нашему мнѣнію будетъ слѣдующее: Ольвіополиты, по принужденію ли Сантафарна, или добровольно, съ цѣлю отвращенія его набѣговъ, обязались ежегодно дѣлать „подарки“ ему и находившимся подъ его властью скиптухамъ, причемъ въ хорошіе годы, когда у нихъ были въ казнѣ деньги, они сами отправляли къ царю посольства съ этими дарами на сумму до 300 золотыхъ; если такое посольство въ извѣстномъ году не являлось приблизительно въ такое время, въ какое было въ предшествующемъ году, то Сантафарнъ или самъ приходилъ въ окрестности Ольвиі за дарами, или посылалъ своихъ саевъ, причемъ Ольвіополитамъ приходилось платить уже больше въ видѣ контрибуціи за просрочку, такъ что они предлагали по 400 золотыхъ. Что касается до послѣдняго случая, то при сравненіи его съ предшествовавшими какъ огромная сумма, предложенная Протогеномъ (900 зол.), какъ и недовольство ею Сантафарна кажутся весьма странными: въ одномъ году Сантафарнъ довольствуется тремя или четырьмястами золотыхъ, въ другомъ — съ презрѣніемъ отвергаетъ 900. Эту странность можно съ нѣкоторою вѣроятностію объяснить только при помощи предположенія, что въ слѣдующемъ году послѣ жречества Иродора Ольвіополиты, за немнѣніемъ денегъ, не принесли обычныхъ „даровъ“ Сантафарну и онъ самъ или не могъ по какимъ либо обстоятельствамъ самолично явиться за ними, или являлся, но снизошелъ на просьбу Ольвіополитовъ повременить до будущаго года; такимъ образомъ, когда онъ прибылъ снова на ту сторону въ слѣдующемъ году, ему приходилось получить дары за два года и кромѣ того онъ рассчитывалъ на награду за свое долготерпѣніе; стало быть предложенные Протогеномъ 900 золотыхъ должны быть разложены такъ: по 400 зол. за два года обычныхъ „даровъ“ и 100 зол. прибавки, которую однако Сантафарнъ не удовольствовался, считая ее слишкомъ ничтожною. Выставляя такую гипотезу, мы не смѣемъ, однако, слишкомъ настаивать на ней въ виду того, что ея принятіе обуславливается однимъ изъ двухъ слѣдующихъ предположеній, которыя мы ничѣмъ не можемъ доказать: или 1) жрецъ Плистархъ, при которомъ Сантафарнъ явился εἰς τὸ πέραν ἐπὶ θανάτου, не былъ непосредственнымъ преемникомъ Иродора (при которомъ Ольвіополиты

Griech. Kunst am Nordgestade d. Schwarzen Meeres. Akad. Festrede gehalten in Dorpat... von Ludwig Schwabe. Riga. 1867. Separatabdr. aus d. Balt. Monatschrift стр. 8).

послали посольство εἰς βασιλεῖα), но между ними былъ промежуточный годъ, не упомянутый въ декретѣ потому, что въ теченіе его Протогену не представилось случая оказать какую нибудь важную услугу отечеству; или 2) Плистархъ слѣдовалъ непосредственно за Иродоромъ, но прибытіе Саитафарна εἰς τὸ πέρας послѣдовало не при Плистархѣ, а въ слѣдующемъ послѣ него году и, стало быть, невѣрно отнесено составителемъ декрета къ году Плистарха.

Какъ бы то ни было, уплата дани Саитафарну не избавляла Ольвіополитовъ отъ необходимости заботиться объ отвращеніи опасностей, грозившихъ имъ со стороны другихъ враждебныхъ народовъ. Самыми страшными врагами во времена Протогена явились галаты и союзныя съ ними скиры. Ольвіополитамъ уже пришлось разъ выдержать съ ними борьбу, о которой мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, такъ какъ въ документѣ упомянуто о ней лишь мимоходомъ и мы знаемъ только, что сосѣдніе съ Ольвіею микселины держали во время этой борьбы сторону Ольвіополитовъ. По всей вѣроятности послѣднимъ удалось въ первый разъ отразить галатовъ безъ особаго вреда для себя, такъ какъ мы не видимъ въ документѣ никакихъ слѣдовъ зависимости отъ нихъ Ольвіи. Но вотъ съ запада снова поднимается грозная туча: перебѣжчики извѣщаютъ, что галаты и скиры, составивъ союзъ, собрали большія силы, которыя и намѣрены зимою произвести нападеніе на Ольвию. Зимнее время было избрано ими для нашествія по всей вѣроятности въ виду того, что Ольвія не была защищена стѣнами со стороны Бугскаго лимана и союзники надѣялись по льду лимана безъ труда пробраться въ городъ. Ужасъ имени галатовъ былъ такъ великъ, что скионы, еисаматы и сацдараты, кочевавшіе въ степи къ западу отъ Ольвіи, боялись встрѣтиться съ ними въ открытомъ полѣ и выражали желаніе укрыться отъ нихъ за стѣнами Ольвіи. Такое желаніе по весьма понятнымъ причинамъ представлялось Ольвіополитамъ новою опасностью, пожалуй не меньшею той, которая грозила отъ галатовъ. Вдобавокъ въ настроеніи рабовъ и микселиновъ обнаруживались весьма тревожные симптомы, такъ что приходилось опасаться съ ихъ стороны измѣны въ случаѣ нашествія галатовъ ⁶⁾. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ

⁶⁾ Пользуемся случаемъ исправить неточность въ переводѣ данного мѣста документа въ нашемъ сборникѣ: глаголъ ἐφάρδα: безъ сомнѣнія означаетъ здѣсь не денежный подкупъ, а *измѣнительское настроеніе умовъ* рабовъ и микселиновъ; это именно и передалъ Бѣкъ глаголомъ ἀλλοπεγε.

причинъ въ городѣ распространилась паника, многіе граждане и иностранцы, полагая, что городъ стоитъ на краю гибели, заботились только о спасеніи собственной жизни и имущества и заблаговременно покинули городъ, другіе готовились послѣдовать ихъ примѣру. Народъ, собравшись на вѣче, въ страшномъ отчаяніи, не видя ни откуда спасенія отъ грозившихъ бѣдъ, обратился ко всѣмъ важнѣйшимъ гражданамъ съ мольбою оказать посильную помощь и не допустить, чтобы отечество, которое въ теченіе многихъ лѣтъ удавалось охранять отъ всякаго посягательства на его независимость, подпало теперь власти свирѣпыхъ враговъ; однако всеобщее малодушіе было такъ велико, что никто не рѣшался предложить своихъ услугъ (очевидно вслѣдствіе увѣренности, что для города наступили послѣдніе дни и что его нельзя спасти никакими человѣческими силами); только Протогенъ не измѣнилъ и на этотъ разъ своему самоотверженному патриотизму и принялъ на себя заботу о томъ, что составляло въ данномъ случаѣ самую главную и безотлагательную потребность города, именно о постройкѣ двухъ стѣнъ со стороны рѣки, затѣмъ исправленіе башенъ и пр.

Оказались ли эти средства достаточными для спасенія города отъ грозившей опасности, или сверхъ ихъ были пущены въ ходъ какія либо другія, сдѣлали ли дѣйствительно скионы съ еисаматами и сандаратами попытку овладѣть городомъ, наконецъ состоялось ли нашествіе галатовъ и скировъ, или что нибудь имъ помѣшало совершить его, а если оно состоялось, то чѣмъ было отвращено,—мы ничего этого не знаемъ. Въ документѣ упоминается объ этой опасности лишь по столько, по сколько она имѣла отношеніе къ заслугамъ Протогена, именно для объясненія причинъ, побудившихъ его озаботиться постройкою стѣнъ и исправленіемъ башенъ; послѣ этого объясненія въ документѣ нѣтъ ни одного слова объ опасномъ положеніи города, какъ будто бы этой опасности никогда и не было. Поэтому мы можемъ сказать только одно,—что грозная туча уже не висѣла надъ городомъ въ то время, какъ составлялся декретъ въ честь Протогена, такъ какъ это составленіе имѣло мѣсто нѣсколько лѣтъ спустя послѣ угрожавшаго нашествія: не говоря уже о томъ, что всѣ постройки и починки, которыя упоминаются во 2-й части декрета, не могли быть произведены Протогеномъ въ одно лѣто, мы имѣемъ въ этой же части прямое упоминаніе, что Протогенъ три года сряду исполнялъ должность главнаго казначея; отнести же всѣ постройки и исполненіе должности казначея ко времени,

которое предшествовало галатскому нашествію, мы не имѣемъ права, такъ какъ въ такомъ случаѣ пришлось бы совершенно отвергнуть хронологическій порядокъ въ изложеніи заслугъ Протогена; кромѣ того невозможно предположить, чтобы Ольвіополиты рѣшили подвести, такъ сказать, окончательный итогъ заслугамъ Протогена именно въ то время, когда грозный врагъ стоялъ предъ ихъ воротами и когда въ услугахъ этого патріота могла встрѣтиться надобность скорѣе, чѣмъ когда либо. Поэтому необходимо думать, что Ольвіи такъ или иначе удалось отвратить бѣду, которою грозили ей галаты и скиры.

Всѣ описанныя обстоятельства не могли не оказать самаго губительнаго вліянія на экономическое положеніе города, и мы дѣйствительно видимъ его въ крайнемъ разстройствѣ и упадкѣ. Ольвійскіе земледѣльцы, съ минуты на минуту со страхомъ ожидая вражескихъ нападений, не осмѣливались выходить изъ города для обработки своихъ полей, а если и обрабатывали, то враги при первомъ паденіи могли уничтожить посѣвы и вмѣстѣ съ ними труды и надежды земледѣльца; прямымъ слѣдствіемъ такого положенія явились неурожай, повторявшіеся почти изъ года въ годъ и сопровождавшіеся страшной дороговизной съѣстныхъ припасовъ, доходившей до того, что при жрецѣ Плистархѣ мѣдими зерноваго хлѣба стоилъ $1\frac{2}{3}$ золотого; бѣдный классъ народа былъ обремененъ неоплатными долгами, даже откушники находились въ крайне стѣсненномъ положеніи и не могли платить своихъ долговъ государству. Правительство старалось по мѣрѣ возможности облегчить печальное экономическое положеніе народа, но вслѣдствіе того, что казна была совершенно истощена, оно оказалось бы совершенно безсильнымъ для борьбы съ шедшими стесcendo бѣдствіями, еслибы не явилась на помощь частная благотворительность, главнымъ образомъ въ лицѣ Протогена. Надпись содержитъ въ себѣ нѣсколько фактовъ, яркими красками рисующихъ стѣсненное положеніе правительства и ясно показывающихъ, какихъ поражающихъ размѣровъ достигло народное бѣдствіе. Не касаясь снова услугъ, оказанныхъ Протогеномъ правительству въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось платить „лары“ Саитафарну и саямъ, мы припомнимъ здѣсь нѣсколько другихъ фактовъ, ярко обрисовывающихъ размѣры экономическаго бѣдствія и безсиліе правительства помочь ему. Не имѣя въ казнѣ денегъ на самыя насущныя нужды города, архонты принуждены были однажды заложить священныя сосуды за 300 зол., но не могли ихъ выкупить, и они пропали бы,

если бы Протогенъ не успѣлъ ихъ выкупить въ самую послѣднюю минуту. Въ другой разъ архонты купили по дешевой цѣнѣ вина на 300 зол., безъ сомнѣнiя для того, чтобы сходно продавать его народу изъ казенныхъ складовъ, но заплатить за это вино, за неизмѣнимъ денегъ въ казнѣ, опять пришлось Протогену. При жрецѣ Иродорѣ оказался недостатокъ хлѣба, цѣна котораго поднялась до $\frac{1}{8}$ зол. за медимнъ; народное собранiе рѣшило сдѣлать значительные запасы хлѣба для продажи изъ общественнымъ магазиновъ, но за неизмѣнимъ денегъ принуждено было обратиться къ частной благотворительности, причемъ Протогенъ первый предложилъ 2000 медимновъ вдвое дешевле рыночной цѣны и цѣлый годъ ждалъ уплаты за нихъ денегъ, не взыскавъ за это время никакихъ процентовъ. Въ слѣдующемъ году (или черезъ годъ, см. выше стр. 96—97), при жрецѣ Плистархѣ, снова обнаружился голодъ еще болѣе сильный, чѣмъ въ первый разъ, такъ что хлѣбъ продавался сначала по $1\frac{2}{3}$ мед. за золотой, а затѣмъ цѣна быстро поднялась до $1\frac{2}{3}$ зол. за медимнъ. Народное собранiе поступило точно такъ же, какъ и въ предыдущий разъ, и Протогенъ далъ въ долгъ 1500 зол. на покупку хлѣба, въ томъ числѣ 300 безъ процентовъ на годъ, причемъ всю сумму, данную золотомъ, получилъ обратно мѣдью по низкому курсу; кромѣ того, онъ предложилъ изъ своихъ запасовъ 2500 мед. по значительно удешевленной цѣнѣ и получилъ за нихъ деньги только чрезъ годъ безъ процентовъ. Далѣе, въ другой части декрета мы встрѣчаемъ упоминанiе, что казенныя грузовыя суда пришли въ крайнюю ветхость, но казна была на столько истощена, что не могла сдѣлать единовременной значительной затраты на ихъ починку, и поэтому поневолѣ приходилось нанимать для перевозки строительнаго камня суда частныхъ владѣльцевъ, пока Протогенъ не явился и здѣсь на помощь стѣсненнымъ обстоятельствамъ роднаго города. Всѣ постройки, оказавшіяся необходимыми въ виду грозившаго нашествiя галатовъ, и починки обветшалыхъ общественныхъ зданiй также произвелъ Протогенъ или на свой счетъ, или въ долгъ. Трехлѣтнее управленiе общественною казною было также сопряжено для Протогена съ значительнымъ матеріальнымъ ущербомъ, такъ какъ ему приходилось поневолѣ снисходить къ стѣсненному положенiю откупщиковъ и однимъ изъ нихъ прощать долги, другимъ дѣлать отсрочки на желаемое ими время, не взыскивая за него процентовъ. Кромѣ того, въ это же время Протогенъ посредствомъ особой фикціи снялъ съ государственной казны лежавшіе на ней долги: именно, онъ за-

считывалъ себѣ въ уплату за долги остатки отъ городскихъ доходовъ, которые значились только по смѣтамъ, но которыхъ на самомъ дѣлѣ не было. Затѣмъ, принимая во вниманіе крайне печальное экономическое положеніе народа вслѣдствіе войнъ и неурожаевъ, онъ по просьбѣ народа простилъ всѣ долги ему и его отцу, простирившіеся въ общей сложности до 6000 золотыхъ.

Таковы извѣстные намъ изъ Протогеновскаго документа факты, доказывающіе крайній экономическій упадокъ нѣкогда богатой и славной Ольвии. Интересную иллюстрацію печальнаго положенія государственной казны представляетъ еще эдиктъ коллегіи Семи (*Inscr. P. № 46*), который какъ по характеру письма долженъ быть признанъ близкимъ по времени къ Протогеновскому документу ⁷⁾, такъ и по содержанію можетъ относиться только ко временамъ весьма затруднительнаго финансоваго положенія города. Этимъ эдиктомъ коллегія Семи ввела налогъ на жертвоприношенія въ размѣрѣ 1200 халковъ (около 6 руб.) съ каждаго приносимаго въ жертву быка, 300 халковъ (около 1 р. 50 к.) съ овцы и козы и 60 х. (около 30 к.) съ шкуры животнаго ⁸⁾. Покойный Э. А. Струве, впервые издавая этотъ документъ ⁹⁾, видѣлъ въ немъ „памятникъ хорошо устроенной общественности“; но К. Я. Лугебиль справедливо возразилъ ему ¹⁰⁾, что „изъ этого можно заключить, что государственные финансы находились не въ блистательномъ положеніи; но неужели и новые налоги, вслѣдствіе критическаго положенія финансовъ, сами по себѣ уже свидѣтельствуютъ о хорошо устроенной общественности?!“ Налоги на жертвоприношенія не безпримѣрны въ древнемъ мірѣ ¹¹⁾; но огромный размѣръ налога, введеннаго рассматриваемымъ эдиктомъ, ясно свидѣтельствуетъ, что государственная казна не могла пополняться въ достаточной степени обыкновеннымъ путемъ и что для пополненія ея необходимы были весьма сильныя средства, — а это какъ нельзя болѣе подходитъ къ тому печальному положенію Ольвии, которое такъ ярко обрисовываетъ Про-

⁷⁾ Уже Диттенбергеръ (*Syll. i. Gr. стр. 364*) замѣтилъ, что упоминаемый въ эдиктѣ Семи *Λεοτοράβης Πρωτόγενος*, быть можетъ, былъ братомъ Протогена.

⁸⁾ Мы удерживаемъ конъектуру В. К. Эрнштедта, объясненіе которой см. въ *Inscr. P. стр. 79*.

⁹⁾ *Зап. Од. Общ. т. VI стр. 1 сл.*

¹⁰⁾ Въ рецензій на изданіе Струве, *Известія И. Р. Арх. Общ. т. VI, отд. 2, стр. 162 сл.*

¹¹⁾ Примѣры см. въ *Inscr. P. стр. 79*.

тогеновскій декретъ. Правда, взносы съ жертвоприношеній должны были поступать въ священную казну (*eis tôn thesauron*), но это могло быть только маскою для того, чтобы привлечь гражданъ къ безропотно уплатѣ новаго налога, такъ какъ въ затруднительныхъ случаяхъ правительство безъ сомнѣнія не колебалось прибѣгать къ заимствованіямъ изъ священной казны, какъ мы это видимъ, напримѣръ, въ Афинахъ.

Одновременно съ Протогеномъ или немного раньше его подвизался на поприщѣ благотворительности Клеомвротъ сынъ Пантакла, съ дѣятельностью котораго отчасти познакомили насъ два документа, впервые изданные въ нашемъ сборникѣ ¹²⁾. Какъ кажется, она была направлена главнымъ образомъ къ обезопасенію роднаго города со стороны внѣшнихъ враговъ; мы знаемъ изъ документовъ, что Клеомвротъ построилъ: а) часть стѣны, известную подъ именемъ схиніи ¹³⁾, б) пилонъ, в) башню на берегу р. Ипанида, посвященную Ираклу и народу. Надписи, сообщающія намъ эти факты, были поставлены, очевидно, самимъ Клеомвротомъ для увѣковѣченія своихъ дѣяній; одна изъ нихъ, какъ видно изъ ея формы, была вставлена въ стѣну пилона или схиніи, другая, содержащая стихотворное посвященіе башни Ираклу и народу, была вырѣзана на камнѣ, приготовленномъ для надгробнаго намятника и

¹²⁾ *Inscr. P.* №№ 99, 100.

¹³⁾ Что слово *sukhniata*, которое гр. Уваровъ (*Искл.* стр. 38 и др.) понималъ въ значеніи „канатной мастерской“, обозначаетъ опредѣленный участокъ городской стѣны, какъ думаютъ Бёкъ (*C. I. Gr.* II стр. 125: *certa mensura fune demensa*) и Диттенбергеръ (*S. inscr. Gr.* № 248 пр. 31), это доказывается Варскою надписью *C. I. (Gr. II add. p. 998 № 2056g*, гдѣ эти слова обозначаютъ очевидно часть стѣны между двумя башнями. Почему послѣдняя схинія, построенная Протогеномъ, названа въ документѣ четвертою, нельзя сказать навѣрное. Значить ли это, что *все* протяженіе городской стѣны заключало въ себя четыре схиніи, изъ которыхъ три были выстроены раньше, или что три схиніи составляла только построенная раньше Протогеномъ часть стѣны у рѣки? Последнее кажется вѣроятнѣе, во первыхъ потому, что Протогеномъ употреблена на окончаніе постройки четвертой схиніи сравнительно небольшая сумма, которая была бы слишкомъ ничтожна, если бы дѣло шло о цѣлой четверти городской стѣны, во вторыхъ потому, что другая схинія была построена Клеомвротомъ лишь незадолго до времени Протогена, такъ что, принимая схинію за четвертую часть городской стѣны, пришлось бы сдѣлать выводъ, что цѣлая половина города не была обнесена стѣнами до III в. до Р. Хр., а это во всякомъ случаѣ весьма мало вѣроятно.

вывезенномъ изъ Атики на продажу, и выставлена по всей вѣроятности на видномъ мѣстѣ подлѣ башни ¹⁴⁾.

§ 4. Свидѣтельства объ укрѣпленіяхъ и зданіяхъ Ольвии въ III вѣкѣ до Р. Хр.

Упомянутыя о постройкахъ, произведенныхъ Клеомвротомъ и Протогеномъ, позволяютъ намъ до нѣкоторой степени познакомиться съ вѣдшимъ видомъ города и существовавшими въ немъ зданіями въ III вѣкѣ до Р. Хр. Мы видимъ, во первыхъ, что городъ не былъ еще вполне безопасенъ отъ вражескихъ нападений, такъ какъ вся сторона его, обращенная къ рѣкѣ, именно вся гаванная часть и другая, прилежащая къ прежнему рыбному рынку ¹⁾, до того мѣста, гдѣ стояла статуя героя Сосіи ²⁾, совсѣмъ не были защищены стѣнами, а часть стѣны

¹⁴⁾ Во всѣхъ этихъ фактахъ, равно какъ и въ самыхъ выраженныхъ стихотворнаго посвященія, нельзя не видѣть со стороны Клеомврата нѣкотораго тщеславія, желанія похвастаться своими благодѣяніями. Не касаемся здѣсь вопроса о причинахъ, вызвавшихъ еще въ древности нарочитое изуродованіе стихотворнаго посвященія Клеомврата, такъ какъ не можемъ, понятно, представить для его рѣшенія ничего определеннаго.

¹⁾ Изъ выраженія „τὸ πρότερον ὑπάρχον ἰχθυοπώλιον“ очевидно, что во времена Протогена рыбный рынокъ находился въ другомъ мѣстѣ (совсѣмъ закрыть его не могли, такъ какъ рыба должна была составлять одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ вывоза изъ Ольвии, не говоря уже о той, которая продавалась для потребления гражданами). Старый рыбный базаръ долженъ былъ находиться на берегу рѣки близъ пристани.

²⁾ Выраженіе „ἕως οὗ ὁ ἦρωας ὁ Σωσίας“ разные ученые понимали различно: одни видѣли въ немъ указаніе на статую или могилу Сосіи (Вѣкъ), другіе—на статую или святилище (Диттенбергъ), нѣкоторые—даже на домъ (Уваровъ). Намъ кажется, что по обычному словоупотребленію здѣсь можно понимать только статую (ср. напр. Павс. I, 3, 2: Πλησίον δὲ τῆς αἰῶος Κόνωνος ἕστηκε καὶ Τιμύθεος υἱὸς Κόνωνος, καὶ βασιλεὺς Κυπρίων Εὐαγόρας... 'Ενταῦθα ἕστηκε Ζεὺς ὀνομαζόμενος 'Ελευθέριος, καὶ βασιλεὺς 'Αδριανός... и мн. др. мѣста). Могила или надгробный памятникъ Сосіи были бы обозначены словами μνημεῖα или μνημεῖον (или глаголами τέθεικα, κείται) святилище—ἱερόν или ἥρῶον, домъ—словомъ οἶκία. Слово ἦρωας по всей вѣроятности слѣдуетъ понимать здѣсь не просто въ смыслѣ „умершій, покойный“, а въ собственномъ смыслѣ „герой“, т. е. видѣть въ Сосіи нѣмецкую или дѣйствительно существовавшую личность, въ честь которой былъ учрежденъ героиней культъ. Имя Σωσίας наводитъ на мысль, что этотъ герой почитался какъ спаситель или защитникъ города (ср. Σωσιπόλις въ Илидѣ, Павс. VI, 20, 2; 25, 4); въ такомъ случаѣ самое нахожденіе его статуи подлѣ городской стѣны получаетъ вполне естественное объясненіе: герой стоялъ здѣсь, такъ сказать, на стражѣ, всегда готовый защищать покровительствуемый имъ городъ отъ нападений супостатовъ.

на протяженіи одной стѣны отъ башни Посія сверху не была окончена. При этомъ возникаетъ невольный вопросъ: почему въ теченіе почти четырехъ вѣковъ, прошедшихъ со времени основанія города, его укрѣпленія еще не были закончены? Къ сожалѣнію, и этотъ вопросъ, подобно многимъ другимъ въ исторіи интересующаго насъ теперь города, не можетъ быть разъясненъ съ полной достовѣрностью. Правда, Нибуръ ³⁾ говоритъ вполне увѣренно, что или скинскіе цари не позволяли Ольвіополитамъ укрѣпляться съ этой стороны, или гетскіе приказали скрыть стѣны; но второе изъ этихъ предположеній во всякомъ случаѣ должно быть положительно отвергнуто, во первыхъ потому, что въ надписи нѣтъ ни малѣйшаго намека, чтобы стѣны съ этой стороны были выстроены и потомъ разрушены, напротивъ изъ выраженій документа гораздо скорѣе можно заключить, что стѣны тамъ вовсе еще не существовали (ἐτι δὲ τοῦ πλείστοου μέρους τοῦ πρὸς τὸν κοταρὸν τῆς πόλεως ἀτελείητος ὄντος), во вторыхъ потому, что мнѣніе Нибура о распространеніи владычества гетовъ далеко по сѣверному берегу Понта не выдерживаетъ критики и достаточно опровергнуто уже Беккомъ ⁴⁾; что же касается до скинскихъ царей, то предполагать подобное запрещеніе съ ихъ стороны въ первые времена существованія Ольвіи, когда ея жители должны были заботиться объ ея укрѣпленіи, мы не имѣемъ основаній: мы видѣли выше, что въ тѣ времена городъ долженъ былъ придерживаться дружественной политики по отношенію къ сосѣдямъ, а съ другой стороны нѣкоторые изъ скинскихъ царей, какъ напр. Скиль, сами поддавались обаянію еллинской культуры и потому естественно должны были относиться къ Ольвіополитамъ миролюбиво. Поэтому мнѣ кажется вѣроятнѣе всего предположить, что Ольвіополиты, живя въ первое время привольною и безопасною жизнью, сами не обращали особенно серьезнаго вниманія на свои укрѣпленія со стороны рѣки, полагая, что она можетъ служить имъ достаточною защитою, и такимъ образомъ стѣны съ этой стороны такъ и остались недостроенными до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не измѣнились къ худшему и не потребовали возможно скорѣйшаго исправленія упущеній. Были ли закончены укрѣпленія города постройками Клеомврата и Протогена, мы навѣрное сказать не можемъ, но выраженія

³⁾ *Kl. Schr.* I стр. 383.

⁴⁾ *G. I. Gr.* II стр. 83 сл.

Протогеновскаго документа позволяютъ думать, что Протогенъ исполнилъ всѣ постройки, которыя были еще нужны для защиты города.

Графъ Уваровъ считаетъ возможнымъ опредѣлить направление древней городской стѣны Ольвин; онъ указываетъ линію, на которой будто бы въ его время еще видны были слѣды рва и коегдѣ остатки стѣны, почти вездѣ развалившейся или разобранной, и кромѣ того пять насыпей или кургановъ, служившихъ, по его мнѣнію, основаніями стѣнныхъ башенъ, причемъ указываетъ признаки, отличающіе ихъ отъ могильныхъ кургановъ⁶⁾. По его мнѣнію „Ольвія имѣла около 7¹/₂ верстъ длины, по берегу лимана, и 5 верстъ ширины“. Само собою разумѣется, что проверить правильность этихъ заключеній можно было бы только путемъ новаго тщательнаго изслѣдованія мѣстности, которое однако врядъ ли дало бы вполне удовлетворительные результаты, такъ какъ мѣстность Ольвин со времени осмотра ея графомъ Уваровымъ могла значительно измѣнить свой видъ. Поэтому намъ приходится пока остаться при „ignogabimus“. Замѣтимъ только, что нѣкоторыя данныя и соображенія вселяютъ въ насъ сильное сомнѣніе въ вѣрности предположеній графа Уварова. Во-первыхъ, ни Кеппенъ⁷⁾, ни Муравьевъ-Апостолъ⁸⁾, осматривавшіе и снявшіе на планъ мѣстность Ольвин за 30 лѣтъ раньше графа Уварова, не упоминаютъ отъ этихъ остаткахъ и слѣдахъ стѣны и отводятъ для города гораздо меньшую площадь, нежели онъ. Во вторыхъ, пространство, на которомъ былъ раскинутъ городъ по мнѣнію графа Уварова, кажется намъ чрезчуръ большимъ, какъ казалось таковымъ и И. Е. Забѣлину, производившему изслѣдованія и раскопки въ Ольвин въ 1873 году: онъ находитъ, что Ольвин занимала лишь немного болѣе версты вдоль рѣки и около версты въ ширину, именно отводить для всего города только ту мѣстность, которую по мнѣнію Муравьева и графа Уварова занималъ акрополь;

⁶⁾ *Иссл.* стр. 37 сл. Однако по сообщенію И. К. Суручана окончательными раскопки отиѣченныхъ гр. Уваровымъ насыпей доказали, что эти насыпи были могильными.

⁷⁾ *Зап. Од. Общ. ист. и древн.* т. VIII стр. 406. Относительно величины площади, занятой городомъ, Кеппенъ замѣчаетъ, что „отъ Широкой балки почти до нынѣшняго села Ильинскаго (или не болѣе какъ на ¹/₂ версты отъ онаго) въ длину на двѣ версты съ половиною и болѣе, а въ ширину разстояніемъ отъ Буга версты на полторы, въ окружности же всего смѣшномъ на шесть верстъ, вездѣ еще приметны слѣды прежнихъ жилищъ“.

⁸⁾ *Пут. по Таер.* стр. 30 сл.

Нельзя также навѣрное сказать, сколько было воротъ въ Ольвійской городской стѣнѣ. Иродотъ, говоря, что при посѣщеніяхъ скинскаго царя Скила городъ запирался для того, чтобы туда не могъ проникнуть никто изъ сопровождавшихъ Скила варваровъ, употребляетъ выраженіе τὰς δὲ πόλας ἐφύλασσον (IV. 78), которое одинаково можетъ относиться и къ однимъ и къ нѣсколькимъ воротамъ. Въ Протогеновскомъ документѣ упомянуты „большія ворота“ (μαγάλαι πόλαι) съ двумя башнями по сторонамъ, называвшіяся этимъ именемъ вѣроатно въ противоположность „малымъ“. Последнія могли быть при въѣздѣ въ городъ по проселочной дорогѣ (ἀμαξιτός), у которой также стояла башня. Предположеніе графа Уварова, что „большія ворота“ были съ южной стороны, кажется намъ недостаточно обоснованнымъ и вызваннымъ единственно желаніемъ дать читателямъ побольше топографическихъ опредѣленій⁹⁾. Кромѣ указанныхъ воротъ, упоминаются еще два пилона, изъ коихъ одинъ, неизвѣстно гдѣ стоявшій, былъ построенъ Клеомвротомъ, а другой, находившійся у мѣста выставки товаровъ (ἐκί τοῦ δεῖγματος) — Протогеномъ.

выборъ мѣста предоставляется родственникамъ награждаемаго почившаго дѣтеля. Отъ Херсониса Таврическаго сохранилось гораздо меньше документовъ, а между тѣмъ мы встрѣчаемъ въ нихъ уже два упоминанія объ акрополѣ (*Inscr. P. №№ 185 и 186*). Тѣмъ болѣе удивительно было бы абсолютное молчаніе Ольвійскихъ документовъ, если бы акрополь дѣйствительно былъ въ Ольвіи. Это знаменательное молчаніе кажется намъ совершенно достаточнымъ поводомъ для возбужденія сомнѣній въ вѣрности предположеній новыхъ исследователей и въ дѣйствительности существованія будто бы замѣченныхъ графомъ Уваровымъ остатковъ стѣны акрополя. Правда, мы не считаемъ возможнымъ положительно утверждать противное изъ боязни увлечься подобно ему, но во всякомъ случаѣ полагаемъ, что вопросъ о существованіи особаго акрополя въ Ольвіи долженъ быть оставленъ открытымъ, пока не найдутся новыя эпиграфическія данныя, которыя позволятъ окончательно рѣшить его въ утвердительномъ или отрицательномъ смыслѣ.

⁹⁾ *Исл. стр. 38*: „Главнѣйшія Ольвійскія поселенія лежали къ югу отъ города и въ ту же сторону шла дорога въ другіе греческіе города, какъ то: Одессосъ, гавань Истрианъ и проч., слѣдовательно можно предположить, что главный въѣздъ въ Ольвію былъ съ юга. Противъ этого можно возразить, что и къ сѣверу отъ города самъ графъ Уваровъ указываетъ (стр. 45) нѣсколько предполагаемыхъ Ольвійскихъ поселеній, а другіе греческіе города лежали вовсе не къ югу, а къ юго-западу или даже почти прямо къ западу отъ Ольвіи. Кромѣ того, курганы, принимаемые графомъ за основанія башенъ, стоявшихъ у большихъ воротъ (с и 4, см. въ собр. картъ и рисунковъ планъ VIII. А), разделены на планѣ, судя по масштабу, пространствомъ почти въ 40 саженъ шириною. Неужели же возможно предположить столь широкія ворота?

Башни, находившіяся на Ольвійской городской стѣнѣ, неоднократно упоминаются какъ у писателей (Продота и Діона), такъ и въ надписяхъ. Въ документахъ Клеомврата и Протогена называются поименно семь башенъ, именно:

1) Башня Иракла, быть можетъ называвшаяся также Клеомвратовою по имени своего строителя; стояла на берегу рѣки Ианида, какъ видно изъ сохранившейся до насъ стихотворной надписи (№ 99).

2 и 3) Двѣ башни у большихъ воротъ;

4) башня Каонгитора (Καονγγίτορος);

5) башня у проселочной дороги (ὁ κατὰ τὴν ἀραξίτον κύρος);

6) башня Эпидаврія (Ἐπίδαυρίου). Башни 2—6, пришедшія въ ветхость во времени Протогена, были исправлены этимъ великодушнымъ патриотомъ. Для опредѣленія ихъ мѣстоположенія у насъ нѣтъ никакихъ прочныхъ данныхъ ¹⁰⁾.

¹⁰⁾ Графъ Уваровъ (Ивсл. стр. 39) называетъ башню № 4 „башнею предводителя“ и предположительно ставитъ ее на Волошанскую могилу; но соображенія, приведшія его къ такому взгляду, кажутся намъ не болѣе убѣдительными, чѣмъ опровергаемыя имъ мнѣнія Вларамберга и Кёлера: главную роль между ними играютъ предположенія, что такое названіе могло быть дано башнѣ „по причинѣ ея высоты, ибо, возвышаясь надъ всеми прочими, эта башня была какъ бы предводителемъ ихъ“; но можно почти навѣрное сказать, что въ такомъ случаѣ башня была бы просто названа ὁ μέγιστος κύρος и что эта особенность ее никакъ не была бы отмѣчена опредѣленіемъ въ родит. падежѣ. Баронъ Кёне (Музей князя Кочубя т. I стр. 20), называя башню „Капитанскою“, высказываетъ увѣренность, что это была та башня, „гдѣ находился комендантъ города во время войны и откуда онъ давалъ свои приказания“. Это предположеніе лучше подходитъ къ формѣ названія башни, но слишкомъ отъывается обычаями средне-вѣковыхъ и даже новыхъ временъ, а кромѣ того о существованіи въ Ольвіи особаго „коменданта“ мы ничего не знаемъ; высшее военное начальство въ Ольвіи составляли οἱ στρατηγοί. Мы убѣждены, что башня была названа по имени строителя, подобно башнѣ Посія, хотя и должны признать имя собственное Καονγγίτορος весьма рѣдкимъ (по крайней мѣрѣ его нѣтъ въ словаря греч. собств. именъ Пана-Вензелера. Бѣжс читалъ кадъ 'Ηγγίτορος, но противъ этого чтенія представилъ справедливыя возраженія Диттенбергеръ, Syll. inscr. Gr. пр. 30 къ № 248). Точно такъ же въ названіи башни № 6 мы согласно съ Бѣкомъ принимаемъ род. пад. Ἐπίδαυρίου отъ имени строителя башни—Ἐπίδαυριος, а не отъ Ἐπίδαυριον—названія храма Аскляпія, по близости котораго будто бы находилась башня (какъ думаетъ гр. Уваровъ въ ук. м.), во первыхъ потому, что такое названіе вмѣсто Ἀσκληπιείον очень мало вѣроятно (такъ какъ врядъ ли можно думать, чтобы въ Ольвіи было нѣсколько храмовъ Аскляпія, которые нужно бы было различать такими частными названіями), во вторыхъ потому, что въ такомъ случаѣ для названія башни

7) Башня Посія упомянута въ той же надписи при указаніи заслуги Протогена, выразившейся въ окончаніи постройки четвертой стѣны. Этотъ участокъ стѣны находился „у башни Посія по направленію вверхъ“ (κατὰ τὸν Πόσιος πύργον εἰς τὸν ἐπάνω τόπον): отсюда слѣдуетъ согласно съ Бѣкомъ заключить, что башня Посія стояла внизу, на берегу Ипанида, подобно вышеупомянутой башнѣ Иракла.

Кромѣ стѣнъ и башенъ, въ Протогеновскомъ документѣ упоминаются: хлѣбный магазинъ (τὸ σιτοβόλον), служившій, безъ сомнѣнія, для ссыпки хлѣба, заготовленнаго правительствомъ на случай неурожаявъ или военного времени, и мѣсто выставки товаровъ (τὸ δεῖγμα). Для точнаго опредѣленія ихъ мѣстоположенія у насъ нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній.

§ 5. Обзоръ заслугъ Протогена.

Благотворительная и государственная дѣятельность Протогена сына Иросоптова подробно излагается въ изданномъ въ честь его декретѣ, изъ котораго мы почерпнули столько данныхъ для характеристики современнаго ему положенія Ольвии. Въ предыдущемъ изложеніи намъ постоянно приходилось касаться этихъ заслугъ; но тѣмъ не менѣе намъ представляется нелишнимъ вернуться къ нимъ еще разъ и дать полный ихъ обзоръ, для того чтобы нагляднѣе представить себѣ, какъ велики и разнообразны были благодѣянія, которыя этотъ благородный патриотъ щедрою рукою рассыпалъ родному городу, а съ другой стороны—какія огромныя богатства могли скоплять въ своихъ рукахъ Ольвійскіе граждане и, слѣдовательно, какъ значительны были торговые обороты Ольвии, безъ сомнѣнія послужившіе главнымъ источникомъ этихъ богатствъ.

Изложеніе заслугъ Протогена въ первой части декрета (А) ведется въ хронологическомъ порядкѣ, хотя и тутъ, быть можетъ, подъ однимъ и тѣмъ же епонимомъ излагаются благодѣянія, оказанныя въ теченіе двухъ или нѣсколькихъ лѣтъ (ср. выше стр. 96 сл.); во второй же части декрета (В) хронологическій порядокъ изложенія, какъ кажется, уже совершенно не выдержанъ: невозможно допустить, на примѣръ, чтобы всѣ перечисленные здѣсь постройки были возведены Протогеномъ въ теченія одного только года. Легко можетъ

конечно была бы употреблена не форма родит. падежа, а предложное выраженіе (κρὸς τῆ 'Επίδαυρίφ или κατὰ τὸ 'Επίδαυρίον).

Сторона А.

Первый годъ дѣятельности Протогена.

1. По просьбѣ народа Протогенъ далъ на „дары“ Саитафарну по случаю его прибытія въ Канкить 400 зол.

2. Протогенъ выкупилъ заложенные архонтами священныя сосуды, выдавъ 100 „

Второй годъ.

3. Протогенъ далъ въ уплату за сторгованное архонтами Димоконтомъ и его товарищами вино 300 „

Третій годъ, жречество Иродора.

4. Во время неурожая Протогенъ продалъ народу 2000 медимновъ хлѣба за полцѣны, причѣмъ потерялъ, не считая процентовъ за годъ 200 „

5. Обѣщалъ на „дары“ саямъ 400 „

6. Будучи избранъ въ члены коллегии Девяти, предложилъ въ счетъ будущихъ доходовъ для даровъ скиптухамъ и царю 1500 „

7. Въ уплату откупщику Форміону за снаряженіе посольства въ резиденцію Саитафарна 300 „

Четвертый годъ, жречество Плистарха.

8. По случаю новаго неурожая Протогенъ далъ въ долгъ на закупку хлѣба 1000 зол., въ томъ числѣ 300 на годъ безъ процентовъ, причѣмъ получилъ всю сумму мѣдью по курсу 400 1000 „

9. При томъ же неурожаѣ Протогенъ продалъ народу 2500 медимновъ по весьма дешевой цѣнѣ, такъ что, принимая въ расчетъ разницу этой цѣны съ высшей, по которой тогда продавался хлѣбъ ($1\frac{2}{3}$ зол. за медимнъ), окажется, не считая годовыхъ процентовъ, потери около . . 2270 „

10. По случаю новаго прибытія Саитафарна Протогенъ далъ 900 „

Сторона В.

11. По случаю угрожавшаго нашествія галатовъ Протогенъ принялъ на себя заботу о постройкѣ двухъ стѣнъ въ прирѣчной части города и обѣщалъ напередъ выдать всю потребную для этого сумму въ количествѣ 1500 зол. *)

*) Здѣсь опять приходится отмѣтить неточность въ переводѣ В. стр. 31, сл. въ моемъ сборникѣ: слѣдую объясненію Диттенбергера, приведенному въ

затѣмъ самъ отдалъ работы на откупъ по удешевленной цѣнѣ, вслѣдствіе того, что подрядчики сдѣлали расчетъ на палочныя деньги; потомъ, вслѣдствіе отказа многихъ подрядчиковъ отъ работъ, онъ принялъ на себя завѣдываніе постройкой и довершилъ ее безъ всякаго ущерба для города, причемъ, выдавъ большую часть суммы золотомъ, получилъ мѣдью по курсу 400. 1500 зол.

12. Протогенъ исправилъ пять пришедшихъ въ ветхость башенъ: двѣ у большихъ воротъ, Каенгиторову, Придорожную и Еппдавріеву.

13. Исправилъ хлѣбный магазинъ.

14. Построилъ пилонъ у мѣста выставки товаровъ.

15. Исправилъ общественныя суда, чтобы избавить городъ отъ необходимости нанимать суда частныхъ владѣльцевъ для перевозки камня. Всѣ эти постройки (12—15) были сдѣланы очевидно въ долгъ, такъ какъ если бы Протогенъ принялъ ихъ на свой счетъ, то ему незачѣмъ было бы отдавать отчетъ въ деньгахъ. Истрачено на нихъ . . . 200 .

16. Достроилъ 4-ю скринію, также въ долгъ, за . . . 100 .

17. Припавъ на себя общественное управленіе и должность казначея, Протогенъ обращался чрезвычайно мягко съ откупщиками податей, не только не конфискуя ихъ имущество за неправильныя платежи, но даже изъ снисхожденія къ ихъ стѣсненному положенію прощая долги или давая отсрочки на какіе угодно сроки безъ процентовъ. Стоимость потерь, понесенныхъ при этомъ, въ документѣ не обозначена.

18. Въ теченіе 3-хъ лѣтъ Протогенъ честно и справедливо распорядился большею частью общественныхъ суммъ, сдавая отчеты въ опредѣленные сроки, причемъ излишкія доходовъ по смѣтамъ засчитывалъ себѣ въ уплату за долги, хотя въ дѣйствительности этихъ излишковъ не было, и такимъ образомъ очистилъ городъ не только отъ процентовъ, но и отъ долговъ. Понесенная при этомъ потеря опять не обозначена.

19. Покончивъ такимъ образомъ съ казенными долгами, онъ не

примѣчаніи къ переводу, я перевелъ слова „καίπερ αὐτῶ προσιμένων οὐκ ἔλασόνων χρυσῶν ἢ χιλίων καὶ πεντακοσίων“ такъ: „хотя народъ долженъ былъ ему не менѣе 1500 золотыхъ“. Теперь я считаю единственно вѣрнымъ такое пониманіе этого мѣста: „хотя ему предстояло израсходовать не менѣе 1500 золотыхъ“. Это подтверждается тѣмъ, что Протогенъ истратилъ именно такую сумму, см. стр. 42.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛ.

1887.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Изд. Екастерининскаго кан., № 78.

1887.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
А. К. Спасскій. Вопросъ о возникновеніи Покова	1
А. Н. Веселовскій. Баллада о Добрашанѣ и Франкѣ въ Румын- ской народной поэзіи	21
И. П. Тихомировъ. О Тимошеѣ пономарѣ, упоминаемомъ въ Опоно- дальномъ спискѣ первой Новгородской лѣтописи	28

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. И. Соболевскій. Исторія Киевской духовной академіи. <i>С. Голу- бова</i> . В. I. Киевъ. 1886	38
Ю. П. Кулаковскій. Русскій ученый трудъ о Горациѣ	51
И. И. Турцевичъ. О субструкціяхъ Капитолія и объ aedes (templum) <i>Vestae</i> . Критическія и объяснительныя замѣчанія къ одѣ Горация 1, 2	74
А. Н. Карпѣевъ. Къ вопросу объ истолкованіи Поэтики Аристотеля	90
Ф. Д. Ватюшковъ. Пѣсни о дѣвущкѣ-воннѣ и былинны о Ставрѣ Го- диновичѣ. <i>И. Сазоновича</i> . Варшава. 1886	132
И. А. С — скій. Юридическій бытъ осетинъ	151
Л. Ф. Зѣбевъ. Словарь польскихъ врачей	163
Э. А. Вольтеръ. Sprachliches aus dem Nationaldichter Litauons Do- nalitius. I. Zur Semasiologie. Von <i>Alexander Alexandrow</i> . Dorpat. 1886	170
Р. Ф. Брандтъ. Нѣсколько замѣчаній по грамматикѣ славянскихъ языковъ	182
— Книжныя новости	183
М. Л. Стефановичъ. Женскія гимназіи въ Германіи	1
— Наша учебная литература (разборъ 7 книгъ)	25

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорская Академія Наукъ въ 1886 году: Отчетъ по II-му отдѣленію	1
— Наши учебныя заведенія: Дерптскій университетъ въ 1886 году	21
А. И. Воейковъ. Письма изъ-за границы. IV—VI	31
В. П. Бузескулъ. Некрологъ М. Н. Петрова	42
И. А. Водуанъ-де-Иуртенэ. Замѣтка къ некрологу И. В. Юшкевича	47

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

В. В. Латышовъ. Исслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи	183
--	-----

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го марта).

задумался сдѣлать тоже и съ долгами частныхъ лицъ ему самому и его отцу: принимая во вниманіе крайне бѣдственное положеніе гражданъ вслѣдствіе войнъ и неурожаевъ, онъ по просьбѣ народа простилъ всѣ долги, простиравшіеся до весьма значительной суммы 6000 золотыхъ.

Какъ мы уже замѣтили, въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя рѣшить, давалъ ли Протогенъ деньги только въ долгъ, или жертвовалъ ихъ на пользу государства; но суть дѣла мѣняется отъ этого очень мало, такъ какъ подъ рубрикой 18 мы читаемъ, что во время исполненія должности казначея Протогенъ посредствомъ особой фикціи погасилъ всѣ долги, числившіеся за государствомъ; такимъ образомъ придется принять, что онъ получилъ отъ государства стоимость всего 2500 зол. по п. 8 и 11, да и то мѣдью, безъ сомнѣнія съ потерю на курсѣ; фиктивное погашеніе простиралось на сумму 4200 зол.; если къ этому присоединить прощенные долги частныхъ лицъ на сумму до 6000 зол., да потерю при дешевой продажѣ хлѣба, по нашему расчету до 2470 или круглымъ числомъ до 2500 зол., то мы получимъ, что Протогенъ въ нѣсколько лѣтъ истратилъ на пользу государства до 12700 зол.; если же къ этому прибавить еще потери на процентахъ, на курсѣ, мелкіе расходы при постройкахъ (такъ какъ Протогенъ, безъ сомнѣнія, не ставилъ всякое лыко въ строку) и пр., то сумму его пожертвованій можно будетъ поднять до 15,000 зол. статуровъ, или, принимая статуръ = 20 драхмамъ (каковая оцѣнка по всей вѣроятности ниже дѣйствительной),—до 300,000 др. = 50 талантовъ. Купишь весьма изрядный при тогдашнемъ положеніи Ольвіи!

Не даромъ, значить, благодаренія Протогена такъ подробно перечислены въ декретѣ, не даромъ его составители не скупились на самыя льстивыя выраженія благодарности! Было бы, конечно, очень интересно знать съ точностью, какими наградами почтило государство столь щедрого и благороднаго гражданина, явившагося для него по истинѣ добрымъ гениемъ въ трудныя времена; но къ сожалѣнію конецъ декрета обломанъ, такъ что мы можемъ только предполагать, что городъ выразилъ ему свою благодарность всѣми средствами, какія только были въ его распоряженіи ⁴⁾. Каковы бы ни

⁴⁾ О наградахъ, дававшихся въ Ольвіи заслуженнымъ дѣтелямъ, будетъ рѣчь ниже, во 2-й части. *Нютонъ* (въ своемъ известномъ вступлѣ о греческихъ надписяхъ, который въ французскомъ переводѣ помѣщенъ въ видѣ введенія къ труду *S. Reinach's Traité d'épigraphie Grecque*, см. стр. 50) пред-

были оказанныя ему почести, онъ исчезли безъ слѣда, но мраморъ сохранилъ благодарное слово согражданъ объ его заслугахъ и болѣе двадцати вѣковъ спустя воскресилъ изъ забвенія благородное имя Протогена Ольвійскаго, который своею самоотверженною преданностью интересамъ отечества, своею постоянною готовностью отдать послѣдній грошъ на его нужды невольно внушаетъ къ себѣ глубокое уваженіе и заслуживаетъ почетнаго мѣста въ рядахъ самыхъ горячихъ патріотовъ всѣхъ временъ и народовъ!

ГЛАВА IV.

Ольвія подѣ властію скинскихъ царей.

Протогеновскій декретъ бросилъ нѣсколько лучей свѣта на исторію Ольвіи въ III вѣкѣ до Р. Хр. Затѣмъ она снова погружается въ глубокій мракъ до второй четверти послѣдняго вѣка до Р. Хр., когда Ольвію постигло страшное несчастье, съ которымъ насъ знакомитъ Діонъ Хрисостомъ. Къ концу этого двухсотлѣтняго темнаго періода мы относимъ интересный декретъ въ честь Никирата сына Папіева (Inscr. P. № 17), котораго въ свое время коснемся подробнѣе. Кромѣ того къ этому же, безъ сомнѣнія, періоду относятся интересныя Ольвійскія монеты, носящія имена нѣсколькихъ скинскихъ царей и тѣмъ свидѣтельствующія о подчиненіи Ольвіи верховной ихъ власти. Нѣкоторыя изъ этихъ монетъ извѣстны уже давно и описаны много разъ; но чрезвычайное разнообразіе мнѣній нумизматовъ о времени ихъ происхожденія и о значеніи находящихся на нихъ изображеній невольно заставляетъ относиться чрезвычайно осторожно къ существующимъ объясненіямъ, не увлекаться теоріями нумизматовъ и быть крайне сдержаннымъ въ выводахъ. Поэтому мы считаемъ необходимымъ поближе познакомить нашихъ читателей съ этими монетами и только послѣ этого предварительнаго ознакомленія предложить тѣ выводы, которые прямо, такъ сказать, подсказываются самими монетами или сличеніемъ ихъ съ другими памятниками. Сначала мы рассмотримъ тѣ монеты, на которыхъ кромѣ имени царя читается и

полагаетъ, что Ольвіополиты дали Протогену одинъ или нѣсколько золотыхъ вѣсковъ, воздвигли конную статую на площади, устроили богатыя похороны и пышный памятникъ на счетъ государства; но въ документѣ нѣтъ никакого намека на то, чтобы онъ былъ взданъ уже послѣ смерти Протогена.

ния города Ольвии, затѣмъ тѣ, которыя, не имѣя на себѣ имени города, приписываются Ольвии по сходству ихъ типовъ съ типами завѣдомо Ольвійскихъ монетъ.

§ 1. Обзоръ царскихъ монетъ.

1. Ольвійскія монеты съ именемъ царя Фарвоа.

По настоящее время намъ извѣстно до восьми видовъ монетъ съ этимъ именемъ, принадлежащихъ къ двумъ главнымъ типамъ. Монеты перваго типа, исключительно золотыя, имѣютъ на обѣихъ сторонахъ очень сходныя другъ съ другомъ изображенія, съ незначительными различіями, интересными только для нумизматовъ. Поэтому мы считаемъ излишнимъ подробно описывать каждый видъ, а опишемъ въ видѣ образчика только одинъ изъ нихъ, варианты же остальныхъ отмѣтимъ въ примѣчаніи.

Для образчика беремъ наиболѣе извѣстный экземпляръ, находившійся въ коллекціи покойнаго князя В. В. Кочубея ¹⁾.

¹⁾ Изд. гр. *Уваровъ*, Изсл. стр. 88 и 112 и табл. XXIII № 62; бар. *Кене*, М. Коч. I стр. 27 и табл. 1 № 4; *Блау* въ Зап. Од. Общ. т. X стр. 415 и табл. IV № 1. Совершенно подобный экземпляръ описываетъ г. *Бурачковъ* въ Кат. мон. стр. 78 № 253 и табл. IX № 210. Вотъ другіе виды этого типа монетъ Фарвоа при семиднахъ на Кочубеевскій экземпляръ мы будемъ отмѣчать его № 1):

2. Экземпляръ г-жи *Вассала*, найденный въ Херсонской губ. на лѣвой сторонѣ р. Днѣпра. Изд. *Мурзаневичъ* въ Зап. Од. Общ. т. V стр. 593 и *Блау* тамъ же т. X стр. 415 и табл. IV № 3 (въ текстѣ не вѣрно показанъ № 2) и въ *Numismatische Zeitschrift herausg. von Huber und Karabacek* т. VIII (Wien 1877) стр. 239. Отъ № 1 отличается тѣмъ, что на лиц. сторонѣ впереди головы находится надудей, а на оборотѣ монограмма *W*, между нею и орломъ помѣщена неразборчивая контрмарка, а за орломъ нѣтъ клейма съ дельеиномъ. Надписи: *ΑΣΙΑΕ ΦΑΡ. ΟΙΣ*.

3. Экземпляръ г. *Алексева*, изданный имъ самимъ въ *Notice sur une médaille antique inédite etc.* (Nice 1870) и *Блау* въ Зап. Од. Общ. X с. 415 и табл. IV № 2 (въ текстѣ не вѣрно № 1) и *Numism. Zeitschrift* т. VIII стр. 241. Отъ № 1 отличается тѣмъ, что клеймо съ дельеиномъ (или осетромъ по мнѣнію *Блау*) помѣщено между орломъ и монограммой *W*. Легенда: *ΑΣΙΑΕΟΛ | ὈΖΟΙΟ*. Другой экземпляръ этого вида, найденный въ р. Прутѣ, имѣется въ коллекціи *И. Е. Суручана* въ Кишиневѣ; на оборотной сторонѣ этого экземпляра, осмотрѣннаго нами лично, прекрасно видна рыба въ клеймѣ, слабо замѣтная на экземплярѣ г. *Алексева*.

4. Экземпляръ, принадлежавшій барону *Прокшицъ-Остену*, а нынѣ находящійся въ Берлинскомъ монетнокабинетѣ (см. *Zeitschrift für Numism. herausg. von A. von Sal-*

Лиц. Молодая, безбородая мужская голова, обращенная вправо, въ кругѣ изъ точекъ.

Об. Орелъ съ полураспущенными крыльями, обращенный вправо; надъ лѣвнымъ крыломъ, за головою орла, овальное клеймо съ изображеніемъ дельфина (?) внизъ головою. Вверху читается [BA]ΣΙΛΕο[Σ], внизу ΦΑΡΖΟΙο[Υ], направо предъ орломъ ОΛ и монограмма [W].

Относительно головы, изображенной на лицевой сторонѣ монеты, нумизматы представляютъ различныя объясненія: баронъ Кёне призналъ ее за голову Зевса въ діадеммѣ, П. О. Бурачковъ—за голову Аполлона ²⁾, а прочіе изслѣдователи (гр. Уваровъ, Мурзакевичъ, Блау, Прокешъ-Остенъ, г. Алексѣевъ, Имгофъ-Блюмеръ) видятъ въ ней изображение самого царя Фарзоя, каковое мнѣніе и намъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ ³⁾.

let, т. IV стр. 5). Изд. *Prokesh-Osten* въ *Numism. Zeitschr. von Huber und Karabacek* т. I (1869) стр. 392 (русскій переводъ въ Трудахъ Московскаго Арх. Общества т. III стр. 181) и *Блау* въ *Зап. Од. Общ.* X стр. 415, № 4. Отличія отъ № 1: легенда ΒΑΣΙΛΕΟΣΦΑΡΖΟΙΟΥ находится на лицевой сторонѣ вокругъ головы вмѣсто круга изъ точекъ; предъ головою кадуцей, какъ на № 2; на оборотѣ въ кругѣ изъ точекъ орелъ, изображенный иначе, чѣмъ на № 1, подъ нимъ ОΛ, правѣ [W], предъ орломъ направо буквы МОΛ снизу вверхъ. Относительно этихъ буквъ намъ представляется мало вѣроятнымъ объясненіе Блау: „Предполагали, что это могутъ быть начальныя [буквы имени] какого нибудь скинскаго племени, бывшаго въ союзѣ съ Ольвійцами, и я нахожу въ самомъ дѣлѣ у Птолемея въ исчисленіи скинскихъ племенъ названіе Μολογγιοί (Геогр. VI, 14, 4)“. Не вѣрнѣ ли видѣть въ нихъ начальныя буквы имени Ольвійскаго архонта?

5. Экземпляръ г. *Бурачкова*, изображенный впервые на обложкѣ Отчета Од. Общ. ист. и древн. за 1872 г. и объясненный *Блау* въ *Зап. Од. Общ.* X стр. 416 № 5 и *Numism. Zeitschr.* VIII стр. 241; ср. *Бурачкова* Кат. стр. 78, № 251 и табл. IX № 208. Лиц. Голова какъ на № 1, съ кадуцеємъ впереди, кругомъ легенда: ΒΑΥ. ΛΕΩΣϞ [W]. Об. Сохранились остатки круга изъ точекъ, въ немъ орелъ вправо, за орломъ по обрѣзу ΖΡΑΦ (= ΦΑΡΖ по объясненію Блау), предъ нимъ ОΛ и [W], внизу остатки буквы ΑΣ.

6. Экземпляръ *Парижскаго* собранія медалей. См. *Бурачкова* Кат. стр. 78, № 252 и т. IX, № 209 (ср. замѣтку *Ch. Lenormant*'а въ *Mém. de l'Inst. Impér. de France, Acad. des inscr. et belles lettres*, т. XXIV (1861) стр. 254. Лиц. голова и кадуцей, кругомъ:ΛΟΥΦΑΡΣ ΟΙΟΥ. Об. въ кругѣ изъ точекъ орелъ, подъ нимъ ОΛ, правѣ [W], предъ орломъ ΑΛ.

²⁾ *Катал.* стр. 78, прим. къ № 253.

³⁾ *Уваровъ*, *Извѣст.* стр. 88: [Голова представляетъ] „вѣроятно изображение самаго царя, ибо оно не походитъ ни на одинъ изъ типовъ греческихъ боговъ“. *Мурзакевичъ*, *Зап. Од. Общ.* V стр. 594: [Экземпляръ г-жи Вассаль] „замѣчательнѣе тѣмъ, что съ лицевой стороны отчетливо представляетъ эвзиогномію

Весьма различны также и предложенныя разными учеными попытки объясненія монограммы Π ; я позволю себѣ не входить въ подробности относительно этихъ объясненій въ виду того, что для нашей цѣли эта монограмма не имѣетъ существеннаго значенія; замѣчу только, что мнѣніе г. Алексѣева и Блау⁴⁾, видѣвшихъ въ ней начальныя буквы имени города Пантикапэя, не можетъ быть принято потому, что эта монограмма, какъ справедливо замѣтилъ уже графъ Уваровъ⁵⁾ встрѣчается на множествѣ Ольвійскихъ монетъ, въ особенности на монетахъ того же типа; по этой же причинѣ, то есть по широкой распространенности этой монограммы, трудно согласиться и съ б. Кёне⁶⁾ и Прокешъ-Остеномъ, принимавшими ее за обозначеніе имени магистрата; наконецъ объясненіе г. Бурачкова⁷⁾ должно быть положительно отвергнуто, какъ основанное на небываломъ существительномъ πάνθηρος [= „весь народъ“].

Второй типъ Фарзовскихъ монетъ извѣстенъ намъ пока только по одному экземпляру, описанному г. Бурачковымъ⁸⁾ и нынѣ нахо-

Фарсоія, съ очертаніемъ типаходящаго на Монгола или Ногайца, у котораго лобъ замѣтно вдавленъ, короткій носъ резко выдвинутъ впередъ, на верхней губѣ замѣтенъ длинный усъ, а на головѣ надѣта шапка съ мѣховымъ околшемъ“. Покойный археологъ, монета быть, видѣлъ на монетѣ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ; но во всякомъ случаѣ между такимъ типомъ и типомъ Аполлона—большая разница. *Прокешъ-Остень* у. м. „Auf der meinigen [Münze] ist der Kopf offenbar der des Königes selbst, wie dessen ganzen Ausdruck, das flatternde Diadem und die Legende beweisen, die hier den Kopf selbst umgibt, während sie auf der Petersburger Münze [№ 1 нашего списка] auf der Rückseite steht. Die gleichzeitigen Könige vom Pontus und Bospor, selbst deren Vorfahren, setzen ihren Kopf auf ihre Silber- und Goldmünzen“. *Алексеевъ*, Notice стр. 11: „La tête de l'avers représente plutôt la tête du roi que celle de Zeus, car rien qu'en examinant le type de la tête, non barbue, mais ayant seulement des moustaches, on peut se convaincre qu'elle n'est pas celle de Zeus, qui, comme on sait, est toujours représentée avec toute sa barbe, comme les monnaies d' Olbia et autres nous le prouvent“. *Imhoof-Blumer*, Porträtköpfe auf ant. Münzen Hellenischer und Hellenisierter Völker (Leipzig, 1885) стр. 20.

⁴⁾ *Блау* въ Зап. Од. Общ. X стр. 416: „Я соглашаюсь съ г. Алексѣевымъ, который видѣлъ въ монограммѣ Π , общей, повидимому, для всѣхъ монетъ Фарзоа, начальныя буквы города Пантикапэя (ΠΑΝΤΙΚΑΠΕΙΟΝ), которыя вмѣстѣ съ ὀλβία подтверждаютъ мнѣніе барона Кёне, что владычество этого славянскаго царя обнимало многіе прибрежные города греческіе“.

⁵⁾ *Искл.* стр. 88 и 112. •

⁶⁾ *М. Коч.* I стр. 60.

⁷⁾ *Катал.* стр. 63 и 72.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 78 № 254 и табл. IX № 211.

дящемуся въ Московскомъ историческомъ музеѣ. Монета эта мѣдная, но была обтнана красноватымъ золотомъ.

Л. „Юная красивая головка Аполлона вправо.

Об. Колчанъ съ крышкою и частью ремня. Надписи какъ на рисунокѣ“ (именно: надъ колчаномъ ΣΙΑ, а подъ нимъ ФАРΣ).

Если мы обратимся, въ заключеніе, къ нумизматамъ съ вопросомъ о времени жизни Фарзоа, то получимъ на него не менѣе разнорѣчивые отвѣты, чѣмъ относительно монограммы и головы на лицевой сторонѣ монетъ перваго типа. По мнѣнію графа Уварова Фарзой царствовалъ отъ 54 до 31 г. до Р. Хр.⁹⁾; напротивъ баронъ Кёне (съ которымъ соглашается Прокешъ-Остенъ) весьма авторитетно заявляетъ¹⁰⁾: „Фарзой жилъ въ первой половинѣ втораго столѣтія. Не былъ ли онъ отецъ Скилура?“ Наконецъ г. Бурачковъ¹¹⁾ того мнѣнія, что „выпускъ монетъ съ монограммою долженъ относиться къ тому періоду времени, когда по разоревіи города Биребистомъ весь народъ долженъ былъ принять участіе въ завѣдываніи дѣлами города и доставлять металлы для производства новой и установленія цѣнности древней монеты. Объ этомъ участіи всего народа въ управленіи упоминается въ надписи Θεокла“ и т. д. Не будемъ однако путаться въ этомъ лабиринтѣ ни на чемъ не основанныхъ мнѣній, пока не познакомимся съ монетами другихъ царей, такъ какъ данныя для сужденія объ ихъ времени гораздо удобнѣе обозрѣть всѣ мнѣствѣ, чѣмъ о каждомъ царѣ отдѣльно.

⁹⁾ *Иссл.* стр. 88, съ слѣдующимъ объясненіемъ: „Я опредѣлялъ приблизительно время царствованія Фарзойя, сообразуясь со временемъ, къ которому Кёлеръ, весьма кажется справедливо, относитъ надпись въ честь Протогена, т.-е. къ царствованію Августа, отъ 31 до 14 г. до Р. Хр. [sic!]. Къ этому же времени принадлежитъ и монета Фарзойя, которая чеканена не позднѣе Августа“.

¹⁰⁾ *М. Коч.* стр. 27. Ср. его же статью „Münzen der Skythen“ въ *Berliner Blätter für Münz-, Siegel- und Wappenkunde* т. II (1865) стр. 129—142 (см. стр. 138: „Pharzolos war ein Vorgänger des Skiluros, ob und in welchem Verwandtschaftsgrade er zu letzterem stand, ob er z. B. sein Vater war, lässt sich nicht ermitteln“). Инголь-Блюмеръ, знавшій монеты сивскихъ царей главнымъ образомъ по этому нѣмецкому изданію Кёне, относитъ ихъ ко 2 и 1 в. до Р. Хр.

¹¹⁾ *Кат.* стр. 72. Ср. стр. 8: „Что же касается золотыхъ медалей царя Фарзоа, известныхъ въ шести экземплярахъ, то онѣ по изображеніямъ должны быть современны тѣмъ медалямъ Ольвиі, которыя по справедливости отнесены Б. Кёне ко второму періоду, когда Ольвиі, разоренная Гетами, снова возникла изъ развалинъ въ интересахъ обрुшавшихъ ее народовъ“.

2. Ольвійскія монеты съ именемъ царя Инисмея.

Первую монету (бронзовую) съ именемъ этого царя издалъ Бла-рамбергъ ¹²⁾, описавшій ее (по русскому переводу) слѣдующимъ образомъ: „ΒΑΣΙΛΕΩΝ [читай—ΩС] ΙΝ . . ΜΕΩС. Брадатая голова съ права, осѣненная птичьимъ крыломъ; позади оной крылатый жезлъ.

Об. .ΛΒΙ . ΠΟ . . ΤΩΝ. Голова Аполлона, съ права; передъ оною монограмма“ [X]. Эту же монету описалъ и издалъ Рауль Рошеттъ по рисунку, сообщенному Стемповскимъ ¹³⁾. Но Кёлеръ въ своей извѣстной рецензїи на сочиненіе Рауль Рошетта, которую Кёне ¹⁴⁾ основательно называетъ „несправедливою и пристрадною“, положительно объявляетъ эту монету поддѣльною, хотя безъ указанїя причинъ ¹⁵⁾.

Заподозрѣна подлинность и второй, серебряной монеты Инисмея, найденной, по словамъ ея издателя Н. Н. Мурзакевича, на Змѣиномъ островѣ (Фидониси). Вотъ какъ описываетъ ее Мурзакевичъ:

„Δ. ΒΑΣΙΛΕΩС ΙΝΙСΜΕΩС. Голова Инисмея, остриженная въ скобку, въ пр[аво]. Позади головы Меркуріевъ кадудей. Об. ΟΔ-ΒΙΟΠΟΛΙΤΩΝ. Женская голова въ стѣнatomъ вѣнцѣ (сар. *turritum*) въ пр[аво]. Предъ лицомъ двѣ монограммы“ ¹⁶⁾. Баронъ Кёне, описывая ту же монету по сличенію съ прекраснымъ экземпляромъ, находившимся въ коллекціи князя А. А. Сибирскаго, признаетъ изображеніе лицевой стороны за „варварскую голову Гермеса“, а оборотной— за голову „Ольвійской Тихе“, замѣчая при этомъ, что „стиль че-

¹²⁾ *Opusc. др. мед. Ольвиі*, стр. 63 и табл. XX, № 201.

¹³⁾ *Ant. du Vosph. Coint.* стр. 100 сл.

¹⁴⁾ *Zan. Od. Общ.* т. III стр. 226.

¹⁵⁾ *Ges. Schr.* I стр. 142, § LXXV: „Cette monnaie d'un prétendu nouveau roi Inisméus, que son éditeur qualifie, p. 103: d'intéressante et précieuse à tant de titres, loin de mériter ces éloges, est l'objet le plus mesquin qu'ayent jamais produit les mains d'un juif. Il y a plusieurs années qu'on m'avoit envoyé du midi de la Russie le dessin et l'empreinte de cette médaille. Je répondis à mon correspondant, que cette pièce, mauvaise sous tous les rapports possibles, étoit fausse, et je lui communiquai mes raisons. Il avoua plus tard qu' il pensoit comme moi; mais j'ignore ce que cette pièce falsifiée est ensuite devenue. Cette monnaie étant fausse, toutes les remarques de M. Raoul-Rochette faites à son occasion deviennent inutiles“ etc.

¹⁶⁾ *Zan. Od. Общ.* III (1853) стр. 245 и табл. IV, № 9 (на рисункѣ стѣн-таго вѣнца не видно).

канки доказываетъ, что эта монета относится къ первой эпохѣ Ольвіи послѣ ея возобновленія“, и что Инисмей былъ безъ сомнѣнія однимъ изъ скинскихъ царей, покровительствовавшихъ Ольвіи противъ готовъ ¹⁷⁾. По спустя нѣсколько лѣтъ ученый баронъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ на эту монету ¹⁸⁾ и, ни словомъ не упоминая о своемъ прежнемъ мнѣніи, замѣчаетъ о ней слѣдующее: „Die [von Mursakewicz] beschriebene, einem Könige Inismeus beigelegte Münze ist mehr als verdächtig, ein Exemplar derselben, welches zu sehen wir Gelegenheit hatten, ist die Erfindung eines neuen Fälschers“. Однако г. Бурачковъ ¹⁹⁾, издавая другой экземпляръ той же монеты или совершенно подобную ей ²⁰⁾, ни однимъ словомъ не высказываетъ подозрѣнія въ ея подлинности и относитъ ее къ одному времени съ монетами Фарвоза.

3. Ольвійскія монеты съ именемъ царя Скилура.

Монеты этого царя (исключительно мѣдныя) извѣстны въ нумизматикѣ почти съ начала нынѣшняго столѣтія; познакомиться съ ними теперь удобнѣе всего по каталогу г. Бурачкова.

1. Кат. стр. 76, № 245 и табл. IX, № 209 ²¹⁾.

Л. „Бюсть Гермеса въ петазѣ“, обращенный вправо.

Об. „Кадуцей въ горизонтальномъ положеніи, вершиною влѣво“.

Надъ кадуцеємъ: ΒΑΣΙΛ, подъ нимъ: ΣΚΙΛΟΥΡ.

¹⁷⁾ М. Коч. I стр. 71. Ссылаясь на это мѣсто, Fr. Lenormant (La monnaie dans l'antiquité, т. II стр. 52) прямо называетъ Инисмея „le roi Scythe, qui aida les Grecs d'Olbiopolis à rebâtir leur ville après sa destruction par les Gètes“.

¹⁸⁾ Berl. Bl. II стр. 136 прим.

¹⁹⁾ Кат. стр. 77, № 250 и табл. IX, № 212 съ слѣд. описаніемъ: „А. Бюсть царя Инисмея, съ бородою, въ шапкѣ опушенной мехомъ, обращенный вправо, позади его знакъ, составленный какъ бы изъ двухъ кадуцеевъ, соединенныхъ кольцомъ.—Об. Бюсть Деметры грубаго стиля въ стѣнной коронѣ, обращенный вправо. Надписи какъ на рисункѣ“ (именно на лиц. сторонѣ: ΒΑΣΙΛΕΩΣΙΝΙΣΜΕΩΣ, на обор. ΟΛΒΙΟΠΟΛΕΙΤΩΝ и тѣ же монограммы, что на экземплярѣ Мурзакевича). О времени жизни Инисмея см. стр. 72.

²⁰⁾ Въ рисункахъ есть нѣкоторыя различія, но очень незначительныя.

²¹⁾ Монеты этого типа описываютъ: *Бларамбергъ*, Оп. мед. Ольвіи стр. 63 и табл. XX, №№ 202 и 203; *Рауль-Рошеттъ*, Ant. du B. Cimm. стр. 98 сл. и т. I, №№ 9 и 10; гр. *Уваровъ*, Иссл. стр. 113; *Кисс*, М. Коч. I стр. 28, № 1 и Berl. Bl. II стр. 138 и табл. XV, № 5. Рауль-Рошеттъ принимаетъ голову за портретъ Скилура и петазъ—за скинскій головной уборъ.

2. Стр. 77, № 246 и т. IX, № 204 ²³⁾).

Л. „Бюстъ Деметры подъ покрываломъ, съ ожерельемъ на шеѣ и серьгами въ ухахъ, обращенный вправо.

Об. Колесница въ двѣ лошади, слѣдующая вправо^а. Вверху ΒΑΣΙΛΕΩΣ, внизу ΣΚΙΔΟΥΡΟΥ, сбоку влѣво отъ колесницы ΟΛΒΙΟ.

3. Тамъ же, №№ 247 и 205.

„Тѣ же изображенія и надписи, но на шеѣ у Деметры въ клеймѣ колесо о четырехъ спицахъ“.

4. Тамъ же, №№ 248 и 206 ²⁴⁾).

Л. „Бюстъ бородатаго царя въ остроконечномъ колпакѣ съ повязкою, обращенный вправо, на шеѣ ожерелье.

Об. Лукъ въ коритѣ съ тетивою кверху, надъ нимъ колось, а внизу палица Иракла^а. Вверху ΒΑΣΙΛΕΩΣ, внизу ΣΚΙΔΟΥΡΙΟ, съ лѣвой стороны ΟΛΒΙΟ. Монета, по словамъ г. Бурачкова, была обтлнута золотомъ.

5. Тамъ же, №№ 249 и 207.

„Тѣ же изображенія, но на шеѣ царя въ клеймѣ колесо о четырехъ спицахъ и лукъ обращенъ тетивою внизъ“.

Еще Рауль-Рошеттъ ²⁵⁾ безъ всякаго колебанія призналъ этого царя Скилура тожественнымъ съ тѣмъ, который извѣстенъ изъ Стравона ²⁶⁾, какъ врагъ Миерадата VI Понтійскаго, и это мнѣнiе раздѣляется большинствомъ нумизматовъ; только Келеръ рѣзко возсталъ противъ него, стараясь доказать, что это былъ какой-то неизвѣстный царекъ позднѣйшихъ временъ ²⁶⁾; но всѣ его доводы, какъ

²³⁾ Опис. *Sestini*, *Lettere e disert.* IV стр. 100 и табл. VI № 21, съ невѣрнымъ объясненiемъ, которое исправилъ потомъ въ *Museo di Chaudoir* стр. 58 № 3, но не совсѣмъ (ср. *Уварова* *Изсл.* стр. 95 пр. 5); гр. *Уваровъ*, *Изсл.* стр. 95, № 3 и табл. XXIII, 64 и 65; *Кене*, *М. Коч. ук. м.* № 2, и *Berl. Bl. ук. м.* № 11.

²⁴⁾ Ср. *Sestini*, *Mus. di Chaud.* стр. 38 и т. I, № 14; *Уваровъ* ук. м. № 2 и стр. 113.

²⁵⁾ *Ant. du B. Cimn.* стр. 97 сл.

²⁶⁾ *Страв.* VII, 4, 3.

²⁶⁾ *Ges. Schr.* I стр. 139, § LXXI. Въ виду рѣдкости этого изданiя считаемъ не лишнимъ привести здѣсь in extenso всѣ доводы Келера, которые для человѣка непродубьденнаго не нуждаются ни въ какихъ комментарiяхъ и опроверженiяхъ: „*Quelques mots sur ces médailles de Scilurus prouveront le peu de solidité des remarques de M. Raoul-Rochette. Ces médailles, même si elles étoient bien conservées, sont du nombre des plus ordinaires et des moins belles que nous ayons de la ville d'Olbic. L'avers de la classe des médailles à laquelle elles appartiennent est toujours la tête de Mercure et le caducée en est le revers. Bref, ces médailles n'appartiennent pas à Scilurus, contemporain de Mithradate.*“

чисто субъективныя и измышленныя съ предвзятою цѣлью унижить трудъ Рауль-Рошетта, не имѣютъ серьезнаго значенія, такъ что остается только удивляться, какъ они могли убѣдить Бѣка, допускающаго ихъ справедливость *)), и графа Уварова, вполне ихъ раздѣляющаго.

4. Ольвійскія монеты съ именемъ царя Кав....

Кѣне въ Berl. Blätter т. II стр. 134 (ср. М. Коч. I стр. 25) описываетъ слѣдующую монету:

„Hf. Wie auf Nr. I [т. е. „Hermeskopf mit Petasos, rechtshin“].

Rf. ΒΑΣΙ—ΚΑΥ. Geflügelter Caduceus, linkshin (Trilepton). ΑΕ.

1) Comment pourroit on s'imaginer qu'un chef si puissant eut fait frapper à Olbie ces mauvaises monnoies?

2) Comment Scilurus auroit-il pu consentir à ce que son nom fût placé sur la plus chétive monnoie d'Olbie? N'auroit-il pas préféré de faire frapper des monnoies en or et en argent, comme le faisoit Mithradate, comme le sont plusieurs médailles d'Olbie, ou bien en grande bronze, à l'instar encore de celles de la même ville, dont plusieurs sont d'un assez beau style.

3) La tête de Mercure et le caducée, qu'avoient-ils de commun avec un roi, qui ne faisoit que la guerre, et qui ne vivoit que de rapine?

4) La fabrique de ces médailles porte-t-elle des marques qui attestent qu'elles soient de Scilurus contemporain de Mithradate? N'appartiennent elles pas plutôt à des tems bien postérieurs à ce roi, à l'époque voisine de la décadence d'Olbie?

Par toutes ces raisons il est indubitable que ces médailles ont été frappées à Olbie dans un tems bien postérieur à celui de Mithradate; et la conséquence nécessaire de ce fait c'est que Scilurus, l'ennemi redoutable de ce roi du Pont, n'a pas fait frapper ces monnoies, et qu'elles ne l'ont pas été non plus en son honneur par les Olbiens. Mais il est très probable que le nom de Scilurus est celui d'un de ces petits rois scythes, qui infestoient de tems en tems la ville d'Olbie, comme le prouve le décret de cette ville en l'honneur de Protogène, ainsi que d'autres inscriptions... La ville d'Olbie frappa cette monnoie, peut être à la demande de ce Scilurus, d'un de ces brigands, dont les moyens ne lui permettoient pas de faire exécuter des pièces avec plus de dépense“.

По поводу этихъ доводовъ б. Кеме дѣлаетъ слѣдующее справедливое замѣчаніе (М. Коч. стр. 209): „Удивительно, какъ могъ Бекеръ приписать эти монеты другому царю того же имени, жившему по его мнѣнію въ эпоху, близкую къ упадку Ольвіи. Онъ смѣшиваетъ вымышленнаго имъ царя съ небольшими варварскими начальниками, упоминаемыми въ надписи Протогена, забывалъ, что она по языку относится къ третьему вѣку до Р. Хр. Онъ не припомнилъ безъ сомнѣнія, что иллирійскіе цари почти современники преимущественно Гента [?], чеканили монеты столь же варварскія, какъ и монеты Скилура“.

*) С. I. Gr. II p. 83.

In der Sammlung des Fürsten Sibirsky. Das Wort KAY unterliegt keinem Zweifel, es ist nicht ein undeutliches KANI. An König Kauros, Cavaros von Thrakien (210 bis 200 vor Chr.) ist nicht zu denken, da die Münzen dieses Fürsten einen ganz anderen, ungleich geringeren Stil zeigen. Wer ist aber dieser König KAY, der seinem Trilepton nach, wahrscheinlich ein unmittelbarer Nachfolger des Kanites war?“

Другую монету съ этимъ же загадочнымъ именемъ описываетъ г. Вурачковъ²⁰⁾ слѣдующимъ образомъ:

„Л. Бюстъ царя, украшенный діадимомъ, обращенный вправо.

Об. Кадуцей, какъ на монетахъ Скилура, обращенный вершиною влѣво, подъ нимъ колосъ или пернатая стрѣла. Надписи какъ на рисункѣ²¹⁾ (именно: надъ кадуцеемъ ΒΑΣΙΛΕΥ, подъ колосомъ ΚΑΥ, правѣ подъ нижнимъ концомъ кадуцея ΟΛ). Къ этому описанію издатель прибавляетъ примѣчаніе: „послѣ КА въ имени царя встрѣчается щербина, лишающая возможности прочесть остальные буквы“. Однако на рисункѣ буква Υ показана довольно ясно, а двѣ остальные, поставленныя сбоку (ΟΛ), по нашему мнѣнію не относятся къ имени царя, а представляютъ собою первыя буквы слова 'Ολυβιτολιτων], обозначеннаго точно такъ же на монетахъ Фарзоя.

5. Монеты царя Канита.

Графу Уварову и барону Кёне²²⁾ извѣстны были три типа монетъ съ именемъ этого царя, и послѣ 50-хъ годовъ новыхъ типовъ, какъ кажется, не встрѣчалось. Графъ Уваровъ замѣчаетъ о нихъ, между прочимъ, слѣдующее: „2) Монеты царя Канитеса всѣ мѣдныя; доселѣ не встрѣчали еще ни одной золотой и, вѣроятно, монеты его не чеканились изъ другаго металла, кромѣ мѣди.—3) Работа довольно хорошая и очень схожа съ чеканкою монетъ Фарзойи.—4) Хоти на оборотѣ этихъ монетъ и нѣтъ имени Ольви, но ихъ работа и типъ несомнѣнно доказываютъ, что онѣ чеканены въ Ольви. Кромѣ того мы имѣемъ и другія, современныя имъ, монеты того же самаго типа“²³⁾.

1. „Л. Голова Гермеса въ петазѣ, обращена направо.

²⁰⁾ Кат. стр: 78 № 255 и табл. IX № 225.

²¹⁾ Уваровъ, Извѣст. стр. 93 сл. Кёне, М. Коч. стр. 23 сл., Berl. Bl. II стр. 132 сл.

²²⁾ Кромѣ гр. Уварова сходными монеты указалъ Кёне въ Berl. Bl. стр. 133.

О. Кадуцей, обращенный направо; на верху ΒΑΣΙ, внизу ΚΑΝΙ²¹⁾.

2. Л. Головы Димитры и Аполлона²²⁾ рядомъ, обращенныя вправо; голова Димитры подъ покрываломъ.

Об. Два колоса съ листьями въ вертикальномъ положеніи, по сторонамъ ихъ сверху внизъ идетъ надпись: направо ΒΑΣΙΛΕΩΣ, направо ΚΑΝΙΤΟΥ, а подъ колосьями, между послѣдними буквами предыдущей надписи, буквы ΒΑΚ²³⁾.

3. Л. Голова Аполлона, обращенная вправо.

Об. Посрединѣ треножникъ, по сторонамъ его, какъ на предыдущей, ΒΑΣΙΛΕΩ. | ΚΑΝΙΤΟΥ, внизу ΒΑΚ.

Двѣ послѣднія монеты были найдены на о. Фидониси и сообщены графу Уварову Н. Н. Мурзакевичемъ.

Графъ Уваровъ считаетъ царя Канита однимъ изъ преемниковъ Фарзоя и Сантафарна и предшественникомъ Скилура, причемъ необходимо припомнить, что надпись Протогена онъ относитъ къ первой половинѣ I в. по Р. Хр., а Скилура, слѣдя мнѣнію Келера, не признаетъ тождественнымъ съ тѣмъ, который извѣстенъ изъ Стравона, а позднѣйшимъ царькомъ того же имени. Кене, совершенно не замѣтивъ этого, принимаетъ мнѣніе Уварова, хотя съ нѣкоторыми оговорками, и относитъ Канита къ III в. до Р. Хр., приблизительно къ 250-мъ годамъ²⁴⁾. C'est ainsi qu'on écrit l'histoire!

²¹⁾ Описание ср. Уварова, Иссл. стр. 94 и 113 и табл. XXIII, 63; ср. Кене М. Коч. ук. м. и табл. I № 5, Berl. Bl. ук. м. и табл. XV № I. Монеты этого типа очень сходны съ первымъ типомъ монетъ Скилура, но различны по отдѣлкѣ и дравнѣ по характеру письма надписи.

²²⁾ Слѣдуемъ объясненію Кене (М. Коч. I стр. 24 и Berl. Bl. II стр. 133; ср. Sallet въ Zeitschr. f. Numism. IX стр. 155). По мнѣнію гр. Уварова (Иссл. стр. 93) второе лицо также женское и представляетъ вѣроятно Персеюну.

²³⁾ По мнѣнію ср. Уварова (Иссл. стр. 94 пр. 5) эти буквы „означаютъ, вѣроятно, сокращеніе главной надписи ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΑΝΙΤΟΥ“. Баронъ Кене возражаетъ на это, что не было надобности обозначать дважды одно и то же имя на одной и той же сторонѣ медали. По его мнѣнію „ΒΑΚ означаетъ мѣсто, гдѣ эти медали были вычеканены, то есть Βασιλείον Κανίτου, царскій дворецъ, извѣстный всегда подъ этимъ именемъ [?] и находившійся вѣроятно не подалеку отъ Ольвина. Означать на медаляхъ названіе мѣста, гдѣ онѣ чеканены, замѣтно мало отъ грековъ“. Θ. А. Струве (см. ниже) въ подтвержденіе этого объясненія указываетъ на Βασιλεία Σανταφάρου въ надписи Протогена, которую самъ Кене безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду. Намъ однако это объясненіе кажется не достаточно убѣдительнымъ: videant peritiores!

²⁴⁾ М. Коч. I стр. 25. „По мнѣнію графа А. С. Уварова онъ (то есть Канитъ) былъ предшественникомъ Скилура; разница монетъ обѣихъ царей свидѣтель-

Замѣтимъ еще, что покойный *Θ. А. Струве*^{*)} и фонъ-Саллетъ^{**)} справедливо указали, что по всей вѣроятности этотъ же царь упоминается въ извѣстной надписи изъ Одисса (Варны) *C. I. Gr. № 2056*, гдѣ его имя въ дат. падежѣ имѣеть форму *ΓΚΑΝΙΤΑ*. О времени этой надписи скажемъ ниже.

6. Монеты царя Сарин.

Монеты (мѣдныя) съ именемъ этого царя извѣстны намъ единственно по описанію *Б. Кёне* въ *М. Коч. I стр. 25 сл. и Berl. Bl. II стр. 135*. Не имѣя возможности провѣрить его по другимъ источникамъ, мы считаемъ за лучшее привести здѣсь цѣликомъ второе описаніе, какъ изложенное яснѣе и короче перваго.

[1] *Hf.* Haupt der Demeter mit Aehren und Schleier, rechtshin.
Rf. ΒΑΣΙΛΕ.. ΣΑΡΙΑ. Zwei Aehren (Chalkous). *Æ.*

[2] *Hf.* Diademirtes Haupt des Zeus, rechtshin.
Rf. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΡΙΑ. Köcher (Chalkous).

[3] *Hf.* In einem Perlenzirkel, belorbeertes Haupt Apollo's rechtshin.

Rf. ΒΑΣΙ—ΣΑΡ. Aehre und Keule, darüber ein Monogramm ΠΥΜΡ (Tetralepton). *Æ.*

Die beiden ersten Münzen sind bereits von Fröhlich (ad num. regum access. S. 23, Not. elem. numism. S. 20. 27), Cadalyène (Recueil de méd. Gr. inéd., auch Revue numism. II, S. 461), Eckhel (Doctr. IV. S. 168), Mionnet (Suppl. II S. 355.1), Lenormant (Trésor de num., Rois S. 63) u. A. publicirt worden. Fröhlich war geneigt, diesen König in

отвѣтъ только о томъ, что онъ не былъ непосредственнымъ предшественникомъ Скилура. Начало царствованія сего послѣдняго, можетъ быть, было около 150 г. до Р. X., ибо въ 115 г., когда послѣдній Спартокидъ Перизадъ III, вынужденный Селевкми, уступилъ свое царство Мирадату Евпатору, Скилуръ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Монеты Канитеса прекрасны и чеканка оныхъ доказываетъ, что онъ принадлежать третьему вѣку до Р. X. Можетъ быть Канитесь первый сталъ чеканить монеты у своего народа.... Сталь чеканки этихъ монетъ приводитъ насъ къ тому заключенію, что Канитесь жилъ около 250 г. до Р. X. Высказанное здѣсь мнѣніе о достоинствѣ чеканки монетъ Канита диаметрально противоположно мнѣнію гр. Уварова, который на стр. 113 замѣчаетъ, что монеты съ головою Гермеса, подобною изображенной на монетѣ Канита перваго типа, „несеть отпечатокъ паденія искусства“.

^{*)} *Zam. Od. Obщ. т. VI стр. 6—Rhein. Mus. XXIV стр. 560.*

^{**)} *Zeitschrift für Numism. т. IX (1882) стр. 155.*

Persten oder Armentien zu suchen, Sestini und Mionnet verlegten ihn nach Illyrien, letzterer sowie Lelewel und Cadalvène brachten Sarias mit dem Thrakischen Könige Kavaros zusammen, Lenormant jedoch hat mit richtigem Takte den grossen Unterschied im Stile zwischen den rohen Münzen der Illyrischen und Thrakischen Könige und den schönen Geprägten unseres Sarias geltend gemacht.

Das schöne Tetraclepton Nr. [3], an der Insel Fidonisi, Olbia gegenüber [sic!], gefunden, kam mit der reichen und geschmackvollen Sammlung des seligen Grafen Perowsky in die Ermitage.

Stil und Embleme dieser Münzen stimmen so mit denen des Kanites überein, dass man sie zweifellos einem Nachfolger dieses Königs belegen muss. Sarias regierte wahrscheinlich zwischen 240 und 200 vor Chr.“²⁹⁾.

§ 2. Соображенія и выводы относительно царскихъ монетъ.

Мы собрали и рассмотрѣли по возможности весь матеріалъ, относящійся къ нумизматикѣ скинскихъ царей. Какіе же могутъ быть сдѣланы изъ него выводы? Мы видѣли, что нумизматы далеко расходятся между собою во взглядахъ на эти монеты, что предлагавшіяся ими объясненія относительно достоинства стиля и чеканки монетъ,

²⁹⁾ Мурзакевичъ и Кёне описывали въ числѣ „царскихъ“ монетъ еще двѣ, съ именами Гелеса (или Гелиоса) и Кесмагака; но такъ какъ ошибочность ихъ мнѣніи вполнѣ уже доказана, то мы считаемъ достаточнымъ упомянуть объ этихъ монетахъ здѣсь, въ примѣчаніи, лишь для полноты обзора. Мѣдную монету Гелеса, найденную будто бы на о. Фидониси и описанную *Мурзакевичемъ* въ *Зап. Од. Общ.* III стр. 245 и *Кене* въ *М. Коч.* I стр. 26 и *Berl. Bl.* II стр. 136, недавно *фонъ-Саллетъ* въ *Zeitschr. f. Numism.* IX стр. 156 вполнѣ основательно объявилъ поддѣльною. Что же касается до царя Кесмагака, то онъ представляеть собою просто плодъ фантазіи покойнаго Мурзакевича (*Зап. О. О.* тамъ же), какъ это указалъ уже самъ Кёне въ *М. Коч.* I стр. 72 и *Berl. Bl.* II с. 136 пр. („Das einem Könige Kasmagakes zugeschriebene Stück gehört sicher keinem Könige an und ist eine wohl ungenau abgebildete Kupfermünze aus der letzten Zeit Olbias“). Другой экземпляръ той же монеты описанъ у *гг. Уварова* *Исл.* стр. 115 и т. XXIV № 83 (ср. *Кене* *М. Коч.* стр. 89 № 18). Отмѣтимъ еще, что *Imhoof-Blumer*, *Monnaies Grecques* (Leipz. 1883) стр. 136, описывалъ монеты Иллирійскаго царя Гентія, замѣчаетъ: „Le bronze que M. de Koehne (*подстр. прим.*: 50 *Antike Münzen der v. Rauch'schen Sammlung*, 1843, p. 21 pl. I, 7) donne au même roi (Tete barbue. R. ΒΑΣΙΛΑ... ENTIO. Carquois) ressemble aux monnaies du roi Sarias, et doit être rangé sans doute dans la suite monétaire des rois *Scythes*“. О вѣрности этого замѣчанія предоставляемъ судить специалистамъ нумизматамъ.

ихъ времени, встрѣчающихся на нихъ изображеній, монограммъ и пр., чрезвычайно разнообразны и между ними нѣтъ ни одного такого, которое бы по своей основательности заслуживало полного предпочтенія предъ остальными. Поэтому мы считаемъ необходимымъ оставить эти объясненія въ сторонѣ и искать истины самостоятельно. Для насъ важно главнымъ образомъ опредѣленіе времени этихъ монетъ, то есть вопросъ, для котораго ихъ изображенія и монограммы имѣютъ второстепенное значеніе.

Является прежде всего вопросъ: чѣмъ объяснить самый фактъ чеканки въ Ольвии монетъ съ именами скиескихъ царей? За исключеніемъ покойнаго Н. Н. Мурзакевича, предполагавшаго, что описанная имъ монета съ именемъ царя Фарзоа выбита въ память его торговой дѣятельности ¹⁾, большинство изслѣдователей видѣло въ этомъ фактѣ доказательство подчиненныхъ, зависимыхъ отношеній Ольвии къ сосѣднимъ скиескимъ царямъ ²⁾. Правда, нѣкоторые возставали противъ этого мнѣнія, но взаимнѣ не представляли никакихъ положительныхъ и болѣе основательныхъ объясненій даннаго факта и тѣмъ самымъ ослабляли довѣріе къ справедливости своихъ опроверженій. Главнымъ представителемъ такого отрицательнаго взгляда является академикъ Кёллеръ ³⁾; но именно его соображенія внушаютъ

¹⁾ *Зап. Од. Общ.* V стр. 593: „Эта золотая монета относится къ числу тѣхъ немногихъ монетъ, которыя нѣкогда были вычеканены жителями богатой, торговой Ольвии въ честь и память царей полукиевскихъ народовъ, въ древности кочевавшихъ въ степяхъ теперешняго Новороссійскаго края“.... „Что описываемая монета была сдѣлана въ память торговой дѣятельности царя Фарзоа, въ томъ удостовѣряетъ меркуріевъ кадуцей, изображенный предъ его лицомъ“. Мнѣніе это на столько нависно, что не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія. Достаточно сказать, что кадуцей, присутствіе котораго на монетѣ послужило главнымъ основаніемъ мнѣнія, вовсе не составляетъ отличительнаго признака царскихъ монетъ, а съ другой стороны встрѣчается и на многихъ монетахъ Ольвии, такъ что онъ скорѣе могъ служить эмблемою торговой дѣятельности самой Ольвии, чѣмъ сосѣднихъ царей. Далѣе, изъ Діона Хрисостома извѣстно, что самостоятельная коммерческая дѣятельность у скиеовъ была развита на столько слабо, что послѣ разрушенія Ольвии гетами скиеи сами просили ея жителей возстановить городъ, чтобы имѣть торговый пунктъ.

²⁾ *Raoul-Rochette*, *Ant. du B.* стр. 98 сл.—Гр. *Уароузъ*, *Исл.* стр. 87 сл.—*Кюм*, *М. Коч.* I стр. 27, *Berl. Bl.* II с. 137 (о Фарзоа: „Vielleicht hatte sich die Stadt, um gegen Getische und andere barbarische Nachbarstämme geschützt zu sein, unter des Pharzoios Schutz begeben und zahlte diesem dafür gewisse Subsidien, die in Olbia mit dem Namen des Königs versehen ausgeprägt wurden“).

³⁾ *Ges. Schr.* I стр. 139 сл., §§ LXXI—LXXVI. Его мнѣніе принимаютъ *Бекъ* (С. I. Gr. II стр. 83) и *Мейеръ*.

намъ наименѣе довѣрія къ себѣ, такъ какъ носятъ яркіе признаки предвзятой цѣли подорвать достоинство труда Рауль Рошетта. Если припомнить, что „въ древности, какъ и въ новыя времена, право бить монету было вообще исключительнымъ атрибутомъ верховной власти“⁴⁾, то фактъ соединенія на однихъ и тѣхъ же монетахъ именъ царей и городовъ не можетъ не казаться весьма страннымъ, хотя въ позднія греческія и римскія времена онъ встрѣчается нерѣдко. Новѣйшій изслѣдователь монетнаго дѣла у древнихъ народовъ, покойный Фр. Ленорманъ, обратилъ на него серьезное вниманіе и представилъ объясненіе, которое намъ представляется вполнѣ основательнымъ. По его мнѣнію такія монеты являются слѣдствіемъ комбинаціи между принципомъ исключительнаго права верховной власти на фабрикацію монетъ и принципомъ права муниципальнаго⁵⁾. При такой комбинаціи верховная власть и города одинаково гарантировали цѣпность монеты и участвовали въ расходахъ и выгодахъ фабрикаціи. „Les plus anciens exemples de combinaisons de ce genre, продолжаетъ онъ (стр. 51), nous sont fournis par les monnaies que quelques rois barbares des contrées au nord de la Grèce ont fait frapper dans des villes grecques où ils possédaient effectivement la souveraineté, résidant dans ces cités ou à leurs portes, mais qu'ils traitaient avec de grands ménagements dans la forme extérieure, leur laissant toutes les apparences de l'autonomie dans leur régime municipal*). Ces monnaies se présentent avec la forme d'un numéraire d'association entre le roi et la cité républicaine“. Примѣрами такой ассоціаціи, кромѣ битыхъ въ Маронѣ монетъ Одрисскихъ царей Амадока I и Тирея и Диррахійской монеты Дарданскаго царя Монунія, Ленорманъ выставляетъ именно Ольвійскія монеты Инисмеа, Скилура и Фарвоа, причемъ однако послѣднимъ придаетъ почему-то иное, болѣе важное значеніе⁶⁾.

⁴⁾ *Fr. Lenormant*, La monnaie dans l'antiquité (Paris 1878) т. II стр. 3.

⁵⁾ Тамъ же стр. 49.

^{*)} „L'histoire du roi Scythe Scylès et de ses rapports avec Olbia, telle qu'elle est racontée par Hérodote (IV, 78—80), est particulièrement instructive pour montrer quelle était la nature des relations entre les rois barbares à demi conquis par la civilisation hellénique et les villes grecques dans le voisinage desquelles ils habitaient, les tenant en réalité dans leur main“.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 52: „Au contraire, sur le statère d'or du roi Pharzoos, la même mention [т. е. de la ville d'Olbie], réduite au deux lettres OL, ne paraît plus pouvoir être prise que pour une simple marque d'atelier; le prince des Scythes fait alors, par sa monnaie, acte de pleine souveraineté dans la ville grecque“.

Раздѣляя такое объясненіе, мы должны признать, что въ теченіи извѣстнаго промежутка времени Ольвія, сохраняя „*toutes les apparences de l'autonomie*“, въ дѣйствительности подчинялась владычеству скинскихъ царей. Невольно возникаютъ отсюда новые вопросы: когда было такое время и какъ долго оно продолжалось? Принадлежали ли эти цари къ одной и той-же династїи, были ли непосредственными преемниками другъ друга? Подчиненіе имъ Ольвіи было ли непрерывное или перемежалось болѣе или менѣе продолжительными періодами независимости? и т. п. Само собою разумѣется, что, будучи обязаны знакомствомъ съ этимъ фактомъ изъ исторїи Ольвіи исключительно монетамъ, мы не можемъ дать на эти вопросы вполне опредѣленныхъ отвѣтовъ; однако позволимъ себѣ по поводу ихъ высказать нѣсколько соображеній, конечно съ крайнею осторожностію, внушаемою опасеніемъ, что они будутъ признаны не болѣе основательными, чѣмъ вышеприведенныя предположенія нумизматовъ. Прежде всего коснемся самаго важнаго изъ представляющихся вопросовъ, именно о времени подчиненія Ольвіи владычеству скинскихъ царей. Мы видѣли, что на основаніи стилиа и чеканки монетъ нумизматы находили возможнымъ относить ихъ къ весьма различнымъ временамъ и тѣмъ самымъ показали, что основывать на этихъ признакахъ сколько нибудь серьезныя заключенія невозможно. Что касается до характера письма легенды, то онъ также можетъ оказать лишь небольшую помощь, 1) потому, что буквы на монетахъ обыкновенно слишкомъ малы для того, чтобы всегда можно было тщательно опредѣлить особенности ихъ начертанія, 2) потому, что для ознакомленія съ большинствомъ монетъ намъ пришлось довольствоваться только рисунками, сдѣланными отъ руки, а не фотографическимъ или другимъ механическимъ способомъ, и потому не внушающимъ безусловнаго довѣрія къ правильности начертанія каждой буквы. Однако, насколько можно судить по этимъ сомнительнымъ даннымъ, легенды царскихъ монетъ не представляютъ ни одного признака, на основаніи котораго слѣдовало бы отодвинуть ихъ въ слишкомъ позднія времена, а нѣкоторыя, напротивъ, даютъ такія начертанія, которыя позволяютъ приписать имъ довольно почтенную древность. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи легенды на монетахъ Канита: на снимкахъ онѣ представляются выбитыми очень правильно и красиво, и характеръ всѣхъ буквъ, въ особенности же К, Σ и Ω, указываетъ на время не позже III вѣка до Р. Хр.; на основаніи указанныхъ буквъ можно было бы даже отнести эти монеты и къ болѣе глубокой древ-

ности, такъ какъ онѣ очень схожи напримѣръ съ формами надписи Каллиника, отнесенной нами еще къ IV вѣку; однако можно думать, что въ легендахъ монеты формы буквъ подвергались меньшимъ измѣненіямъ, нежели въ эпиграфическихъ памятникахъ. На легендахъ монеты Скилура нѣтъ особенно ясныхъ признаковъ, которые могли бы служить для ближайшаго опредѣленія ихъ времени, но по общему характеру письма ихъ скорѣе всего можно было бы отнести къ послѣднимъ вѣкамъ до Р. Хр. На монетахъ Фарзоа есть одна буква, которая своею формою могла бы свидѣтельствовать о сравнительно позднемъ ихъ происхожденіи, именно Z; въ Аоннахъ такая форма начинаетъ входить въ употребленіе не ранѣе начала I вѣка до Р. Хр.⁷⁾ Однако въ Ольвіи она встрѣчается уже въ каталогѣ № 114, который, какъ мы видѣли выше, на основаніи вѣскихъ данныхъ долженъ быть отнесенъ къ III вѣку до Р. Хр., не смотря на то, что письмо его повидному указываетъ на болѣе позднее время. Луновидную форму С, встрѣчающуюся на монетахъ Инисмея и на одномъ экземплярѣ Фарзоа, мы уже видѣли въ документахъ Протогена, Клеомвота и № 114, тогда какъ въ римскія времена она, повидному, перестала употребляться въ Ольвіи. Такимъ образомъ совокупность палеографическихъ признаковъ указываетъ на послѣдніе вѣка до Р. Хр., какъ на время происхожденія монеты съ именами скивскихъ царей. Этотъ выводъ вполне подтверждается данными литературными и эпиграфическими. Относительно царя Скилура намъ кажется, вопреки настояніямъ Келера, что не можетъ быть сомнѣнія въ тождественности его съ тѣмъ Скилуромъ, который по словамъ Стравона боролся противъ полководцевъ Миерадата Евпатора⁸⁾. Новѣйшій историкъ Понтійскаго царства Эд. Мейеръ⁹⁾ относитъ завоевательныя войны Миерадата

⁷⁾ Ср. *S. Reinach*, *Traité d'épigraphie Grecque* стр. 205.

⁸⁾ Лично мы видѣли только принадлежащій И. К. Суручану экземпляръ золотой монеты Фарзоа.

⁹⁾ *Страб.* VII р. 309: Αβτη [ή χερρόνησος] δ'ήν πρότερον αὐτόνομος, κορθομένη δὲ ὑπὸ τῶν βαρβάρων ἠναγκάσθη προστατὴν εἶλεσθαι Μιθριδάτην τὸν Εὐπάτορα, στρατηγῶντα ἐπὶ τοὺς ὑπὲρ τοῦ ἰσθμοῦ μέχρι Βορυσθένους βαρβάρους· ταῦτα δ'ήν ἐπὶ Ῥωμαίους παρασκευή. ἐκείνος μὲν οὖν κατὰ ταύτας τὰς ἐλπίδας ἄσμενος πέμψας εἰς τὴν χερρόνησον στρατιάν ἄμα πρὸς τε τοὺς Σκύθας ἐπολέμει Σκίλουρον τε καὶ τοὺς Σκίλουρου παῖδας τοὺς περὶ Πάλακον, οὓς Ποσειδώνιος μὲν πεντήκοντά φησιν, Ἀπολλωνίδης δὲ ὀδοήκοντα· ἄμα δὲ τούτους τε ἐχειρώσατο βίᾳ καὶ Βοσκόρου κατέστη κύριος κτλ. Ср. pp. 307 и 312 и о предсмертномъ завѣщаніи Скилура сыновьямъ *Плут.* *Reg. et imp. orophth.* s. v., *De garrul.* XVII.

⁹⁾ *Ed. Meyer*, *Geschichte d. Königreichs Pontos* (Leipzig. 1879) стр. 91.

въ Крыму приблизительно къ 115—106 гг. до Р. Хр. Знаменитая Херсонисская надпись въ честь Миерадатова полководца Діофанта¹⁰⁾ не упоминаетъ Скилура въ разсказѣ о борьбѣ Діофанта со скивами и называетъ скивскимъ царемъ сына его Палака, изъ чего издатели и комментаторы надписи справедливо замѣчаютъ, что Скилура или не было уже тогда въ живыхъ, или, по крайней мѣрѣ, онъ предоставилъ уже всѣ государственныя дѣла своему сыну; первое предположеніе покажется гораздо вѣроятнѣе, если мы припомнимъ, что и Стравонъ въ разсказѣ о генеральномъ сраженіи Діофанта со скивами называетъ одного Палака. Такимъ образомъ время смерти Скилура придется около 115 г. до Р. Хр. Мы не знаемъ, на сколько продолжительно было царствованіе Скилура¹¹⁾; но если припомнить, что онъ оставилъ послѣ себя 50 или даже 80 сыновей, умеръ естественною смертью (ср. Плут. ук. мм.) и на монетахъ изображается человѣкомъ очень пожилыхъ лѣтъ¹²⁾, то можно будетъ предположить, что онъ дожилъ до старости и царствовалъ долгое время, такъ что его царствованіе можно предположительно поставить, вмѣстѣ съ Кѣне, между 150 и 115 годами до Р. Хр.

Зависимость Ольвии отъ Скилура или по крайней мѣрѣ дружественныя между ними отношенія косвеннымъ образомъ могутъ быть выведены путемъ слѣдующихъ соображеній. Извѣстно, что въ 1827 г. недалеко къ югу отъ Симферополя, на лѣвомъ берегу рѣки Салгира, въ мѣстности, носящей у татаръ названіе Керменчика, были найдены два барельефа и три камня съ греческими надписями, изъ коихъ одна представляетъ посвященіе или почетную надпись самого царя Скилура, къ сожалѣнію плохо сохранившуюся, двѣ другія—посвященія двумъ почитавшимся на о. Родѣ божествамъ, Зевсу Атавирийскому и Аѳинѣ Ляндійской, отъ имени нѣкоего Посидія сына Посидіева. Затѣмъ въ 1853 г. графомъ А. С. Уваровымъ была найдена въ той же мѣстности еще одна надпись Посидія, представляющая посвя-

¹⁰⁾ *Inscr. P.* т. I № 185.

¹¹⁾ Предположеніе Бека, что въ найденной въ Керменчикѣ надписи Скилура (С. I. Gr. II № 2103 = *Inscr. P.* № 241) показанъ 30-й годъ его царствованія, оказалось несостоятельнымъ при нашемъ новомъ сличеніи (см. наше примѣчаніе къ надписи).

¹²⁾ Мы не видимъ достаточныхъ основаній раздѣлять принимаемое большинствомъ ученыхъ предположеніе *Вларамберта* (*Sur la position des trois forteresses Tauro-Scythes*), что одинъ изъ найденныхъ въ Керменчикѣ барельефовъ представляетъ изображеніе Скилура и сына его Палака.

щеніе какого-то дара Ахиллу, владыкъ острова (конечно Левки), сдѣланное, повидному, послѣ побѣды Посидія надъ морскими разбойниками сатархъями, жившими въ Крыму по берегу Сиваша⁴³⁾. Первый издатель найденныхъ въ 1827 году памятниковъ, извѣстный въ свое время Одесскій археологъ И. П. Бларамбергъ, высказалъ предположеніе, что на мѣстѣ Керменчика стояла одна изъ трехъ крѣпостей, построенныхъ, по словамъ Стравона, Скилуромъ и его сыновьями, именно Неаполъ; это предположеніе было очень сочувственно принято учеными и считалось весьма вѣроятнымъ до 1856 г., когда покойный Беккеръ въ специальномъ изслѣдованіи объ Ираклійскомъ полуостровѣ⁴⁴⁾ поставилъ его опроверженіе одною изъ важнѣйшихъ своихъ задачъ. Не входя здѣсь въ специальный разборъ его доводовъ, мы остановимся только на тѣхъ интересныхъ соображеніяхъ, которыя были имъ при этомъ случаѣ высказаны относительно надписей Посидія. Беккеръ вполне согласенъ съ тѣмъ, что открытыя близъ Симферополя древности могутъ служить важнымъ доказательствомъ существованія тамъ греческаго поселенія, но думаетъ, что эти греки явились туда по всей вѣроятности не изъ Херсониса, а скорѣе изъ Ольвии, гдѣ монеты съ именемъ, изображеніемъ и царскимъ титуломъ Скилуря довольно ясно указываютъ на предпочтительное уваженіе къ этому скискому царю. Тотъ фактъ, что Посидій Посидіевъ по одной надписи посвятилъ приношеніе Зевсу Атавирийскому, а по другой—Аоніѣ-Линдійской, и что обѣ надписи найдены въ Керменчикѣ, вовсе не оправдываетъ Бларамбергской гипотезы о Родійской колоніи въ этой мѣстности, — онъ можетъ только свидѣтельствовать, что эти надписи поставлены происшедшимъ съ о. Рода грекомъ. Имя Скилуря на третьей надписи, найденной въ Керменчикѣ, и относящаяся къ нему (?) скульптуры ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія существованіе здѣсь поселенія во времена этого могущественнаго царя, но поселеніе Херсонисцевъ въ странѣ ихъ заклятаго врага было бы совершенно противоестественнымъ. Гораздо легче разрѣшается вопросъ, если поставить Керменчикъ въ ближайшую связь съ Ольвиею. Владычество Скилуря и его вліяніе на политическія отношенія Ольвии такъ же достовѣрны, какъ и живыя сно-

⁴³⁾ См. *Inscr. P. I* стр. 214 сл., гдѣ указана и литература вопроса. Надписи Посидія изданы подъ №№ 242—244.

⁴⁴⁾ *P. Becker*, Die Herakleotische Halbinsel in archäol. Beziehung (Leipzig 1856) стр. 41 сл.

шенія Ольвiополитовъ съ Родiйцами: первое доказываютъ чеканенныя въ Ольвii монеты съ именемъ и изображенiемъ Скилура, второе—безднсленное множество глиняныхъ сосудовъ, привозившихся въ Ольвiю изъ Рода и своими штемпелями и надписями доказывающихъ свое родiйское происхождение. При такихъ обстоятельствахъ нѣкоторые изъ жившихъ въ Ольвii грековъ весьма легко могли переселиться во внутреннiя области царства Скилура, куда ихъ могли привлечь расчеты на торговля и др. выгоды. Такимъ образомъ нѣкоторые изъ жителей Ольвii могли промѣнять ее на Керменчикъ, но только во времена Скилура и Посидiа, которыхъ имена—единственныя сохранившiяся на найденныхъ въ Керменчикѣ надписяхъ. Если бы греческое поселенiе на этомъ мѣстѣ было значительнѣе и продолжительнѣе, то тамошнiя надписи не ограничились бы всего парю именъ. Таковы, въ общихъ чертахъ, соображенiя Беккера, справедливость которыхъ блистательно подтвердилась найденною въ Ольвii въ 1873 году надписью, представляющею посвященiе Афродитѣ Евплин отъ имени Посидiа Посидiева ¹⁴⁾, тождество котораго съ упоминаемымъ въ Керменчикскихъ надписяхъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнiю; по крайней мѣрѣ по характеру письма всѣ 4 надписи Посидiа легко могутъ быть отнесены къ одному времени. Такимъ образомъ является вполне вѣроятное предположенiе, что Посидiй, Родiецъ по происхожденiю, переселился съ родины въ Ольвiю, гдѣ получилъ право гражданства (какъ можно думать на томъ основанiи, что въ Ольвiйской надписи къ имени и отчеству посвятителю не прибавлено ἑθνικὸν его—'Ρόδιος), затѣмъ отсюда снова перенесъ свое мѣстожителство въ поселенiе, стоявшее на мѣстѣ нынѣшняго Керменчика (которое, по нашему мнѣнiю, не смотря на опроверженiя Беккера, всетаки скорѣе всего можно отождествить съ Неаполемъ), и здѣсь достигъ такой извѣстности и влiянiя, что былъ избранъ въ предводители для борьбы съ разбойничьимъ племенемъ сатархзевъ, надъ которыми и одержалъ побѣду ¹⁵⁾.

¹⁴⁾ *Извст. Р. № 94.* Въ сборникѣ (прим. къ № 242) я считалъ возможнымъ принять мнѣнiе академика Стефани, отнесшаго эту надпись по характеру письма приблизительно къ I в. по Р. Хр., но теперь, просмотрѣвъ еще разъ нижущiеся у меня подъ руками эстампажи 3-хъ надписей Посидiа (94, 242 и 243), я не нашелъ въ нихъ такихъ признаковъ, которые бы серьезно препятствовали отнести надписи ко временамъ Скилура.

¹⁵⁾ Такъ какъ мнѣ пришлось довольно подробно коснуться надписей Посидiа, то здѣсь кстати будетъ высказать еще одно предположенiе, которое давно

Таковы литературныя и эпиграфическія данныя относительно царя Скилура. Несмотря на недостаточную опредѣленность большей части ихъ, намъ кажется, что, взвѣсивъ ихъ въ совокупности, можно будетъ признать не подлежащимъ сомнѣнію фактъ, что Ольвійскія монеты съ его именемъ свидѣтельствуютъ о верховномъ владычествѣ надъ Ольвіею именно этого Скилура, а не какого то позднѣйшаго brigand, какъ силится доказать Келеръ.

Что касается до царя Канита, то мы вполне согласны съ Струве и Саллетомъ, что именно этотъ царь упомянутъ въ Одисской надписи С. I. Gr. 2056. Документъ этотъ представляетъ собою постановленіе въ честь нѣкоего Антиохійца Ермія сына Асклепідора, который за услуги, оказанныя имъ народу и отдѣльнымъ гражданамъ Одисса во время пребыванія у скиѣскаго царя Гканита (διεπίβων παρὰ βασιλεῖ Σκυθῶν Γκανίτα), награждается проксеніемъ, правомъ гражданства и др. привилегіями. Удовлетворительно объяснить причину прибавки лишней Γ къ имени царя трудно, но во всякомъ случаѣ исправленіе формы ΓΚΑΝΙΤΑ въ Κανίτα гораздо проще, нежели въ

уже приходило мнѣ въ голову, но не было внесено мною въ сборникъ надписей за неимѣніемъ прочныхъ данныхъ, которыми бы можно было его подтвердить. Въ сборникъ подъ №№ 48 и 49 помѣщены два, къ сожалѣнію плохо сохранившіеся, декрета иностранныхъ государствъ въ честь Ольвіополитовъ, оказывавшихъ имъ услуги: № 48 изданъ Тенедійцами, а № 49—Косцами. Въ первомъ имя Ольвійскаго гражданина не сохранилось, а отъ имени его отца въ двухъ мѣстахъ сохранилось по нѣскольку буквъ, ведущихъ къ несомнѣнному восстановленію Ποσιδίου; въ декретѣ Косцевъ отъ имени и отчества Ольвіополита сохранились буквы ΠΟΣΙΔΕ... | ...ΟΥ, для которыхъ съ большою вѣроятностью можно предложить восстановленіе Ποσιδε[ος Ποσιδέ]ου; по характеру письма оба декрета казались и кажутся намъ не позднѣе II в. до Р. Хр. Читатели уже ясно видятъ, къ чему клонится наша рѣчь. Да, намъ кажется очень возможнымъ, что оба эти декрета изданы въ честь того самого Посидія, о которомъ мы говорили выше. Будучи самъ не кореннымъ жителемъ Ольвіи, а натурализованнымъ иностранцемъ, Посидій вполне естественно могъ относиться сочувственно къ другимъ къ иностранцамъ, пріѣзжавшимъ въ Ольвію (тѣмъ болѣе, что жители Коса были близкими сосѣдями его далекой родины), и за это получилъ отъ Тенедійцевъ и Косцевъ (а можетъ быть и отъ другихъ иностранныхъ государствъ) благодарность и награды. Если наше предположеніе вѣрно, то Посидія Посидіева придется признать весьма выдающемся въ свое время личностью, заслужившею широкую извѣстность не только въ своемъ отечествѣ и въ другихъ мѣстностяхъ сѣвернаго побережья Понта, но и на островахъ Архипелага. Но конечно мы не рѣшаемся слишкомъ настаивать на этомъ предположеніи, предпочитая подождать, не найдутся-ли гдѣ нибудь новыя данныя для его подтвержденія.

предполагавшіяся прежде формы *Τρανίτα*, *Γλανίτα* и т. п. Въ надписи нѣтъ данныхъ для точнаго опредѣленія ея времени, кромѣ чистоты греческаго языка и особенностей редакціи декрета; конечно на основаніи этихъ признаковъ Бёкъ, руководясь весьма вѣрнымъ чутьемъ, замѣтилъ: „aetas tituli incerta est; sed si quis eum secundo fere ante Christum saeculo tribuere velit, me non habebit adversarium“. Противъ вѣрности такого опредѣленія могли бы, пожалуй, говорить формы буквъ с и ω, поставленные въ копіи Дузы и Грутера, по которымъ надпись издана въ С. I. Gr.; но уже самъ Бёкъ сомнѣвался въ томъ, чтобы онѣ дѣйствительно стояли на камнѣ („dubito, num с et ω in lapide fuerit, nec potius Σ et Ω, ex quibus hoc semel vs. 15 comperet“), и основательность этого сомнѣнія блистательно оправдалась счастливою находкою, сдѣланною въ Вариѣ въ самое недавнее время: грекъ Мистакидъ, во время своего пребыванія въ этомъ городѣ, по просьбѣ извѣстнаго Константинопольскаго епиграфиста г. Мордтмана занялся между прочимъ епиграфическими розысканіями, при которыхъ ему посчастливилось пайти въ одномъ частномъ домѣ обломокъ надписи, оказавшейся или частью того самаго камня, который былъ списанъ уже Дузою, или (что гораздо мѣнѣ вѣроятно) другимъ экземпляромъ того же декрета. Г. Мордтманъ, вновь издавъ этотъ обломокъ¹⁷⁾, съ величайшею любезностію прислалъ намъ доставленный ему эстампажъ. Къ крайнему сожалѣнію на этомъ обломкѣ, происходящемъ отъ нижней части камня (онъ представляетъ части строкъ 11—25 копіи Дузы), не сохранилось имя скискаго царя, но тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ важное значеніе, такъ какъ позволяетъ судить о степени правильности старинныхъ копій (оказывается, что надпись списана была, вообще говоря, довольно вѣрно, но распредѣленіе словъ по строкамъ у Грутера совершенно неправильно) и о характерѣ письма документа. Сомнѣніе Бёка относительно с и ω, какъ мы уже замѣтили, оказалось вполне основательнымъ; наиболѣе характерными оказываются на обломкѣ формы слѣдующихъ буквъ: Α, Θ, Κ, Μ, Σ, Π, Σ и Ω. Эти формы, вмѣстѣ взятыя, достаточны для того, чтобы признать надпись не древнѣе II в. до Р. Хр., но съ другой стороны общій складъ письма, на сколько можно судить по лежащему предъ нами эстампажу, ближе всего подходитъ къ надписямъ именно этого вѣка. Такимъ образомъ Каннта можно признать за одного изъ предшественниковъ Скилура.

¹⁷⁾ *Mittheilungen d. D. Arch. Inst.* т. X (1885) стр. 315.

Впрочемъ навѣрное мы, конечно, не можемъ сказать, принадлежали ли всѣ цари, упоминаемые на Ольвійскихъ монетахъ, къ одной династіи и занимали ли престолъ въ непосредственной преемственности другъ за другомъ; однако скорѣе можно подыскать данныя, свидѣтельствующія въ пользу такого предположенія, нежели противъ него. Мы уже видѣли выше, что во времена Филиппа Македонскаго большинство скиевскихъ племенъ, жившихъ отъ Истра до Мэотиды, было соединено подъ властью одного царя Атея¹⁾. Пораженія, нанесенныя скиеамъ Филиппомъ и потомъ Лисимахомъ, безъ сомнѣнія значительно ослабили ихъ силы, но едва ли содѣйствовали полному ихъ распаденію, хотя еще въ III в., во времена Протогена, мы видимъ скиеовъ на столько слабыми, что они не рѣшаются противостать галатамъ въ открытомъ полѣ и ищутъ спасенія за стѣнами Ольвіи. Какъ бы то ни было, впоследствии мы снова видимъ ихъ соединенными: царство Скидура простиралось отъ южнаго Крыма до Ольвіи включительно. Затѣмъ, если бы эти цари принадлежали къ разнымъ династіямъ или захватывали престолъ насильственнымъ путемъ, свергая или убивая предшественниковъ, то едва ли бы они на своихъ монетахъ стали удерживать типы монетъ предшественниковъ,— а между тѣмъ на нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, изъ этихъ монетъ мы видимъ значительное сходство типовъ. Наибольшее сходство замѣчается между монетами Канита, Кав... и первымъ типомъ монетъ Скидура; нѣсколько меньшее, но все же значительное—между монетами Канита, Саріи и вторымъ типомъ фарзовскихъ. Но конечно всѣ эти соображенія—болѣе или менѣе гадательнаго свойства и на основаніи ихъ нельзя идти такъ далеко, какъ шли нѣкоторые изъ нашихъ нумизматовъ, старавшіеся, напримѣръ, съ точностью опредѣлить, какой царь за какимъ непосредственно слѣдовалъ и т. п.

Вотъ, кажется, все, что можно было собрать для разъясненія факта существованія Ольвійскихъ монетъ съ именами царей. Читатели видятъ, что въ этомъ вопросѣ есть еще очень много темныхъ сторонъ, которыя не могутъ быть освѣщены при помощи существующихъ по настоящее время данныхъ; но тѣмъ не менѣе нѣкоторые пункты могутъ быть уже установлены такъ прочно, какъ только возможно при столь скудномъ матеріалѣ, именно слѣдующіе:

- 1) Ольвія, сохраняя автономію во внутреннемъ управленіи, призна-

¹⁾ См. стр. 87 прим. 1.

вала главенство надъ собою скиескихъ царей и въ знакъ этого признанія чеканила монеты съ ихъ именемъ.

2) Это подчиненіе ея верховной власти скиескихъ царей продолжалось въ теченіи нѣсколькихъ царствованій, падающихъ, главнымъ образомъ, на второй вѣкъ до Р. Хр.

Какія причины вызвали это открытое признаніе Ольвіею владычества надъ собою скиескихъ царей, объ этомъ можно только догадываться. Мы видѣли, что уже во времена Протогена Ольвіополиты покупали себѣ безопасность отъ нападеній Саитафарна регулярными денежными „дарами“, но что эти дары не всегда достигали своей цѣли: если царю казалось, что ему прислано мало денегъ, онъ немедленно собиралъ свою шайку и грозилъ походомъ противъ Ольвіи¹⁹⁾; такъ было и впоследствии на Руси во времена татарскаго ига. Между тѣмъ кромѣ саявъ Ольвіополитамъ постоянно угрожали и другія хищническія нападенія воинственныхъ сосѣдей, такъ что гражданамъ приходилось жить въ постоянномъ страхѣ и изыскивать всѣ средства для защиты, но этихъ средствъ уже не хватало, Ольвія со дня на день бѣднѣла и хирѣла. При такомъ положеніи дѣлъ весьма легко могло случиться, что или скиены взяли Ольвію и силою заставили ее подчиниться своимъ царямъ, или сами Ольвіополиты добровольно подчинились верховной власти скиескихъ царей, съ тѣмъ чтобы послѣдніе защищали ихъ отъ нападеній другихъ сосѣднихъ народовъ, но оставили имъ независимость во внутреннемъ управленіи. Въ пользу перваго предположенія могутъ быть приведены слова Діона Хрисостома, что Ольвія еще до гетскаго погрома не разъ была взята врагами²⁰⁾; но все таки второе предположеніе намъ представляется болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ только при добровольномъ подчиненіи, кажется, могъ возникнуть тотъ компромиссъ, слѣдствіемъ котораго явились разсмотрѣнныя нами монеты. Впрочемъ

¹⁹⁾ Такое отношеніе Саитафарна къ Ольвіи живо напоминаетъ общее замѣчаніе Страбона (VII р. 311) относительно кочевниковъ сѣвернаго побережья Чернаго моря: Οἱ μὲν οὖν νομάδες πολεμισταὶ μᾶλλον εἰσὶν ἢ ληστροίκοι, πολεμοῦσι δὲ ὑπὲρ τῶν φόρων. ἐπιτρέψαντες γὰρ ἔχειν τὴν γῆν τοῖς ἐθέλουσι γεωργεῖν, ἀντὶ ταύτης ἀγαπᾶσι φόρους λαμβάνοντες τοὺς συντεταγμένους μετρίους τινάς, οὐκ εἰς περιουσίαν ἀλλ' εἰς τὰ ἐφήμερα καὶ τὰ ἰναγκαῖα τοῦ βίου· μὴ δίδόντων δὲ αὐτοῖς πολεμοῦσιν.

²⁰⁾ Or. 36, v. II р. 75 R.: 'Ἡ δὲ πόλις ἢ τῶν Βορυσθενιτῶν τὸ μέγεθος ἐστὶν οὐ πρὸς τὴν παλαιὰν δόξαν διὰ τὰ συνεχεῖς ἀλώσεις καὶ τοὺς πολέμους. ἄτε γὰρ ἐν μέσοις οἰκοῦσα τοῖς βαρβάροις τοσοῦτον ἤδη χρόνον, καὶ τούτοις σχεδὸν τι τοῖς πολεμικωτάτοις, αἱ μὲν πολεμεῖται, πολλάκις δὲ καὶ εἰλώκε. (Далѣе идетъ рассказъ о гетскомъ погромѣ).

еслибы мы захотѣли идти далѣе по скользкому пути догадокъ, то можно было бы представить дѣло и такъ, что сначала скиѣнъ вполне поработили Ольвію и ихъ цари били въ ней монету только отъ своего имени (Каптъ, Сарія), а потомъ, смягчившись, предоставили ей больше свободы и допустили вышеупомянутый компромиссъ. Но вѣроятность этого соображенія подрывается тѣмъ, что и монеты другихъ царей (Фарзоя, Кав..., Скилура) встрѣчаются то съ маркою ОА или ОАВІО, то безъ нея, такъ что можно надѣяться, что со временемъ могутъ быть найдены и монеты Канита и Сарія съ такою же маркою ²¹⁾.

Главенство скиѣновъ надъ Ольвіею по всей вѣроятности кончилось со смертью Скилура. До сихъ поръ нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ въ пользу того, чтобы Ольвія признавала владичество его сына Палака, и по всей вѣроятности ему уже очень скоро послѣ смерти отца пришлось вступить въ упорную борьбу съ Миерадатовымъ полководцемъ Діофантомъ ²²⁾. Послѣдній нанесъ ему пораженіе въ первой же битвѣ, несмотря на то, что Палакъ напалъ на него врасплохъ съ большими силами, затѣмъ, подчинивъ себѣ сосѣдникъ съ Херсонисомъ тавровъ, основалъ въ ихъ землѣ городъ Евпаторію и, отправившись въ Воспорское царство, присоединилъ его къ владѣніямъ Миерадата, причѣмъ послѣдній изъ Спартокидовъ Парисадъ добровольно отказался отъ престола. Возвратившись оттуда къ Херсонису и присоединивъ къ своимъ войскамъ вспомогательный отрядъ изъ его гражданъ, Діофантъ двинулся въ средину Скиѣи; скиѣнъ сдали ему построенныя Скилуромъ крѣпости Хавы и Неаполь и почти всѣ признали надъ собою верховную власть Миерадата, но не на долго: спустя немного времени они обнаружили врожденное имъ вѣроломство⁴ и отложились отъ Миерадата, который снова отправилъ Діофанта для подавленія возстанія. Несмотря на неблагоприятное для военныхъ дѣйствій время года, Діофантъ со своимъ войскомъ и вспомогательнымъ отрядомъ Херсонисцевъ двинулся-было прямо противъ скиѣнскихъ крѣпостей, но зимнія бури заставили его измѣнить планъ кампаніи и направиться въ приморскія мѣстности (западнаго берега Крыма), гдѣ онъ и взялъ Керкинитиду

²¹⁾ Припомнимъ, что на Вурачковскомъ экземплярѣ монеты Кав... мы сами нашли эту марку, не замѣченную г. Вурачковымъ.

²²⁾ Послѣдующій рассказъ основанъ на сопоставленіи извѣстій Страбона и Юстина съ Херсонисскимъ декретомъ въ честь Діофанта (*Inscr. P.* № 185).

и Стѣны и приступилъ къ осадѣ Прекраснаго порта (Καλὸς λιμήν). Между тѣмъ Палакъ, оправившись отъ перваго пораженія, нанесеннаго ему Діофантомъ, собралъ всѣ свои силы и пригласилъ на помощь жившихъ между Борисееномъ и Танаидомъ ревксиналовъ, которые и явились къ нему въ количествѣ до 50,000 подъ предводительствомъ Тасія; доспѣхами имъ служили шлемы и панцири изъ сыромятной кожи и плетеные щиты, а наступательнымъ оружіемъ — копья, луки и мечи. Не смотря на огромное численное превосходство силъ Палака и храбрость ревксиналовъ, Діофантъ, у котораго было всего до 6000 воиновъ, одержалъ надъ ними „прекрасную и достопамятную на всѣ времена“ побѣду: непріятельская пѣхота почти вся была истреблена, изъ всадниковъ лишь немногіе успѣли спастись въ разсѣянномъ бѣгствѣ. Стравонъ объясняетъ побѣду тѣмъ, что подъ начальствомъ Діофанта была стройная и прекрасно вооруженная фаланга, передъ которою всякое варварское и легковооруженное войско оказывается слабымъ. Послѣ побѣды Діофантъ, не теряя ни минуты времени, чтобы не дать врагамъ опомниться и собраться съ силами, въ самомъ началѣ весны двинулся на Хавы и Неаполь и взятіемъ ихъ ²⁵⁾ окончательно сломилъ сопротивленіе скиеонъ, которымъ послѣ этого приходилось думать только о собственномъ спасеніи. Что случилось съ самимъ Палакомъ, мы не знаемъ, но очевидно, что, если онъ и пережилъ свое пораженіе, его владычеству въ Скиеи былъ нанесенъ рѣшительный ударъ и Ольвіополиты безъ сомнѣнія освободились изъ подъ его власти, хотя слѣдствіемъ этого освобожденія были для нихъ только новыя бѣдствія и опасности, о которыхъ краснорѣчиво повѣствуетъ намъ декретъ ихъ въ честь гражданина Никирата сына Папіа (Inscr. P. № 17), по своему значенію для исторіи Ольвіи смѣло могущій занять въ ряду ея эпиграфическихъ памятниковъ второе мѣсто послѣ Протогеновскаго документа.

§ 3. Документъ Никирата Папіева.

Къ крайнему сожалѣнію декретъ въ честь Никирата сохранился не въ цѣломъ видѣ, и въ дошедшей до насъ части его нѣтъ данныхъ для вполне точнаго опредѣленія его времени; намъ кажется однако, что тѣ признаки, которые мы отмѣтили въ примѣчаніяхъ къ

²⁵⁾ Въ этомъ мѣстѣ текстъ надписи попорченъ, но по смыслу очевидно, что движеніе Діофанта противъ Хавъ и Неаполя увѣчалось успѣхомъ.

декрету въ сборникѣ надписей, будучи взяты въ совокупности, вполне достаточны для оправданія нашего мнѣнія, что декретъ былъ изданъ незадолго до гетскаго разоренія, въ первыя десятилѣтїя послѣдняго вѣка до Р. Хр. Въ немъ нѣтъ никакихъ признаковъ зависимости Ольвии отъ скивовъ или другихъ сосѣднихъ народовъ, но описываемое въ немъ состояніе Ольвии представляется весьма печальнымъ и живо напоминаетъ тѣ тяжкія времена, которыя описаны въ Протогеновскомъ документѣ. Само собою разумѣется, что всѣ факты группируются вокругъ Никирата и излагаются лишь по столько, по сколько имѣютъ къ нему отношеніе. Цѣлью всѣхъ его дѣйствій было благо отечества, онъ выдавался среди согражданъ какъ своимъ благо-разумными совѣтами, такъ, еще болѣе, ревностнымъ исполненіемъ всѣхъ мѣропрїятій государства, въ особенности направленныхъ къ защитѣ его отъ постоянныхъ нападений враговъ (*τοὺς διὰ παντὸς ἐπεγερμένους ἐπὶ τὴν πόλιν πολέμιους [ἀμυνόμενος]*); враги эти нигдѣ въ сохранившейся части декрета не названы собственнымъ именемъ, вѣроятно потому, что всѣмъ гражданамъ было хорошо извѣстно, кто они были. При изданіи документа мною высказано предположеніе, что въ немъ разумѣются первыя нападенія гетовъ, закончившіяся впоследствии полнымъ разгромомъ Ольвии; но очень можетъ быть, что это были и скивы; во время подчиненія Ольвии ихъ царямъ, они по всей вѣроятности не тревожили ее сильно, за исключеніемъ развѣ хищническихъ набѣговъ отдѣльныхъ разбойничьихъ шайекъ; по сѣ освобожденіемъ города изъ подъ власти царей, съ скивовъ была снята сдерживавшая ихъ узда и они снова могли стать въ открыто-враждебныя отношенія къ Ольвии. Въ доказательство того, что это были скивы, а не геты, можетъ быть приведенъ и тотъ засвидѣтельствованный документомъ фактъ, что, когда граждане Ольвійскіе по неизвѣстнымъ намъ причинамъ отправились въ Илѣю, враги и здѣсь продолжали ихъ тревожить: геты жившіе къ западу отъ Ольвии, врядъ ли могли пуститься въ столь отдаленную и рискованную экспедицію, въ которой скивы легко могли бы загородить имъ дорогу, если бы ихъ симпатїи были на сторонѣ Ольвиополитовъ. Эта переправа Ольвійскихъ гражданъ въ Илѣю имѣла роковой исходъ для Никирата. Вотъ какъ разсказывается объ этомъ въ декретѣ: „наконецъ, когда граждане переправились въ Илѣю, онъ не просилъ городъ позаботиться объ ихъ безопасности, ибо полагалъ, что его присутствіе будетъ болѣе надежною охраною для народа, и, явившись туда безъ войска и надлежющей свиты, оберегалъ гражданъ; увидѣвъ же на-

шествіе враговъ, онъ отправилъ гражданъ въ городъ, а самъ остался, чтобы отразить ихъ нападеніе, ибо считалъ необходимымъ наказать ихъ и заботился какъ вообще о городѣ, такъ въ частности о томъ, чтобы посильнѣе отомстить. Поэтому враги, испугавшись его непобѣдимой доблести, не осмѣлились напасть открытою силою, но устроили ночью засаду и вѣроломно умертвили его; вслѣдствіе этого народъ, узрѣвъ неожиданное несчастье въ томъ, что городъ потерялъ доблестнаго гражданина, съ трудомъ перенесъ свою печаль вслѣдствіе его доблести и съ негодованіемъ вслѣдствіе жестокости его смерти. Въ вознагражденіе за оказанныя Никиратомъ заслуги народъ постановилъ почитать его торжественнымъ погребеніемъ, во время котораго всѣ городскія лавки должны были быть закрыты и всѣ граждане въ траурѣ должны были въ порядкѣ слѣдовать въ погребальную процессію; было также постановлено при выносі возложить на усопшаго золотой вѣнокъ отъ имени народа, воздвигнуть ему конную статую, гдѣ будетъ угодно его родственникамъ, съ приличною надписью на пьедесталѣ, и ежегодно увеличивать ее во время вѣча, назначеннаго для выбора чиновниковъ, и при установленныхъ по совѣту Пиеи конскихъ ристаніяхъ въ честь Ахилла.

Опредѣленные Никирату пышныя награды, расходъ на которыя долженъ былъ быть покрытъ изъ государственной казны, могутъ служить свидѣтельствомъ, что она въ тѣ времена была далеко не въ такомъ печальномъ положеніи, какъ при Протогенѣ. Можно предполагать, что въ періодъ владычества скивовъ Ольвіополиты, будучи болѣе безопасны отъ вѣшнихъ враговъ, имѣли возможность снова беспрепятственно заняться торговою дѣятельностью, которая и послужила къ увеличенію матеріальнаго благосостоянія города. По освобожденіи же изъ подъ скивской власти снова начались для города невзгоды, закончившіяся страшнымъ разгромомъ, нанесеннымъ ему гетами во второй четверти послѣдняго вѣка до Р. Хр.

§ 4. Ольвійскіе писатели.

Умственная жизнь Ольвіополитовъ въ теченіи разсмотрѣннаго нами періода времени почти совершенно намъ неизвѣстна; но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что она не должна была отличатся широкимъ развитіемъ: тамъ, гдѣ главные жизненные интересы были чисто коммерческаго характера, гдѣ притомъ часто приходилось дрожать за свое существованіе или, въ видахъ собственной безопас-

ности, кланяться грубымъ скинскимъ царямъ и князькамъ, врядъ ли могли особенно процвѣтать науки и искусства. Правда, мы знаемъ два-три имени философовъ и ученыхъ, происходившихъ изъ Ольвии; но едва ли они были обязаны родиной своимъ высшимъ образоваіемъ: всѣ они, какъ кажется, уѣзжали оттуда еще въ молодыхъ лѣтахъ и затѣмъ жили, учились и писали въ крупныхъ культурныхъ центрахъ Эллады, такъ что на долю Ольвии выпадаетъ честь только быть ихъ родиною, но не школою высшаго ихъ развитія.

Звѣздою первой величины въ небольшой плеядѣ Ольвийскихъ философовъ и ученыхъ является, безъ сомнѣнія, философъ Біонъ, жившій въ 1-й половинѣ III в. до Р. Хр., стало быть современникъ Протогена и Клеомврата. Большинство свѣдѣній объ его жизни мы обязаны Діогену Лаертскому, который посвятилъ ему одну главу въ своихъ „Жизнеописаніяхъ славныхъ философовъ“¹⁾. По словамъ Діогена Біонъ, находясь при дворѣ македонскаго царя Антигона Гоната, на вопросъ послѣдняго объ его происхожденіи разсказалъ, что отецъ его былъ Борисеенскій вольноотпущенникъ, вытиравшій себѣ носъ локтемъ (этимъ онъ хотѣлъ обозначить, что отецъ его торговалъ соленой рыбой²⁾, съ лицомъ покрытымъ клеймами, знаками жестокости его бывшаго господина, а мать — изъ дома терпимости (по словамъ Никія Никейскаго у Аенн. XIII р. 591 f — она была Лаконская етѣра, по имени Олимпія). За нарушеніе уставовъ о торговыхъ пошлинахъ отецъ Біона былъ проданъ со всѣмъ домою въ рабство, причемъ Біонъ, бывшій уже красивымъ юношею, былъ купленъ однимъ риторомъ, который предъ смертью сдѣлалъ его наследникомъ всего своего имущества. Разорвавъ и бросивъ въ огонь всѣ сочиненія своего бывшаго господина, Біонъ покинулъ родину, пріѣхалъ въ Аены и занялся философіею. Такимъ образомъ, мы видимъ, что своею позднѣйшею извѣстностью Біонъ обязанъ исключительно своимъ дарованіямъ и счастливому случаю, доставившему ему средства для продолженія своего образованія. Въ Аенипахъ Біонъ слушалъ сначала академика Кратита³⁾, потомъ „надѣлъ трибонъ и суму“, то

¹⁾ *Диог. Л.* Περὶ βίων καὶ γυναικῶν τῶν ἐν φιλοσοφίᾳ εὐδοκίμησάντων (ed. Cobet) IV гл. 7. О Біонѣ см. *I. M. Goodoliet*, De Bione Borysthenita (Lugd. Bat. 1821); *Fr. G. A. Mullachius*, Fragmenta philosophorum Graecorum т. II (Paris. Didot 1867) стр. 419 сл.; *Ed. Zeller*, Die Philosophie d. Griechen in ihrer geschichtl. Entwicklung т. II ч. 1 (изд. 3) стр. 294, пр. 4 и др.

²⁾ Ср. объяснительныя цитаты изъ древнихъ у *Муллаха* ук. ж. пр. 1.

³⁾ *Диог. Л.* ук. ж. § 4: Οὗτος τὴν ἀρχὴν μὲν παρηγεῖτο τὰ Ἀχαθηματικά, καθ' ὅν χρόνον ἤκουε Κράτιτος. εἰτ' ἐπανεῖλετο τὴν κοινὴν ἀγωγὴν, λαβὼν τριβόνα καὶ πήραν.

есть сдѣлался послѣдователемъ кипической философіи, потому былъ слушателемъ киринавка Θεодора „безбожнаго“ и накопецъ перипатетика Θεοφραста. Такимъ образомъ онъ обнаружилъ большое непостоянство въ своихъ философскихъ убѣжденіяхъ, но именно это непостоянство дало ему возможность приобрести огромное и разностороннее философское образованіе и сдѣлаться однимъ изъ выдающихся философовъ своего времени. По обычаю софистовъ онъ путешествовалъ по важнѣйшимъ городамъ и островамъ Эллады и между прочимъ былъ на островѣ Родѣ, гдѣ училъ философію, но, повидимому, безъ особеннаго успѣха. Антигонъ Гонатъ оказывалъ Біону большое уваженіе и участіе, проявившееся съ особенною силою во время его болѣзни въ Халкидѣ, гдѣ онъ и умеръ. Въ философіи Біонъ не держался возрѣвній одной какой либо школы и скорѣе подходилъ къ типу софистовъ, къ которымъ его и причисляютъ неоднократно древніе писатели. Сохранилось не мало приписываемыхъ или дѣйствительно принадлежащихъ ему остроумныхъ, но грубоватыхъ изреченій, которыя съ наибольшою полнотою собраны Муллахомъ *).

Младшимъ современникомъ Біона былъ философъ стоической школы Сфэръ (Σφαῖρος), который, впрочемъ, едва ли происходилъ изъ Ольвии: Бориссенитомъ называетъ его только въ одномъ мѣствѣ Плутархъ *), тогда какъ другіе древніе писатели называютъ его Воспоранцемъ. Онъ былъ ученикомъ Зинона и Клеанса, другомъ и совѣтникомъ несчастнаго Лакедемонскаго реформатора Клеомена III, жилъ также въ Египтѣ при дворѣ Птолемѣя Филопатора *). Многочисленныя сочиненія Сфэра, списокъ которыхъ даетъ Діогенъ Лаертскій, относятся ко всѣмъ областямъ философіи, но преимущественно къ моральной, а также къ политикѣ. По всей вѣроятности политическія его сочи-

Ср. однако Целлера ум. м.: „Nach Diog. verliess er die Akademie, die er erst besucht hatte, und trat zu den Cynikern über (was in unserem Text des Diog. so lautet, als ob er den Akademiker Krates verlassen hatte, um Cyniker zu werden; allein diess ist der Zeit nach kaum möglich...; vielleicht besagte die Angabe ursprünglich vielmehr, er sei durch den Cyniker Krates von der Akademie zum Cynismus herübergebracht worden“.

*) Fr. phil. Gr. т. III стр. 423 сл.

*) Біонр. Клеом. гл. 2. О Сфэрѣ ср. *Diog. L. VII* гл. 6 (§ 177 сл.) и др., *Aem. VIII* р. 354 с., *IV* р. 141 с. и пр.; *C. Müller*, Fr. hist. Gr. III стр. 20; *Zeller*, Philos. d. Griechen III, 1 (изд. 3) стр. 38 и пр.

*) Такъ прямо говоритъ Діогенъ Лаертскій; но Целлеръ не рѣшается безусловно принять это показаніе и думаетъ, что Сфэръ могъ быть въ Египтѣ еще при Птолемѣ Еввергетѣ или даже при Пт. Филадельфѣ.

ненія „Περὶ τῆς Λακωνικῆς πολιτείας“ и „Περὶ Λοχοόργου καὶ Σωκράτους βιβλία γ'“ стоятъ въ прямой связи съ реформаторскими планами Клеомена.

Еще объ одномъ Ольвійскомъ ученомъ упоминаетъ Сuida: „Ποσιδωνίῳ Ольвіополитῷ, σοφιστῷ и историкῷ. [Писалъ] объ Океанῷ и явленіяхъ на немъ; о такъ называемой Тирской странѣ; Аттическую исторію въ 4-хъ книгахъ; Ливійскую исторію въ 11 книгахъ и нѣкоторыя другія сочиненія“⁷⁾. Этому же Посидонію новые изслѣдователи⁸⁾ обыкновенно приписываютъ, хотя безъ всякихъ убѣдительныхъ доводовъ, упоминаемую Плутархомъ исторію македонскаго царя Персея, состоявшую изъ нѣсколькихъ книгъ и повидимому болѣе заботившуюся о прославленіи царя, чѣмъ объ исторической истинѣ. Авторъ этого сочиненія былъ, по его собственнымъ словамъ, современникомъ Персея и свидѣтелемъ описываемыхъ событій⁹⁾, стало быть жилъ, по всей вѣроятности, при дворѣ Персея.

⁷⁾ *Suidae lexicon* ed. I. Bekker (1854) стр. 877: Ποσιδώνιος Ὀλβιοπολίτης σοφιστῆς καὶ ἱστορικὸς περὶ τοῦ Ὠκεανοῦ καὶ τῶν κατ' αὐτόν, περὶ τῆς Τυρικῆς καὶ Λουμένης χώρας, Ἀττικῆς ἱστορίας ἐν βιβλίοις δ', Λιβυκῆ ἐν βιβλίοις ια' καὶ ἄλλα τινά. Ср. объ этомъ показаніи замѣчаніе К. Мюллера, *Fr. hist. Gr.* III стр. 172: „Pro Τυρικῆς Bernhardyus vel Τυριακῆς vel Τυριγετικῆς scribi vult. Cum vulgata est. Ταυρικὸν στόμα ap. Scylac. Periplus. p. 104. Si quid mutandum, malim Τυριτικῆς (gentile est: Τυρίτης. V. Steph. B. s. v.). Scilicet opus erat de regionibus quae a Tyra (*Dniestr*) fluvio et urbe nomen habent, vel quae habitantur a Tyrigetia... Liber de Oceano pertinet ad Posidonium Rhodium. E reliquis Olbiopolitae scriptis, quae Suidas h. l. recenset, nihil tulit aetatem“. Вышего Тυρικῆς не вѣрнѣ ли было бы предположить Тυρανικῆς отъ формы Тυρανός, бывшей официальнымъ названіемъ жителей г. Тиръ (на надписяхъ и монетахъ).

⁸⁾ Напр. А. *Westermann* въ *Pauly's Real-Encyclopädie* п. сл. *Posidonius*, 3; С. *Müller* *Fr. h. Gr.* ук. м.; А. *Schäfer*, *Abriss der Quellenkunde der Gr. und Röm. Geschichte*, ч. 2 (Leipzig. 1881) стр. 67 и др.

⁹⁾ *Πλυτ.* б. Эм. Павла гл. 19: Οὐ μὴν ἀλλὰ Ποσιδωνίος τις ἐν ἐκείνοις τοῖς χρόνοις καὶ ταῖς πράξεσι γεγονέναι λέγων, ἱστορίαν δὲ γεγραφὸς περὶ Περσέως ἐν πλείοσι βιβλίοις, φησὶν κτλ. Три отрывка изъ исторіи Посидонія, приводимые Плутархомъ въ ук. біогр. гл. 19, 20 и 21, перепечатаны К. Мюллеромъ въ ук. мѣстѣ.

Прибавимъ, что *Бларамбергъ* (Опис. др. мед. Ольвіи стр. 23 р. пер.) въ своихъ замѣчаніяхъ о Посидоніи и Виюнѣ присвокупилъ замѣтку, будто „толкователь Діонисія Географа или Періегета упоминаетъ о Менандрѣ Боржесенскомъ“, въ которомъ *Бларамбергъ* вѣроятно видѣлъ также какогонибудь историка или философа; но эта замѣтка основана исключительно на невѣрномъ пониманіи словъ схоластика, который говоритъ не о комъ-нибудь, какъ объ известномъ комикѣ Менандрѣ (см. *schol. ad Dion. Perieg.* v. 311 въ *Geogr. Gr. min. ed. Müller* т. II стр. 443. Ср. *Meineke* *Fr. Com. Gr.* IV р. 329 fr. CDXCI).

Такимъ образомъ мы видимъ, что названные писатели дѣйствовали на литературномъ поприщѣ не на родинѣ, а въ культурныхъ центрахъ собственной Еллады, Македоніи и Египта, и потому не могутъ свидѣтельствовать въ пользу высокой степени развитія умственной жизни Ольвиполитовъ въ послѣдніе вѣка до Р. Хр. Не высока была она и въ новой Ольвii, возродившейся послѣ гетскаго нашествія, къ которому мы теперь переходимъ.

ГЛАВА V.

Разрушеніе Ольвии Гетами.

Намъ уже неоднократно приходилось упоминать въ предыдущемъ изложеніи о страшномъ несчастіи, постигшемъ Ольвию въ I вѣкѣ до Р. Хр., именно о полномъ разрушеніи ея гетами. Единственнымъ источникомъ, изъ котораго мы почерпаемъ свѣдѣнія объ этомъ несчастіи, является 36-я, такъ называемая „Борисоенитская“ рѣчь Діона Хрисостома, посѣтившаго Ольвию во время своего изгнанія изъ Рима въ царствованіе Домиціана. Рѣчь эта, прочитанная Діономъ въ своемъ родномъ городѣ Прусѣ послѣ возвращенія изъ изгнанія, содержитъ въ себѣ изложеніе его бесѣды съ Ольвійскими гражданами о божественномъ міроправленіи. Изложенію предпослано введеніе, въ которомъ авторъ изложилъ поводъ къ этой бесѣдѣ и при этомъ представилъ довольно краткое и нестройное описаніе современнаго ему положенія города и его жителей. Это-то описаніе является для насъ необходимымъ источникомъ для ознакомленія съ состояніемъ Ольвии во 2-й половинѣ I вѣка по Р. Хр., такъ какъ сообщаемыя Діономъ данныя въ громадномъ большинствѣ случаевъ не встрѣчаются въ другихъ источникахъ и притомъ, какъ показанія очевидца, заслуживаютъ полнаго довѣрія. Приступая къ описанію того печальнаго положенія, въ которомъ находилась Ольвiя во время его пребыванія въ ней, Діонъ объясняетъ причины ея упадка слѣдующимъ образомъ: „Городъ Борисоенитовъ по величинѣ не соотвѣтствуетъ своей прежней славѣ вслѣдствіе постоянныхъ разрушеній и вслѣдствіе войнъ: находясь уже столько времени среди варваровъ и притомъ едва ли не самыхъ воинственныхъ, онъ постоянно подвергается нападеніямъ и часто былъ даже захватываемъ врагами. Послѣднее и самое сильное разрушеніе его послѣдовало не болѣе какъ за 150 лѣтъ; геты взяли какъ его, такъ и другіе города по лѣвой сторонѣ Понта до

Аполлоніи. Вслѣдствіе этого дѣла тамошнихъ еллиновъ пришли въ крайній упадокъ, такъ какъ одни города совсѣмъ не были восстановлены, другіе—въ плохомъ видѣ, и при этомъ нахлынуло въ нихъ множество варваровъ¹⁾.

Другихъ прямыхъ свидѣтельствъ о разореніи Ольвии гетами мы не можемъ указать въ сохранившихся источникахъ; есть лишь нѣкоторыя косвенныя данныя, которыя могутъ быть приурочены къ этому событію и такимъ образомъ могутъ подтверждать слова Діона. Такъ, въ одномъ изъ важныхъ эпиграфическихъ памятниковъ Ольвии, сохранившихся отъ римскихъ временъ, именно въ декретѣ въ честь Каллисена Каллисенова, относящемся къ началу III вѣка по Р. Хр.²⁾, есть упоминаніе, что Каллисенъ „происходилъ отъ предковъ славныхъ, извѣстныхъ Августамъ, построившихъ нашъ городъ и оказавшихъ ему много услугъ въ стѣснительныя времена“. Едва ли можно думать, что въ эти позднія времена въ пестрой смѣси греческаго и варварскаго элементовъ, изъ которой состояло населеніе Ольвии по свидѣтельству Діона и надписей, еще сохранилась память о первыхъ основателяхъ Ольвии и существовали роды, ведшіе отъ нихъ свое происхожденіе; скорѣе можно предполагать, что предки Каллисена принимали участіе въ восстановленіи города послѣ гетскаго погрома. Свидѣтельство Діона о стеченіи множества варваровъ въ восстановленные послѣ погрома припонтійскіе города находитъ себѣ подтвержденіе во множествѣ не-греческихъ личныхъ именъ, попадающихся въ позднихъ надписяхъ Ольвии и другихъ городовъ западнаго побережья Чернаго моря (Тиры, Томъ и др.). Наконецъ въ эпиграфическихъ памятникахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ есть упоминанія о фактахъ, которые съ большою вѣроятностью могутъ быть отнесены именно къ нашествію гетовъ. Два такихъ свидѣтельства недавно

¹⁾ Діона Хрис. р. 36, v. II р. 75 Reiske: Ἡ δὲ πόλις ἢ τῶν Βουρσθενιτῶν τὸ μέγεθος ἴσθιν οὐ πρὸς τὴν παλαιὰν δόξαν διὰ τὰς συνεχεῖς ἀλώσεις καὶ τοὺς πολέμους. ἄτε γὰρ ἐν μέσοις οἰκοῦσα τοῖς βαρβάροις τοσοῦτον ἤδη χρόνον, καὶ τοῦτοις σχεδόν τι τοῖς πολεμικωτάτοις, αἰεὶ μὲν πολεμεῖται, πολλάκις δὲ καὶ ἐάλωκε· τὴν δὲ τελευταίαν καὶ μεγίστην ἀλωσιν οὐ πρὸ κλειόνων ἢ πεντήκοντα καὶ ἑκατὸν ἐτῶν. εἶλον δὲ καὶ ταύτην Γέται καὶ τὰς ἄλλας τὰς ἐν τοῖς ἀριστεροῖς τοῦ Πόντου πόλεις μέχρι Ἀπολλωνίας. ἔθεν δὴ καὶ σφόδρα ταπεινὰ τὰ πράγματα κατέστη τῶν ταύτη Ἑλλήνων, τῶν μὲν οὐκέτι συνοικισθεισῶν πόλεων, τῶν δὲ φαύλων, καὶ τῶν κλειστῶν βαρβάρων εἰς αὐτὰς συρρέντων.

²⁾ *Insgr. P.* № 24. Данныя для опредѣленія времени этого документа см. въ комментарий къ нему.

указаны нами въ надписяхъ изъ Одисса (Варны) и Истрополя³⁾. Первая изъ нихъ, относящаяся къ послѣднему десятилѣтію до Р. Хр., представляетъ списокъ 46 лицъ, занимавшихъ должность жрецовъ при храмѣ неизвѣстнаго намъ божества μετὰ τὴν κάθοδον: подъ этимъ κάθοδος по моему мнѣнію слѣдуетъ разумѣть возвращеніе одисситовъ въ городъ, покинутый ими при нашествіи гетовъ. Изъ Истрополя сохранился декретъ въ честь нѣкоего Аристагора Апатуриева, много послужившаго родному городу, въ особенности въ смутныя времена, послѣдовавшія за нашествіемъ какихъ то варваровъ, при которомъ гражданамъ также пришлось покинуть родной городъ и разсѣяться по варварской странѣ⁴⁾. Здѣсь, мнѣ кажется, слѣдуетъ видѣть указаніе на то же событіе, о которомъ свидѣтельствуетъ Діонъ Христомъ. По крайней мѣрѣ по характеру письма надпись врядъ ли можетъ относиться къ болѣе древнимъ временамъ. Такимъ образомъ фактъ разоренія греческихъ припонтійскихъ городовъ варварами, которыхъ Діонъ называетъ гетами, слѣдуетъ признать не подлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Показаніе Діона о времени разоренія Ольвіи на первый взглядъ представляется весьма опредѣленнымъ (οὐ πρὸ πλειόνων ἢ πενήκοντα καὶ ἑκατὸν ἔτων); но не такимъ оказывается оно при ближайшемъ разсмотрѣніи. Извѣстно, что 36-я рѣчь его произнесена на родинѣ уже послѣ возвращенія изъ изгнанія, слѣдовательно по край-

³⁾ *Mittheil. d. D. Arch. Inst. in Athen* т. XI (1886) стр. 200 сл. Надпись изъ Варны надалъ *Mordtmann* тамъ же, т. X стр. 317 n° 5, а Иетропольскую—*Točileski* въ *Archäol.-epigr. Mittheil. aus Oesterreich* т. VI (1882) стр. 36 сл. № 78.

⁴⁾ Приводимъ изъ надписи мѣста, относящіяся къ нашествію варваровъ. Стр. 3 сл.: 'Επειδὴ Ἀρισταγόρας Ἀπατουρίου... κατελθὼν εἰς τὴν πατρίδα μετὰ τὴν κίτταρχοῦσαν τὴν πόλιν περίστασις, ἀτειχίστου τῆς πόλεως ὑπαρχούσης καὶ κινδυνεύοντων πάλιν τῶν πολιτῶν μετὰ γυναιῶν καὶ τέκνων, ταχεῖς ὑπὸ τῶν πολιτῶν τεichoποιὸς ἀνδρῆσάτα μὲν καὶ γυναιώτατα τῆς ἐπιμελήας τῶν ἔργων πρόστη οὔτε σωματικῶν κόπων οὔτε τινὸς τῶν εἰς τὴν οἰκοδομίαν ἐνηκόντων λ[ε]ιφθείς τῆς τε πατρίδος ὄχυρως θείσης καὶ κατὰ μέρος τῶν πολιτῶν ἀπὸ τῆς βαρβάρου καταπορευομένων εἰς τὴν πόλιν τισὶν μὲν δεξιῶ; ἀ[παν]τῶν τῶν κρατούντων τῆς χώρας βαρβάρων, τισὶν δὲ τῶν πολιτῶν ἔ[χ]λυ[τρα] προτιθεῖς ἔδειξεν ἑαυτὸν πρὸς πᾶσαν ἀπάντησιν τῶν σω[ο]μένων εὐομείλητον πλειστά τε συναλλάγματα πολεῖταις ἅμα κ[α] εἰς ξένοις ποιησάμενος πρὸς πάντας ἀφι[λ]αργύρως ὑπεστήσατο κτλ.—Стр. 26 сл.: πάλιν τε τῶν πολιτῶν μετὰ ἐτη τρία διὰ τὰς τῶν κρατούντων τῆς χώρας βαρβάρων ἐπισυστάσεις ἐπιζητούντων ἱερέα Ἀπόλλωνος Ἰητροῦ, τεθλειμμένων τῶν ἰδιωτικῶν βίων ἐπέδωκεν ἑαυτὸν κтл. Въ этомъ описаніи нельзя не видѣть многихъ чертъ сходства съ тѣмъ, что Діонъ говоритъ объ Ольвіи.

ней мѣрѣ нѣсколькими годами позднѣе, чѣмъ онъ былъ въ Ольвii; стало быть прежде всего является вопросъ, слѣдуетъ ли отсчитывать эти 150 лѣтъ отъ времени пребыванiя въ Ольвii, или отъ времени произнесенiя рѣчи? Возможно, что Дiонъ, узнавъ въ Ольвii число лѣтъ, протекшихъ отъ времени ея разгрома до его прибытiя, удержалъ эту цифру и впослѣдствii, при произнесенiи рѣчи, но возможно и то, что онъ къ сообщенной ему въ Ольвii цифрѣ прибавилъ число лѣтъ, протекшихъ отъ его посѣщенiя до произнесенiя рѣчи. Эта послѣдняя возможность представляется намъ болѣе вѣроятною; но и въ томъ и въ другомъ случаѣ необходимо знать какъ годъ пребыванiя его въ Ольвii, такъ и годъ произнесенiя рѣчи; между тѣмъ ни та, ни другая дата неизвѣстны намъ съ полной достовѣрностью. Мы не знаемъ, на какомъ основанii нѣкоторые изъ новыхъ изслѣдователей ⁵⁾ увѣренно говорятъ, что Борисеенская рѣчь произнесена въ 94 году по Р. Хр.; но намъ эта дата представляется совершенно невозможною: извѣстно, что изгнанiе Дiона, послѣдовавшее вслѣдствiе его дружбы съ однимъ знатнымъ лицомъ, казненнымъ Домицианомъ ⁶⁾, было продолжительно ⁷⁾ и окончилось только со смертью послѣдняго въ 96 году; что во время изгнанiя ему было запрещено являться на свою родину, въ Ювенiю ⁸⁾, и что послѣ смерти Домициана, извѣстiе о которой застигло его при римскомъ войскѣ въ Дакии ⁹⁾, онъ, какъ кажется, прямо отправился въ Римъ, гдѣ сильно хворалъ во все время краткаго царствованiя своего друга Первы ¹⁰⁾, и только при Траянѣ, около 100 года по Р. Хр. на короткое время возвращался на родину ¹¹⁾; во время этого

⁵⁾ Напр. *Ukert*, *Scyth.* стр. 55 пр. 32.

⁶⁾ *Dionis or.* XIII in. (v. I p. 418 R): „Ὅτε φεύγειν συνέβη με φίλιας ἐνεκεν λεγομένης ἀνδρὸς οὐ κωνηροῦ, τῶν δὲ τότε εὐδαίμωνων τε καὶ ἀρχόντων ἐγγύτατα ὄντος, διὰ ταῦτα δὲ καὶ ἀποθανόντος, δι' αὐτοῖς καὶ σχεδὸν πᾶσιν ἰδοῦμαι μακάριος, διὰ τὴν ἐκεῖνων οἰκειότητα καὶ συγγένειαν, ταύτης ἐνεχθείσης ἐπ' ἐμὲ τῆς αἰτίας, ὡς δὴ τάνδρῃ φίλον ὄντα καὶ σύμβουλον“. О жизни Дiона ср. статьи Валесiя, Кайзера и Эмиерiуса, перепечатанныя Л. Диндорфомъ въ введенiи къ его изданiю рѣчей Дiона (Lips. ap. Teubnerum. 1857).

⁷⁾ *Dionis orationes* ed. Reiske I p. 59, II p. 208 (μετὰ τσαυτὰ ἔτη φυγῆς), II p. 59 (ἐν τσαούτοις ἔτεσι φυγῆς) и пр.

⁸⁾ *Or.* XVIII in. (v. I p. 485 R).

⁹⁾ *Филостр.* Жизнь. соф. I, 7 (перепеч. у Рейске въ I т. изданiя рѣчей Дiона, стр. 10 сл.).

¹⁰⁾ *Dionis or.* XLV (v. II p. 202 R).

¹¹⁾ Ср. *Kayser ad Philostr.* V. soph. p. 172 sq. (= *Dionis orr.* ed. L. Dindorf т. I стр. XXXVII): „Tempus, quod domi peregit [Dio], ex or. 48 p. 530 [M.]

пробыванія онъ, безъ сомнѣнія, и произнесъ свою рѣчь. Стало быть, если отсчитывать отъ этого времени, то нашествіе гетовъ на Ольвію придется около 50 года до Р. Хр. Изгнаніе Діона, по его собственнымъ словамъ (см. выше прим. 7) продолжалось много лѣтъ; поэтому намъ кажется, что извѣстный изслѣдователь и издатель Діоновыхъ рѣчей Ад. Эмперіусъ¹²⁾ справедливо относитъ его къ 82 году по Р. Х., видя въ лицѣ, дружба съ которымъ послужила причиною изгнанія, извѣстнаго Т. Флавія Сабина. Въ Ольвіи Діопъ былъ, какъ кажется, въ слѣдующее же лѣто послѣ изгнанія¹³⁾, то-есть въ 83 году. Если вышеозначенный промежутокъ, не болѣе 150 лѣтъ, приурочивать къ этому термину, то самымъ раннимъ срокомъ нашествия гетовъ на Ольвію будетъ 67-й годъ до Р. Хр.; но въ виду того, что навѣрное, какъ мы уже замѣтили, нельзя рѣшить, отъ какого года считалъ Діопъ, приходится два выведенные нами года поставить только какъ крайніе терминны (*ante quem* и *post quem*) и такимъ образомъ относить нашествіе гетовъ къ промежутку времени между 67 и 50 гг. до Р. Хр.

Такимъ образомъ Діоново опредѣленіе времени разгрома Ольвіи близко подходитъ ко времени возвышенія гетскаго царя Бурвисты¹⁴⁾, котораго дѣйствительно почти всѣ новые изслѣдователи вслѣдъ за Нибуромъ¹⁵⁾ считаютъ виновникомъ раззоренія Ольвіи. Бурвиста является одною изъ интереснѣйшихъ личностей на Балканскомъ полуостровѣ въ срединѣ I вѣка до Р. Хр. и могъ бы вполне приковать къ себѣ наше вниманіе, если бы мы обладали болѣе подробными и достовѣрными свѣдѣніями объ его жизни и дѣятельности. Но къ сожалѣнію наши свѣдѣнія о немъ на столько скудны, что новые ученые расходятся въ мнѣніяхъ даже о томъ, надъ какимъ народомъ господствовалъ Бурвиста,—надъ гетами или даками. Большинство новыхъ изслѣдователей, опираясь на общераспространенное мнѣніе древности,

definiri potest; meminit h. l. Varenii praefecti, quem ab a. 99—102 Bithyniam rexisse constat, in or. 49 p. 540 brevitatem ἐπιδημίας excusat oblatum sibi magistratum repudians“.

¹²⁾ Adolphi *Emperii* opuscula philologica et historica ed. F. G. Schneidewin (Gotting. 1847), pp. 103—108: De exilio Dionis Chrysostomi.

¹³⁾ *Dionis* or. XXXVI in. 'Ἐτόγγαρον μὲν ἐπιδημῶν ἐν Βορυσθέβαι τὸ θέρος, ὅποτε εἰσέπλευσα μετὰ τὴν φυγὴν κτλ.

¹⁴⁾ Cp. R. *Rösler*, *Römische Studien* (Leipz. 1871) стр. 28 пр. 4: „Diese von Jordanis c. 11 überlieferte Form hat mehr Anspruch für die echte zu gelten, als die Griechische Βορυσθία.“.

¹⁵⁾ Kl. hist. Schriften I стр. 390 сs.

называютъ Бурвисту царемъ гетскимъ, но нѣкоторые, и притомъ именно тѣ, которые дѣлали исторію гетовъ или даковъ предметомъ своихъ специальныхъ изслѣдованій, какъ Бессель, Мюлленгофъ и Рёслеръ, а также и Т. Моммзенъ⁴⁶⁾, вполне увѣрены въ томъ, что Бурвиста былъ царемъ даковъ. На чьей же сторонѣ правда? Слѣдуетъ ли думать, что древніе писатели (за немногими исключеніями, см. ниже) ошибались сами и ввели въ заблужденіе слишкомъ довѣрившихъ имъ новыхъ ученыхъ, или ошибаются тѣ изслѣдователи, которые должны были наиболѣе внимательно изучить исторію обоихъ названныхъ народовъ, или, наконецъ, можно какъ нибудь примирить эти два воззрѣнія? Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе интересенъ, что указанная разница въ мнѣніяхъ новыхъ ученыхъ до сихъ поръ, если не ошибаемся, не обращала на себя ничего вниманія: если большинство новыхъ ученыхъ, вполне полагаясь на свидѣтельства древнихъ, безъ всякихъ оговорокъ называютъ Бурвисту царемъ гетскимъ, то съ другой стороны Бессель, Мюлленгофъ и Рёслеръ съ своими послѣдователями, называя его царемъ дакійскимъ, также не считаютъ нужнымъ опровергать неправильность мнѣній большинства или даже указывать на нее.

Приступая къ этому вопросу, надо сознаться, что единственный путь, представляющійся для его разрѣшенія, крайне теменъ, запутанъ и тернистъ. Разумѣемъ путь исторической. Мы представили выше⁴⁷⁾ краткій очеркъ историческихъ судебъ гетовъ отъ перваго ихъ появленія на страницахъ исторіи до подчиненія кратковременному владѣтельству галатовъ; мы видѣли далѣе (стр. 77), что во время существованія галатскаго царства во Фракіи геты совершенно исчезаютъ изъ исторіи, а потомъ, достигнувъ снова самостоятельности, всетаки остаются на столько слабыми, что Стравонъ, являющійся самымъ важнымъ источникомъ для исторіи гетовъ, обходитъ молчаніемъ весь періодъ времени отъ Дромикхета до Бурвисты, какъ не представляющій

⁴⁶⁾ *Bessel*, De reb. Get. стр. 70. *Müllenhoff*, et. Geten въ Энциклоп. Эрша и Грубера т. 64 стр. 458. *Rösler*, Das vorrömische Dacien въ *Sitzungsberichte d. Wiener Akad., philos.-hist. Cl.* т. 45 (1864) стр. 314 сл. Т. *Моммзенъ*, Римская ист. т. V стр. 4 сл. (р. пер.). Ихъ послѣдователями является и пр. *М. С. Дриноузъ*, Заселеніе Балканскаго полуострова славянами (Москва 1873), стр. 20. Гетскимъ царемъ, согласно съ Стравономъ, называютъ Бурвисту: Нибуръ, Бѣкъ, Шидтъ, Цейссъ, Шаарикъ, Укертъ, гр. Уваровъ, б. Кёне, Брунъ, Диттенбергеръ и др.

⁴⁷⁾ Стр. 72 сл., пр. 12.

ничего замѣчательнаго въ ихъ исторіи. Объ этомъ періодѣ встрѣчаются лишь очень немногочисленные и краткія упоминанія у авторовъ; ихъ недостаточность и запутанность очевидны уже изъ того, что новые ученые, спеціально занимавшіеся исторіею гетовъ, дѣлаютъ изъ нихъ совершенно противоположные одинъ другому выводы. Такъ, Мюлленгофъ (стр. 456) находитъ, что основаніе галатскаго царства во Фракіи не только лишило фракійцевъ на Гемѣ ихъ независимости, но и повело вѣроятно къ уничтоженію гетскаго царства на той сторонѣ Дуная (то есть сѣверной); отъ него будто бы не осталось никакихъ слѣдовъ, только у Гема геты, послѣ паденія галатскаго царства, снова возвысились подѣ властью собственныхъ царей, и къ нимъ относятся всѣ встрѣчающіяся у авторовъ упоминанія о гетахъ, въ томъ числѣ и извѣстіе Юстина о несчастной борьбѣ ихъ съ бастарнами. Напротивъ Рёслеръ⁴⁶⁾ гораздо основательнѣе полагаетъ, что нанесенный галатами ударъ долженъ былъ гораздо сильнѣе отразиться на гетахъ, жившихъ къ югу отъ Дуная, чѣмъ на сѣверныхъ ихъ братьяхъ. Повидимому и послѣдніе остатки давно ослабленной гетской общины къ югу отъ Дуная, говорятъ онъ, были если не навсегда уничтожены галатами Тилы, то по крайней мѣрѣ на время существованія ихъ царства. Напротивъ къ сѣверу отъ Дуная сила гетскаго народа въ это время оставалась еще крѣпкою и могла въ далекихъ степяхъ нынѣшней Валахіи собрать вокругъ себя и остатки того южнаго населенія, которому ненавистна была жизнь подъ мечемъ галатовъ. Однако и здѣсь геты не долго наслаждались спокойствіемъ: новый людской потокъ нахлынулъ на нихъ съ другой стороны и сталъ тѣснить ихъ съ первобытной дикостью. Это были бастарны. Съ галиційско-польскаго плато двинулись они около средины II вѣка до Р. Хр. въ юго-восточномъ направленіи, появились на устьяхъ Дуная и ихъ господство охватило на сѣверѣ и востокѣ высокій вѣнкообразный хребетъ Карпатовъ и сообщило ему имя Бастарнскихъ альпъ⁴⁷⁾. Они

⁴⁶⁾ Die Geten und ihre Nachbarn (*Sitzungsber. d. Wien. Akad.* т. 44) стр. 176. Ср. *то же Rom. Studien* стр. 23.

⁴⁷⁾ О принадлежности бастарновъ къ одному изъ главныхъ индо-европейскихъ племенъ древніе писатели говорятъ различно: германцами называютъ ихъ Стравонъ (VII р. 306), Плиній (IV, 14, § 100), Тацитъ (*Герм.* 46); галатами—Поллій (XXV, 6), Ливій (XL, 57; XLI, 19; XLIV, 26), Плутархъ (*Эм. Пав.* 9); скинами—Діонъ Кассій (LI, 23); Аппіанъ (*Макед.* 16, 1, 2) отождествляетъ ихъ съ гетами. Возвращенія новыхъ ученыхъ также, конечно, различны; но намъ кажется, что германское происхожденіе бастарновъ поставлено внѣ всякаго сомнѣнія

не знали ни земледѣлія, ни скотоводства, ни мореходства, и жили исключительно войною. Съ этими пришельцами гетамъ пришлось выдержать упорную и не всегда счастливую борьбу. Намъ рассказываютъ краснорѣчивый примѣръ ихъ честолюбія. Послѣ одной несчастной битвы съ бастарнами царь Ороль приказалъ своимъ подданнымъ оказывать своимъ женамъ всѣ услуги, которыя раньше оказывали имъ жены, и въ постели ложиться головою на то мѣсто, куда прежде клали они ноги, до тѣхъ поръ, пока славными подвигами не смуютъ полученнаго на войнѣ позора²⁰⁾.

„Wie lange diese Bekriegungen und das Wechselspiel von Sieg und Niederlage währten, продолжаетъ Рёслеръ, endlich erfuhr das Getenvolk eine Schwächung und Einschränkung seiner Herrschaft und es bildete sich in den Räumen bis zum Dniester hin immer mehr eine seltsame Mischung der verschiedensten Volkselemente, ein Bild wie von zahlreichen durcheinander geworfenen Gesteinschichten. Geten und Scythen, Sarmaten und Bastarner und andere unbestimmte Horden und Völkerwellen wogten und hausten hier neben und durcheinander. Bald tritt dieser, bald jener Stamm mächtiger, gebietender auf, und leih wohl auch der weniger kundigen Ferne gegenüber dem ganzen Gewühle für eine Spanne seinen Namen. In gemeinsamer Lebensweise verwischten sich viele der bisherigen Volksunterschiede und ehemalige Gesittung gab sich dem allgemeinen Zuge zur Verwilderung hin. So mochte es auch den Geten ergehen“.

Такую картину представляли земли къ сѣверу отъ Дуная во 2-й половинѣ II-го и 1-й половинѣ I-го в. до Р. Хр. Доведа до этого пункта исторію гетовъ, Рёслеръ совершенно оставляетъ ихъ въ сторонѣ, говоритъ далѣе о бастарнахъ, объ успѣхахъ римскаго оружія на Балканскомъ полуостровѣ, о происхожденіи мезійцевъ, и заканчиваетъ посвященную гетамъ статью выступленіемъ на историческое поприще даковъ. Въ другой статьѣ, специально посвященной исторіи послѣд-

Цейссомъ, Die Deutschen стр. 127 сл. Ср. *Т. Моммзена* Римск. ист. т. V стр. 5 и др. (р. перев.). Появленіе ихъ на Дунаѣ относится не къ срединѣ II в. до Р. Хр., какъ говоритъ Рёслеръ въ приведенномъ мѣстѣ, а къ началу этого вѣка: см. изложеніе самого Рёслера на стр. 178 сл.

²⁰⁾ *Iust.* 32, 3, 16: Daci quoque suboles Getarum sunt; qui cum Orole rege adversus Bastarnas male pugnassent, ad ultionem sognitiae capturi somnum capita loco pedum ponere iussu regis cogebantur ministeriaque uxoribus, quae ipsis ante fieri solebant, facere. Neque haec ante mutata sunt, quam ignominiam bello acceptam virtute delerent.

нихъ до подчиненія Риму, авторъ послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ замѣчаній прямо выводитъ на сцену Бурвисту словами: „При первомъ же выступленіи даковъ въ исторіи мы встрѣчаемся съ одною правительственною личностію, которая привлекла бы къ себѣ весь нашъ интересъ, если бы ея образъ не представлялся очень пострадавшимъ отъ забвенія и мрака; именно съ Виребистомъ. Онъ засталъ страну въ упадкѣ послѣ періода несчастныхъ войнъ“ и т. д. ²⁴⁾. Подобнымъ же образомъ Мюлленгофъ, прослѣдивъ исторію гетовъ до конца II вѣка до Р. Хр., непосредственно затѣмъ продолжаетъ: „Между тѣмъ въ горной странѣ по ту сторону Дуная даки, до тѣхъ поръ едва извѣстный по имени народъ, возвышаются до несмѣхапаго могущества, послѣ того какъ царь Виребистъ и его пророкъ Дикзней возродили націю своими религіозно-политическими учрежденіями“. Бессель при первомъ же упоминаніи о Бурвистѣ прямо называетъ его царемъ дакійскимъ: „de Dacorum rebus alia nulla exstat mentio usque ad tempora Virebistae regis Dacorum“ (стр. 70). Что же заставило названныхъ ученыхъ съ такою увѣренностію признавать Бурвисту царемъ даковъ? Основана ли эта увѣренность на какихъ либо ясныхъ и опредѣленныхъ данныхъ у древнихъ писателей? Отвѣта на эти вопросы нужно, конечно, искать въ сохранившихся трудахъ ихъ и прежде всего у Стравона, который, какъ было уже замѣчено, является главнымъ источникомъ для ознакомленія съ Бурвистомъ.

Разсказавъ въ первыхъ десяти параграфахъ 3-й главы VII книги (pp. 295—303) о землѣ гетовъ, ихъ нравахъ, обычаяхъ и религіозныхъ вѣрованіяхъ, со многими отступленіями относительно разныхъ еракійскихъ народовъ и скивовъ, Стравонъ въ § 11 продолжаетъ: „Древнюю исторію гетовъ оставимъ мы въ сторонѣ; а въ наше время

²⁴⁾ Das vorrömische Dacien (*Sitzungsber. d. Wien. Akad.* т. 45) стр. 316. Только въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи „*Röm. Studien*“ (стр. 29) Рёслеръ, по прежнему называя Бурвисту царемъ даковъ и ни однимъ словомъ не упоминая о томъ, что древніе писатели называютъ его гетомъ, дѣлаетъ попытку объяснить, что случилось съ гетами: „*Burvistas Regierung verfolgte die Richtung nach aussen auch sonst; wir vernehmen, dass er über die Donau setzte, Illyrier durchzog, Macedonien angriff, die Griechischen Städte von Olbia am Borysthenes bis Apollonia seine rauhe Hand fühlen liess. Derselbe Burvista endlich hat wohl auch die Geten, welche seit einem Jahrhundert den Bastarnen dienstbar gewesen, seinem Reiche angeschlossen und diese beiden verwandten Nationen in eine vereinigt. Das Ereigniss scheint sich ziemlich geräuschlos vollzogen zu haben; die Griechen führen fort auch das neue vorherrschend dacische Reich getisch zu nennen*“ и т. д.

было слѣдующее. Геть Биребистъ, ставъ во главѣ этого народа, засталъ людей изнуренными (κατασφραμένους) отъ постоянныхъ войнъ и на столько поднялъ ихъ упражненіями, трезвостью и повиновеніемъ приказаніямъ, что въ немногіе годы создалъ великое царство и подчинилъ гетамъ большинство сосѣднихъ племенъ. Онъ сталъ уже страшенъ и римлянамъ, смѣло переправляясь черезъ Истръ и опустошая Фракію до Македоніи и Иллиріи, разгромилъ смѣшанныхъ съ еракійцами и иллирійцами кельтовъ, а боевъ, бывшихъ подъ властью Критасира, и таврисковъ совершенно уничтожилъ. Для обузданія своего народа онъ нашелъ пособника въ лицѣ волшебника Декенея, обзвѣдившаго Египетъ и изучившаго нѣкія знаменія, посредствомъ которыхъ онъ извѣснѣлъ божественное; и немного спустя онъ сталъ богомъ, какъ мы сказали въ рассказѣ о Замолксидѣ²³⁾. А вотъ доказательство послушанія: геты согласились вырубить виноградныя лозы и жить безъ вина. Биребистъ погибъ отъ возмущенія прежде, чѣмъ римляне послали противъ него войско; преемники его власти раздѣлились на нѣсколько частей. Вотъ и нынѣ, когда послалъ противъ нихъ войско Кесарь Августъ, они раздѣлены на пять частей, а тогда были раздѣлены на четыре. Такія раздѣленія недолговѣчны и съ теченіемъ времени мѣняются.

(12). Существуетъ и другое раздѣленіе страны, сохраняющееся издревле: однихъ называютъ даками, другихъ—гетами, именно гетами обращенныхъ къ Понту и къ востоку, а даками—въ противоположную сторону къ Германіи и истокамъ Истра.. Народъ этотъ, до такой степени возвышенный Биребистомъ, былъ совершенно ослабленъ усобицами и римлянами; но всетаки еще и нынѣ они могутъ выставить четыре міриады (40,000).

(13). Черезъ ихъ землю рѣка Марисъ течетъ въ Дунай, по которому римляне подвозили все нужное для войны; именно верхнія части рѣки отъ истоковъ до пороговъ, гдѣ она течетъ главнымъ образомъ черезъ землю даковъ, называли Дунаемъ, а нижнюю часть до Понта, текущую по землѣ гетовъ, зовутъ Истромъ. Даки говорятъ однимъ языкомъ съ гетами. У еллиновъ геты пользуются бѣльшей извѣстностью вслѣдствіе того, что они постоянно переселялись то на одну, то на

²³⁾ VII, 3, 5 (р. 298): Τούτι δὲ τὸ ἔθος διέτεινεν ἄχρι καὶ εἰς ἡμᾶς, καὶ τινος εὐρισκομένου τοιοῦτου τὸ ἦθος, ὃς τῷ μὲν βασιλεῖ σύμβουλος ἐπῆρχε, παρὰ δὲ τοῖς Γέταις ἑνωμάζετο θεός... καὶ δὴ ὅτε Βυρεβίστας ἤρχε τῶν Γετῶν, ἐφ' ὃν ἤδη παρεκεύασατο Καῖσαρ ὁ θεός στρατεύειν, Δακείνους εἶχε ταύτην τὴν τιμὴν κτλ.

другую сторону Истра и смѣшались съ мисами... Геты и даки, усилившіяся до чрезвычайности, такъ что могли высылать въ походъ по 200,000 людей, теперь уменьшились до 40,000 и близки къ подчиненію римлянамъ, но еще не покорены окончательно вслѣдствіе надеждъ на германцевъ, враговъ римлянъ²⁰.

Изъ этихъ выписокъ видно, что Стравонъ, считая даковъ соплеменниками готовъ, тѣмъ не менѣе не отождествляетъ ихъ вполне, проводитъ между ними топографическое различіе и Вурвисту прямо и ясно называетъ царемъ готовъ. Правда, нѣсколькими страницами далѣе, вповь упоминая о пораженіи, попосеиномъ болми и таурисками, Стравонъ называетъ виновниковъ этого пораженія даками²¹), но за то въ двухъ другихъ мѣстахъ, говоря лично о Вурвистѣ, опять называетъ его царемъ готовъ²²). Иорданъ, безъ сомнѣнія имѣвшій подъ руками сочиненіе Діона Хрисостома о гетахъ, также говоритъ о Вурвистѣ, какъ о готскомъ, то есть гетскомъ царѣ²³). У другихъ писателей неоднократно встрѣчаются упоминанія о походѣ, который Цезарь предъ своею смертію задумывалъ предпринять противъ могущественнаго завоевателя, бывшаго виновникомъ столь сильныхъ и опасныхъ для римлянъ движеній на Балканскомъ полуостровѣ. При этомъ одинъ только Светоній дважды называетъ народъ, противъ котораго Цезарь задумывалъ свой походъ, даками, тогда какъ другіе называютъ его гетами²⁴). Время наибольшаго развитія могу-

²⁰) VII, 5, 2 (p. 313): Μέρος μὲν δὴ τῆς χώρας ταύτης ἠρῆμωσαν οἱ Λακοὶ καταπολεμήσαντες Βοιοῦς καὶ Ταυρίσλους, ἔθνη Κελτικὰ τὰ ὑπὸ Κριτασίρω, φασκόντες εἶναι τὴν χώραν σφετέραν, καίπερ ποταμοῦ διείργοντος τοῦ Παρίσου, ρέοντος ἀπὸ τῶν ὄρων ἐπὶ τὸν Ἴστρον κατὰ τοὺς Σχορδίσλους καλουμένους Γαλάτας· καὶ γὰρ οὗτοι τοῖς Ἰλλυρικοῖς ἔθνεσι καὶ τοῖς Θρακίοις ἀναμιξέ φησαν· ἀλλ' ἐκείνους μὲν οἱ Λακοὶ κατέλωσαν, τούτοις δὲ καὶ συμμάχοις ἐχρήσαντο πολλάκις.

²¹) VII, p. 298 (см. выше прим. 22) и XVI, p. 762.

²²) *Iord.* de reb. Got. c. 11: Dehinc regnante Gothis Burvista Diceneus venit in Gothiam, quo tempore Romanorum Sylla potitus est principatu. Quem Diceneus suscipiens Burvista dedit ei paene regiam potestatem; cuius consilio Gothi Germanorum terras, quas nunc Franci obtinent, depopulati sunt etc.

²³) *Suet.* Caes. 44: [Caesar destinabat] Dacos qui se in Pontum et Thraciam effuderant coercere, mox Parthis inferre bellum. Octav. 8: Caesare post receptas Hispanias expeditionem in Dacos et inde in Parthos destinante, [Octavianus] praemisus Apolloniam studiis vacavit. — *Vell. Pat.* II, 59, 4: [Caesar] patris bellis civilibus... Apolloniam eum [i. e. Octavianum] in studia miserat, mox belli Getici ac deinde Parthici habiturus commilitonem. — *App.* Illyr. 13: [Καῖσαρ] ἐστράτευσεν ἐπὶ Γέτας τε καὶ Παρθαίους. — *De b. civ.* II, 110: [Καῖσαρ] ἐπιόντι στρατίαν μα-

шества Бурвисты Мюлленгофъ ²⁷⁾ ставить между 49 и 44 гг. до Р. Х. на томъ основаніи, что Цезарь въ началѣ гражданскихъ войнъ получилъ подкрѣпленіе отъ царя вориновъ, то есть тавриковъ ²⁸⁾, которые тогда, стало быть, еще не были уничтожены Бурвистою. Относительно хронологическаго опредѣленія Иордана, по которому выступленіе на историческую арену Бурвисты и Декэвеза приходится на то время, когда Сулла овладѣлъ принципатомъ въ Римѣ, Мюлленгофъ замѣчаетъ, что „на показаніе столь ненадежнаго въ пользованіи своими источниками писателя мало можно полагаться“ ²⁹⁾. Однако, если мы примемъ во вниманіе, что съ одной стороны у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для заключенія о кратковременности правленія Бурвисты, а съ другой — что „для возрожденія ослабленнаго народа, сплоченія его въ одно крѣпкое цѣлое и совершенія такихъ огромныхъ походовъ, какіе приписываетъ Бурвистѣ Стравонъ, необходимы были многіе годы, то можно будетъ признать показаніе Иордана не слишкомъ противорѣчающимъ тому выводу, который Мюлленгофъ дѣлаетъ изъ сопоставленія свидѣтельствъ другихъ писателей. А въ такомъ случаѣ разворненіе гетами Ольвин и другихъ еллинскихъ городовъ на западномъ побережьи Понта падаетъ какъ разъ на время возвышенія Бурвисты.

Итакъ мы видимъ, что Мюлленгофъ, Бессель, Рёслеръ и Моммзенъ могли бы сослаться въ подтвержденіе своего мнѣнія только на одно мѣсто Стравона, гдѣ онъ, мимоходомъ говоря о паденіи царства Критаспра, называетъ виновниковъ этого паденія даками, да на два мѣста Светонія. Мюлленгофъ и Рёслеръ совершенно справедливо указываютъ, что древніе считали даковъ близкими родственни-

κράν ἐς τε Γέτας καὶ Παρθοαίους· Γέταις μὲν αὐστηρῆ καὶ φιλοπολέμῃ καὶ γείτοσι ἔθνεσι προεπιβουλεύων, Παρθοαίους δὲ τινόμενος τῆς ἐς Κράσσον παρασπονδῆσεως.—III, 25: Ἄφνω δὲ φήμη κατέβηκε Γέτας, τὸν θάνατον τὸν Καίσαρος πυθομένου, Μακεδονίαν πορθεῖν ἐπιτρέχοντα· Καὶ ὁ Ἀντώνιος τὴν βουλὴν ἤτει τὸν στρατὸν, ὡς Γέταις ἐπιθήσων δίχην· ἐς τε γὰρ Γέτας αὐτὸν πρὸ Παρθοαίων Καίσαρι παρασκευάσθαι καὶ τὰ Παρθοαίων ἡρεμεῖν ἐν τῇ πόρῳτι.

²⁷⁾ Ук. ст. стр. 459.

²⁸⁾ *Caes. de b. civ. I, 18. Cp. Zeuss, die Deutschen* стр. 239 сл.

²⁹⁾ Cp. *Niebuhr, Kl. hist. Schr. I* стр. 392, и *A. von Gutschmid* въ *Fleckenstein's Jahrbücher für cl. Philol.* т. 85 (1862) стр. 143: „Es scheint also dass Cass[iodorus] den Burvista zu hoch hinaufgerückt hat: er wird ihm in Ermangelung einer genauern Zeitbestimmung der Methode gemäss, wie er sonst die Jahrhunderte unter die Generationen verteilt, die Periode 90—57 v. Chr. zugewiesen haben“.

ками гетовъ ²⁰⁾ и нерѣдко смѣшивали ихъ между собою, причеиъ чаще называли гетовъ, какъ болѣе извѣстный народъ, вмѣсто даковъ, нежели наоборотъ. Нѣкоторые писатели даже признавали ихъ за одинъ и тотъ же народъ ²¹⁾, но противъ этого отождествленія достаточно говорить вышеприведенное ясное свидѣтельство Стравона, различающее ихъ по мѣсту жительства, и не менѣе вѣское и компетентное замѣчаніе Кассія Діона ²²⁾. Если же это не одинъ и тотъ же народъ, то названіе гетовъ вмѣсто даковъ или даковъ вмѣсто гетовъ у древнихъ писателей, говорящихъ о нашествіяхъ Бурвисты и о задуманномъ Цезаремъ походѣ, является только слѣдствіемъ смѣшенія этихъ народовъ. А въ такомъ случаѣ можно ли голословно утверждать, что Стравонъ ошибся во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ называетъ Бурвисту царемъ гетскимъ, и только въ одномъ мѣстѣ вѣрно называлъ даками виновниковъ паденія царства Критасира? Что ошиблись писатели, говорящіе о задуманномъ Цезаремъ походѣ противъ гетовъ, а не Светоній, называющій тотъ же народъ даками? По нашему мнѣнію нѣтъ. Мюлленгофъ и Рёслеръ должны были доказать, что Бурвиста царствовалъ надъ даками, а не выдавать это за аксіому.

Посмотримъ теперь, вѣроятнѣе ли считать интересующій насъ теперь народъ гетами, или даками? Стравонъ, какъ мы видѣли въ вышеприведенномъ мѣстѣ, оставляетъ въ сторонѣ древнѣйшій періодъ исторія гетовъ и прямо переходитъ къ Бурвистѣ. Допустимъ, что правы ученые, объясняющіе этотъ маневръ со стороны Стравона

²⁰⁾ Большинство новыхъ ученыхъ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи мнѣнію древности. Ср., кромѣ Мюлленгофа и Рёслера, Цейсса стр. 260 и др. и на русскомъ языкѣ специальную статью Ф. К. Бруна „О родствѣ гетовъ съ даками, сихъ послѣднихъ съ славянами и румыновъ съ римлянами“ въ *Зап. Од. Общ.* т. VII (1868) стр. 85 — 119 = *Черном.* т. I стр. 241 — 277, гдѣ приведены различныя мнѣнія новыхъ ученыхъ. Д. И. Мловайскій также посвятилъ вопросу о народности даковъ особую статью (*Труды Импер. Моск. Археол. Общества* т. III, 1873 г., стр. 290 сл.), въ которой является приверженцемъ стараго мнѣнія о кельтическомъ происхожденіи даковъ, но приводимыя имъ основанія въ пользу этого мнѣнія не могутъ выдержать серьезной критики (о кельтической теоріи вообще ср. Бруна *указ. ст.* стр. 257).

²¹⁾ Папр. Юстинъ (см. выше прим. 20), Плиніи (N. h. IV, 80) и др.

²²⁾ Р. vet. LXVII, 6: *Даховъ δὲ αὐτοὺς προσαγορεύω, ὡς περὶ καὶ αὐτοὶ ἑαυτοὺς καὶ οἱ Ῥωμαῖοι σφας ὀνομάζουσιν, οὐκ ἀγνοῶν διὰ τῶν Ἑλλήνων τινὰς Γέτας αὐτοὺς λέγουσιν, εἴτ' ὀρθῶς εἶτε καὶ μὴ λέγοντας· ἐγὼ γὰρ οἶδα Γέτας τοὺς ὑπὲρ τοῦ Αἴμου παρὰ τὸν Ἰστρὸν οἰκοῦντας.*

тѣмъ, что онъ ничего не зналъ о предшествовавшей исторіи гетовъ²³⁾; во всякомъ случаѣ изъ всего разсказа Стравона очевидно, что онъ считалъ Бурвисту царемъ тѣхъ именно гетовъ, которые жили по обѣ стороны Дуная²⁴⁾, почитали Замолксіда, сражались съ Лисимахомъ и пр. Далѣе, названные ученые говорятъ, что Бурвиста является во главѣ даковъ при первомъ же выступленіи ихъ на историческое поприще, что раньше о нихъ не было ни слуха, ни духа; между тѣмъ изъ словъ Стравона очевидно, что его геты были уже ранѣе извѣстны въ исторіи: онъ говоритъ, что Бурвиста засталъ страну въ упадкѣ послѣ періода несчастныхъ войнъ, возродилъ ее своими новыми учрежденіями, введенными при помощи Декэнея, и тѣмъ возвысилъ народъ до небывалой силы. Если отнести эти слова къ гетамъ, то они окажутся совершенно ясными и справедливыми: мы знаемъ, что даже послѣ освобожденія изъ подъ галатскаго ига гетамъ пришлось вести упорную борьбу съ бастарнами, въ которой ихъ сила дѣйствительно могла быть значительно ослаблена. Между тѣмъ, если отнести эти слова къ дакамъ, то придется недоумѣвать, что это были за войны, которыми они такъ были ослаблены. И Мюлленгофъ и Реслеръ считаютъ даковъ еракійскимъ народомъ, близко родственнымъ съ гетами и издавна жившимъ въ странѣ, впоследствии извѣстной подъ именемъ Дакии; однако во всѣхъ извѣстіяхъ писателей о волненіяхъ и передвиженіяхъ народовъ нѣтъ ни слова о дакахъ, самое имя ихъ впервые, если не ошибаемся, является только у Цезаря²⁵⁾. Далѣе, мы выше видѣли, что упоминаемое Діономъ Хрисостомомъ раззореніе гетами Олывіи и другихъ припонтійскихъ еллинскихъ городовъ по времени совпадаетъ съ возвышеніемъ Бурвисты и что на основаніи этого совпаденія мы считаемъ вполне возможнымъ раздѣлять общепринятое въ наукѣ мнѣніе, что виновникомъ этого раззоренія былъ именно Бурвиста. По хронологіи событій выходитъ, что погромъ припонтійскихъ городовъ предшествовалъ борьбѣ Бурвисты съ еракійцами, иллирійцами и галатами (скордисками, боями и таврисками). Направленіе завоевательныхъ стремленій прежде всего противъ припонтійскихъ городовъ является совершенно естественнымъ

²³⁾ А. *Itinopolis*, De Zamolxido (1854) § 17. *Bessell*, de reb. Get. стр. 69.

²⁴⁾ Ср. р. 295: Οἱ τοίνυν Ἕλληνες τοὺς Γέτας Ἐράκας ὑπελίμβανον ἕκαστον ἐξ ἑαυτῶν τοῦ Ἰστρου καὶ οὗτοι καὶ οἱ Μυσοὶ Ἐράκας ὄντες καὶ αὐτοὶ καὶ οὐκ οὖν Μοισσοὺς καλοῦσιν κτλ.

²⁵⁾ *Caes. De b. Gall. VI, 25.*

для гетовъ, жившихъ на нижнемъ Дунаѣ и сѣвернѣе его до Днѣстра, въ близкомъ сосѣдствѣ съ этими городами; между тѣмъ, если бы Бурвиста царствовалъ надъ даками, жившими далѣе къ западу, то такое направленіе похода не могло бы не казаться страннымъ: что могло бы побудить его предпринять длинный путь черезъ чужую страну противъ нѣсколькихъ обѣднѣвшихъ еллинскихъ колоній, когда прямо предъ его глазами къ югу отъ Дуная разстилались богатяя земли? Наконецъ самымъ важнымъ аргументомъ противъ оспариваемаго нами мнѣнія представляется намъ свидѣтельство Діона Хрисостома, прямо называющаго гетами виновниковъ разоренія Ольвин и другихъ городовъ. Объ этомъ разореніи Діонъ безъ сомнѣнія узналъ именно въ Ольвин, то есть отъ правнуковъ и внуковъ тѣхъ лицъ, которымъ пришлось пережить всѣ ужасы погрома. Неужели же можно думать, что современные Діону Ольвиополиты не знали уже настоящаго имени виновниковъ погрома, бывшаго всего за полтора столѣтія предъ тѣмъ, или обозначали ихъ не тѣмъ именемъ, которымъ тѣ сами себя называли? Наконецъ нужно принять во вниманіе и то, что Діонъ спеціально интересовался исторіею гетовъ, былъ въ ихъ землѣ и написалъ о нихъ цѣлое сочиненіе, къ сожалѣнію до насъ не сохранившееся²⁶⁾, такъ что долженъ былъ хорошо знать ихъ историческія судьбы и въ частности фактъ ихъ нашествія на припонтійскіе города. На основаніи этихъ соображеній слѣдуетъ, мнѣ кажется, признать свидѣтельство Діона вполне достовѣрнымъ и не допускающимъ опроверженія²⁷⁾.

²⁶⁾ *Филостр.* Жизнеоп. сое. I, 7, 1: 'Ως δὲ καὶ ἱστορίαν ἰκανὸς ἦν συγγράφειν [ὁ Δίων], δηλοῖ τὰ Γετικά· καὶ γὰρ δὴ καὶ ἐς Γέτας ἦλθεν, ὅποτε ἤλθο. *Iord.* de reb. Get. 5: ... paene omnibus barbaria Gothi sapientiores semper exstiterunt Graecisque paene consimiles, ut refert Dio, qui historias eorum annalesque Graeco stilo composuit.—с. 9: Dio historicus et antiquitatum dilligentissimus inquisitor, qui operi suo Getica titulum dedit (quos Getas iam superiore loco Gothos esse probavimus, Orosio Paulo dicente) etc.

²⁷⁾ Относясь съ довѣріемъ къ свидѣтельству Діона, мы ерво должны признать не заслуживающимъ никакого вниманія мнѣніе *Бесселя* (de reb. Get. стр. 78), что припонтійскіе города опустошили не геты и не даки, а бастарны, или язгы, или сарматы, или роксоланы. Одинъ изъ главныхъ аргументовъ въ пользу этого мнѣнія выраженъ у *Бесселя* въ слѣдующихъ словахъ: „Apparet autem, quam facile res illae confundi potuerint a scriptore multo aetate posteriore, praesertim quum nomen Getarum alii genti indutum magno terrore aures Romanorum affecerit“. При такомъ возвращеніи на единственный источникъ, изъ котораго мы знаемъ о разореніи Ольвин, можно съ одинаковымъ правомъ доказывать, что этого разоренія никогда не было, или что виновникомъ его была любая народъ изъ числа жившихъ тогда на широкомъ пространствѣ Сарматской равнины.

Такимъ образомъ мы въ конечномъ результатѣ приходимъ именно къ тому взгляду, котораго сознательно или бессознательно держится большинство новыхъ ученыхъ, то есть мы полагаемъ: 1) что виновниками разоренія Ольвии были именно геты, а не какой либо другой народъ; 2) что ихъ нашествіе было совершено подъ предводительствомъ Бурвисты (или по крайней мѣрѣ одного изъ его полководцевъ) и относится къ первымъ временамъ его завоевательной дѣятельности⁸⁶⁾.

ГЛАВА VI.

Возрожденная Ольвия.

Разоренная до тла гетами Ольвия вскорѣ была восстановлена прежними жителями, разбѣжавшимися при нападеніи гетовъ по всей вѣроятности въ греческіе города Таврическаго полуострова. Діонъ Хрисостомъ рассказываетъ, что окрестные скиены сами пожелали восстановления города вслѣдствіе того, что послѣ его разоренія греческіе купцы перестали пріѣзжать туда, не находя соплеменниковъ, съ которыми они могли бы вести сношенія, а между тѣмъ скиены, пужаясь въ греческихъ торговцахъ для сбыта своихъ товаровъ и приобрѣтенія греческихъ, въ то же время сами не хотѣли и не могли устроить торговли на греческій манеръ¹⁾. Съ тѣхъ поръ начинается въ жизни Ольвии новый періодъ, который можно вмѣстѣ съ графомъ Уваровымъ охарактеризовать названіемъ греко-скиенскаго и въ теченіи котораго мы можемъ до нѣкоторой степени прослѣдить жизнь

⁸⁶⁾ Взаимныя отношенія гетовъ и даковъ въ это время мы представляемъ себѣ слѣдующимъ образомъ. Бурвиста гетскій, возродивъ и усиливъ свой народъ, распространилъ свое владычество и на соседнихъ даковъ, до того времени слабыхъ и незавѣтныхъ, и такимъ образомъ соединилъ двѣ родственныя націи въ одну. Послѣ его смерти царство его распалось на четыре части; даки, благодаря благоприятнымъ обстоятельствамъ, стали возвышаться и усиливаться, тогда какъ геты все болѣе ослабѣвали. Такимъ образомъ нѣмъ даковъ сдѣлалось гораздо болѣе извѣстно въ римскія времена.

¹⁾ Непосредственно послѣ словъ, приведенныхъ въ прил. 1 къ предыдущей главѣ, Діонъ продолжаетъ: ἀρόντες δὲ τότε οἱ Βουρβιστιῆται πάλιν συνήχθησαν ἐβελόντων, ἐμοὶ δοκεῖ, τῶν Σκυθῶν διὰ τὸ δεῖσθαι τῆς ἐμπορίας καὶ τοῦ κατάπλου τῶν Ἑλλήνων. ἐπαύσαντο γὰρ εἰσπλέοντες ἀναστάτου τῆς πόλεως γενομένης, ὅτι οὐκ ἔχοντες ὁμοφώνους τοὺς ὑποδεχομένους οὐδὲ αὐτῶν Σκυθῶν ἀξιούτων οὐδὲ ἐπιταμένων ἐμπόριον αὐτῶν κατασκευάσασθαι τὸν Ἑλληνικὸν τρόπον.

Ольвиополитовъ на протяженіи почти трехъ столѣтій, до царствованія Александра Севера включительно. Существующій въ настоящее время матеріалъ, главнымъ образомъ епиграфическій и отчасти литературный, даетъ очень мало свѣдѣній объ отдѣльныхъ политическихъ событіяхъ, но для общей характеристики положенія города и его жителей можно вывести изъ него довольно много данныхъ. Къ крайнему сожалѣнію приходится немедленно оговориться, что сохранившіяся въ значительномъ количествѣ Ольвійскія надписи этого періода заключаютъ въ себѣ очень мало опредѣленныхъ хронологическихъ указаній, такъ что въ большинствѣ случаевъ мы не можемъ сказать наѣрное, отнесется ли извѣстное свидѣтельство къ I, II или III в. по Р. X. Однако, въ виду того, что у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, изъ которыхъ слѣдовало бы заключать, что въ Ольвіи происходили въ теченіи этого времени значительные перевороты, вносившіе въ жизнь гражданъ коренныя измѣненія, намъ кажется, что для характеристики положенія Ольвіи за это время можно пользоваться всѣми представляющимися епиграфическими свидѣтельствами въ ихъ настоящемъ видѣ, то есть, безъ возможности строго разграничить ихъ хронологически. Впрочемъ, предварительно отмѣтимъ тѣ скудныя хронологическія указанія, которыя въ нихъ имѣются²⁾.

§ 1. Замѣчанія о времени надписей греко-скизосаго періода.

Для удобства обозрѣнія хронологическихъ данныхъ, встрѣчающихся въ надписяхъ, мы подраздѣлимъ ихъ на абсолютныя и относительныя, разумѣя подъ первыми тѣ, которыми приблизительно опредѣляется время надписей на основаніи упоминанія въ нихъ о тѣхъ или другихъ историческихъ событіяхъ или лицахъ, или на основаніи встрѣчающихся въ нихъ именъ, а подъ вторыми тѣ, которыми опредѣляется временное отношеніе двухъ или нѣсколькихъ надписей, упоминающихъ объ однихъ и тѣхъ же лицахъ, или членахъ одного и того же рода. На основаніи тѣхъ и другихъ данныхъ довольно многіе документы могутъ быть выдѣлены въ большія или меньшія группы, тогда какъ для остальныхъ приходится пока довольствоваться самыми общими опредѣленіями по палеографическимъ, орфографическимъ и другимъ признакамъ, которые, какъ извѣстно,

²⁾ Уже графъ Уваровъ (Исслѣд. стр. 93 сл.) расположилъ извѣстныя ему надписи этого періода въ опредѣленномъ хронологическомъ порядкѣ, но совершенно произвольно.

именно для надписей римскихъ временъ служатъ весьма ненадежнымъ критеріемъ.

Абсолютныя данныя встрѣчаются въ слѣдующихъ документахъ нашего сборника:

1. № 102 относится къ царствованію Тиберія; №№ 47 и 103 будутъ поколѣніемъ моложе, если принять весьма вѣроятное предположеніе Летронна и Бѣка, что упомянутый въ нихъ Оронть былъ сынъ именно того Авава, которому принадлежитъ № 102. (Въ № 47 отецъ Оронта прямо называется μέγχι Σεβαστῶν γυνώσκως προκόψας).

2. Лицо, упоминаемое въ № 115, судя по его имени, родилось не раньше царствованія Веспасіана; а такъ какъ памятникъ поставленъ уже послѣ смерти этого лица, то долженъ относиться уже къ 1-й половинѣ II в. по Р. X.

3. Лица, упоминаемыя въ №№ 56 и 76 (М. Облκιος Πόρρος) и 116 (М. Облκιος Παρθενοκλής), судя по именамъ, родились не раньше царствованія Траяна. № 110 будетъ приблизительно одного времени съ № 116, если признать упоминаемаго въ нихъ Дада сына Сосивія за одно и то же лицо.

4. Въ №№ 53, 59 и 80 встрѣчаются лица, носящія имя Αἴλιος или Πόκλιος Αἴλιος и, стало быть, жившія не раньше времени Адриана.

5) № 97 относится къ времени отъ 196 до 198 года. № 24 долженъ быть признанъ нѣсколько позднѣе этого документа, такъ какъ издавъ по всей вѣроятности уже послѣ смерти того Каллисѣена Каллисѣенова, который въ № 97 упоминается, какъ живое лицо ²⁾. № 24 въ свою очередь даетъ основаніе для приблизительнаго опредѣленія времени № 59, если признать вѣрнымъ наше возстановленіе [Φλαί]μναγος Θρασυβούλου: это лицо могло быть отцомъ или сыномъ упоминаемаго въ № 24 Θрасивула Флимнагова. Далѣе, если обратить вниманіе на то, что въ № 59 рядомъ съ этимъ Флимнагомъ названъ Πόκλιος Αἴλιος Ἀργαμηνός, то съ большею вѣроятностью можно будетъ признать Флимнага отцомъ вышеупомянутаго Θрасивула, такъ какъ, если бы онъ былъ его сыномъ, то документъ № 59 относился бы уже къ III в. по Р. X., а обычай давать имена въ честь Адриана врядъ ли существовалъ въ Ольвіи такъ долго. Если же Флимнагъ былъ отцомъ Θрасивула, то документъ этотъ будетъ относиться приблизи-

²⁾ Декретъ въ честь Θεοκλα сына Сатирова (№ 22), какъ мы уже замѣтили въ примѣчаніи къ нему, долженъ быть близокъ по времени къ № 24, судя по значительному сходству заголовковъ.

тельно къ 3-й четверти II в., когда еще легко могло быть въ живыхъ лицо, родившееся въ царствованіе Адриана.

6. Къ царствованію Септимія Севера относимъ мы и декретъ № 33 (см. примѣчаніе къ нему въ сборникѣ).

7. № 109 относится къ промежутку времени отъ 198 до 209 года.

8. № 97¹ (add. стр. 222) относится къ царствованію Севера Александра.

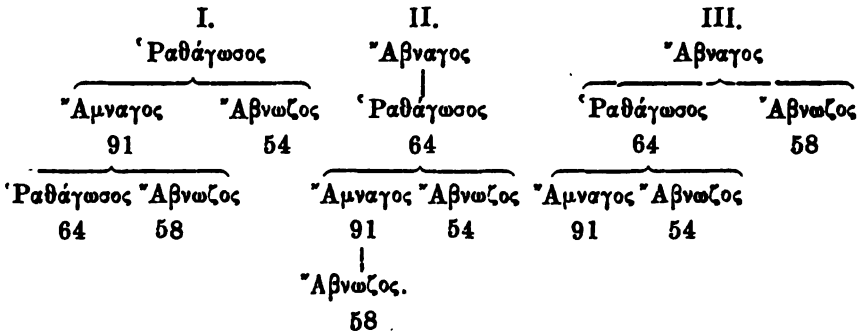
Вотъ, кажется, и всё опредѣленія, которыя можно сдѣлать на основаніи абсолютныхъ данныхъ. Они касаются всего семнадцати документовъ. Обратимся теперь къ даннымъ относительнымъ. Прежде всего необходимо замѣтить, что всё онѣ представляются гораздо менѣе прочными, чѣмъ предыдущія, такъ какъ въ нихъ все основано на теоріи вѣроятностей. Встрѣчая, напримѣръ, въ двухъ документахъ одно и то же имя, положимъ *Εὐκλῶς Καλανδίωνος* въ №№ 58 и 63, мы предполагаемъ, что это одно и то же лицо, но навѣрное этого сказать не можемъ; точно такъ же, встрѣчая, напримѣръ, въ №№ 58 и 75 имя *Ποῦταχὸς Νεκίῳ*, а въ №№ 50 и 65—имя *Νεκίῆς Ποῦταχῶ*, мы, имѣя въ виду общераспространенный у грековъ обычай употребленія однихъ и тѣхъ же именъ чрезъ поколѣнія, то есть отъ дѣда къ внуку, предполагаемъ, что первое лицо было отцемъ или сыномъ второго, но и за это предположеніе поручиться не можемъ. Наконецъ, встрѣчая въ разныхъ документахъ нѣсколько сходныхъ именъ, полагаемъ, еще съ меньшей степенью вѣроятности, что носившія ихъ лица принадлежали къ одному и тому же роду. Въ Ольвійскихъ документахъ римскихъ временъ всё указанные случаи попадаются довольно часто; вѣроятность выводовъ, которые могутъ быть сдѣланы на основаніи одинаковости или сходства именъ въ разныхъ надписяхъ, увеличивается для Ольвии тѣмъ, что въ ея демократическомъ устройствѣ за это время довольно ярко просвѣчиваютъ аристократическія тенденціи ⁴⁾, при которыхъ высшія государственныя должности дѣйствительно могли сосредоточиваться въ рукахъ немногихъ выдающихся родовъ и одни и тѣ же лица могли неоднократно занимать различныя должности. Если, придерживаясь этихъ соображеній, приступить къ выводамъ, какіе могутъ быть сдѣланы на основаніи упоминаній объ однихъ и тѣхъ же лицахъ въ разныхъ документахъ, то значительное количество ихъ можно будетъ соединить въ двѣ группы, изъ которыхъ одна будетъ на одно поколѣніе древнѣе или позднѣе другой.

⁴⁾ Доказательства см. ниже, въ 1-й главѣ 2-й части.

Прежде всего обратимъ вниманіе на двѣ группы именъ, изъ которыхъ одной мы только мимоходомъ коснулись въ сборникѣ ¹⁾, а другой совсѣмъ не касались. Первая группа состоитъ изъ именъ:

- Ἄβνωζος Ῥαθαγώσου (№ 54),
 Ἄβνωζος Ἀβνάχου (№ 58),
 Ῥαθάγωσος Ἀβνάγου (№ 64),
 Ἄμναγος Ῥα[θαγώσου] (№ 91).

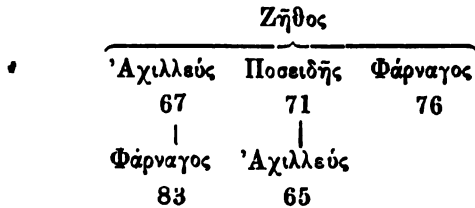
Формы Ἄβναγος, Ἄβναχος и Ἄμναγος—очевидно варианты произношенія одного и того же имени; въ такомъ случаѣ принадлежность названныхъ 4-хъ лицъ къ одному и тому же роду не можетъ не представляться весьма вѣроятною. Родство ихъ между собою однако могло быть различно, какъ это можно наглядно видѣть въ слѣдующихъ примѣрныхъ родословіяхъ:

Вторая группа состоитъ изъ лицъ съ слѣдующими именами:

- Ἀχιλλεύς Ποσειδήου (№ 65),
 Ἀχιλλεύς Ζήθου (№ 67),
 Φάρναγος Ζήθου (№ 71),
 Ποσειδῆς Ζήθου (№ 76),
 Φάρναγος Ἀχιλλέος (№ 83).

Для этой группы можетъ быть предположено слѣдующее родословіе:

¹⁾ *Ивсч. Р. I* стр. 125, пр. 2.

Обращаясь теперь къ группировкѣ документовъ по встрѣчающимся въ нихъ именамъ, мы естественно принуждены будемъ останавливаться главнымъ образомъ на тѣхъ, въ которыхъ встрѣчается наибольшее количество именъ, то есть на надписяхъ о посвященіяхъ божествамъ разныхъ предметовъ отъ имени коллегій должностныхъ лицъ. Уже въ первомъ документѣ этой серіи (№ 50) мы встрѣчаемъ три имени, интересныхъ для насъ въ данномъ случаѣ: Ἀχιλ[λεὺς] Δημητρίου, фигурирующей здѣсь въ качествѣ перваго изъ 5 членовъ коллегіи стратиговъ, является однимъ изъ архонтовъ въ № 98; Νομμήνιος Ῥαδαμφώντος встрѣчается, также въ роли стратига, въ № 58, а Νεχίας Ποντικῆς—въ № 65. Вотъ уже четыре приблизительно одновременныхъ документа. Обращаясь къ № 58, мы замѣчаемъ, что записанный въ немъ въ качествѣ президента стратиговъ Ὀμφάλαος Εὐρησίβιου—по всей вѣроятности тотъ самый, который записанъ первымъ архонтомъ въ № 21, стратигъ Εὐπλοῦς Καλανδίωνος встрѣчается снова въ № 63, а стратигъ Ἀβνωζος Ἀβνάχοο по вышеизложеннымъ родословіямъ I и III могъ быть братомъ Равагоса Авнакова, являющагося президентомъ стратиговъ въ № 64. Переходя по порядку къ № 63, мы видимъ, что въ немъ во главѣ коллегіи стратиговъ записанъ Ποσειδῆς Σατόρου—безъ сомнѣнія тотъ самый, въ честь котораго издавъ декретъ № 25. Въ № 64 отмѣтимъ имя Εὐρησίβιος Ἀμφομάροο для будущихъ соображеній. Въ № 65 между стратигами встрѣчается Ἀχιλλεὺς Ποσειδῆου,—одно изъ лицъ вышеприведеннаго примѣрнаго родословія, въ случаѣ вѣрности котораго документъ № 83, въ которомъ записанъ двоюродный братъ этого Ахилла, также долженъ быть приблизительно одного съ нимъ времени. Въ № 98, одновременно съ № 50, имя перваго архонта восстановлено нами Σ[άτορος Ἀρταμιδῶ]ροο τὸ β' изъ № 82, изданнаго въ первое архонство этого лица; въ числѣ архонтовъ въ № 98 записанъ Ζώβεις Ζώβει—по нашему предположенію одно лицо съ Ζώβεις Ζώβειτος, записаннымъ въ качествѣ стратига въ № 67 рядомъ съ Ἀχιλλεὺς Ζήθου, который по нашему родословію будетъ дядею упомянутаго Ахилла и Посидея (№ 65), отцомъ Фарнага (№ 83) и братомъ Фарнага (№ 71) и Посидея (№ 76); послѣдній является въ 3-й разъ президентомъ агораномовъ въ томъ году, когда первымъ архонтомъ былъ М. Ульвій Пирръ, сынъ Арсеваха. Имя послѣдняго даетъ намъ право считать всѣ разсмотрѣнные документы не древнѣе 1-й половины II в. по Р. Хр. Такимъ образомъ получилось уже около дюжины документовъ, которые съ большимъ или меньшимъ правомъ могутъ быть признаны приблизительно одновременными.

Проводя далѣе наше изслѣдованіе, обратимъ вниманіе на тѣхъ лицъ, которыя могутъ быть признаны отцами или сыновьями лицъ, названныхъ въ вышеприведенныхъ документахъ, которые мы будемъ называть документами первой группы. Ποντικός Νεικίου — отецъ или сынъ Никія, упомянутого въ № 50, въ № 52 записанъ въ числѣ стратиговъ, а въ № 75 — первымъ архонтомъ. Президентомъ коллегіи стратиговъ въ № 52 является Ἀργουάναγος Καράϊτου, отецъ или сынъ котораго Κάραιτος записанъ въ числѣ стратиговъ въ надписи № 80. Сослуживцемъ Каракста является Πόπλιος Αἴλιος Ἀχιλλεύς, имя котораго заставляетъ считать № 80 не древнѣе царствованія Адріана и такимъ образомъ присоединяетъ новое хронологическое указаніе къ тому, которое уже дано намъ именемъ М. Ульпія Пирра. Далѣе въ томъ же № 50 записанъ, какъ мы знаемъ, Ἀχιλλεύς Δημητρίου; отецъ или сынъ его Δημήτριος Ἀχιλλεύς находится въ числѣ архонтовъ въ документѣ № 77, который на ряду съ №№ 50 и 58 является весьма важнымъ для нашихъ хронологическихъ соображеній. Въ этомъ же документѣ записаны: Ἀμφρόμαρος Εὐρησιβίου, отца или сына котораго мы уже видѣли въ № 64, Ποορθαῖος [Ποορ]θαίου — можетъ быть отецъ или сынъ архонта, записаннаго въ № 98 (имя котораго можно дополнить Ποορθαῖος β), и Ἀναξιμένης Σωκράτους, вѣроятно принадлежащій (какъ мы уже замѣтили въ сборникѣ, стр. 115) къ одному роду съ Антифонтомъ Анаксименовымъ, упомянутымъ въ № 22, и Сократомъ Антифонтовымъ (№ 78). Послѣдній былъ членомъ коллегіи архонтовъ, президентомъ которой былъ Νεικῆρατος Νεικῆρατου νεώτερος; мы уже замѣтили въ сборникѣ, что отцомъ послѣдняго, вѣроятно, былъ Νεικῆρατος Νεικῆρατου ὁ καὶ Ὀμφάλαχος, надгробный памятникъ котораго сохранился до нашего времени (№ 122). Если надпись № 22 дѣйствительно относится, какъ мы предполагаемъ, приблизительно къ одному времени съ № 24, то есть къ концу II или началу III в. по Р. Хр., и если упоминаемый въ ней Антифонть былъ отцомъ Сократа, названнаго въ № 78, то послѣдній документъ будетъ относиться приблизительно къ 1-й половинѣ III в., а памятникъ Никирата старшаго — приблизительно къ одному времени съ № 22. Далѣе, Антифонть могъ быть сыномъ Анаксимена, упомянутого въ № 77; если признать современниковъ послѣдняго, упомянутыхъ въ томъ же и въ другихъ документахъ, сыновьями лицъ, названныхъ въ документахъ первой группы, то эти послѣдніе придется поставить двумя поколѣніями выше Антифонта и его современниковъ, то есть отнести приблизительно къ началу II в. по Р. Хр.;

этому выводу однако будутъ препятствовать имена М. Ульпія и П. Элія, встрѣчающіяся въ первой группѣ. Поэтому вѣриѣе, кажется, признать современниковъ Анаксимена отцами лицъ, упоминаемыхъ въ документахъ первой группы, а этихъ послѣднихъ—приблизительно современниками Антифонта, Θεокла и др. Само собою разумѣется, что понятіе о современности здѣсь нужно брать въ самомъ широкомъ смыслѣ, то есть относить документы первой группы ко всей второй половинѣ II в. и къ началу III-го, и что наши выводы, какъ мы вараѣе оговорились, никакъ не могутъ претендовать на полную достоверность и пока могутъ служить лишь для приблизительной ориентировки въ вопросѣ о времени разсмотрѣнныхъ документовъ. Мы не сомнѣваемся однако, что послѣдующія епиграфическія открытія въ Ольвіи (на которыя еще вполне возможно рассчитывать) представятъ еще не мало новыхъ данныхъ для пополненія и исправленія хронологической группировки документовъ, для которой мы представили первую попытку. Въ заключеніе ея мы для наглядности сопоставляемъ еще разъ №№ документовъ, которые по нашимъ соображеніямъ оказываются приблизительно одновременными:

1-е поколѣніе: 52. 54. 67. 71. 75. 76. 77. 91.

2-е поколѣніе: 21. 22. 24. 25. 50. 58. 63. 64. 65. 67. 80. 82. 83. 98. 122.

3-е поколѣніе: 78.

§ 2. Очеркъ внутренняго состоянія Ольвіи въ греко-скизскомъ періодѣ.

Покончивъ съ вопросомъ о хронологіи документовъ, обратимся къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя эти документы и писатели (главнымъ образомъ Діонъ Хрисостомъ) сообщаютъ намъ о положеніи Ольвіи въ этомъ второмъ періодѣ ея существованія. Займемся сначала внѣшнимъ видомъ города во времена Діона Хрисостома, посѣтившаго его чрезъ полтора ста лѣтъ послѣ гетскаго погрома.

Разрушенный гетами городъ былъ возстановленъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ и прежде ¹⁾, но еще во времена Діона представлялъ весьма печальное зрѣлище. Возвратившіеся по желанію скивовъ на старое пепелище Ольвіополиты обнищали до такой степени, что не имѣли возможности отстроить городъ какъ слѣдуетъ и возстановили его лишь на скорую руку. Въ такомъ видѣ онъ оста-

¹⁾ Прямое показаніе объ этомъ Діона см. выше на стр. 27.

вался еще и при Діонѣ. Новое поселеніе занимало лишь небольшую часть прежней городской черты, на которой еще стояло нѣсколько башенъ, не соответствовавшихъ уже ни величинѣ, ни силѣ возобновленнаго города; нѣкоторыя изъ нихъ стояли такъ далеко отъ него, что невозможно было представить себѣ, чтобы онѣ когда нибудь принадлежали къ тому же городу. Новый городъ состоялъ изъ тѣсно скученныхъ домишекъ, обнесенныхъ низенькою и непрочною стѣною. Изъ зданій его Діонъ упоминаетъ только о храмахъ Ахилла и Зевса; въ послѣднемъ обыкновенно происходили засѣданія совѣта; онъ стоялъ внутри города на просторной площади, на возвышенномъ стилобатѣ съ нѣсколькими ступенями ²⁾. Въ храмахъ и на надгробныхъ памятникахъ Діонъ не видалъ ни одной цѣлой статуи; всѣ онѣ были изуродованы гетами и оставались въ попорченномъ видѣ. — Однако изъ ениграфическихъ документовъ мы видимъ, что жители обращали вниманіе на улучшеніе вѣншаго вида города постройкою новыхъ зданій, или починкою пришедшихъ въ ветхость или попорченныхъ при нападеніяхъ непріятелей. Обыкновенно такія постройки или починки брали на себя отдѣльные богатые граждане или коллегіи должностныхъ лицъ ³⁾. Такъ въ числѣ заслугъ Теокла Сатинова (№ 22)

²⁾ Д. Хрис. v. II р. 81 R. Βούλεσθε, ἔφην, καθιζόμεθα ἰόντες ποι τῆς κόλως;... ὡς δὲ τοῦτο εἶπον, εὐθὺς ᾤρησαν ἅπαντες εἰς τὸ τοῦ Διὸς ἱερόν, οὐκ ἄρ εἰώθειν βουλευέσθαι, καὶ οἱ μὲν πρεσβύτατοι καὶ οἱ γυναικώτατοι καὶ οἱ ἐν ταῖς ἀρχαῖς κύκλῳ καθίζοντο ἐπὶ βάθρων, τὸ δὲ λοιπὸν πλῆθος ἐφειστέχεσσαν ἦν γὰρ εὐροχώρα πολλὴ πρὸ τοῦ νεώ. Культъ Зевса неоднократно упоминается въ Ольвийскихъ надписяхъ. По настоящее время известны четыре прованія, подъ которыми почитался Зевсъ: Σωτήρ (*Изсл. Р. №№ 12, 91, 92*), Βασιλεύς (*№ 105*), Ὀλβιος (*№ 24*) и Πολιάρχης (*№ 101*). Для служенія Зевсу Спасителю и Зевсу Счастливому были, какъ кажется, избираемы особые жрецы и, стало быть, должны были существовать и разные храмы или вообще мѣста культа. Если Діонъ Хрисостомъ упоминаетъ только объ одномъ храмѣ, то изъ этого не слѣдуетъ, что въ городѣ не было другаго; очень можетъ быть, что слова „οὐκ ἄρ εἰώθειν βουλευέσθαι“ прибавлены Діономъ именно для отличія упоминаемаго имъ храма отъ другаго. Этотъ храмъ наши исследователи помѣщаютъ обыкновенно на народной площади Ольвии, но въ пользу этого мнѣнія нѣтъ вѣскихъ данныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ основаніи можемъ мы напр. утверждать видѣть съ графомъ Уваровымъ (*Изсл. стр. 59*), что „въ Ольвии была только одна пространная площадь, а именно та, которая лежала возлѣ акрополя?“ Гр. Уваровъ говоритъ даже вполнѣ опредѣленно о мѣстѣ храма, именно ставитъ его на курганѣ, видномъ еще и теперь среди мѣстности, которую исследователи принимаютъ за народную площадь.

³⁾ Графъ Уваровъ (*Изсл. стр. 87*) замѣчаетъ, что „всѣ поправки дѣлались большею частью усердными гражданами, на свой собственный счетъ, ибо городская казна совершенно обдѣнѣла“. Нельзя сказать навѣрно, чтобы граждане были ру-

выставляется на видѣ то, что онъ потрудился въ попеченіи о работахъ и въ постройкахъ, такъ что благодаря ему городъ сталъ красивѣе и славнѣе; между прочимъ онъ имѣлъ попеченіе о постройкѣ гимнасія, въ которомъ за это послѣ его смерти былъ поставленъ его поясной портретъ. Предки Каллисеева Каллисеенова, виднаго государственнаго дѣятеля времянь Септимія Севера, заботились о возстановленіи города, вѣроятно послѣ гетскаго погрома (№ 24). Анаксименъ Посидіевъ съ братьями построилъ башню, которую и посвятилъ Зевсу Полиарху и народу на счастье (№ 101). Гражданинъ Ававъ Каллисееновъ, неизвѣстными намъ путями „высившійся до извѣстности императорамъ“ Августу и Тиберію, посвятилъ имъ и народу построенный имъ на собственный счетъ портикъ (№ 102)⁴⁾. Здѣсь-же кстати упомянемъ, что въ честь Ававова сына Оронта домоправитель его Діомидъ построилъ особую экседру (№ 103). Въ № 104 можетъ быть упоминается о починкѣ или перестройкѣ театра, предпринятой также однимъ частнымъ человекомъ⁵⁾. Коллегія стратиговъ подъ предсѣдательствомъ Омисалака

проводимы въ такихъ случаяхъ исключительно желаніемъ помочь бѣдственному положенію казны; немаловажнымъ стимуломъ могло быть и тщеславіе, желаніе увѣковѣчить свое имя посредствомъ надписей на постройкѣ, или получить благодарность отъ отечества, которое высоко цѣнило каждую подобную заслугу; и въ которомъ могло руководить и благородное соревнованіе къ славы и красотѣ роднаго города и пр., однимъ словомъ причины могли быть весьма различны. Противъ мнѣнія гр. Уварова можно замѣтить и то, что само правительство по мѣрѣ возможности заботилось о постройкѣ новыхъ зданій или починкѣ существующихъ.

⁴⁾ Для какой цѣли служилъ этотъ портикъ и въ какомъ мѣстѣ города находился, нѣвѣрное сказать мы, конечно, не можемъ. Возможно однако предположеніе, что онъ былъ предназначенъ служить мѣстомъ собраній гражданъ для бесѣдъ о политическихъ, общественныхъ и торговыхъ дѣлахъ и потому былъ выстроенъ гдѣ нибудь въ близкомъ соседствѣ съ городской площадью, на которой граждане, вѣроятно, по общегреческому обыкновенію проводили большую часть своего времени.

⁵⁾ Первое упоминаніе о театрѣ находится еще въ надписи въ честь Калинина Евксеева (№ 12), относящейся къ IV в. до Р. Хр. Тогда театръ служилъ въ Ольвиѣ, какъ и въ многихъ другихъ еллиническихъ городахъ, мѣстомъ торжественнаго провозглашенія наградъ, дарованныхъ вѣчемъ тому или другому заслуженному дѣятелю. Относительно мѣстоположенія театра знакомые съ мѣстностью города исследователи не говорятъ ровно ничего, хотя отысканіе въ ней такого пункта, который бы по физическимъ условіямъ болѣе другихъ соответствовалъ требованіямъ древней театральной архитектуры, едвали-ли можетъ представить непреодолимые трудности. Намъ кажется, что искать его слѣдуетъ гдѣ нибудь на береговомъ скатѣ къ Вугу.

Еврисивіева, вмѣсто принесенія обычнаго дара своему покровителю Аполлону Простату, позаботилась о починкѣ Аполлонова храма, именно возобновила крышу и недостававшія части кругомъ всего зданія, попорченныя, быть можетъ, при нападеніи тѣхъ самыхъ враговъ, на которыхъ эти стратиги „свели трофееносную побѣду“ (№ 58) ⁶⁾. Подобную-же починку въ „молеельнѣ“, то есть, вѣроятно въ мѣстѣ. культа Ахилла Понтарха, произвела коллегія архонтовъ подъ предсѣдательствомъ С[атира сына Артемидо]ра, исполнявшаго вторично эту должность (№ 98) ⁷⁾. Само правительство отъ времени до времени заботилось о постройкѣ новыхъ зданій или починкѣ существующихъ. Такъ въ № 61 мы читаемъ, что при стратигахъ Папіи Праксіанактовъ съ товарищами „были починены портики храма [Аполлона Простата] изъ общественнаго дохода“ ⁸⁾. По вступленіи на престолъ Септимія Севера Ольвіополиты, формально признавшіе надъ собою верховную власть римлянъ, поспѣшили заявить о своей преданности императорскому дому постройкою на общественный счетъ бани, которую и посвятили „отеческимъ богамъ и за вѣчное пребываніе“ императора, его наслѣдника Каракаллы и всего императорскаго дома. Со-

⁶⁾ Мѣсто этого храма нельзя указать съ достовѣрностью. Для опредѣленія его имѣли бы весьма важное значеніе указанія на мѣсто находки большинства записей о посвященіяхъ стратиговъ, такъ какъ эти записи по всей вѣроятности ставились если не въ самомъ храмѣ, то въ его оградѣ, или вообще въ ближайшемъ соседствѣ; но къ сожалѣнію такія указанія встрѣчаются очень рѣдко при изданіяхъ надписей, а кромѣ того нѣкоторые камни найдены навѣрное не на мѣстѣ ихъ первоначальнаго находенія (напр. № 50—въ семи верстахъ отъ Ольвии въ Адигельскомъ городкѣ, № 68—въ одномъ изъ окружающихъ Ольвию кургановъ). Графъ Уваровъ (*Изм.* стр. 48) ставитъ храмъ Аполлона „въ акрополѣ“, на томъ мѣстѣ, гдѣ найдено много разнородныхъ Ольвійскихъ надписей, но его соображенія основаны исключительно на теоріи вѣроятностей; между прочимъ у насъ нѣтъ никакихъ основаній для отождествленія мѣста, называемаго въ надписяхъ „ἐπιστημότατος τῆς πόλεως τόπος“, съ храмомъ Аполлона или его оградой.

⁷⁾ Объ этой проσαυχή см. ниже во 2-й части.

⁸⁾ Ἐπί τοῖς αὐτοῖς ἐπεσκαυά[θησαν] αἱ στοαὶ τοῦ ναοῦ ἰ[κ] τοῦ θε[ο]ῦ ποσειδῶνος κόρου. Прежніе издатели вмѣсто послѣднихъ словъ читали Ἀπόλλωνος Ἴδιπόρου, и этотъ „богъ прямаго пути“ фигурировалъ во всѣхъ сочиненіяхъ объ Ольвии и считался однимъ изъ важнѣйшихъ представителей Ольвійскаго пантеона. Исправленное чтеніе предложено покойнымъ П. Беккеромъ въ *Mélanges gr.-rom.* т. II стр. 59 сл. и *Зап. Од. Общ.* т. IV стр. 126 сл., и по нашей проверкѣ оказалось несомнѣннымъ. Замѣчательно, что при этомъ никто не обратилъ вниманія на странность самой формы Ἴδιπόρος, которая лишь недавно отмѣчена А. К. Наукомъ въ *Mél. gr.-rom.* V стр. 173.

хранившаяся до насъ надпись объ этомъ посвященіи (№ 97), судя по титулу, данному въ ней Каракаллѣ, можетъ быть отнесена только къ двухлѣтнему промежутку времени отъ 196 до 198 года. А такъ какъ понтийскіе города по всей вѣроятности признали власть Севера лишь послѣ разгрома Византіи въ 196 году (см. ниже гл. 7) и для постройки бани въ Ольвиіи потребно было извѣстное количество времени, то наша надпись по всей вѣроятности относится именно къ 198 году ⁹⁾. Въ царствованіе Севера Александра Ольвіополиты, какъ кажется, повторили выраженіе своей преданности римскому императорскому дому тѣмъ-же способомъ, какъ при Сентиміи Северѣ: надпись № 97¹ (add.) говоритъ, повидимому, о сооруженіи портика въ честь молодого императора и его войскъ ¹⁰⁾. Если мы припомнимъ еще, что и въ этотъ періодъ своего существованія городъ отъ времени до времени былъ украшаемъ статуями, портретами и другими памятниками, которые правительство и отдѣльные граждане ставили

⁹⁾ Развалины бани, можетъ быть этой самой, по свидѣтельству *И. К. Суручана* существовали въ Ольвиіи до послѣдняго времени. Вотъ что писалъ онъ мнѣ въ январѣ 1886 года: „Еще въ 1878 г. я видѣлъ слѣды бани, когда и не предполагалъ о существованіи надписи, приведенной въ вашемъ сборникѣ подъ № 97. Видѣнными мною развалины бани были слѣдующія: сохранилась слѣды стѣны, посреди которыхъ стояла оштукатуренная печь изъ простаго камня; отъ нея шли двѣ отдѣльныя параллельныя трубы изъ твердаго камня, которыя входили (соединялись) въ два громадные чана; каждый изъ чановъ былъ глиняный, въ вершокъ толщины, и, судя по сохранившимся черепкамъ, вмѣщалъ въ себѣ до двадцати ведеръ воды. Къ западу отъ печи на разстояніи трехъ аршинъ стоялъ каменный квадратный станокъ, тоже оштукатуренный, съ карнизомъ вокругъ; онъ имѣлъ въ длину и ширину по 1 сажени, а въ вышину $\frac{1}{2}$ сажени и весь былъ обгорѣвшій. Къ востоку отъ глиняныхъ чановъ стояла большая каменная плита длиною въ 2 арш., шир. и выш. по 10 вершковъ; посреди этого камня былъ прорѣзанъ желобокъ, вѣроятно для стока воды. Кромѣ того здѣсь были разбросаны большія, квадратныя, гладкія плиты, которыми вѣроятно былъ устланъ полъ зданія, что совершенно согласно съ надписью № 97, гласящей о штучномъ полу бани. Въ настоящее время всѣ эти плиты, упомянутые выше два камня и печь разбиты и разобраны поселянами. Кромѣ того здѣсь найдены были разбитыя глиняныя трубы, вѣроятно служившія для водопровода или для стока нечистоты. Мѣсто бани и по настоящее время еще не совсемъ раскопано“.

¹⁰⁾ Надпись эта вновь издана съ хорошимъ facsimile *В. Н. Юргевичемъ* въ Зап. Од. Общ. т. XIV (1886) стр. 22. Почтенный издатель для первой строки предлагаетъ очень вѣроятное возстановленіе [$\Upsilon\pi\epsilon\rho\tau\eta\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \chi\alpha\rho\iota\omicron\upsilon\ \Lambda\epsilon\upsilon$]τοκράτορος, для пятой—[καὶ σωτήρας] τῆς πόλεως, а въ 6-й стр. возстановляетъ имена боговъ Сераписа и Исиды, хотя это возстановленіе ему самому кажется довольно смѣлымъ.

въ честь членовъ императорскаго дома, своихъ заслуженныхъ дѣятелей или близкихъ лицъ ¹¹⁾, то этимъ исчерпаемъ всѣ данныя, которыя могутъ служить для ознакомленія съ внѣшнимъ видомъ города послѣ его возстановленія изъ развалинъ.

Посмотримъ теперь, каковы были его обитатели. Діонъ Христомъ оставилъ намъ о нихъ нѣсколько интересныхъ наблюденій и замѣчаній, достовѣрность которыхъ во многихъ отношеніяхъ подтверждается свидѣтельствами самихъ Ольвіополитовъ въ ихъ эпиграфическихъ памятникахъ. Взаимно пополняя и объясняя другъ друга, Діонъ и надписи даютъ намъ возможность очертить обликъ тогдашнихъ Ольвіополитовъ нѣсколькими довольно яркими штрихами. Теперь Ольвіополиты были уже далеко не тѣ, что прежде. Еще во времена Протогена (не говорю уже о временахъ Иродота) они ясно сознавали свою противоположность варварамъ, считали себя (судя по ономастическимъ даннымъ, вполне справедливо) истыми еллинами и рѣзко отличали отъ себя посредствомъ особаго термина (*Μετέλληνες*) народность, сло-

¹¹⁾ Приводимъ перечень такого рода памятниковъ, о существованіи которыхъ сохранились свидѣтельства въ надписяхъ разсматриваемаго періода:

I. Памятники, сооруженные правительствомъ:

1. Статуя Каракаллы и Геты (*Инст. Р. № 109*).
2. *Εἰχὼν ἑνὸς τοῦ Θεοῦ* Сатирина въ гимназій (*№ 22*).
3. Статуя или портретъ Каллисеева Каллисеевича (*№ 24*). Впрочемъ наше возстановленіе фрагмента *f* этой надписи не можетъ претендовать на несомнѣнность).

II. Памятники, сооруженные частными лицами:

1. Статуя неизвестной по имени жрицы Матери боговъ, воздвигнутая мужемъ жрицы Сократидомъ Филиновымъ (*№ 107*).
2. Статуя Залсіи дочери Арсеваха, воздвигнутая мужемъ ея Дадохомъ Сосіевымъ (*№ 110*).
3. Статуя неизвестнаго лица (*№ 113*).
4. Декретъ въ честь Карвова Атталова, вырѣзанный на камнѣ и поставленный въ знакъ памяти его другомъ Зорсаномъ Никиратовымъ (*№ 21*).
- 5—9. Плиты съ надписями въ память разныхъ лицъ, поставленныя ихъ друзьями или родственниками (*№№ 115—119*).

¹²⁾ Не понимаемъ, на какомъ основаніи *П. И. Люперольскій* (*Журн. Мин. Нар. Пр. декабрь 1884, отд. кл. еял. стр. 68*) находитъ возможнымъ утверждать, что во времена Протогена „тѣ самые Ольвіополиты, которые даютъ кому-то изъ своихъ сосѣдей наименованіе *Μετέλληνες*, сами были уже отчасти *Μετοβάρβαροι* и по духу, и по плоти“. Достаточно пробѣжать глазами документъ *№ 114*, по нашему мнѣнію близкій по времени къ Протогеновскому, чтобы видѣть, въ какой чистотѣ сохранялся еще тогда греческій элементъ въ Ольвіи: въ массѣ записанныхъ тамъ именъ нѣтъ ни одного не греческаго!

жившуюся изъ смѣшенія еллиновъ съ варварами и жившую внѣ города ¹²⁾. Но теперь сами они были такими же *Μιτέλληνες*. Діонъ говоритъ, что послѣ гетскаго погрома нѣкоторые изъ разоренныхъ городовъ совсѣмъ не были восстановлены, другіе лишь въ плохомъ видѣ, и въ нихъ стеклось множество варваровъ. При этомъ онъ не называетъ прямо Ольвию, но очевидно, что именно ее главнымъ образомъ онъ и имѣлъ при этомъ въ виду, такъ какъ здѣсь онъ могъ воочию убѣдиться въ щедрой примѣси варварскаго элемента въ составѣ городскаго населенія, тогда какъ о другихъ городахъ могъ сказать это только по наслышкѣ ¹³⁾. И дѣйствительно, дошедшія до насъ Ольвійскія надписи этого періода встрѣчающимися въ нихъ личными именами краснорѣчиво убѣждаютъ насъ, что въ составѣ гражданской общины Ольвіополитовъ „варварскій“ элементъ былъ разлитъ очень широко. Въ нѣкоторыхъ надписяхъ въ числѣ десяти и болѣе именъ едва можно указать одно или два греческихъ ¹⁴⁾, въ другихъ наоборотъ преобладаютъ греческія ¹⁵⁾; сплошь и рядомъ встрѣчаются случаи, что отецъ носилъ греческое имя, а сынъ—„варварское“ (*Ὀμφάλαχος Εὐρησιβίου, Τοῦμβρατος Ἰρακλείδου* и др.), или наоборотъ (*Δημήτριος Ἐρησιγάρου, Ἐπιχράτης Κοξούρου* и пр.), однимъ словомъ греческія и мѣстныя имена употребляются совершенно безразлично, хотя нѣкоторыя семьи быть можетъ еще крѣпко держались старыхъ преданій и не желали пятнать чистоту своего происхожденія „варварскими“ именами ¹⁶⁾. Но такихъ во всякомъ случаѣ было немного; большинство же гражданъ повидимому отнеслось совершенно индиф-

¹²⁾ О смѣшанномъ составѣ населенія другаго припонтийскаго города, именно Тома, неоднократно говоритъ Овидій, какъ извѣстно, прожившій въ немъ нѣсколько лѣтъ въ ссылке. См. *Trist.* III, 9, 1 сл., V, 7, 9 сл., 10, 27 сл. и др. Вообще извѣстія Овидія о Томахъ и окружающей ихъ странѣ (см. особенно *Trist.* III, 10), не смотря на повѣстическія вольности и преувеличенія, могутъ служить прекрасной иллюстраціей къ извѣстіямъ Діона объ Ольвиі, такъ какъ условія и обстановка жизни въ этихъ городахъ были почти одинаковы, и въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, отдѣляющихъ пребываніе Діона въ Ольвиі отъ пребыванія Овидія въ Томахъ, врядъ ли многое здѣсь измѣнилось. Поэтому мы въ послѣдующемъ изложеніи постараемся по возможности чаще привлекать извѣстія Овидія для сравненія.

¹⁴⁾ См. напр. *Insct.* №№ 52, 54, 55 и др.

¹⁵⁾ Напр. №№ 61, 63, 78 и др.

¹⁶⁾ Напр. уже Бѣкъ предположилъ, что къ одному роду должны были принадлежать: *Ἀντιφῶν Ἀναξιμένους, Σωκράτης Ἀντιφῶντος, Ἀναξιμένης Σωκράτους*. См. о нихъ въ прим. къ № 77 и выше стр. 166.

ферентно къ этой пестрой смѣси именъ. По этому самому нельзя, мнѣ кажется, дѣлать на основаніи ихъ слишкомъ широкіе выводы и обобщенія, думать напримѣръ, что въ жилахъ каждаго гражданина съ не-греческимъ импемъ неизмѣнно текла и смѣшанная кровь: очень можетъ быть, что и граждане чисто греческаго происхожденія давали своимъ сыновьямъ не-греческія имена въ силу широко распространеннаго обычая. Но во всякомъ случаѣ для того, чтобы такой обычай явился и вошелъ въ силу, необходимо было, чтобы предвѣрительно „варвары“ дѣйствительно въ большомъ количествѣ поселились въ городъ, вошли въ составъ гражданской общины и совершенно смѣшались съ гражданами чисто греческаго происхожденія, чтобы „варварскій“ элементъ вполне, такъ сказать, растворился въ греческомъ, но не безслѣдно, а сообщивъ ему свой особый вкусъ.

„Варварскія“ имена, въ изобиліи встрѣчающіяся въ надписяхъ сѣвернаго побережья Чернаго моря, неоднократно уже обращали на себя вниманіе новыхъ ученыхъ, задававшихся цѣлью путемъ разбора этихъ именъ при помощи сравнительно-лингвистическихъ приемовъ опредѣлить ихъ составъ, принадлежность ихъ корней къ тому или другому языку, и на основаніи этихъ опредѣленій вывести заключенія о томъ, къ какимъ національностямъ принадлежали не-греческіе элементы, входившіе въ составъ населенія городовъ сѣвернаго Черноморскаго побережья. На этомъ поприщѣ трудились: берлинскій академикъ Мюллергофъ ¹⁷⁾, затѣмъ Куно ¹⁸⁾, В. П. Юргевичъ ¹⁹⁾ и въ самое послѣднее время В. Θ. Миллеръ ²⁰⁾. Послѣдній привлекъ къ своему изслѣдованію не только всѣ имена, встрѣчающіяся въ надписяхъ,

¹⁷⁾ *K. Müllenhoff*, Ueber die Herkunft und Sprache der Pontischen Scythen und Sarmaten въ *Monatsber. d. Berl. Akad.* 1866 стр. 563 сл. Оцѣнку его труда см. въ указываемой ниже (прим. 20) статьѣ В. Θ. Миллера, стр. 235. Ср. *Ф. К. Бруна* Черном. т. II стр. 40 сл.

¹⁸⁾ *J. G. Cuno*, Die Skythen стр. 315 и 343 сл.

¹⁹⁾ „О именахъ иностранныхъ на надписяхъ Ольвии, Боспора и другихъ греческихъ городовъ сѣвернаго прибрежья Понта Евксинскаго“ въ *Зап. Од. Общ.* т. VIII (1872) стр. 4—38. „Относительно лингвистическаго разбора именъ, говоритъ В. Θ. Миллеръ на стр. 237, изслѣдованіе г. Юргевича оставляетъ многое желать. Подвергая критикѣ словопроизводства Мюллергова, авторъ нѣрѣдко замѣняетъ ихъ своими, еще менѣе вѣроятными, и обнаруживающими такую свободу въ употребленіи лингвистическихъ данныхъ, какую едва ли дозволялъ бы себѣ Мюллерговъ“.

²⁰⁾ „Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи“ въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* октябрь 1886, отд. 2 стр. 232—283.

помѣщенныхъ въ первомъ томѣ нашего сборника, но и имена надписей Пантикапейскихъ, Таманскихъ, Танаидскихъ и Анапскихъ, собранныхъ нами для второго тома. Располагая такимъ образомъ болѣе богатымъ матеріаломъ, чѣмъ его предшественники, уважаемый московскій ученый могъ придти и къ болѣе прочнымъ выводамъ, тѣмъ болѣе заслуживающимъ вниманія, что его трудъ свободенъ отъ тѣхъ увлеченій, которыми страдаютъ работы Мюлленгофа и Юргевича. Въ виду того, что разностороннія лингвистическія данныя, привлекаемыя учеными для объясненія этихъ „варварскихъ“ именъ, превышаютъ наличный запасъ нашихъ свѣдѣній въ области сравнительнаго языковеденія, мы не будемъ входить въ подробный разборъ трудовъ названныхъ ученыхъ, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣетъ прямого отношенія къ интересующему насъ теперь предмету. Мы позволимъ себѣ заимствовать изъ труда В. О. Миллера тѣ выводы, къ которымъ привело его изслѣдованіе „варварскихъ“ именъ и которые намъ представляются вполне основательными²¹⁾:

1) „Разсмотрѣніе варварскихъ собственныхъ именъ, сохранившихся въ припонтійскихъ надписяхъ, обнаруживаетъ въ числѣ этихъ именъ значительный процентъ иранскихъ.“

2) Число иранскихъ именъ особенно велико въ Танаидѣ.

3) Иранскія имена распадаются на двѣ группы. Въ именахъ первой группы, составляющихъ огромное большинство, сохранились такія лингвистическія черты, которыя даютъ возможность видѣть въ иранскомъ языкѣ, которому они принадлежатъ, предка нынѣшняго осетинскаго языка. Наибольшее число такихъ именъ даетъ Танаидская область, которой варварское населеніе относилось древними писателями вообще къ сарматамъ.

4) Иранскія имена того же типа встрѣчаются и въ надписяхъ другихъ греческихъ, болѣе западныхъ и южныхъ, городовъ (Тираса, Ольвии, Пантикапей), что также свидѣтельствуетъ о существованіи въ областяхъ этихъ городовъ такого же иранскаго элемента (хотя, можетъ быть, менѣе многочисленнаго), какъ и въ Танаидской области. Есть нѣкоторое основаніе думать, что присутствіе этихъ именъ объясняется иранскимъ происхожденіемъ той части скивовъ осѣдлыхъ, которые называются у Геродота скивами-пахарями.

5) Кромѣ иранскихъ именъ, относящихся къ живому иранскому языку, распространенному нѣкогда въ припонтійскихъ областяхъ,

²¹⁾ Ул. ст. стр. 280.

встрѣчаются въ тѣхъ же надписяхъ иранскія имена другаго типа, именно древне-персидскія, которыхъ присутствіе объясняется заимствованіемъ, вслѣдствіе культурнаго вліянія персидской монархіи, отражавшагося и на Черноморскомъ сѣверномъ побережьи. Число именъ этого типа ничтожно въ сравненіи съ числомъ именъ перваго рода.

6) Наконецъ для объясненія появленія именъ втораго типа мы предположили два пути: южный, по которому могли приходить персидскія имена изъ Понтійскаго царства, имѣвшаго при Митридатѣ Евпаторѣ значительное вліяніе на сѣверное побережье Понта, и путь сѣверный, по которому персидскія имена шли отъ скивоовъ, занесшихъ ихъ въ припонтійскія степи, быть можетъ, еще изъ Азій, гдѣ скиномъ (саки) сосѣднили съ Ираномъ и восприняли нѣкоторыя черты его высокой культуры“.

Въ частности относительно ольвійскихъ именъ почтенный изслѣдователь пришелъ къ слѣдующему выводу (стр. 266): „Изъ 100 слишкомъ ольвійскихъ именъ, по нашему счету, немного меньше половины поддаются объясненію изъ иранскаго; вѣроятно, нѣсколько именъ еще могли бы оказаться иранскими, еслибъ наши источники для древне-иранскихъ именъ были богаче. Несомнѣнно, однако, что значительный процентъ ольвійскихъ именъ нужно считать не иранскими, а принадлежащими какому-то другому, намъ неизвѣстному, языку“. Этотъ послѣдній фактъ легко объясняется слѣдующимъ вѣрнымъ замѣчаніемъ автора (тамъ же): „При постоянныхъ сношеніяхъ греческихъ городовъ съ варварами, конечно, не трудно предположить, что представители различныхъ прибрежныхъ и материковыхъ народностей могли попадать въ эти центры культурной жизни, подвергаться еллинизации и, быть можетъ, уже въ ближайшемъ поколѣніи становиться греческими гражданами. Въ виду этого, уже съ самаго начала нужно предположить, что значительный процентъ варварскихъ именъ не-иранскаго происхожденія слѣдуетъ поставить на счетъ различныхъ не-иранскихъ и неопредѣлимыхъ доселѣ народностей, которыхъ одни лишь названія намъ извѣстны изъ древнихъ писателей“.

Таковы результаты, до которыхъ оказалось возможнымъ въ настоящее время дойти единственнымъ путемъ, доступнымъ изслѣдователямъ этническаго состава „варварскихъ“ элементовъ населенія древнихъ городовъ сѣвернаго Черноморскаго побережья, — путемъ

изученіи личныхъ именъ, встрѣчающихся въ ихъ эпиграфическихъ памятникахъ.

Широкая примѣсь этого „варварскаго“ элемента въ Ольвіи не могла, конечно, остаться безъ вліянія на жившихъ въ ней потомковъ прежнихъ поселенцевъ чисто греческаго происхожденія, напримѣръ, на ихъ языкъ, образъ жизни и нравы. Діонъ Хрисостомъ замѣтилъ, что современные ему Ольвіополиты говорили уже не совсѣмъ чисто по гречески, οὐκ ἔτι σαφῶς ²²⁾ ἑλληνίζοντας διὰ τὸ ἐν μέσοις οἰκεῖν τοῖς βαρβάροις. То же самое говоритъ Овидій относительно Томитовъ ²³⁾. И дѣйствительно, въ сохранившихся памятникахъ письменности Ольвіополитовъ замѣчается не мало своеобразныхъ особенностей, хотя конечно не всѣ онѣ могутъ быть отнесены на счетъ вреднаго вліянія варваровъ и до сихъ поръ очень трудно установить предѣлы между особенностями, такъ сказать, общаго характера, свойственными языку всѣхъ грековъ римскихъ временъ, и особенностями мѣстнаго говора. Поэтому мы считаемъ себя въ правѣ не входить въ подробное разсмотрѣніе этихъ особенностей (тѣмъ болѣе, что ихъ легко найти въ указателяхъ къ нашему сборнику), ограничиваясь двумя-тремя общими замѣчаніями.

Что касается собственно до произношенія Ольвіополитовъ, то въ немъ мы не замѣчаемъ рѣзко выраженныхъ признаковъ вреднаго вліянія варварскаго элемента. Оно было, конечно, уже далеко отъ древне-еллинской чистоты и отчетливости, но его особенности были тѣ же, которыя мы замѣчаемъ и у другихъ грековъ тѣхъ временъ. Подобно имъ Ольвіополиты, напримѣръ, уже не различали въ произношеніи дифтонгъ «i» отъ долгаго ι, слѣдствіемъ чего явились съ одной стороны такія формы, какъ ἀἴμνητος (24, в), ἐπιδή (29), ἰς (21, 17. 22, 45), μάλαυπονῆσαι (37), а съ другой стороны — ἀκρίβεια

²²⁾ Современная критика не оставила безъ вниманія и этого выраженія Діона: по мнѣнію *vay Herwerden*'а въ *Hermes* т. VII (1873) стр. 84, Діонъ долженъ былъ написать οὐκ ἔτι χαρῶς. У всякаго, конечно, свой вкусъ, но если бы Герверденъ прочиталъ напр. декретъ въ честь Карвоза (*Insscr. P. № 21*), то вѣроятно согласился бы, что къ нему какъ разъ подходитъ οὐ σαφῶς.

²³⁾ *Ov. Trist.* III, 14, 45 сл., V, 10, 35 сл. и особенно V, 7, 51 сл.:

In paucis exstant Graecae vestigia linguae,
 Haec quoque iam Getico barbara facta sono.
 Unus in hoc nemo est populo, qui forte Latine
 Quaelibet e medio reddere verba queat.
 Ille ego Romanus vates—ignoscite, Musae!—
 Sarmatico cogor plurima more loqui.

(21, 18), Ἀνωταίνος (97, 109), γείνεσθαι (17, 28. 21, 14), γεινώσκειν (21, 20. 27), δυσείφεικτος (24, 18), κλείνη λειτή (62), Μαίληστοι и Μαίλητος (22. 23) μειμίσθαι (21, 12 и 28) и т. п.; съ особеннымъ постоянствомъ такое правописаніе употреблялось въ словахъ производныхъ отъ корней $\nu\kappa$ и $\tau\mu$ и основы $\kappa\omicron\lambda\iota\tau$ ²⁴). Есть также примѣры постановки η вмѣсто ϵ передъ гласнымъ, напримѣръ, Ποσειδῆος въ №№ 59 и 65, Θρασ[ύ]λληος въ № 70 ²⁵). Далѣе являются три формы, свидѣтельствующія о сходствѣ произношенія дифтонга $\alpha\iota$ съ ϵ или η , именно: Ληγεών (31), λόνχαι и παιδήμ[ατι] вмѣсто λόγχη и πηδήματι (77) ²⁶). Вмѣсто ὑγία Ольвиполиты подобно другимъ грекамъ тѣхъ временъ употребляли форму ὑγία, которая на столько вытѣснила первую, что она пока является единственнымъ исключеніемъ въ № 69. Изъ другихъ орфографическихъ особенностей отмѣтимъ, что передъ гортанными обыкновенно пишется ν , а не γ (Ἰάνγελος 68, συνγενικός 21, ἀσύνκритος 24, ἐνέγκασα 21, λόνχαι 77 и λόνχη 80), точно такъ же передъ φ и ψ иногда остается ν безъ ассимиляціи въ μ (συνφέροντα 24, συνφορά 35, Ῥαδανψών 56) ²⁷). Правописаніе ἐχομιδή въ № 21 является пока единственнымъ исключеніемъ, такъ какъ въ другихъ случаяхъ вездѣ пишется ἐχχομιδή (напримѣръ №№ 25, 26, 39). Рядомъ съ нимъ можно поставить ἰσόροκος въ № 22 ²⁸). Обратное этому явленію, т. е. удвоеніе согласныхъ, встрѣчается въ слѣдующихъ словахъ: στήλλη (22. 115. 116), εὐσταθία (75), Χερσόνησος (22) ²⁹).

Особенностей въ склоненіи и спряженіи замѣчается сравнительно

²⁴) Примѣры см. въ указателѣ къ 1 тому нашего сборника, стр. 238. Такой способъ произношенія дифтонга $\epsilon\iota$ началъ входить въ употребленіе въ κοινή уже съ конца III в. до Р. Хр. См. *Fr. Blass*, Ueber die Aussprache des Griechischen, 2-te Aufl. (1882), стр. 51 сл.; *Gust. Meyer*, Griechische Grammatik, 2 Aufl. (1886), § 115. Въ аттическихъ надписяхъ это явленіе замѣчается съ начала I в. до Р. Хр., см. *K. Meisterhans*, Grammatik der Attischen Inschriften (Berlin 1885) стр. 23.

²⁵) Ср. *Blass*, Ausspr. тамъ же. *Meisterhans*, стр. 22. Не указываемъ много примѣры такой орфографіи въ № 47, такъ какъ эта надпись византийская.

²⁶) Ср. *Blass*, § 17. *Meyer*, Gr. § 113.

²⁷) Это отсутствіе ассимиляціи, какъ извѣстно, часто встрѣчается въ надписяхъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ. Ср. *Blass*, § 22. *Meyer*, § 274. *Meisterhans* стр. 46.

²⁸) Ср. *Meyer*, § 287. *Meisterhans* стр. 37. Въ болѣе древнихъ надписяхъ (№№ 16 и 17) встрѣчается правописаніе ἐχλησία.

²⁹) Ср. *Meyer*, §§ 289, 225, 227, 292. *Blass*, § 24, стр. 76. *Meisterhans* стр. 39 сл. Въ болѣе древнія времена (IV в. до Р. Хр.) встрѣчаются въ Ольв. надписяхъ: ἔχκλος, Βορροσθένης, εἰσαγωγή.

немного и между ними также нѣтъ такихъ, которыя бы не встрѣчались въ другихъ мѣстахъ. Наибольше интересными являются: 1) родительный падежъ на *-αι* въ именахъ, оканчивающихся на *-αις* въ им. падежѣ: Ζῶβαι (98), Κάρσαι (62), Πίδαи (61. 69); отъ перваго имени встрѣчается, впрочемъ, въ № 67 форма Ζῶβαιος²⁰⁾.—2) Въ формахъ род. падежа именъ на *-εός* и *-αις* часто пишется *-έος* вмѣсто *-έως*: Ἀχυλλέος (62. 67 и др.), Ὑπάνεος (78), κόλεος (41. 58 и др., но встрѣчается и κόλεως); *-έως* вмѣсто *-έους* встрѣчается разъ (118) въ формѣ Καλλυλέως²¹⁾.—3) Въ именахъ женскаго рода такъ называемаго третьяго склоненія въ вин. п. ед. числа встрѣчаются формы на *-αν*: γυναῖκων и θυγατέραν въ № 110, στηλίδα[ν] въ № 118²²⁾.— Въ глагольных формахъ надписей римскаго времени встрѣчаются два случая неправильностей относительно augmentum: ἀπεκατέστ[ησε] 41 и κεκοίητο 22, но оба они не представляютъ ничего необычнаго²³⁾. Наконецъ отмѣтимъ еще форму φιέλη²⁴⁾ и употребленіе формъ ἀργύρεος и χρύσεος въ женскомъ родѣ (№№ 56, 59, 61, 63, 70, 71), явленіе рѣдкое, но не безпримѣрное и у другихъ грековъ²⁵⁾.

²⁰⁾ Не малое количество примѣровъ такого образованія род. падежа встрѣчается въ надписяхъ Веспорскаго царства. Они, какъ кажется, еще не обратили на себя вниманія грамматиковъ, хотя уже Бѣкъ (С. I. Gr. II стр. 111) сдѣлалъ попытку ихъ объясненія. Намъ кажется, что этотъ родит. на *-αι* слѣдуетъ объяснить по аналогіи съ деспійскимъ родительнымъ на *-η* именъ 3-го скл. на *-ης* (Ἐχεκράτη, Θεογένη и т. п., ср. Meyer, § 339, стр. 330).

²¹⁾ Ср. Meyer, §§ 339, 340.

²²⁾ Ср. Meyer, § 329. Множество примѣровъ такого образованія вин. падежа въ надписяхъ собралъ R. Wagner, Quaestiones de epigrammatis graecis ex lapidibus collectis grammaticae (diss. Lips. 1883), стр. 100 сл. Ср. также F. W. A. Mullach, Grammatik der Griech. Vulgarsprache in histor. Entwicklung (Berl. 1856) стр. 162, съ указаніемъ новой литературы.

²³⁾ Двойное приращеніе въ глаголахъ сложныхъ съ предлогами, какъ извѣстно, часто встрѣчается въ позднѣйшемъ греческомъ языкѣ и въ новогреческомъ (ср. Mullach стр. 246, 3. Rapp. Kühner, Ausführliche Grammatik d. Griech. Sprache I, стр. 517, § 205, 1. Meyer, § 482). Опущеніе слоговаго приращенія въ plusquamperfectum — довольно обычное явленіе даже въ хорошей прозѣ, ср. Kühner, § 199, 11, стр. 506. Meyer, § 565 (но не въ аттическихъ надписяхъ, ср. Meisterhans' стр. 77, § 40).

²⁴⁾ Ср. Μοῖριδος Ἀττικῶν καὶ Ἑλληνῶν ed. I. Piersonus, p. 389: Φιάλη, Ἀττικῶς διὰ τοῦ α. διὰ τοῦ ε Ἑλληνες.—M. Μοσχουόλου Περί σχεδῶν p. 120: Φιάλη, ἣν καὶ φιέλην τινεὶ τῶν παλαιῶν ἔλεγον, Ἀττικισμοῦ μὴ φροντίζοντες.

²⁵⁾ Напр. у Антипатра Θεσσαλονικискаго въ Anthol. P. V, 31, 1: Χρῶσεος ἦν γενέη καὶ χάλκεος, ἀργυρέη τε | Πρόσθεν.—Ил. Σ, 222: ἄπα χάλκεον Αἰακίδαο.—

Переходя теперь отъ орографическихъ и этимологическихъ особенностей языка Ольвійскихъ документовъ къ стилистическимъ, мы должны замѣтить, что для сужденія о нихъ мы обладаемъ еще меньшимъ количествомъ матеріала: слова, представляющія какія нибудь особенности въ отношеніи орографіи или этимологіи, могутъ встрѣчаться въ самыхъ ничтожныхъ отрывкахъ, или въ такихъ документахъ которые состоятъ почти исключительно изъ собственныхъ именъ, тогда какъ для сужденія о стилѣ необходимо имѣть передъ глазами или цѣлый документъ, или по крайней мѣрѣ значительный отрывокъ. Между тѣмъ декретовъ, сохранившихся цѣликомъ или въ значительныхъ отрывкахъ, къ сожалѣнію, можно указать лишь очень немного: №№ 21, 22, 24, 25, 26, да пожалуй 27 и 33; между ними три первые, какъ сохранившіеся въ болѣе полномъ видѣ и составленные съ наибольшою старательностью, дадутъ намъ болѣе матеріала для сужденія. Оно будетъ далеко не въ пользу Ольвійскихъ ораторовъ: прежде всего бросается въ глаза крайняя напыщенность формы рядомъ съ бѣдностью содержанія; ораторы стараются во что бы то ни стало нагромоздить въ честь восхваляемыхъ ими дѣятелей какъ можно больше похвалъ и выразить ихъ самыми звонкими, вычурными фразами, главное вниманіе обращаютъ на то, чтобы написать побольше книжныхъ, торжественныхъ словъ и выраженій, смыслъ которыхъ иногда, быть можетъ, и для нихъ самихъ не былъ уже вполне ясенъ; если къ этому прибавить, что имъ не всегда удавалось поладить какъ слѣдуетъ съ грамматикой, что иногда въ жару своего краснорѣчія они забывали о началѣ фразъ и кончали ихъ странными анаколуфами, то этимъ будетъ достаточно мотивировано то невыгодное впечатлѣніе, которое производятъ на насъ панегирики Ольвійскихъ витій. Особенно отличился въ этомъ отношеніи неизвѣстный авторъ декрета въ честь Карзоаза (№ 21). Каждую похвалу этому дѣятелю онъ старается облечь по возможности въ изящнѣйшую и красивѣйшую форму, но не обладаетъ для этого достаточно развитымъ литературнымъ вкусомъ и начитанностью, и потому въ его декретѣ получается пестрая смѣсь стереотипныхъ, казенныхъ, такъ сказать, фразъ съ искусственными, вычурными до темноты. Нужно ему, наприимѣръ, сказать, что Карзоазъ былъ прекраснымъ государственнымъ дѣятелемъ и отличался безукоризненною жизнью,—онъ выдумываетъ „прекрасное шествіе по слѣ-

„Theorbylact. Hist. p. 54, 4: ἀργύρεος λεχαιῖς“ (цит. Л. Диндорфъ въ Thea. Gr. Linguae). Ср. *Kalmer*, § 147, прим. 1, стр. 413.

дамъ государственной дѣятельности и соревнованіе по жизни неукорыненной" (καλῶς ἐπιβεβηκότα τοῖς τῆς πολιτείας ἔχουσιν καὶ ζηλώσαντα βίον ἀλοιδόρητον). Добровольное и предупредительное служеніе Карвозаа общественнымъ нуждамъ выражено фразою: „въ государственныхъ нуждахъ оный, добровольно исполняя повинности, несть нежеланное бремя и, предупреждая порученія, показывалъ цѣлостность всякаго выбора его въ должность“. Особенно копецъ этой фразы такъ теменъ, что съ перваго раза трудно даже догадаться, что хотѣлъ сказать ея ораторъ. Желая, далѣе, похвалить Карвозаа за его любезность и обходительность въ дѣловыхъ или дружескихъ сношеніяхъ съ гражданами, авторъ декрета изрекаетъ слѣдующее „красно-хитро сплетенное слово“: πολιτῶν δὲ εἴ τις αὐτῷ συνέμειξεν ἢ κατὰ συναλλαγῆς ἀφορμῆν, ἢ κατὰ συμβίωσως συνήθειαν, οὐδὲ λόγος χωρῆσαι δύναται τὴν εἰς αὐτὸν εὐνοίαν. Такія и подобныя имъ фразы (которыхъ можно было бы еще нѣсколько указать въ томъ же декретѣ) ясно доказываютъ отсутствіе литературнаго навыка въ авторѣ и желаніе замаскировать его туманною вычурностью. Въ декретѣ въ честь Θεокла (№ 22) еще Бѣкомъ отмѣчены „still inelegantia, tumor, prolixitas“; но вообще говоря, онъ изложенъ нѣсколько сноснѣе Карвозовскаго, хотя и не свободенъ отъ сильныхъ стилистическихъ промаховъ ²⁶⁾. Въ декретѣ № 24 сразу бросается въ глаза отсутствіе сказуемаго въ первой фразѣ послѣ заголовка ²⁷⁾, затѣмъ неприятно поражаютъ такія трескучія похвалы, какъ „ὁ ἔκαινος δυσέφεικτος μὲν λόγῳ, αἰμνηστος δὲ χρόνῳ“, или „οὐχ ὑπ' ἀνάγκης ἀνθρωπίνης δαμασθείς, ἀλλ' ὑπὸ θεῶν προνοίας κειθευθείς αὐτοφυῆ φιλοσοφίαν ἀσύνχριτον ἐκτήσατο“ и т. п. Такого рода примѣры можно было бы подыскать и въ другихъ документахъ, но мы опускаемъ ихъ, такъ какъ подробный грамматическій и стилистическій разборъ ихъ завелъ бы насъ далеко въ сторону отъ нашей прямой задачи и все равно не далъ бы намъ достаточнаго матеріала

²⁶⁾ Нпр. 'Ἐκεῖ Θεοκλῆς Σατύρου, ἀνὴρ γενόμενος ἐκ προγόνων λαμπρῶν κτλ.—κατηχελοῦθησεν ὁ ἀνὴρ τῷ φῶν προγόνων ἀξιώματι κτλ. Здѣсь слово ὁ ἀνὴρ является совершенно излишнимъ. Далѣе: εἰς τε πρεσβείας αὐτὸς ἑαυτὸν ἔκοντὴν παρέχων δοκνον, ἔργων τε ἐπιμελείας καὶ κατασκευαῖς ἐνεκοπίασεν вв. ἐγκοπιᾶζων; ἔργων τὴν μεγίστην ἀρχὴν τὸ τετράκις вв. τὸ τέταρτον; ὡσα ἐπὶ τούτοις τοὺς πολιτείας καὶ τοὺς ξένους... λελοπῆσθαι ἀξιώσαι τε τὴν τε βουλὴν καὶ τὸν δῆμον,—конструкция и значеніе глагола ἀξιώσαι являются двусмысленными.

²⁷⁾ 'Ἐπειδὴ Καλλισθένης Καλλισθένους ἀν[ήρ γεν]όμενος προγόνων ἐπιστήμων τε καὶ σεβαστογνώστων κтл. τοιοῦτων οὖν γεγονώς προγόνων οὐ μόνον αὐτῶν τὴν οὐσίαν, ἀλλὰ καὶ τὴν ἀρετὴν κληρονομήσας ἐπεκόσμησεν. Фраза будетъ грамматически правильною, если слова τοιοῦτων οὖν γεγονώς προγόνων совсѣмъ выбросятъ изъ текста.

для вѣрнаго сужденія объ особенностяхъ языка Ольвіополитовъ въ римскія времена. Судить о немъ на основаніи существующаго матеріала было бы все равно, что изучать русскій языкъ прошлаго, на примѣръ, вѣка по десятку официальныхъ бумагъ, нѣсколькимъ жалованнымъ грамотамъ и надписямъ на надгробныхъ памятникахъ.

Съ степенью образованности Ольвіополитовъ въ концѣ I в. по Р. Хр. отчасти знакомитъ насъ Діонъ Хрисостомъ. Заброшенные въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ извѣстнаго древнимъ міра, окруженные воинственными варварами, съ которыми почти постоянно приходилось вести борьбу за существованіе, занятые почти исключительно матеріальными интересами, Ольвіополиты конечно не могли внимательно слѣдить за движеніемъ еллинской науки и цивилизаціи и быстро усвоивать себѣ ея плоды. Такія личности, какъ Сферъ или Біонъ, и раньше были, конечно, только исключеніями, а теперь такія исключенія были и совершенно невозможны. Естественно поэтому, что всякій, кто не былъ всецѣло поглощенъ мелкими интересами повседневной жизни и желалъ мало-мальски пополнить свое образованіе, оказывавшееся поневолѣ крайне скуднымъ, рвался вонъ изъ Ольвіи, какъ это мы видимъ на примѣръ Каллистрата, молодаго (18-лѣтняго) Ольвійскаго друга Діона Хрисостома. „Про Каллистрата говорили, рассказываетъ Діонъ, „что онъ храбръ на войнѣ и многихъ савроматовъ или убилъ или взялъ въ плѣнъ; кромѣ того онъ прилежно занимался краснорѣчіемъ и философій, такъ что даже выражалъ желаніе уѣхать вмѣстѣ со мною“. Все литературное образованіе Ольвіополитовъ исчерпывалось изученіемъ Омира — преимущественно Иліады—и отчасти Платона. Пристрастіе ихъ къ Омиру, по мнѣнію Діона, происходило вѣроятно отъ того, что они и тогда еще были очень воинственны, или отъ того, что они чрезвычайно чтили Ахилла, признавали его богомъ и имѣли въ честь его два храма,—одинъ въ городѣ, а другой на такъ называемомъ Ахилловомъ островѣ. Почти всѣ Ольвіополиты знали наизусть Иліаду, ихъ поэты упоминали только объ Омирѣ въ своихъ стихотвореніяхъ, которыя обыкновенно носили воинственный характеръ и предназначались преимущественно для возбужденія храбрости согражданъ предъ сраженіями, подобно тому, какъ въ Спартѣ служили этой цѣли поэтическія произведенія Тиртэя. Всѣ они на столько были ослѣплены Омиромъ, что не допускали даже возможности существованія другаго поэта ²⁶⁾. Несмотря на такую

²⁶⁾ См. отрывокъ разговора Діона съ Каллистратомъ, пересказанный на стр. 55-й.

ограниченность своего умственного кругозора, Ольвіополиты и при Діонѣ отличались живою, чисто еллинскою любознательностью; они повсюду хѣдили за своимъ знаменитымъ гостемъ и съ жадностью слушали его рѣчи; даже ожиданіе нападенія со стороны скивовъ, заставившее ихъ вооружиться и выставить на стѣнѣ военное знамя, не могло побудить ихъ отказаться отъ любимаго удовольствія. Одинъ изъ слушателей Діона, престарѣлый и всѣми уважаемый гражданинъ Іеросонтъ, въ обращенномъ къ нему простомъ, безъискусственномъ словѣ представилъ живую и трогательную характеристику умственного состоянія своихъ согражданъ, цѣликомъ воспроизведенную Діономъ и съ его словъ приводимую нами въ переводѣ. Прервавъ рѣчь, начатую Діономъ по поводу Фокилидовскаго изреченія о значеніи хорошихъ законовъ для государства, Іеросонтъ сказалъ: „Гость, пожалуйста не сочти за невѣжество или варварство, что я перебилъ твою рѣчь. У васъ не въ обычаѣ такіе поступки вслѣдствіе изобилія философскихъ рѣчей и возможности каждому слышать отъ многихъ, чего бы кто не пожелалъ; для насъ же твой пріѣздъ является какимъ то чудомъ: обыкновенно сюда пріѣзжаютъ елліпы только по имени, а на дѣлѣ — варвары хуже насъ, кунцы и торгаши, привозящіе дрянное тряпье и скверное вино и вывозящіе наши товары ничуть не лучше этихъ. Теби же, кажется, самъ Ахиллъ прислалъ сюда съ своего острова, и мы съ большимъ удовольствіемъ видимъ тебя и съ неменьшимъ слушаемъ все, что ты говоришь. Однако, мы не думаемъ, что это счастливое время будетъ очень продолжительно, да и не хотимъ этого, а напротивъ, желаемъ тебѣ въ полномъ благополучіи какъ можно скорѣе возвратиться домой. Теперь, когда ты въ своей рѣчи коснулся божественнаго міроуправленія, я самъ пришелъ въ чудный восторгъ и вижу, что всѣ присутствующіе напряженно внимаютъ этой рѣчи: все сказанное тобою показалось намъ превосходнымъ и достойнымъ предмета рѣчи, какъ именно мы больше всего желали бы слушать. Мы неопытны въ этой точной философіи, но любимъ, какъ ты знаешь, Омира, а немногіе изъ насъ — и Платона; къ числу послѣднихъ, какъ видишь, принадлежу и я, постоянно изучая его произведенія, какъ могу, хотя, пожалуй, и странно, чтобы наиболѣе варвароподобный гражданинъ восхищался и занимался лучшимъ представителемъ еллинизма и мудрости, все равно какъ если бы какой нибудь полуслѣпой смотрѣлъ только на солнце и отворачивался отъ другаго свѣта. Таково наше положеніе. Итакъ, если ты хочешь всѣмъ намъ угодить, отложи рѣчь о человѣ-

ческомъ правленіи,—если только сосѣди на завтра оставятъ насъ въ покоѣ и не нужно будетъ возиться съ ними, какъ это обыкновенно случается,—а теперь скажи намъ о божественномъ міроправленіи или міроустройствѣ, называя его какъ тебѣ угодно, — говори, какъ оно составилось и въ чемъ состоитъ, и придерживайся какъ можно ближе Платоновой непринужденности въ изложеніи, что, впрочемъ, ты и сейчасъ дѣлалъ, какъ намъ показалось. Если мы не понимаемъ въ немъ ничего больше, то, по крайней мѣрѣ, благодаря привычкѣ понимаемъ его языкъ, возвышенный и близкій къ Омировскому⁴. Такова характеристика, влагаемая Діономъ въ уста одного изъ уважаемыхъ гражданъ Ольвии. Она тѣмъ для насъ и драгоценна, что Геросонтъ говорилъ съ полной откровенностью и простотою, даже, быть можетъ, нѣсколько сгущая мрачныя краски, которыми онъ описывалъ свое положеніе, но никакъ не смягчая ихъ.

Нравственныхъ качествъ современныхъ ему Ольвиополитовъ Діонъ почти не касается; разъ только, упомянувъ о томъ, что его молодой знакомецъ Каллистратъ за свою красоту имѣлъ много обожателей, онъ мимоходомъ прибавляетъ, что этотъ обычай, занесенный въ Ольвию еще изъ митрополіи, сильно укоренился тамъ и оттуда распространился даже между сосѣдними варварами, „конечно не къ добру, а такъ, какъ они способны были его перенять, съ варварскою грубостью.“ Точно такъ же и въ документахъ можно найти только указанія на официальную, такъ сказать, нравственность, т. е. на тѣ качества, которыя требовались отъ государственныхъ дѣятелей при исполненіи той или другой должности, того или другаго порученія, да и эти качества въ почетныхъ декретахъ конечно нерѣдко выставляются въ преувеличенномъ видѣ. Почетные декреты, въ большинствѣ случаевъ издававшіеся уже послѣ смерти заслуженныхъ дѣятелей, весьма удобно могутъ быть сопоставлены въ этомъ отношеніи съ нашими некрологами или надгробными рѣчами. По такимъ документамъ никто не изслѣдуетъ состоянія нравственности того или другаго народа, а еслибы кто и вздумалъ употребить ихъ въ дѣло, то получилъ бы картину несравненно привлекательнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности. Поэтому мы не будемъ входить адѣсь въ подробное разсмотрѣніе заслугъ, за которыя прославлялись въ Ольвиі разные государственные дѣятели, отсылая желающихъ познакомиться съ ними къ подлиннымъ документамъ или ихъ переводамъ, приложеннымъ въ нашемъ сборникѣ, и обратимся къ внѣшности Ольвиополитовъ временъ Діона Хрисостома.

Если Иеросонтъ съ горечью называлъ себя и своихъ согражданъ варварами въ умственномъ отношеніи, то то же самое названіе было приложимо и къ ихъ вѣншности. Правда, въ лицахъ ихъ Діонъ находилъ еще черты греческаго типа; напр. въ лицѣ Каллистрата по его словамъ было много іоническаго; они носили, на древне-еллинскій манеръ, длинныя волосы и бороды, за исключеніемъ одного гражданина, стригшагося коротко изъ угожденія римлянамъ и за это бывшаго въ презрѣніи у согражданъ, но по одеждѣ они очень мало или даже нисколько не отличались отъ окружающихъ ихъ скиноовъ: они носили шаровары (*ἀνατορίδες*) и прочее скинское убранство, по большей части чернаго цвѣта, по примѣру одного скинскаго племени, которое отъ этого получило у еллиновъ названіе меланхлэновъ³⁹⁾, на плечи набрасывали небольшіе, тонкіе черныя плащи. Принятіе скинскаго костюма безъ сомнѣнія было обусловлено особенностями мѣстнаго климата, которому еллинское платье менѣе соотвѣтствовало. Овидій по крайней мѣрѣ неоднократно говоритъ о Томитахъ и окружающихъ варварахъ, что имъ приходилось защищаться отъ холода мѣховыми одеждами и шароварами. Относительно вооруженія Ольвиополитовъ Діонъ упоминаетъ тодько, что Каллистратъ, служившій очевидно въ конной милиціи, опоясывался большимъ всадническимъ ножомъ⁴⁰⁾.

Государственное устройство въ Ольвиі въ этомъ періодѣ было по прежнему демократическое; верховная власть, какъ и прежде, принадлежала совѣту и народному собранію, исполнителями ихъ рѣшеній были архонты, стратиги, агораномы и другія должностныя лица. Однако на этомъ устройствѣ теперь замѣтенъ довольно яркій аристократическій налетъ, который раньше не былъ виденъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ по настоящее время документахъ. Къ со-

³⁹⁾ Съ этимъ извѣстіемъ Діона интересно сопоставить свидѣтельства двухъ надписей (*Insct. P. №№ 17 и 37*), изъ которыхъ очевидно, что въ болѣе раннія времена черныя дѣла служили въ Ольвиі признакомъ траура: въ № 17 при установленіи церемоніала торжественнаго погребенія Никирата Папіева между прочимъ рѣшено *„μελαειμονῆσαι τοὺς κολεῖτας καὶ πατέρας τῆ ἐκφορᾶ ἄκιστα: ἐν ταῖσι?“*. Томиты, по словамъ Овидія, также одѣвались подобно окружающимъ варварамъ. См. *Trist.* III, 10, 19 сл., V, 7, 49 сл. и особенно V, 10, 33 сл.:

*Nos quoque, qui geniti Graia creduntur ab urbe,
Pro patrio cultu Persica braca tegit.*

⁴⁰⁾ О вооруженіи соедѣннхъ съ Томами варваровъ ср. *Op. Trist.* V, 7, 15—20 и III, 10, 55 сл.

жалѣнію ихъ такъ мало, что на основаніи ихъ нельзя сказать навѣрное, чтобы этого аристократическаго оттѣнка въ дѣйствительности не было и раньше, а если не было, то явился ли онъ постепенно вслѣдствіе мелкихъ, частныхъ реформъ, или сразу вслѣдствіе крупнаго измѣненія конституціи. Въ послѣднемъ случаѣ такое измѣненіе естественнѣе всего было бы связать съ возстановленіемъ города послѣ гетскаго разгрома. Оставляя открытымъ этотъ вопросъ въ надеждѣ, что онъ разъяснится когда нибудь впослѣдствіи при помощи новыхъ эпиграфическихъ открытій, мы въ настоящее время принуждены ограничиться здѣсь констатированіемъ самаго факта, а въ другомъ мѣстѣ укажемъ тѣ данныя, которыя послужили намъ основаніемъ къ его установленію (см. ч. II гл. 1).

§ 3. Отношенія Ольвіополитовъ къ сосѣдямъ и Римлянамъ.

Познакомившись съ внутреннимъ состояніемъ Ольвии въ новый періодъ ея существованія, на сколько это ознакомленіе возможно при крайней недостаточности источниковъ, посмотримъ теперь, каковы были ея отношенія къ сосѣднимъ скизамъ и сарматамъ и къ тому великому народу, который, подчинивъ къ тому времени своей державѣ почти всѣ страны по бассейну Средиземнаго моря, сталъ постепенно распространять свое владычество и въ придунайскихъ варварскихъ земляхъ.

Отношенія Ольвии къ ея ближайшимъ сосѣдямъ въ этомъ періодѣ до сихъ поръ задернуты густою завѣсою, которая лишь кое когда слегка приподнимается и даетъ любопытному взору возможность хотя немного проникнуть вглубь господствующаго надъ этими странами таинственнаго мрака. Мы видимъ, что скифы и сарматы еще въ I и II вв. по Р. Хр. кочуютъ въ окрестностяхъ Ольвии ¹⁾. На какихъ

¹⁾ Діонъ Хрисостомъ въ своей рѣчи не дѣлаетъ никакого различія между скизами и савроматами, откуда очевидно, что и тѣ и другіе были въ его время ближайшими сосѣдами Ольвии. Савроматы уже стояли твердою ногою на берегахъ Бугскаго лимана; супругъ ихъ царя принадлежало укрѣпленіе Алекторъ, которое новые исследователи со времёнъ *Муравьева Апостола* (Пут. по Тавридѣ стр. 13, ср. *Бларамберга* Опис. др. мед. Ольвии стр. 37, *И. А. Стемковскаго* Исслѣдованія о мѣстопох. др. греч. поселеній на берегу Понта Евкс. (С.-Пб. 1826) стр. 31 и др.) ставятъ обыкновенно на мѣстѣ нынѣшняго Очакова. (По мнѣнію *П. О. Бурачкава* (Кат. стр. 12) Алекторъ находился „по всей вѣроятности на лѣвой таврической сторонѣ днѣпровско-бугскаго лимана“; но это предположеніе не обставлено у почтеннаго исследователя никакими доказательствами).

условіяхъ состоялось соглашеніе относительно возстановленія разореннаго гетами города между удалившимися изъ него жителями и пригласившими ихъ обратно (по словамъ Діона Хрисостома) скинами, мы не знаемъ. Должна ли была Ольвіа признать надъ собою верховную власть скиноэвъ, или осталась вольнымъ городомъ, — на этотъ вопросъ мы не находимъ въ существующихъ источникахъ никакого отвѣта. Указывать на то, что отъ этого періода не сохранилось признаковъ зависимости въ видѣ монетъ съ именами скинскихъ царей, подобныхъ существовавшимъ прежде, мы не рискуемъ, припомнимъ, что нѣкоторые изъ прежнихъ изслѣдователей относили эти монеты именно къ интересующему насъ теперь періоду и что хотя наши соображенія привели насъ къ несогласному съ ними выводу ²⁾, но въ числѣ этихъ соображеній нѣтъ такихъ, которыя сразу говорили бы вполне убѣдительно для всѣхъ и не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ вѣрности нашего взгляда. Намъ могутъ сказать, что если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ этихъ царей жили уже въ разсчитываемомъ нами періодѣ, напр. Кав..., Сарія, да пожалуй и Фарзой. Невѣроятность такого возраженія придется показать другимъ путемъ.

Попробуемъ представить себѣ, какъ могло произойти возстановленіе города послѣ гетскаго разгрома. Ольвіополиты, не будучи въ состояніи бороться съ страшнымъ врагомъ, съ болью въ душѣ рѣшились покинуть τὴν ἐκ κολλῶν ἐτῶν τετραημένην πατρίδα ³⁾, оставивъ на произволъ судьбы свои разграбленныя жилища, поруганныя храмы боговъ и изуродованные памятники предковъ. Они удалились вѣроятно въ Іллію и Крымъ, гдѣ у нихъ были соплеменники — Херсонисцы и др.; думали ли они основать тамъ новый городъ, или поселиться въ одномъ изъ существовавшихъ, мы не знаемъ. Но вотъ скины начинаютъ живо чувствовать неудобства, являющіяся слѣдствіемъ уничтоженія близкаго и привычнаго для нихъ торговаго пункта, ощущаютъ недостатокъ въ привозныхъ еллинскихъ товарахъ и не знаютъ, куда дѣвать скопляющіяся у нихъ произведенія ихъ собственной страны. Они приглашаютъ удалившихся Ольвіополитовъ вернуться на прежнее пепелище ⁴⁾. Чѣмъ же они могли заманить ихъ туда? Конечно прежде

²⁾ См. выше стр. 129 сл.

³⁾ Выраженіе Протогеновскаго декрета, В стр. 26.

⁴⁾ Если относиться съ довѣріемъ къ свидѣтельству Діона, то придется заключить, что сами разбѣжавшіе Ольвіополиты не думали вернуться на свое старое пепелище, такъ какъ вѣроятно прошло не мало времени, пока скины додумались до необходимости пригласить ихъ воротиться, и стало быть, если бы

всего обѣщаніемъ помощи при восстановленіи города изъ развалинъ, затѣмъ—обѣщаніемъ защиты отъ враговъ, мирной и спокойной жизни, при которой Ольвіополиты могли бы путемъ торговли, хотя постепенно, наверстать понесенные ими убытки. Торговля же могла процвѣтать только при полной политической свободѣ, такъ какъ признаніе верховной власти скиеовъ, конечно, повлекло бы за собою и данническія къ нимъ отношенія, при которыхъ матеріальныя средства города не были бы ничѣмъ гарантированы отъ произвола скиескихъ царьковъ. Въ памяти Ольвіополитовъ могли еще живо сохраняться произвольныя поборы Саитафарпа и другихъ царей прежнихъ временъ. Перспектива мирной и свободной жизни—вотъ, мнѣ кажется, что могло привлечь Ольвіополитовъ возвратиться въ раззоренный городъ. При этомъ они для болѣе тѣснаго скрѣпленія узъ, которыя отнынѣ должны были связывать ихъ съ скиеами, естественно могли принять въ свою среду нѣсколько скиескихъ, болѣе или менѣе еллинизованныхъ, семей, пожелавшихъ пріобрѣсти прочную осѣдлость въ ихъ городѣ, и даровать имъ гражданскія права. Такъ могло начаться то смѣшеніе еллинскаго и варварскаго элементовъ, о которомъ мы говорили выше (стр. 173 сл.). Въ пользу нашего взгляда можетъ свидѣтельствовать между прочимъ и то, что у Діона Хрисостома нѣтъ никакихъ ни прямыхъ указаній, ни косвенныхъ намековъ на подчиненіе Ольвіи скиеамъ послѣ ея восстановленія изъ развалинъ, а между тѣмъ онъ, касаясь судьбы возрожденнаго города, врядъ ли могъ бы избѣжать такихъ намековъ или указаній. Правда, существовавшія въ его время отношенія Ольвіополитовъ къ скиеамъ были вовсе не похожи на тѣ, которыя по нашему представленію должны были существовать въ первое время по восстановленіи города, но вѣдь въ полтораста лѣтъ многое могло измѣниться, могло явиться много разнообразныхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ эти мирныя отношенія могли уступить мѣсто враждебнымъ. То скиеское племя, которое призвало Ольвіополитовъ, могло удалиться изъ окрестностей города и на смѣну его явиться другое, враждебное еллинамъ, могли производти разныя споры при торговыхъ сдѣлкахъ, могла проявиться *ἔμφυτος ἀδελεία* скиеовъ, которая выставляется на видъ еще въ документѣ Діофанта, однимъ словомъ причинъ можно представить себѣ не мало и весьма разнообразныхъ. Какъ бы то ни было, во времена Діона сосѣдніе скиены и савроматы часто тревожили

они сами думали это сдѣлать, то могли бы сдѣлать раньше приглашенія со стороны скиеовъ.

Ольвіополитовъ своими нападеніями. Молодой другъ Діона Каллистратъ, не смотря на свой юный возрастъ, успѣлъ уже оказать различные подвиги храбрости и убить или взять въ плѣнъ многихъ савроматовъ. Ольвіополитамъ приходилось жить въ постоянномъ страхѣ; для того, чтобы враги не могли нападать врасплохъ на самый городъ, они выставляли сторожевые пикеты въ степи на далекомъ разстояніи отъ города (ихъ можно представить себѣ въ родѣ казачьихъ кордоновъ въ былое время на Кавказѣ) и принимали другія мѣры предосторожности⁵⁾, но онѣ не всегда помогали, отчасти потому, что часовые небрежно исполняли свои обязанности. Какъ разъ наканунѣ того дня, въ который Діонъ бесѣдовалъ съ Ольвіополитами о Фокилѣ и божественномъ міроправленіи, среди бѣлаго дня скины сдѣлали набѣгъ и перебили или разогнали зазѣвавшихся часовыхъ; послѣдніе въ страхъ разбѣжались по степи, такъ что въ городѣ и на другой день не знали еще, чѣмъ кончился набѣгъ (откуда очевидно, что форпосты были далеко отъ города), и съ часу на часъ ожидали нападенія: ворота были на запорѣ, на стѣнѣ развѣвалось военное знамя и всѣ граждане были вооружены, что однако не помѣшало имъ цѣлою толпою окружить Діона и жадно впитать его рѣчи. Другой знакомый Діона, Иеросонтъ, въ своей рѣчи ясно указываетъ на постоянный страхъ, въ которомъ жили Ольвіополиты: „Отложи рѣчь о человеческомъ правленіи“, проситъ онъ Діона, „если только сосѣди на завтра оставятъ насъ въ покоѣ и не придется возиться съ ними, какъ это обыкновенно случается, а теперь скажи намъ о божественномъ міроправленіи“. Однако во время этихъ нападеній скинамъ до времени Діона ни разу еще не удавалось разорять Ольвію: Діонъ прямо называетъ гетскій разгромъ „послѣднимъ и величайшимъ“.

Такія отношенія Ольвіополитовъ къ сосѣдямъ продолжались и во II в. по Р. Хр. Упомянутое объ одномъ нападеніи сосѣдей встрѣчается въ надписи № 58, гдѣ Ольвійскіе стратеги гордятся тѣмъ, что имъ удалось „свести на толпы супостатовъ трофееносную побѣду“. Не довольствуясь принимаемыми мѣрами предосторожности противъ на-

⁵⁾ Каллисеева Каллисеенова въ надписи № 24 хвалитъ между прочимъ за то, что онъ въ бытность стратегомъ *κἀσυν ἀγαθῶν πρόνοιαν τῆς φυλακῆς ἐπιπέσαστο*. Въ такомъ же страхѣ жили Томиты во времена Овидія. См. Trist. III, 10 и особенно III, 14, 41 сл.:

*Nec quo secedam, locus est: custodia muri
Summovet infestos clausaque porta Getas.*

паденій скивоовъ, или видя недостаточность этихъ мѣръ и не имѣя возможности увеличить свои военныя силы, Ольвиополиты старались обезопасивать себя путемъ дипломатическихъ сношеній съ сосѣдами, или посредствомъ почестей, оказываемыхъ ихъ царямъ во время ихъ проѣздовъ мимо Ольвии. Такъ, по крайней мѣрѣ, понимаемъ мы „встрѣчи“ скинскихъ и сарматскихъ царей, неоднократно упоминаемыя въ документахъ этихъ временъ и вмѣняемыя въ особую заслугу Ольвийскимъ дѣятелямъ. Оно и понятно: „встрѣчать“ царей или отправляться къ нимъ посломъ нужно было, конечно, не съ пустыми руками и во время самого посольства не разъ, вѣроятно, приходилось дрожать за свою жизнь, находясь среди вѣроломнаго и враждебно настроеннаго народа. Такія похвалы встрѣчаются въ документахъ въ честь Карвоаза (№ 21: ἀόκνωσ τὰ ἐπιτασσόμενα κατορθούμενος ἐν ταῖς πρὸς τοὺς γειτνῶντας βασιλέας πρεσβείαις, ὧν ἰς τὴν ἀκρεΐθειαν τῆς ἐρημνείας στενοχωρεῖ ὁ λόγος), Θεοκλά (№ 22: εἰς πρεσβείας αὐτὸς αὐτὸν ἔκοντῆν παρέχων ἄοκνον), Посидея сына Сатирова (№ 25: ὑπα[ντίασας καὶ τοὺς Σχυθῶ]ν βασιλεῖς ἀόκνωσ) и еще одного неизвѣстнаго намъ по имени дѣятеля, жившаго, кажется, во времена Септимія Севера (№ 33: ὑπα[ντίασας δὲ καὶ τοὺς τῆς] Σαρματίας βασιλεῖς [ἀόκνωσ, οὐδενὸς κόπου] φεισάμενος).

Во II в. по Р. Хр. Ольвиополитамъ приходится имѣть дѣло съ новыми врагами—тавроскинами. Этотъ народъ, представлявшій, какъ видно изъ самаго его названія, смѣсь скивоовъ съ таврами, впервые упоминается Птоломеемъ ⁹⁾, какъ живущій въ окрестностяхъ извѣстнаго Ахиллова бѣга (нынѣ Тепдровской косы). Въ царствованіе Антонина Благочестиваго тавроскины придвинулись ближе къ Ольвии и стали беспокоить ее своими нападеніями. Не будучи въ состояніи отразить ихъ собственными силами и уже ранѣе, безъ сомнѣнія, отдавшись подъ покровительство могущественной римской державы, Ольвиополиты обратились съ просьбою о помощи къ императору, который посланными туда (конечно изъ сосѣдней Мезии) войсками до того стѣснилъ тавроскиновъ, что они принуждены были заключить съ Ольвиополитами выгодный для послѣднихъ договоръ и дать заложниковъ въ видѣ гарантіи въ исполненіи условій этого договора. Такъ представляется дѣло при чтеніи краткаго свидѣтельства Юлія Капитолина: [Antoninus] Olbiopolitis contra Tauroscythas in Pontum

⁹⁾ Георг. III, 5: Παρὰ μὲν τὴν Βύκην λίμνην Τορεκκάδαί, παρὰ δὲ τὸν Ἀχίλλεωσ δρόμον οἱ Ταυροσκήθαι.

auxilla misit et Tauroscythas usque ad dandos Olbiopolitis obsides victi⁷⁾). Вскорѣ послѣ этого, по вступленіи на престолъ Септимія Севера, Ольвія уже официально признала зависимость отъ Рима и для нея наступили, безъ сомнѣнія, болѣе безопасныя и спокойныя дни. Но прежде, чѣмъ перейти къ ознакомленію съ положеніемъ Ольвіи подъ главенствомъ Рима, представляется нелишнимъ вкратцѣ прослѣдить ея предшествовавшія отношенія къ римлянамъ.

Завоеваніе Балканскаго полуострова римлянами началось еще за 200 сличкомъ лѣтъ до Р. Хр., съ Иллиріи. Во II в. до Р. Хр. покорены и обращены въ римскія провинціи Македонія и Еллада. На берегахъ нижняго Дуная римское оружіе появилось въ первой половинѣ послѣдняго вѣка до Р. Хр. Въ 76 году Македонскій проконсулъ Аппій Клавдій Пульхеръ долженъ былъ двинуться въ походъ противъ сарматовъ, появившихся къ югу отъ Дуная⁸⁾, а послѣ его преждевременной смерти преемникъ его Г. Скрибоній Куріонъ прошелъ чрезъ области дардановъ до Дакіи, но мракъ дремучихъ лѣсовъ остановилъ его дальнѣйшее движеніе⁹⁾. Вслѣдъ затѣмъ М. Лукуллъ разбилъ бессовъ въ дикихъ Родопскихъ горахъ, дошелъ до Дуная и завоевалъ или привлекъ на свою сторону греческіе города на западномъ берегу Чернаго моря¹⁰⁾. По случаю этого похода Аппіанъ впервые упоминаетъ на южномъ берегу Дуная неизвѣстный до тѣхъ поръ народъ—мезовъ или мизовъ. Затѣмъ римляне постепенно, шагъ за шагомъ подавляютъ сопротивленіе еракійскихъ народовъ и упрочиваютъ свое господство отъ сѣвернаго берега Архипелага до Дуная. Въ 30 и 29 гг. до Р. Хр. Македонскій намѣстникъ М. Лициній Крассъ, внукъ триумвира, разгромивъ бастарновъ и мезовъ, вполне подчинилъ ихъ страну римскому владычеству¹¹⁾. „Въ то же время, говоритъ Моммзенъ¹²⁾, были усмирены еще не вполне подчинившіеся еракійцы, а у бессовъ было

⁷⁾ *Julii Capitolini Antoninus Pius (Scriptores hist. Aug. edidd. Jordan et Eysenhardt vol. I) c. 9.*

⁸⁾ *Флоръ I, 38. Естр. VI. Лио. ерп. 91.* О распространеніи римскаго владычества въ этихъ странахъ и къ романизации ср. Т. *Моммзена* Римская ист. т. V (русскій пер. Невѣдомскаго); *Рислера* указ. сочиненія; *Jul. Jung, Römer und Romanen in den Donauländern* (Innsbr. 1877) и др.

⁹⁾ *Флоръ* *ibid.* Лио. ер. 92. *Орос.* V, 23.

¹⁰⁾ *Лио.* ер. 97. *Апп. Иллг.* 30. *Естр.* VI, 10. *Орос.* VI, 3. *Сере.* ad Aeneid. VII, 604.

¹¹⁾ *Лио.* ер. 135, 136. *Дионъ Кассій* 51. 25 сл. *Флоръ* 2, 26.

¹²⁾ *Р. Ист.* т. V стр. 7.

отнято національное святилище Діониса и завѣдываніе имъ передано князьямъ одрисовъ, которые въ особенности съ той поры стали или должны были управлять, подъ охраной римскаго верховенства, еракійскими племенами, жившими къ югу отъ Гама. Подъ эту охрану были, сверхъ того, поставлены греческіе города, находившіеся на берегахъ Чернаго моря, а остальная прибрѣтенная завоеваніемъ территория была распредѣлена между различными вассальными владѣтелями, на которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ перешла и обязанность охранять границу государства⁴³. Эти вассальныя владѣнія постепенно соединялись въ одно цѣлое и превращались въ намѣстничество, окончательное устройство котораго Моммзенъ относитъ ко времени около 743 г. Рима (11 до Р. Хр.) или немного ранѣе. Въ 6 г. по Р. Хр. несомнѣнно существовалъ уже императорскій намѣстникъ Мезіи⁴⁴). Сѣверною границею провинціи служилъ Дунай. Но спустя полстолѣтія граница эта передвинулась далѣе къ сѣверу до Тиръ, вошедшей въ составъ провинціи при Неронѣ въ 57 году⁴⁵). Такимъ образомъ отъ сѣвернаго предѣла римскихъ владѣній было теперь, что называется, рукой подать до Ольвии и она должна была близко познакомиться съ новыми могущественными сосѣдями, тѣмъ болѣе, что они постоянно оказывали защиту и благоволеніе греческимъ городамъ въ этихъ странахъ. И дѣйствительно, уже во времена Августа и Тиберія мы видимъ слѣды не только сношеній Ольвиополитовъ съ римлянами, но и благодарній, оказываемыхъ первымъ императорами, и живаго чувства благодарности за эти благодаренія. Ольвійскій гражданинъ Ававъ сынъ Каллисоена, по словамъ декрета, изданнаго византіяцами въ честь его сына Оронта⁴⁶), „первенствовавшій не только въ отечествѣ, но и во всемъ Понтійскомъ народѣ, и пробившійся (τροχόψας) до извѣстности Августамъ“, посвятилъ императорамъ Августу и Тиберію и народу построенный имъ портикъ⁴⁶). Мы не можемъ сказать даже предположительно, какимъ именно путемъ Ававъ прибрѣлъ столь выдающееся положеніе среди своихъ согражданъ и за какія именно благодаренія почтилъ

⁴³) *Діонъ Кассій* 55, 29.

⁴⁴) *Моммзен* ad C. I. Lat. III n° 781 (= *Inschr. P.* I стр. 13). Около этого времени римляне уже очень хорошо давали придунайскимъ варварамъ чувствовать свою силу, а покровительство грекамъ простирали уже отъ Мезіи до Херсониса Таврическаго. См. надпись Т. Плавціа Сильвана у *Orelli*, *Inschr. lat. coll.* № 750.

⁴⁵) *Inschr. P.* № 47.

⁴⁶) Тамъ же № 102.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛ.

1887.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашкова. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1887.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	33
И. Г. Виноградовъ. Исслѣдованія по соціальной исторіи Англій въ средніе вѣка (<i>продолженіе</i>).	189
В. Г. Васильевскій. Обзорніе трудовъ по византійской исторіи.	222

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. И. Веселовскій. В. Наливкинъ и М. Наливкина. Очеркъ быта женщины осѣдлаго туземнаго населенія Ферраны. Казань. 1886.	226
А. И. Веселовскій. Лорренскія сказки.	285
Г. С. Дестунисъ. Византійскіе церкви и памятники Константинополя. И. Кондакова. Одесса. 1886.	303
И. В. Владигировъ. Два повѣя исслѣдованія о Симеонѣ Полоцкомъ.	325
К. П. С—скій. Труды В. В. Бобынина по исторіи математики . . .	337
А. И. Нейфельдъ. 1) <i>Adolf Holt</i> . Griechische Geschichte von ihrem Ursprunge bis zum Untergange der Selbststaendigkeit des griechischen Volkes. Berlin. 1886. 2) <i>Georg Busolt</i> . Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaironea. Gotha. 1886.	343
И. А. С—скій. Вологодскій Сборникъ И. А. Полевиктова. Вологда. 1883—1885.	349
— Книжныя новости	183 и 352
— Наша учебная литература (разборъ 9 книгъ)	49

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорское Русское Историческое Общество въ 1886 году.	49
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	54
— Некрологъ П. В. Анненкова	68

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

В. В. Латышевъ. Исслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи	183
И. О. Вурачковъ. Замѣтка по поводу мнѣнія В. В. Латышева о мѣстонахожденіи Ипполаева мыса.	307

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 3-го апрѣля).

онъ императоровъ посвященъ мѣ портика¹⁷⁾. Но можно думать, что столь почтительныя чувства къ императорскому дому были тогда исключеніемъ въ Ольвіи и что вообще престижъ римскаго имени стоялъ тамъ еще не высоко. По крайней мѣрѣ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, во времена пребыванія въ Ольвіи Діона Христомы, проявленіе рабодѣльной преданности къ римлянамъ со стороны одного гражданина было встрѣчено всеобщимъ презрѣніемъ и ненавистью. „Всѣ Ольвіополиты, рассказываетъ Діонъ, носили длинные волосы и бороды по древне-еллипскому обычаю, одинъ только между ними былъ обстриженъ, и его всѣ поносили и ненавидѣли: говорили, что онъ сдѣлалъ это не по другой какой либо причинѣ, а изъ желанія польстить римлянамъ и доказать свою дружбу къ нимъ, такъ что на немъ можно было видѣть весь позоръ такого поступка и крайнее его неприличіе для мужей“.

Однако со временъ Траяна такое отношеніе измѣняется въ противоположную сторону. Причина перемены задерпуга для насъ завѣсою неизвѣстности, которая врядъ ли когда нибудь откроется, по быть можетъ мы не ошибемся, если предположимъ, что эхо побѣды Траяна надъ Децебаломъ Дакійскимъ донеслось и до Ольвіи и заставило ее съ уваженіемъ смотрѣть на римлянъ, тѣмъ болѣе, что послѣ образованія провинціи Дакии римская власть въ придунайскихъ странахъ утвердилась прочнѣе, чѣмъ когда бы то ни было¹⁸⁾. „Тѣ шесть-

¹⁷⁾ Весьма оригинальное объясненіе предлагаетъ гр. Уваровъ, Иссл. стр. 97: „Такой поступокъ, со стороны такого замѣчательнаго лица, какъ Абабъ, можетъ быть даже и Архонта [?], доказываетъ намъ страхъ Ольвіицевъ передъ силою и властью Рима, хотя уже [?] и при Діонѣ въ Ольвіи ненавидѣли граждана, угождавшихъ чѣмъ бы то ни было Римлянамъ. Въ 17 г. по Р. Хр. Тиверій повелѣваетъ умертвить Каппадокійскаго царя Архелая и присоединить его владѣнія къ Римской имперіи. Такое повелѣніе еще болѣе увеличило страхъ къ Римской власти во всѣхъ приморскихъ республикахъ Понта Евксинскаго, такъ что можно думать, что надпись Абаба принадлежитъ именно къ этому времени, когда всѣ приморскіе города и государства опасались подвергнуться такой же участи“. Приказаніе частному лицу построить на свой счетъ портикъ въ честь императоровъ для отвращенія опасности, грозившей изъ Рима, во всякомъ случаѣ было бы со стороны Ольвіополитовъ болѣе чѣмъ наивно. Какую связь имѣетъ указаніе на ненависть къ римлянамъ при Діонѣ съ предыдущею фразою, — мы отказываемся понимать.

¹⁸⁾ Не знаемъ, на основаніи какихъ данныхъ *H. Schiller* (*Geschichte der Römischen Kaiserzeit* т. I, 2 (1883) стр. 550) утверждаетъ, что при Траянѣ, послѣ дакійскихъ войнъ, Ольвіи была объявлена свободнымъ городомъ и выдѣла съ

десять лѣтъ, говорить Моммзенъ¹⁹⁾, которыя протекли послѣ войны Траяна съ даками, были для придунайскихъ странъ эпохой внутренняго спокойствія и мирнаго развитія. Конечно до вичѣмъ не нарушимаго спокойствія дѣло никогда не доходило близъ устьевъ Дуная и правительство по прежнему прибѣгало къ опасному способу обезпечивать охрану границъ путемъ ежегодной выдачи подарковъ жившимъ подлѣ границы безпокойнымъ сосѣдямъ, какъ это дѣлали съ Децебаломъ; тѣмъ не менѣе остатки древности свидѣтельствуютъ о томъ, что именно въ ту пору повсюду развивалась городская жизнь, и въ особенности въ Панноніи было не мало общинъ, называвшихъ своимъ основателемъ Адриана или Піа²⁰⁾. Можетъ быть не случайно и въ Ольвіи большинство сохранившихся эпиграфическихъ памятниковъ относится, какъ мы видѣли, къ послѣ-Траяновскимъ временамъ. Къ сожалѣнію мы лишены возможности ближе прослѣдить эту перемѣну отношеній Ольвіополитовъ къ римлянамъ и можемъ заключать о ней только по ничтожнымъ намекамъ, въ числѣ которыхъ наиболѣе яснымъ является употребленіе Ольвіополитами римскихъ именъ. Полныя имена (то есть состоящія изъ *praenomen*, *nomen* и *cognomen*) даются именно въ честь Траяна и Адриана²⁰⁾; между отдѣльными именами также встрѣчаются *Μάρκος* и *Αἴλιος*²¹⁾. Затѣмъ Ольвіополитамъ случилось и на дѣлѣ испытать благосклонность римлянъ, когда императоръ Антонинъ присланными войсками избавилъ ихъ отъ опасности, грозившей отъ вторженій тавроскиѳовъ. Этотъ фактъ ясно доказываетъ, что Ольвія пользовалась покровительствомъ римлянъ уже задолго до того времени, когда послѣдовало формальное подчиненіе ея верховной власти Рима въ началѣ царствованія Септимія Севера.

Тирою поставлена подъ защиту римлянъ. Относительно Ольвіи намъ неизвѣстны такія данныя, а Тира еще при Неронѣ была присоединена къ римской провинціи Мезія (см. *Mommsen*, С. I. Lat. III ad № 781—*Inscr. P.* I стр. 13).

¹⁹⁾ *P. ust.* т. V стр. 202 (р. пер.).

²⁰⁾ М. Οὐλκίος Πόρρος 'Αραηρούαχου, стратигъ и архонтъ, *Inscr. P.* №№ 56 и 76; стратиги П. Αἴλιος 'Αραηρούαχός и № 59 и П. Αἴλιος 'Αχιλλεύς въ № 80. Навѣрное можно сказать, что эти лица были природные Ольвіополиты (отецъ Пирра носилъ варварское имя, неоднократно встрѣчающееся въ Ольвіи), а не вольноотпущенники императоровъ, какъ предполагалъ б. Кёне (*M. Koen* I стр. 82).

²¹⁾ Αἴλιος Ναυταίμου № 53, Μάρκος 'Αχιλλεύς № 62, Αἴλιος Κοιν[τίλι]ος № 124. Другія римскія имена въ Ольвійскихъ надписяхъ: Λούκιος Λουκίου (№ 53), 'Αντωνίος Κλαύδιος (84), Μαρκτιανός и 'Ρουφείνιος (97), [Γά]ιος 'Αταίλιος и 'Ιουλία Θεοδώρα (108), Δωνάτος (126), 'Ιουλιανός (150).

ГЛАВА VII.

Ольвія подъ главенствомъ Рима.

О признаніи Ольвіею верховной власти Рима въ первые годы царствованія Септимія Севера уже прежіе изслѣдователи ея судьбъ¹⁾ заключали потому, что именно съ Севера началась въ Ольвіи чеканка монетъ съ именами членовъ императорскаго дома²⁾ и что сыновьямъ его Каракаллѣ и Гетѣ были поставлены въ Ольвіи статуи отъ имени совѣта и народа (Inscr. P. № 109). Недавно явилось новое важное подтвержденіе этого предположенія въ надписи о посвященіи Ольвіополитами бани въ честь Севера и Каракаллы (№ 97), гдѣ въ числѣ епонимовъ упоминается намѣстникъ провинціи (ὁ δῆμων τῆς ἐπαρχείου) съ несохранившимся, къ сожалѣнію, именемъ. Другое упоминаніе о намѣстникѣ и, какъ кажется, о посольствѣ къ императорамъ сохранилось на одномъ обломкѣ декрета (№ 33), къ сожалѣнію очень плохо списанномъ графомъ Потоцкимъ и потомъ снова потерянномъ.

Чѣмъ было ближайшимъ образомъ обусловлено формальное признаніе Ольвіею римской верховной власти, мы навѣрное сказать не можемъ. Въ первые годы послѣ провозглашенія императоромъ, Северу, какъ извѣстно, пришлось вести борьбу съ соперниками, изъ коихъ могущественнѣйшимъ былъ Г. Песценій Нигеръ. Сторону послѣднѣй приняла сильная Византія, которая, благодаря своимъ почти неприступнымъ укрѣпленіямъ и огромному флоту, безъ малаго три года (193—196) мужественно держалась противъ обложившихъ ее войскъ Севера³⁾. Даже окончательное пораженіе Нигера и видъ его отрубленной головы не могли сломать упорнаго сопротивленія византій-

¹⁾ Гр. *Уваровъ*, Изсл. стр. 99. *Кѣне*, М. Коч. I стр. 75. *Моммсенъ*, P. ист. V стр. 279, ср. С. I. Lat. III ad № 781.

²⁾ *Сестими* приписывалъ одну Ольвійскую монету императору Домиціану; но невѣрность его мнѣнія отмѣчена уже *Бларамбергомъ* (Опис. др. мед. Ольвіи стр. 36 пр. 1, русск. пер.) в гр. *Уваровымъ* (Изсл. стр. 57 пр. 8).

³⁾ См. *М. J. Höffner*, Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers L. Septimius Severus (Giesl. 1875) стр. 124 сл.; *Ad. de Ouleneer*, Essai sur la vie et le règne de Septime Sévère (Brux. 1880); *C. Fuchs*, Geschichte des Kaisers L. Septimius Severus (Wien 1884); *H. Schiller*, Gesch. der Röm. Kaiserzeit т. I отд. стр. 705 сл., и др.

цевъ ⁴⁾; только отчаянный голодъ и отсутствіе всякой надежды на помощь заставили ихъ сдаться весною 196 года, къ величайшей радости Севера, бывшаго тогда въ Месопотаміи. О положеніи другихъ припоитійскихъ городовъ во время сопротивленія Византіи нѣтъ рѣчи въ нашихъ источникахъ. Но во всякомъ случаѣ громкое эхо паденія столь могущественнаго города должно было разнестись по этимъ городамъ и наполнить сердца ихъ гражданъ страхомъ и уваженіемъ къ силѣ побѣдителя. Тогда-то, быть можетъ, и Ольвіа, уже давно пользовавшаяся покровительствомъ римлянъ, открыто признала ихъ верховную власть надъ собою. Посольство съ изъясненіемъ этого признанія могло быть отправлено къ Северу во время его путешествія изъ Византіи чрезъ Мезію на западъ по Дунайской дорогѣ лѣтомъ 196 года ⁵⁾. Едва ли подчиненіе Ольвіи послѣдовало ранѣе этого времени, въ ту пору, когда Нигеръ былъ еще силенъ и незавѣстно было, чѣмъ окончится борьба. Примѣръ Византіи, твердо державшейся стороны Нигера, долженъ былъ сильно imponировать припоитійскимъ городамъ и заставлять ихъ держаться, по крайней мѣрѣ, выжидательной политики. Нѣкоторое подтвержденіе нашимъ предположеніямъ можно видѣть, кажется, въ документѣ № 97: посвященіе бани, бывшее вѣроятно первымъ знакомъ преданности Ольвіополитовъ императорскому дому, послѣдовало не ранѣе лѣта 196 и не позднѣе 198 года, какъ видно изъ цезарскаго титула, приданнаго въ этомъ документѣ Каракаллѣ ⁶⁾.

Какъ бы то ни было, вышеуказанныя свидѣтельства не допускаютъ сомнѣній въ самомъ фактѣ официального признанія Ольвіею верховной власти Рима въ первые годы царствованія Септимія Севера. „Само собою разумѣется, — повторимъ мы вмѣстѣ съ Т. Момизеномъ ⁷⁾, — что это соединеніе относилось только къ городской территоріи и что никогда не имѣлось въ виду подчинить римскому верховенству тѣхъ варваровъ, которыми были окружены Тира и Ольвіа“. Какъ видно изъ упоминанія о намѣстникѣ провинціи въ двухъ вышеупомянутыхъ Ольвійскихъ надписяхъ, Ольвіа была присоединена къ

⁴⁾ „Es ist eine Erscheinung, замѣчаетъ Фуксъ ук. соч. стр. 48, die in der Bürgerkriegen jener Zeit selten gefunden wird, dass eine einzelne Stadt trotz des Unglücks ihrer Partei dem siegreichen Gegner ihre Thore verschliesst“.

⁵⁾ Ср. *Schiller* стр. 714, *Fuchs* стр. 58.

⁶⁾ Каракалла былъ объявленъ цезаремъ во время вышеупомянутого путешествія въ Viminacium въ Мезіи.

⁷⁾ Р. ист. т. V стр. 279.

римской провинціи и именно къ нижней Мезии; послѣднее можно заключить изъ того, что восточной границей Дакии постоянно оставалась рѣка Тирасъ (Серетъ) и что Тира за полтораста лѣтъ предъ тѣмъ, при Неронѣ, также была присоединена къ Мезии, какъ это ясно показалъ Моммзенъ. Фактъ присоединенія Ольвии къ провинціи свидѣтельствуетъ въ свою очередь, что она была поставлена не въ разрядъ *civitates liberae et immunes*, а въ разрядъ *stipendiarii* или, какъ называютъ ихъ греческіе писатели, *οἱ ὑπὸ φόρου, οἱ ὑποτεταγμένοι Ῥωμαίους*. Правовое положеніе такихъ городовъ Марквардтъ *) характеризуетъ слѣдующими чертами: всѣмъ покореннымъ мѣстностямъ римляне снова даровали ихъ государственное право или, какъ это называлось официально, возвращали ихъ городъ, область и законы; онѣ сохраняли такимъ образомъ свой совѣтъ, народное собраніе и старинныя власти, самостоятельно отправляли правосудіе и завѣдывали городскими дѣлами, обыкновенно владѣли правомъ бить монету и часто разными особыми привилегіями (*beneficia*). Но эти права не были имъ гарантированы посредствомъ *foedus* или *lex* или *senatus consultum*, а или гарантировались комиссіею, которая устранивала данную провинцію, или обезпечивались эдиктомъ правителя до новыхъ распоряженій и съ тѣми ограниченіями, которыя было ему угодно сдѣлать въ каждомъ случаѣ и которыя состояли именно въ контролѣ правителя надъ примѣненіемъ этихъ правъ. Правителю принадлежала власть одобрять правовое положеніе каждаго города и экстраординарные его расходы, наблюдать за погашеніемъ долговъ и правильнымъ распределеніемъ податей, ревизовать городской бюджетъ и имѣть надзоръ при выборѣ сената и цензоровъ. Такимъ образомъ города этого класса имѣли только извѣстную аналогію съ свободными городами, такъ какъ они управлялись, правда, собственными властями, но подъ отвѣтственностью должностныхъ лицъ римскаго правительства.

Несмотря на крайнюю недостаточность нашихъ свѣдѣній о положеніи Ольвии въ разсматриваемое время, мы видимъ всетаки, что она вполнѣ подходила къ этому типу подвластныхъ Риму городовъ: верховная власть въ городѣ по прежнему принадлежала совѣту и народу, отъ лица которыхъ поставлены статуи Каракаллъ и Гетъ (№ 109); коллегія архонтовъ по прежнему является главнымъ органомъ исполнительской власти (№ 97); относящійся ко временамъ Селтимія Севера декретъ № 24 съ формальной стороны ничѣмъ не отли-

*) *J. Marquardt, Römische Staatsverwaltung* т. I стр. 353 сл.

чается отъ тѣхъ, въ которыхъ нѣтъ никакихъ признаковъ изданія ихъ во времена подчиненія римской власти; наконецъ Ольвіа сохраняетъ право чеканить собственную монету, но исключительно мѣдную и притомъ съ видными признаками подчиненія Риму, состоявшими въ изображеніяхъ императора или членовъ императорскаго дома на монетахъ. Фактъ отсутствія серебряныхъ монетъ такого типа является естественнымъ слѣдствіемъ того положенія, въ которомъ стояла Ольвіа по отношенію къ Риму: извѣстно, что правомъ чеканить серебряную монету во времена Римской имперіи пользовались только *civitates liberae et immunes*, да и то далеко не всѣ⁹⁾. Напротивъ позволеніе имѣть собственную мѣдную монету было одною изъ наиболѣе широко распространенныхъ привилегій городовъ восточныхъ провинцій имперіи, хотя и не составляло ихъ постояннаго права и могло быть подвергнуто различнымъ ограниченіямъ¹⁰⁾.

⁹⁾ См. *Fr. Lenormant, La monnaie dans l'antiquité* т. II стр. 160.

¹⁰⁾ Ср. *Lenormant* у. соч. стр. 164: „Avec la rareté des permissions de monnayage de l'argent accordées aux villes sous l'Empire, contrastent, au contraire, la largeur et la facilité déployées, pour toutes les provinces de l'Orient, par le gouvernement impérial dans l'octroi des autorisations de monnayage local de cuivre. Cette permission devient le fait ordinaire pour toutes les cités de la moitié orientale de l'Empire. Il est bien peu des villes de ces contrées, même de second ordre, qui ne soient représentées dans l'immense série dite des *Impériales grecques*. Beaucoup, qui n'avaient pas eu de monnayage propre aux époques antérieures, font alors seulement leur apparition dans la numismatique“. — Стр. 165: „Mais si la permission du monnayage municipal du cuivre se donnait ainsi avec une extrême facilité, elle ne constituait nulle part un droit existant par lui même; elle résultait d'autorisations formelles, soumises à des nombreuses restrictions, à une réglementation sévère, et essentiellement révocables. Et sous ce rapport nous n'entrevoions aucune différence entre la condition des villes déclarées le plus solennellement libres et autonomes, et celle des villes qui ne jouissaient pas des mêmes privilèges. Tout ce que les premières y gagnaient, c'était de pouvoir écrire des titres ronflants de liberté dans les légendes de leurs monnaies municipales. Mais, au point de vue monétaire, il n'en résultait aucun droit réel. Chez les unes comme chez les autres, la suite des monnaies frappées sous les empereurs offre souvent de notables interruptions, révélant des périodes de suspension de la licence de monnayage, que les faits historiques connus par les écrivains et par les inscriptions ne suffisent pas toujours à expliquer“.

Замѣтимъ кстати, что гр. *Уваровъ* (Исл. стр. 100) представляетъ подчиненіе Ольвіи римской власти въ самыхъ мрачныхъ краскахъ: „Съ паденіемъ Византіи, извратно, пали [?] и всѣ города, процвѣтавшіе на берегахъ Понта Евксинскаго; ибо Византія была ихъ послѣднею защитою [?]. Всѣ эти города заняты были Северомъ. Онъ принялъ теперь названіе Понтійскаго (Ponticus). Ольвіа попыталась

Ольвия имѣла право чеканить монету, какъ кажется, въ теченіи всего царствованія Севера, а можетъ быть и въ царствованіе Кара каллы. Такъ можно заключать по довольно широкому разнообразію типовъ монетъ, носящихъ изображенія членовъ дома Севера. Именно по настоящее время извѣстны слѣдующіе типы:

1) Три типа монетъ самого императора, различающіеся, впрочемъ, только изображеніями на реверсѣ. На лицевой сторонѣ всѣ онѣ имѣютъ увѣнчанный лаврами бюстъ императора съ легендою вокругъ: ΑΥΤΚΑΙΔΟΥΣΕΠΣΕΥΗΡΟΣΠΣΕΒΑ, т. е. Αὐτ(οκράτωρ) Καί(σαρ) Δού(μιος) Σεπ(τήμιος) Σεύηρος Π(ερτίναξ) Σεβα(στός). На оборотѣ читается ΟΛΒΙΟΥΠΟΔΕΙΤΩΝ, вполне или отчасти, и видны слѣдующія изображенія: а) увѣнчанный лаврами Зевсъ, сидящій въ креслѣ вправо, въ лѣвой вытянутой рукѣ держа молнію, а правой опираясь на высокий скипетръ; или б) Римская Фортуна съ рулемъ въ правой рукѣ и рогомъ изобилія въ лѣвой; или в) орелъ съ приподнятыми крыльями обращенный влѣво. Величина всѣхъ трехъ типовъ одинакова ¹¹⁾.

2) Три типа монетъ императрицы Юліи Домны, различающіеся подобно предыдущимъ. Лицевая сторона представляетъ грубое изо-

общую участь. Северъ уничтожилъ большую часть республиканскихъ формъ ея правленія... Ольвия лишена права чеканить монеты съ прежними типами; она должна была изображать на нихъ императора⁴ и т. д. Читая эти строки, можно подумать, что подчиненіе римлянамъ было для Ольвиополитовъ настоящимъ бѣдствіемъ, мало чѣмъ отличавшимся отъ порабощенія ея какими нибудь варварами. Но уже изъ представленнаго нами очерка положенія римскихъ stipendiarii ясно видно, что нарисованная графомъ картина — совершенно фантастическая. Мы недоумѣваемъ, откуда могъ графъ почерпнуть извѣстіе о паденіи всѣхъ припонтийскихъ городовъ, занятіи ихъ Северомъ и уничтоженіи большинства республиканскихъ формъ правленія Ольвии: мы отмѣтили, напротивъ, факты, свидѣтельствующіе о томъ, что именно относительно формъ правленія Ольвия не испытала никакой перемены, и видѣли, что вообще римляне оставили въ подвластныхъ городахъ ихъ прежнее правленіе. Названія Ponticus Северъ никогда не носилъ: см. объ этомъ Шиллера ух. соч. I стр. 712 пр. 5. Положеніе Ольвии въ это время врядъ ли было особенно тяжело и потому, что Северъ вообще благоволялъ къ придунайскимъ странамъ и городамъ и награждалъ ихъ разными привилегіями; ср. напр. документъ о безпошлинности Тиръ, *Inscr. P.* № 3, и вообще Шиллера ух. соч. стр. 732. Наконецъ фактъ изображенія членовъ императорскаго дома на монетахъ Ольвии является прямымъ и естественнымъ слѣдствіемъ признанія ея верховной власти Рима.

¹¹⁾ Гр. Уваровъ, *Иасл.* стр. 117 и табл. XXIV №№ 84, 85 (типы а и б). Б. Кене, М. Коч. I стр. 83 (тѣже типы, съ указаніемъ предшествовавшихъ изданій). Бурачковъ, *Кат.* стр. 75 №№ 232—234 и табл. VIII №№ 187, 188, 198.

браженіе императрицы съ надписью вокругъ: ΔΟΜΝΑ ΑΥΓΟΥΣΤΑ. На оборотѣ: а) Фортуна, какъ на монетахъ типа б Септимія Севера, съ легендою ΟΛΒΙΟΠΟΛΕΙΤΩΝ; б) орелъ съ приподнятыми крыльями, обращенный вправо, съ загнутою назадъ головою и вѣнкомъ въ клювѣ, сзади орла буква Β, надпись какъ на монетахъ типа а; в) въ кругѣ изъ точекъ животное, принимаемое нумизматами за вола или корову, обращенное вправо; передъ нимъ ΟΥΔΟ, внизу Я. Величина всѣхъ монетъ одинакова ¹²⁾).

3) Два типа монетъ Каракаллы. На лицевой сторонѣ онѣ имѣютъ его грудное изображеніе въ лавровомъ вѣнкѣ, обращенное вправо, съ надписью: ΑΥΤΚΑΙΜΑΥΡΑΝΤΩΝΕΙΝΟΣΣΕΒΑ, т. е. Αὐτ(οκράτωρ) Καῖ(σαρ) Μ(άρκος) Αὐρ(ήλιος) Ἀντωνεῖνος Σεβ(αστός). На оборотѣ легенда ΟΛΒΙΟΠΟΛΕΙΤΩΝ, цѣликомъ или отчасти, и изображенія: а) сидящій Зевсъ, какъ на монетахъ типа а Септимія Севера, съ скипетромъ и молніею въ рукахъ, внизу буква Δ; б) по описанію г. Бурачкова „въ кругу изъ точекъ воинъ, стоящій влѣво, передъ нимъ верхняя часть легионнаго значка, воткнутаго въ землю, правая рука воина поддерживаеъ его, а въ лѣвой опущенной онъ имѣетъ неясный предметъ въ видѣ топора. Подъ правую приподнятою ногою отрубленная голова врага“. Бар. Кёне и г. Подшиваловъ объясняютъ это изображеніе иначе, но объясненіе г. Бурачкова кажется намъ болѣе вѣроятнымъ, хотя на его рисунокѣ совсѣмъ не видны нѣкоторые аксессуары изображенія, какъ напримѣръ топоръ въ лѣвой рукѣ воина и голова подъ его правую ногу ¹³⁾).

4) Одинъ типъ монетъ Геты. Лиц. ΚΑΣΕΠΤ·ΓΕΤΑ, т. е. Κ(αῖσαρ) Δ(ούκιος) Σεπτ(ίμιος) Γέτα(ς). Бюстъ Геты въ лавровомъ вѣнкѣ, обращенный вправо. — Об. ΟΛΒΙΟΠΟΛΕΙΤΩΝ. Стоящій воинъ въ шлемѣ и доспѣхахъ съ копьемъ въ правой рукѣ, обращенный вправо; между нижнимъ концемъ копья и ногою воина буква Α ¹⁴⁾. Монета очевидно выбита раньше дарованія Гетѣ императорскаго титула (въ

¹²⁾ Кёне тамъ же, всѣ три типа. Бурачковъ тамъ же, №№ 235 — 236 и 191 192 (типы б и в).

¹³⁾ Кёне стр. 84. Бурачковъ тамъ же №№ 237—238 и 188, 189. А. М. Подшиваловъ, Нумизм. кабинетъ Моск. Публ. и Рум. музеевъ, вып. I (1884) стр. 11 № 106 (типъ б).

¹⁴⁾ Гр. Уваровъ стр. 117 и т. XXIV № 86. Кёне стр. 85. Бурачковъ стр. 76 №№ 239 и 190. Подшиваловъ стр. 12 № 107. Изображеніе на оборотной сторонѣ по мнѣнію Кёне представляетъ Ахилла, именно по всей вѣроятности снимокъ со статуи изъ храма Ахилла Цонгарха.

209 году); поэтому не можетъ быть принято объясненіе б. Кёне, что буква А означаетъ первый годъ царствованія Геты, т. е. 211 по Р. Хр. Этого совершенно достаточно для того, чтобы усомниться въ вѣрности подобнаго же объясненія, предлагаемаго названнымъ ученымъ для буквъ В и Δ, встрѣчающихся на монетахъ, описанныхъ выше ⁴⁵). Къ сожалѣнію мы не можемъ вмѣсто отвергаемаго нами объясненія представить другое, болѣе правдоподобное; замѣтимъ только, что первыя буквы алфавита, до Н, часто встрѣчаются какъ на лицевой, такъ и на оборотной сторонѣ Ольвійскихъ монетъ, относимыхъ нумизматами къ позднѣйшей эпохѣ, какъ вышеописанныхъ императорскихъ, такъ и автономныхъ. Нельзя же думать, чтобы Ольвіополиты постоянно мѣняли свои эры, или что всѣ эти монеты съ разными типами относятся къ первымъ восьми годамъ одной какой либо эры.

Мы не имѣемъ ни эпиграфическихъ, ни нумизматическихъ памятниковъ, которые бы представляли имена слѣдовавшихъ за Каракаллою императоровъ—Макрина и Елагабала, или на основаніи какихъ либо прочныхъ данныхъ могли бы быть приурочены къ ихъ времени (217—222). Поэтому приходится сознаться, что исторія Ольвии въ этотъ пятилѣтній промежутокъ времени совершенно темна, что, впрочемъ, ничуть не удивительно для такого города, жизнь котораго за цѣлыя десятилетия и даже сотни лѣтъ закрыта для насъ непроницаемою завѣсою. Впрочемъ графъ Уваровъ ⁴⁶), обративъ вниманіе на нѣсколько типовъ Ольвійскихъ монетъ, которыхъ „чеканка относится къ римскому періоду и разительно отличается особымъ отпечаткомъ, свойственнымъ однимъ монетамъ римскимъ“, но которыя не имѣютъ на себѣ изображеній лицъ царствующаго дома, выставляетъ для этого времени слѣдующую, очевидно очень его увлекавшую, гипотезу:

„Эти пять лѣтъ, въ продолженіи которыхъ новымъ римскимъ императорамъ не было и времени думать объ отдаленныхъ городахъ Понта Евксинскаго, объясняютъ мнѣ теперь существованіе въ Ольвии монетъ Римской чеканки, но безъ имени императоровъ“.

⁴⁵) Впрочемъ б. Кёне замѣтилъ особенность титула Геты и пытается объяснить ее слѣдующимъ образомъ: „Первая трудность, которую представляетъ этотъ асъ — это имя императора, ΚΛΘ; мы полагаемъ, что эти буквы означаютъ: Κ(αίσαρ) ΛΘ(ύλιος). Правда, что титулъ кесаря кончается обыкновенно имя [?]; но это исключеніе объясняется можетъ быть невѣжествомъ ольвійскаго рѣзчика“. Да, дѣло действительно въ невѣществѣ, но не Ольвійскаго рѣзчика.

⁴⁶) *Изслѣд.* стр. 102, ср. стр. 117.

Забитая Ольвия воспользовалась своимъ положеніемъ и возобновила у себя республиканскій образъ правленія. Можетъ быть открытіе письменныхъ памятниковъ объяснить намъ, до какой степени это новое правленіе было свободпо. Греческія буквы А, В, Г, Д, Е, поставленныя клеймами на монетахъ предыдущаго періода, также принадлежатъ, вѣроятно, этому пятилѣтнему промежутку времени и означаютъ годъ основанія новой республики. Такъ какъ въ Ольвиі оставалось еще много старинныхъ монетъ, со временъ предшествовавшихъ Северу, которыхъ еще не успѣли перечеканить, то новая республика ставила на нихъ клеймо съ годомъ, въ которомъ онѣ снова пущены въ оборотъ, начиная лѣтосчисленіе съ года своего вторичнаго возстановленія, т. е. съ 217 года по Р. Хр.⁴.

Графъ Уваровъ относитъ къ этому времени четыре типа монетъ. Въ виду разнорѣчивыхъ объясненій, которыя онѣ вызывали со стороны новѣйшихъ изслѣдователей Ольвійской нумизматики, мы считаемъ полезнымъ описать ихъ подробно, пользуясь рисунками, приложенными къ трудамъ графа Уварова и г. Бурачкова.

1. Лиц. Изображеніе стоящаго Аполлона, который опирается лѣвою рукою на довольно высокую витую колонку (которую графъ Уваровъ и г. Бурачковъ принимаютъ за жертвенникъ, а б. Кёне—за кинжалъ), а въ правой, вытянутой, держитъ какой-то неясный предметъ (по мнѣнію графа Уварова—плектронъ). Вокругъ надпись: ΟΔΒΙΟΠΟΛΙΤ, направо отъ колонки буква Α.

Об. Четырехструнная (по г. Бурачкову—пятиструнная) лира, надѣво отъ нея буквы ΙΥ, на право ϘΔ¹⁷).

Гр. Уваровъ замѣчаетъ объ этой монетѣ: „Ольвія, освободившись отъ римлянъ, слова обращается къ изображенію роднаго божества Аполлона; но подъ вліяніемъ римской чеканки или римскихъ работниковъ, она въ первый разъ представляетъ его во весь ростъ“. Напротивъ б. Кёне утверждаетъ, что „типы этой монеты не встрѣчаются при императорахъ“.

2. Лиц. Въ кругѣ изъ точекъ волъ или корова, идущая влѣво; предъ нею Α, надъ нею ΚΑΤΑ.

¹⁷) Уваровъ, стр. 117 и т. XXIV № 88. Кёне, стр. 88, 3. Бурачковъ, стр. 73 № 225 и табл. VIII № 180. На лицевой сторонѣ всѣ названныя изслѣдователи согласно видятъ изображеніе Аполлона. Буквы на оборотной сторонѣ приведены нами по рисунку г. Бурачкова; гр. Уваровъ называетъ надпись неразборчивою, а Кёне читаетъ ...ΥΑΚ...

Об. Въ кругѣ изъ точекъ стоящій орелъ вправо, съ головою обращенною влѣво и вѣнкомъ въ клювъ; кругомъ надпись ОДВЮПОДИ вправо отъ орла большаю буква В ¹⁸).

Гр. Уваровъ замѣчаетъ: „лицо и оборотъ этой монеты составлены изъ оборотовъ двухъ монетъ Юліи Домны“. Справедливѣе говорить б. Кёне: „Во времена императоровъ эти оба типа довольно обыкновенны: вошь встрѣчается на монетахъ Юліи Домны и Александра Севера, орелъ—на дупондіяхъ Юліи Домны“.

3. Предложенныя нумизматами объясненія лицевой стороны этой монеты такъ разнообразны, что мы считаемъ нужнымъ привести ихъ цѣликомъ ¹⁹).

Гр. Уваровъ: „Аполлонъ, сидящій на престолѣ, обращенъ на право; въ правой рукѣ онъ держитъ копьё, лѣвая протянута. На лѣво, въ подѣ, монограммы $\mathcal{R} : \mathcal{M}$. Направо отъ Аполлона То. А ²⁰); кругомъ точки“.

Б. Кёне: „Увѣнчанный лаврами Зевсъ сидитъ на стулѣ съ высокою спинкою, правая рука его опирается на скипетръ, а въ лѣвой онъ что-то держитъ, можетъ быть молнію. Передъ нимъ: ІА, сзади \mathcal{R} . КЛ“ (дальше примѣчаніе: „Буквы на лицевой сторонѣ означаютъ имя архонта-эпонима, можетъ быть КЛІА“). Съ этимъ описаніемъ сходно описаніе г. Подшивалова, который однако предъ фигурою видитъ буквы ІОА.

Г. Бурачковъ: „Въ кругу изъ точекъ женщина сидящая въ креслѣ вправо, въ рукахъ у нея скипетръ или тирсъ и музыкальный трегононь [sic] съ четырьмя точками по сторонамъ его. Кресло представляетъ отличіе отъ тѣхъ, на которыхъ представленъ Зевсъ. Надпись какъ на рисункѣ“ ²¹).

¹⁸) Гр. Уваровъ, тамъ же, № 89. Кёне стр. 89, 4. Бурачковъ, стр. 74 № 226 и т. VIII № 181. Подшиваловъ, стр. 11 № 104. Подъ № 227 г. Бурачковъ описываетъ похожую монету меньшей величины съ небольшимъ вариантомъ въ изображеніи на оборотной сторонѣ.

¹⁹) Гр. Уваровъ тамъ же, № 90. Кёне, стр. 88, 1. Бурачковъ тамъ же, № № 229 и 184. Подшиваловъ, стр. 11 № 105.

²⁰) Ниже графъ ту же надпись читаетъ такъ: „ТОД, т. е. въ четвертый разъ“.

²¹) Въ примѣчаніи къ этому описанію г. Бурачковъ между прочимъ говоритъ: „Точки, находящіяся между буквами въ надписи на обратной [читай: лицевой] сторонѣ, даютъ возможность возстановить ее въ слѣдующемъ видѣ: архонта КЛІ, а далье слѣдующее Іо, написанное чрезъ большую іоту, должно быть объяснено отдѣльно при помощи мнѳологическихъ указаній (Preller, R. M. p. 415). Полный

Конечно тамъ, гдѣ одинъ специалистъ видитъ Зевса, другой — Аполлона, третій — женщину, трудно не специалисту сказать что либо положительное. Кажется однако, что правъ б. Кёне, такъ какъ изображение сходно съ изображениями монетъ Септимія Севера и Каракаллы (типовъ *a*), на которыхъ всѣ изслѣдователи видятъ Зевса; сидящая фигура, почти обнаженная, совсѣмъ не похожа на женскую, а „трегононь“, послужившій, повидимому, для г. Бурачкова главнымъ основаніемъ принимать ее за таковую, мы рѣшительно принимаемъ за букву Δ , такъ какъ, если бы это былъ музыкальный инструментъ, то онъ былъ бы непропорціонально великъ и толстъ сравнительно съ фигурой; незначительное отличие въ формѣ кресла едва-ли можетъ имѣть рѣшающее значеніе. Какъ объяснить буквы, находящіяся направо отъ фигуры, — мы рѣшить не беремъ; чтеніе гр. Уварова могло бы показаться вѣроятнымъ, но на рисунокъ г. Бурачкова первая буква не можетъ быть принята за Т и кромѣ того было бы странно, что подробность относительно должности архонта изображена крупными буквами, между тѣмъ какъ его имя — болѣе мелкими.

Въ объясненіи изображенія на оборотной сторонѣ названіе изслѣдователи почти согласны между собою: они видятъ на ней Римскую Фортуну съ рулемъ и рогомъ изобилія въ рукахъ, обращенную влѣво; вокругъ надпись ОΛΒΙΟΥΠΟΛΙ и въ полѣ направо отъ Фортуны буква Δ ²²).

Б. Кёне замѣчаетъ, что „изображеніе лицевой стороны встрѣчается на дупондіяхъ Септимія Севера, Каракаллы и Юліи Мамен, а изображеніе оборотной стороны — на дупондіяхъ Септимія Севера, Юліи Домны и Юліи Мамен“.

4. Лиц. Стоящій воинъ (по мнѣнію б. Кёне и г. Бурачкова —

взявъ экземпляръ этой монеты, принадлежащій Московскому историческому музею, не можетъ подать повода утверждать, что на немъ изображенъ Зевсъ, какъ предполагалъ Б. Кёне (I, 88). Трегононь, находящійся въ рукѣ сидящей огуры, есть инструментъ египетскій, приличествовавшій божествомъ женскимъ, а не Зевсу (см. О. И. Арх. Комм. за 1870—1871 г. стр. 207—211). Что же касается причины, подавшей г. Вутковскому поводъ называть эту медаль сикескою, то им не беремъ смѣлости объяснять ее, усматривая въ Io римскій возгласъ: Io Saturnalia“. Невѣроятность этого послѣдняго объясненія почтеннаго нумизмата указала уже И. В. Помяловскимъ въ его отчетѣ о VI Арх. съѣздѣ, *Журн. Мин. Нар. Пр.* январь 1885, стр. 20 отд. оттиска.

²²) На рисунокъ г. Бурачкова руль въ правой рукѣ Фортуны не виденъ и буква изображена въ видѣ Λ .

Ахиллъ) съ копьемъ въ правой и вѣнкомъ въ лѣвой рукѣ. Налѣво отъ него буквы КІ (по чтенію б. Кѣне KT), на право Δ .

Об. ОΔΒΙΟΠΟΔΙ. Окрыленный кадуцей, около него справа Δ ²³).

Всѣ изслѣдователи замѣтили сходство типа лицевой стороны съ типомъ монетъ Геты.

Нельзя не признать, что графъ Уваровъ совершенно основательно подмѣтилъ сходство типовъ разсмотрѣнныхъ монетъ съ императорскими и что, стало быть, онѣ должны принадлежать къ близкой съ ними эпохѣ. Бар. Кѣне думаетъ, что эти монеты чеканены послѣ Александра Севера, до половины третьяго столѣтія, по въ пользу своего мнѣнія не приводитъ никакихъ положительныхъ доказательствъ, указывая только, что на монетахъ Александра и Юліи Маммеи встрѣчаются подобные типы. Однако, если возможно предположеніе, что прототипами разсмотрѣнныхъ нами монетъ были эти послѣднія, то почему же не допустить предположенія обратнаго, тѣмъ болѣе, что съ императорскими монетами эпохи Септимія Севера интересующія насъ теперь монеты представляютъ такое же, если не большее, сходство типовъ? Такимъ образомъ съ этой стороны гипотеза графа Уварова представляется имѣющею значительную долю вѣроятности; но его предположеніе, что встрѣчающіяся на монетахъ буквы отъ А до Е (припомнимъ, что на разсмотрѣнныхъ 4-хъ типахъ мы видѣли только А, В и Δ) обозначаютъ годы новаго лѣтосчисленія, начатаго Ольвіополитами отъ освобожденія изъ подъ римской власти, то есть съ 217 года, по нашему мнѣнію положительно должно быть отвергнуто. Впередъхъ мы не понимаемъ, на какомъ основаніи графъ Уваровъ полагаетъ, что подчиненіе верховенству римлянъ было на столько непріятно и тяжело Ольвіополитамъ, что освобожденіе отъ него они приняли за новую эру въ жизни роднаго города; намъ кажется, напротивъ, что покровительство римлянъ только обезпечивало Ольвіополитамъ болѣе спокойную и безопасную жизнь и въ особенности было благопріятно для ихъ торговыхъ сношеній съ городами, бывшими также подъ римской властью. Если мы обратимся къ другимъ городамъ за аналогичными примѣрами, то нигдѣ не найдемъ такого случая, чтобы лѣтосчисленіе начиналось съ освобожденія го-

²³) Гр. Уваровъ тамъ же, № 91. Кѣне, стр. 88, 2. Бурачковъ стр. 75 № 230 и т. VIII № 200. Подъ № 231 (табл. VII № 185) г. Бурачковъ описываетъ попорченную монету съ совершенно сходнымъ изображеніемъ на лицевой сторонѣ и небольшимъ бюстомъ неизвѣстнаго лица на оборотной.

рода изъ подъ римской власти, а напротивъ встрѣтимъ не мало такихъ, гдѣ оно начинается именно съ года подчиненія города римскому главенству, или съ какихъ либо важныхъ событій римской исторіи; таковы, наприимѣръ, зрн: города Тиръ, Помпеева или сирийская, актійская, вторая македонская или Августовская ²⁴⁾ и др. Вторыхъ, какъ мы уже замѣтили, первыя буквы алфавита такъ часто встрѣчаются на Ольвійскихъ монетахъ, что относить всѣ монеты съ этимъ признакомъ именно къ этому пятилѣтнему промежутку времени нѣтъ возможности, даже радѣя нѣвѣроятное само по себѣ предположеніе графа Уварова, что эти буквы были поставлены клеймами на монетахъ предыдущаго періода въ знакъ того, что онѣ снова введены были въ обращеніе въ этотъ промежутокъ времени. Втретьихъ противъ хронологическаго значенія этихъ буквъ ясно свидѣтельствуеъ уже указанная монета Геты, на которой буква А не можетъ быть принята за обозначеніе перваго года его царствованія потому, что монета выбита въ то время, когда Гета носилъ еще только титулъ Цезаря. Еще можно замѣтить, что на монетахъ кромѣ буквъ А—Е встрѣчаются и другія, наприимѣръ Н и Э. Далѣе, у насъ нѣтъ никакихъ прямыхъ доказательствъ того, что монеты Каракаллы съ императорскимъ титуломъ чеканены уже послѣ смерти его отца: извѣстно, что Каракалла получилъ этотъ титулъ въ 198 г., за 13 лѣтъ до смерти Септимія, и поэтому легко можно предположить, что монеты его могли быть чеканены еще при жизни отца, подобно монетамъ Геты и Юліи Домны: стало быть является возможность думать, что Ольвіополиты могли отказаться отъ признанія верховенства Рима непосредственно послѣ смерти Септимія Севера и поэтому періодъ ихъ независимости могъ продолжаться не 5, а 11 лѣтъ; съ другой стороны отсутствіе монетъ Елагабала не можетъ служить рѣшительнымъ доказательствомъ непризнанія Ольвіополитами его власти надъ собою, такъ какъ это отсутствіе можетъ быть чисто случайнымъ: вѣдь и до сихъ поръ въ Ольвіи попадаются еще неизданныя монеты, такъ что со временемъ могутъ встрѣтиться между находками и монеты Елагабала ²⁵⁾. Наконецъ слѣдуетъ припомнить и приведенное уже выше (стр. 198 прим. 10) замѣчаніе Ленормана, что и въ другихъ городахъ ряды монетъ, чеканенныхъ при императорахъ, часто

²⁴⁾ Ср. *Reinach*, *Traité d' épigr. Grecque* стр. 479.

²⁵⁾ Царствованіе Макрина было такъ непродолжительно, что при немъ Ольвіополиты могли и не чеканить новой монеты.

представляютъ значительные пробѣлы, указывающіе на періоды прерывающаго права бить монету, причѣмъ причины этой пріостановки далеко не всегда могутъ быть объяснены свидѣтельствами авторовъ и надписей.

Такимъ образомъ гипотеза графа Уварова никакъ не можетъ претендовать на убѣдительность и мы можемъ, въ заключеніе, только повторить то, съ чего начали нашу рѣчь объ этомъ коротенькомъ періодѣ въ исторіи Ольвии: что мы о немъ ровно ничего не знаемъ.

Мракъ, окутавшій Ольвию послѣ смерти Септимія Севера, проясняется въ царствованіе Севера Александра, хотя лишь на столько чтобы дать намъ право утверждать, что при немъ Ольвія стояла къ Риму въ такихъ же или, по крайней мѣрѣ, подобныхъ отношеніяхъ какъ при Септиміи Северѣ. Это право даютъ намъ нѣсколько монетъ съ именемъ юнаго императора и матери его Юліи Маммеи и одинъ недавно открытый обломокъ надписи.

По настоящее время извѣстны три типа монетъ Александра, именно слѣдующіе²⁶⁾: 1. Лиц. Въ кругѣ изъ точекъ увѣнчанная лаврами голова императора, обращенная вправо, съ надписью вокругъ ΑΥΤΚΜ Α: ΡΣΕΟΥ Α ΔΕΞΑΝΔΡΟΣ, т. е. Αὐτ(οκράτωρ) Κ(αῖσαρ) Μ(ατρὸς) Αὐρ(ηλίου) Σεοῦ(ηρος) Ἀλέξανδρος.

Об. Орелъ, стоящій на молніи впрямь, съ широко разставленными ногами и полураспущенными крыльями; голова обращена влѣво, въ клювъ вѣнокъ; кругомъ надпись ΟΔΒΙΟΠΟΛΙΤΟ[Ν], у головы орла справа буква Δ, между ногами Τ (у Кене I, у гр. Уварова и г. Подшивалова Ξ).

2. Лиц. Голова императора, какъ на предыдущей монетѣ, вправо предъ лицомъ часть надписи: [Α]ΔΕΞΑΝ[ΔΡΟΣ].

Об. Въ кругѣ изъ точекъ лавровой вѣнокъ, а въ немъ надпись въ три строки: ΟΔΒ. | . ΠΟΔ. | . ΤΩΝ.

3. Лиц. То же изображеніе въ кругѣ изъ точекъ, съ надписью: ΑΥΚΣΕΟΥ Α ΔΕΞΑΝΔΡΟΣ, т. е. Αὐ(τοκράτωρ) Κ(αῖσαρ) Σεοῦ(ηρος) Ἀλέξανδρος²⁷⁾.

²⁶⁾ Кене стр. 86 отд. Е №№ 9—11 (съ указаніемъ предшествовавшихъ изданій). Бурачковъ стр. 76 № 240—242 и т. VIII № 193—195. Подшиваловъ стр. 12 №№ 108—110. Графъ Уваровъ стр. 118 и т. XXIV № 92 и 93 издалъ только типы 1 и 3. Мы описываемъ монеты по рисункамъ Бурачкова.

²⁷⁾ На рисункѣ г. Вурачкова первыя три и послѣднія четыре буквы надписи не видны; мы взяли ихъ съ экземпляровъ, изображенныхъ у Кене и Подшивалова.

Об. Волъ, идущій вправо; кругомъ надпись: ΟΑΒΙΟΠΟΛΙΤΩΝ.

Съ именемъ Юліи Маммеи извѣстны два типа, различающіеся только изображениями на оборотной сторонѣ ²⁸⁾.

Лиц. ΙΟΥΔΙΑ ΜΑΜΕΑ. Бюстъ Юліи Маммеи, обращенный вправо.

Об. 1. Въ кругѣ изъ точекъ Римская Фортуна съ рулемъ въ правой и рогомъ изобилія въ лѣвой рукѣ; вокругъ: ΟΑΒΙΟΠΟΛΙ.

2. Въ кругѣ изъ точекъ увѣнчанный лаврами Зевсъ, сидящій въ креслѣ вправо, съ молніею въ лѣвой рукѣ и скипетромъ въ правой; вокругъ: ΟΑΒΙΟΠΟΛΙΤΩΝ.

Недавно найденный въ развалинахъ Ольвии епиграфическій памятникъ съ именемъ Севера Александра помѣщенъ въ прибавленіяхъ къ 1-му тому нашего сборника подъ № 97¹ на стр. 222-й ²⁹⁾. Не смотря на то, что отъ него сохранился лишь небольшой обломокъ, можно видѣть, что надпись заключала въ себѣ посвященіе Ольвиополитамъ портика за счастье и долгоденствіе молодого императора и его войскъ. Упомянутое о послѣднихъ заставляетъ думать, что посвященіе совершено по поводу какого либо похода и притомъ еще до его окончанія, пока судьба предпріятія оставалась неизвѣстною. Обозрѣвая вышнія событія царствованія Александра, мы дѣйствительно встрѣчаемся съ однимъ походомъ, въ которомъ участвовалъ самъ Александръ и который по своей трудности и важности дѣйствительно могъ вызвать со стороны его подданныхъ лествивыя пожеланія благополучія: мы разумѣемъ походъ 231 года противъ возвысившагося на востокѣ новаго грознаго врага Римской державы, Персидскаго царя Ардешира I, основателя династии Сассанидовъ. Прочно утвердившись на престолѣ и давъ внутреннюю организацію своему государству, Ардеширъ въ 231 году открылъ военныя дѣйствія противъ Рима нападеніемъ на Месопотамію. Попытки мирныхъ переговоровъ со стороны римскаго правительства не имѣли успѣха; пришлось взяться за оружіе. Самъ Александръ послѣшилъ чрезъ Иллирію и Θракію на театръ военныхъ дѣйствій, которыя и открылись въ 232 году ³⁰⁾. Вотъ къ этому то походу скорѣе всего, какъ намъ кажется, можетъ

²⁸⁾ Кене стр. 87 отд. F №№ 12 и 13, съ указаніемъ предшествовавшихъ изданій. *Бурачковъ* стр. 76 №№ 243 и 244 и т. VIII №№ 196 и 197. *Подписаловъ* стр. 12 № 111 (типъ 2).

²⁹⁾ Ср. объ этой надписи выше стр. 171 прим. 10.

³⁰⁾ См. *Schiller* ука. соч. стр. 778 сл.

въ царствованіе Марка Аврелія, окончившаяся благополучно для римлянъ²⁷⁾. Послѣ заключенія мира при Коммодѣ наступилъ свыше пятидесятилѣтній, сравнительно мирный, періодъ времени, въ теченіи котораго земли на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ хотя и подвергались нападеніямъ извнѣ, но были оберегаемы римлянами безъ особеннаго труда. Но именно въ это время по всей вѣроятности произошло на широкихъ пространствахъ Сарматской равнины огромное передвиженіе народовъ, вслѣдствіе котораго римлянамъ вмѣсто прежнихъ враговъ на нижнемъ Дунаѣ, изъ которыхъ главными были роксоланы и бастарны, пришлось имѣть дѣло съ новыми и гораздо болѣе опасными противниками, карпами и готами. Карпы, принадлежавшіе, какъ кажется, къ сарматскимъ племенамъ, впервые являются у Птолемѣя (III, 10) подъ именемъ "Αρπιοι, а съ первой половины III вѣка уже постоянно упоминаются подъ именемъ карповъ на нижнемъ Дунаѣ²⁸⁾. Родиною готовъ была Скандинавія; отсюда они переселились чрезъ Балтійское море на берега Вислы, а затѣмъ въ началѣ III вѣка по Р. Хр. произошло переселеніе ихъ на югъ къ Черному морю, сопровождавшееся сильнымъ движеніемъ народовъ всей средней Европы²⁹⁾. Какъ непосредственные сосѣди и враги римлянъ, готы впервые³⁰⁾ упоминаются въ 238 г., когда они переправились черезъ Дунай и сдѣлали самый сѣверный изъ приморскихъ городовъ Мезіи, Истръ, первую жертвою своего нашествія, а затѣмъ опустошили Мезію и Оракію. Съ тѣхъ поръ они распространяются по всему сѣ-

²⁷⁾ Ср. *Моммзена* Р. ист. V стр. 203 сл., *Шиллера* ук. соч. стр. 642 сл.

²⁸⁾ О карпахъ ср. *Zeiss*, *Die Deutschen* стр. 697 сл.

²⁹⁾ О готахъ и ихъ нашествіяхъ см. *Zeiss*, ук. соч. стр. 401 сл.; *Bessel*, ст. *Gothen* въ *Энцикл. Эрша и Грубера* т. 75; *Pallmann*, *Geschichte der Völkerwanderung* т. I стр. 51 сл.; *Wiettersheim*, *Geschichte der Völkerwanderung* т. II стр. 272 сл.; *Моммзена* Р. ист. V стр. 211 сл.; *Шиллера* ук. соч. стр. 804 сл.; *Ф. К. Бруна*, Черноморскіе готы и слѣды долгаго ихъ пребыванія въ южной Россіи въ *Зап. И. Акад. Наукъ* т. 24 (1874) стр. 1—60—*Черном.* II стр. 189—241; *А. А. Куника*, О запискѣ готскаго топарха въ *Зап. И. Акад. Н.* т. 24 стр. 61 сл.; *В. Г. Васильевскаго*, Русско-византійскіе отрывки. VII, въ *Журн. М. Н. Пр.* январь 1878 стр. 86 сл.; *М. И. Соколова*, Изъ древней исторіи болгаръ (С.-Пб. 1879) стр. 17 сл. и др.

³⁰⁾ Мнѣніе, что готы впервые пришли въ столкновеніе съ римлянами еще при Каракаллѣ въ 215 г., основано на произвольномъ отождествленіи имени оракійскихъ готовъ съ именемъ готовъ въ Капитолиновой біографіи Каракаллы (гл. 10). См. *Бесселя* ук. ст. стр. 99, *Куника* ук. ст. стр. 130, *Моммзена* стр. 211.

верному берегу Чернаго и Азовскаго морей и становятся настоящею грозою припонтійскихъ странъ; не ограничиваясь одними сухопутными нападеніями на границы имперіи по Дунаю, они на легкихъ судахъ совершаютъ дерзкіе морскіе походы по всему Черному морю, опустошаютъ его восточные, южные и западные берега, выходятъ въ Пропонтиду и Архипелагъ и разносятъ ужасы своихъ грабежей по западному берегу Малой Азіи, по островамъ Архипелага, Македоніи и Елладѣ до самой Спарты. Только страшное пораженіе, нанесенное готамъ при Нишѣ императоромъ Клавдіемъ въ 269 г., надолго избавило восточную половину имперіи отъ ихъ набѣговъ. Въ эти бурныя времена римляне потеряли всю Дакію въ первые годы царствованія Валеріана, тогда какъ задунайская часть нижней Мозии по мѣнью Моммзена²⁶⁾ отошла къ варварамъ еще при Максиминѣ. При такихъ обстоятельствахъ было бы чудомъ, если бы Ольвія, лежащая въ открытой степи какъ разъ въ той мѣстности, которую прежде всего заняли явившіеся на сѣверное Черноморское побережье готы, счастливо избѣгла ихъ нашествія; напротивъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что Ольвія и Тира первыя испытали на себѣ тяжелую руку сѣверныхъ пришельцевъ и если не вполне были разрушены ими, то жестоко опустошены и затѣмъ окончательно захирѣли, не будучи въ состояніи вновь окрѣпить въ бурныя времена, послѣдовавшія за первымъ нашествіемъ готовъ. Что мѣстность Ольвіи не сразу обезлюдѣла окончательно, но продолжала еще довольно долго служить пристанью для сношеній съ странами, лежащими по Бугу, объ этомъ даютъ право заключать находимыя тамъ, хотя очень рѣдко, монеты позднѣйшихъ римскихъ и даже византійскихъ императоровъ. Такъ, П. И. Кенпещъ говоритъ²⁷⁾, что римскія монеты, паходимыя въ развалинахъ Ольвіи, простираются до временъ Максимиана и даже до временъ Отациліи (Marcia Severa), супруги императора Филиппа (244—249), а графъ Унарровъ замѣчаетъ²⁸⁾, что ему самому случилось найти въ Ольвіи монету Юстиниана II (565—578 по Р. Хр.). Аммианъ Марцеллинъ въ IV и Иорданъ въ VI в. по Р. Хр. упоминаютъ объ Ольвіи какъ о существующемъ еще городѣ²⁹⁾, но ихъ свидѣтельства не имѣютъ обязательнаго для насъ

²⁶⁾ C. I. lat. III ad № 781.

²⁷⁾ *Alterth. am Nordgest. des Pontus* стр. 41 (= стр. 71 русскаго перевода).

²⁸⁾ *Иссл.* стр. 103.

²⁹⁾ *Амм. Марц.* XXII, 8, 40: Dein Borysthenes... cuius in marginibus nemo-

значенія, такъ какъ они легко могли почерпнуть свои свѣдѣнія изъ источниковъ, написанныхъ еще во время существованія Ольвин, забывъ или не считая нужнымъ оговориться о времени ея разрушенія, или, быть можетъ, и не зная его.

Прослѣдивъ такимъ образомъ историческія судьбы Ольвин на протяжении почти девяти столѣтій, на сколько это позволили намъ крайне скудные источники, обратимся теперь къ ознакомленію съ государственнымъ устройствомъ этого города, которое составитъ вторую часть нашего труда.

rosis Borysthenes est civitas etc. *Iord.* de reb. Get. rz. V: In eo vero latere, quâ Ponticum litus attingit [Scythia], oppidis haud obscuris involvitur, Borysthenide, Olbia etc.

ЧАСТЬ II.

Государственное устройство Ольвіи.

ГЛАВА I.

Общій взглядъ на конституцію Ольвіи.

Какъ устроили свою государственную жизнь Милетскіе выходцы при первомъ поселеніи на берегахъ Ипанида,—объ этомъ мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго; мы можемъ только предполагать, что правленіе въ Ольвіи съ самаго ея основанія было республиканское: колонисты, конечно, по общему обыкновенію пересадили во вновь основанный городъ государственныя учрежденія своей метрополи, а въ послѣдней царская власть навѣрное уже не существовала въ ту эпоху, къ которой относится основаніе Ольвіи: мы видимъ ея слѣды въ Милетѣ только при самомъ его основаніи ¹⁾, а вскорѣ послѣ выселенія колонистовъ въ Ольвію, въ томъ же VII вѣкѣ, встрѣчаемъ въ Милетѣ уже и тиранновъ (Θρασивула и др.), владычеству которыхъ предшествовалъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ аристократическаго правленія, находившагося, по словамъ Аристотеля, въ рукахъ притановъ ²⁾.

Какъ бы то ни было, спустя два вѣка послѣ основанія Ольвіи, въ то время, къ которому относится Иродотовъ рассказъ о Скилѣ, правленіе въ ней было республиканское и по всей вѣроятности демократическое. Правда, Иродотъ прямо не говоритъ о немъ ни слова, но нѣкоторые признаки въ его рассказѣ даютъ намъ право сдѣлать такое заключеніе съ полной почти достовѣрностью. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Ольвія находилась въ это время подъ властью царя или

¹⁾ *Ирод.* I, 147. *Страс.* XIV р. 633. Ср. *Schmidt*, De rebus publ. Miles. стр. 25 сл.

²⁾ *Арист.* Пол. VIII, 5 р. 203, 14. Ср. *Rambach*, De Mileto ejusque coloniis стр. 16. *Schmidt*, ук. соч. стр. 40 сл. 9. *Курциусъ*, Ист. Греціи, т. I стр. 459 (русск. пер.). *G. Gilbert*, Handbuch d. Griech. Staatsalterth. II стр. 139.

тиранна, то Иродотъ никакъ не могъ бы избѣжать упоминанія о немъ въ своемъ разсказѣ. Скиескій царь или былъ бы гостемъ Ольвійскаго, или, что гораздо вѣроятнѣе, послѣдній изъ естественнаго опасенія за городъ и свою власть не позволилъ бы скиеу такъ часто являться въ городъ съ вооруженной свитой, жить тамъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, строить роскошный дворецъ и пр. Такія отношенія между Скиломъ и Ольвіополитами, какія представляются въ разсказѣ нашего историка, могли, по нашему убѣжденію, существовать только при республиканскомъ правленіи въ Ольвіи.

Вскорѣ послѣ времени Иродота появляются первые эпиграфическіе памятники Ольвіи, которые служатъ намъ почти единственными источниками для ознакомленія съ ея государственнымъ устройствомъ. Древнѣйшими изъ Ольвійскихъ надписей, важныхъ въ этомъ отношеніи, являются №№ 8—12, относящіеся къ IV в. до Р. Хр. (№ 8 можетъ быть еще къ концу V-го) и, стало быть, знакомящіе насъ съ формами государственной жизни въ Ольвіи лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя послѣ несчастной кончины Скила. Эти памятники свидѣтельствуютъ уже о прочно установившейся демократіи, въ которой являются уже вполне выработанными присущія ей формы государственнаго устройства; отсюда вытекаетъ вполне естественное заключеніе, что демократическое правленіе уже задолго до того времени было усвоено Ольвіополитами. Начиная съ этихъ поръ и кончая позднѣйшими предѣлами, до которыхъ доходятъ датированные эпиграфическіе документы Ольвіи ³⁾, мы постоянно встрѣчаемъ въ нихъ указанія на эту же форму правленія, такъ что имѣемъ полное право сказать, что, несмотря на всѣ невзгоды и всѣ перипетіи своей политической исторіи, Ольвіополиты крѣпко держались демократіи и производили въ своей конституціи лишь такія реформы, которыя касались отдѣльныхъ факторовъ государственнаго правленія, оставляя неизмѣнными его главныя основы.

Существующія по настоящее время данныя слишкомъ еще недостаточны для того, чтобы можно было хотя приблизительно прослѣдить эти частныя реформы въ Ольвійской конституціи. Мы можемъ отмѣтить только одну (уже упомянутую вкратцѣ на стр. 185) особенность, отличающую конституцію римскаго періода отъ болѣе

³⁾ Мы уже видѣли выше, что самый поздній изъ всѣхъ датированныхъ эпиграфическихъ памятниковъ Ольвіи относится ко времени Севера Александра (add. № 97').

лицамъ, принадлежавшимъ къ аристократическимъ родамъ, легкую возможность сосредоточивать въ своихъ рукахъ всю исполнительную власть, какъ военную, такъ и гражданскую, и такимъ образомъ вліять на совѣтъ и народное вѣче, т. е. иначе говоря, если не *de iure*, то *de facto* распоряжаться въ государствѣ по своему произволу. Этимъ легко объясняется тотъ фактъ, что въ немногихъ, сравнительно, сохранившихся до насъ документахъ мы многократно встрѣчаемъ одни и тѣ же лица, фактъ, которымъ мы уже выше воспользовались для нѣсколькихъ хронологическихъ сопоставленій (стр. 163 сл.). Мейеръ указываетъ еще одинъ признакъ аристократизма въ томъ, что предложенія, которыя могъ дѣлать совѣту и народному собранію всякій имѣющій право голоса гражданинъ, были официально представляемы собранію только должностными лицами; но этотъ признакъ, выведенный Мейеромъ изъ документовъ, бывшихъ извѣстными въ его время, теперь долженъ потерять если не все свое значеніе, то по крайней мѣрѣ значительную долю его, такъ какъ изъ двухъ вновь найденныхъ документовъ можно вывести, что представлять проекты постановленій въ народное собраніе могли и сами ихъ авторы. Я разумѣю №№ 29 и 42; правда, отъ нихъ сохранились лишь незначительные отрывки, но въ заголовкахъ ихъ навѣрное не была упомянута *οἱ εἰστυγόμενοι* и народному собранію эти проекты были представлены повидимому частными лицами, а не магистратами. Въ какихъ случаяхъ необходимо было посредство магистратовъ для представленія проектовъ народному собранію и въ какихъ могли представлять ихъ сами авторы, мы пока сказать не можемъ.

Что именно въ государственномъ устройствѣ Ольвіи было заимствовано изъ ея метрополіи—Милета и что выработано Ольвіополитами самостоятельно, на основаніи указаній опыта и мѣстныхъ условій жизни, объ этомъ судить очень трудно, главнымъ образомъ потому, что конституція самого Милета, какъ въ ту эпоху, къ которой отнесится наибольшее развитіе его колонизаціи, такъ и въ позднѣйшую, извѣстна намъ очень плохо, а въ устройствѣ его многочисленныхъ колоній замѣчается значительное разнообразіе, обуславливавшееся, конечно, тѣмъ, что политическая жизнь каждой изъ нихъ складывалась подъ вліяніемъ особыхъ условій и позднѣйшее ихъ развитіе совершалось при чрезвычайно разнообразныхъ обстоятельствахъ. Жизнь, напримѣръ, Ольвіи или Тирь шла совершенно не тѣмъ путемъ, какимъ шла жизнь Іаса или Кизика. Поэтому при изученіи государственнаго быта Ольвіополитовъ сравненіе его съ бытомъ дру-

гихъ Милетскихъ колоній можетъ оказать намъ очень небольшія и сомнительныя услуги.

Обращаясь теперь къ обзору демократическаго устройства Ольвіи, мы прежде всего остановимъ наше вниманіе на составѣ ея населенія, а затѣмъ рассмотримъ органы правительственной власти, именно: а) совѣтъ и народное собраніе, б) магистратуры; при разсмотрѣніи послѣднихъ отмѣтимъ при случаѣ тѣ скудныя данныя, которыя мы имѣемъ относительно устройства судебной и финансовой части въ интересующемъ насъ городѣ.

ГЛАВА II.

Составъ населенія Ольвіи.

Составъ населенія Ольвіи извѣстенъ намъ главнымъ образомъ изъ краткихъ и случайныхъ упоминаній эпиграфическихъ документовъ, въ которыхъ лишь изрѣдка можно сдѣлать краткія добавленія изъ сохранившихся памятниковъ литературныхъ. Тѣ и другіе позволяютъ намъ различать въ населеніи Ольвіи три элемента: а) рабовъ, б) иностранцевъ и в) гражданъ.

Рабство, столь крѣпко пустившее корни во всемъ древнемъ мірѣ, существовало и въ Ольвіи, хотя два-три упоминанія о немъ крайне недостаточны для того, чтобы судить, въ какой степени оно было здѣсь распространено и изъ кого главнымъ образомъ состоялъ этотъ элементъ. Относительно происхожденія рабовъ, само собою разумѣется, наиболее естественнымъ является предположеніе, что рабы Ольвійскіе состояли главнымъ образомъ изъ скивовъ и другихъ сосѣднихъ варваровъ, приобретенныхъ покупкою или взятыхъ въ плѣнъ въ частыхъ войнахъ Ольвіополитовъ съ сосѣдями. Этимъ, быть можетъ, слѣдуетъ объяснить и отмѣченное въ Протогеновскомъ декретѣ вѣроломное настроеніе рабовъ въ виду грозившаго Ольвіи нашествія галатовъ и скировъ и изъявленнаго скивами и другими сосѣдями желанія укрыться отъ нихъ за стѣнами Ольвіи: Ольвійскіе рабы естественно могли желать если не раззоренія Ольвіи галатами, то по крайней мѣрѣ занятія ея своими соплеменниками, которое должно было повлечь за собою ихъ освобожденіе отъ рабскаго ига и даже возможность поживиться насчетъ своихъ господъ.

Къ освобожденію сразу значительнаго количества рабовъ и въ Ольвіи, какъ въ другихъ еллинскихъ городахъ, прибѣгали только въ

критическихъ случаяхъ, главнымъ образомъ при серьезныхъ опасностяхъ, грозившихъ отъ вѣшнихъ враговъ,—для того чтобы, раздавъ освобожденнымъ оружіе, увеличить такимъ образомъ число защитниковъ отечества. Отпущенные на волю рабы впоследствии снова могли быть обращаемы въ рабское состояніе за различныя преступленія. Такъ, отецъ философа Біона, отпущенный на волю и занявшійся торговлею, потомъ былъ снова проданъ въ рабство со всѣмъ домою за нарушеніе уставовъ о торговыхъ пошлинахъ (*παρὰ τὴν ὁμαρτίαν* τ).

Иностранцы довольно часто упоминаются въ Ольвійскихъ документахъ. Матеріальные интересы въ древности, какъ и въ наше время, служили однимъ изъ могущественнѣйшихъ стимуловъ человѣческой дѣятельности и заставляли, съ одной стороны, жителей различныхъ еллипскихъ городовъ предпринимать сопряженные со многими опасностями путешествія въ отдаленную Скию, гдѣ лежало „торжище Борисеенитовъ“, а съ другой стороны побуждали жителей послѣдняго оказывать пріѣзжимъ радушное гостепримство, всяческое содѣйствіе ихъ торговымъ цѣлямъ и щедрою рукою разсыпать награды за всякія услуги, оказываемыя иностранцами. Что торговые люди составляли, по крайней мѣрѣ въ римскія времена, но вѣроятно и раньше, главный контингентъ пріѣзжихъ въ Ольвію, объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ слова, влагаемая Діономъ Хрисостомомъ въ уста одного изъ его Ольвійскихъ знакомыхъ, Геросонта: „обыкновенно сюда пріѣзжаютъ елліны только по имени, а на дѣлѣ варвары хуже насъ, кунцы и торгаши, привозящіе дрянное тряпье и скверное вино и вывозящіе наши товары вичуть не лучше этихъ“. Пріѣздъ ученаго ритора и философа, какимъ былъ Діонъ, казался Ольвіополитамъ чудомъ, ниспосланнымъ ихъ покровителемъ Ахилломъ. О политическихъ связяхъ Ольвіи съ другими припонтийскими городами ¹⁾ мы также не имѣемъ никакихъ указаній. Однако, не смотря на столь презрительный отзывъ Геросонта о пріѣзжавшихъ къ нимъ иностранцахъ, матеріальные интересы заставляли его согражданъ всячески угождать имъ. Ласковое отношеніе къ иностранцамъ и готовность оказывать имъ всякія услуги были руководящими правилами дѣятельности всякаго выдающагося Ольвійскаго гражданина римскихъ временъ, какъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся до насъ декреты. Каргоазу ставится

¹⁾ Напр. о принадлежности ея къ существовавшей въ римскія времена федерации пяти или шести городовъ (*πεντάπολις* и *ἑξάπολις*) западнаго побережья Чернаго моря, о которой, см. *Моммзена* P, ист. т. V стр. 276.

хранившіеся), свидѣтельствующіе о дружескихъ связяхъ Ольвіи съ островами Тенедомъ и Косомъ и о наградахъ, дарованныхъ правительствами послѣднихъ, какъ кажется, одному и тому же Ольвійскому гражданину за услуги, оказанныя имъ пріѣзжавшимъ въ Ольвію тенедійцамъ и косцамъ ⁶⁾. Во II или III в. по Р. Хр., послѣ смерти извѣстнаго Ольвійскаго дѣятеля Теокла Сатирова, проживавшіе въ Ольвіи иностранцы, граждане 18 городовъ Понта, Воспора Фракійскаго, Пропонтиды и Эгейскаго моря выхлопотали у своихъ правительствъ награжденіе почившаго золотыми вѣнками за его гуманное и благоклонное къ нимъ отношеніе. Отъ другого подобнаго же документа въ честь неизвѣстнаго лица сохранился небольшой обломокъ (№ 23) съ именами шести городовъ, которые всѣ записаны и въ декретѣ въ честь Теокла.

Класса населенія, который бы составлялъ, такъ сказать, промежуточную ступень между гражданами и иностранцами, въ родѣ, напримѣръ, аттическихъ метиковъ, въ Ольвіи, повидимому, не было. По крайней мѣрѣ на него нѣтъ никакихъ намековъ въ надписяхъ, и напротивъ есть мѣста, изъ которыхъ можно вывести, что долгоевременное пребываніе въ Ольвіи не обязывало гражданина чужаго государства становиться въ какія либо опредѣленные отношенія къ ней и что онъ продолжалъ оставаться для нея иностранцемъ, ξένος. Такъ напримѣръ, тѣ граждане 18 городовъ, которые упоминаются въ декретѣ въ честь Теокла, навѣрное не всѣ пріѣхали въ Ольвію, такъ сказать, наканунѣ изданія этого декрета, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ навѣрное жили въ Ольвіи уже по нѣскольку лѣтъ и имѣли случай неоднократно пользоваться благодѣянiami Теокла (иначе за что же было бы награждать его?), — и тѣмъ не менѣе въ декретѣ не дѣлается никакого различія между осѣдлыми и новопрѣзжими иностранцами, всѣ они обнимаются однимъ официальнымъ названіемъ οἱ ἀπὸ τῶν πόλεων κτρ' ἡμᾶς ξένοι. Въ болѣе древнемъ Протогеновскомъ декретѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ идетъ рѣчь о выкупѣ Протогеномъ священныхъ сосудовъ, заложенныхъ архонтами на городскія нужды, лицо, принявшее ихъ въ залогъ, сначала называется просто Πόλυαρμος, какъ всѣмъ извѣстное и, стало быть, не малое время уже жившее въ Ольвіи, а затѣмъ оно же называется ξένος. Такимъ образомъ можно думать, что пріѣзжіе иностранцы могли жить въ Ольвіи сколько имъ вздумается, не будучи обязаны при-

⁶⁾ №№ 48 и 49, ср. выше стр. 133 пр. 16.

ланы нами во введеніи, а данныя о торговлѣ собственно Ольвійской ограничиваются нѣсколькими случайными упоминаніями о предметахъ ввоза и вывоза, названіями нѣсколькихъ городовъ, граждане которыхъ прїѣзжали въ Ольвію, находками въ Ольвіи ихъ монетъ, да нѣсколькими памятниками еллинскаго искусства, повидимому сдѣланными не въ самой Ольвіи, а привезенными туда извнѣ для продажи, такъ что для особой главы объ Ольвійской торговлѣ было бы слишкомъ мало матеріала, а кромѣ того въ эту главу не могли бы войти упоминанія о такихъ сношеніяхъ, которыя не преслѣдовали торговыхъ интересовъ. Источники для ознакомленія съ внѣшними сношеніями Ольвіи сейчасъ нами упомянуты. Что касается до указаній на находки монетъ, то они къ сожалѣнію не сообщаются во всеобщее свѣдѣніе съ тою точностью и аккуратностью, какаѣ была бы необходима для того, чтобы можно было на основаніи ихъ дѣлать серьезные выводы. Въ относящихся къ Ольвіи сочиненіяхъ мы нашли только слѣдующія краткія указанія на находки въ ней иностранныхъ монетъ⁹⁾. П. И. Кеппель¹⁰⁾ свидѣтельствуетъ, что „въ развалинахъ сего города при Гипанисѣ находимы были также монеты городовъ Амиза, Фазы, Локровъ, Авинъ и даже Панорма (Палермо) въ Сициліи“. Бар. Кёне (М. Коч. т. I стр. 69) между прочимъ замѣчаетъ, что „Бларамбергъ включилъ въ Ольвійскую нумизматику даже очень извѣстныя монеты Фазелиса, Истра, Колхиды и пр. только по той единственной причинѣ, что онѣ найдены на Ольвійской почвѣ“. П. О. Бурачковъ, одинъ изъ наиболѣе компетентныхъ въ настоящее время знатоковъ топографіи археологическихъ находокъ на югѣ Россіи, щедрою рукою разсыпая свои свѣдѣнія по этому вопросу въ обширномъ предисловіи къ своему „Общему каталогу монетъ“, замѣчаетъ относительно мѣстъ пахожденія Ольвійскихъ монетъ слѣдующее (стр. 10): „Указавъ выше на отсутствіе монетъ внѣ черты греческой осѣдлости, обусловленной сосѣдствомъ съ моремъ или берегами рѣкъ Днѣпра и Буга, мы считаемъ необходимымъ сказать, что только одна Знаменка (Сарумъ?), находившаяся въ странѣ скифовъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ разстояніи 230 верстъ отъ

⁹⁾ Весьма важное значеніе имѣли бы для этого вопроса и свѣдѣнія о находкахъ Ольвійскихъ монетъ въ развалинахъ другихъ еллинскихъ городовъ, но собраніе такихъ свѣдѣній представляетъ для человѣка, не занимающагося специально нумизматикою, почти непреодолимые трудности. Упоминанія объ Ольвіополитахъ въ надписяхъ изъ другихъ городовъ встрѣчаются чрезвычайно рѣдко.

¹⁰⁾ Nordgest. d. Pontus стр. 75 (=стр. 127 русск. пер.).

принадлежать Тирасу, Керкиниту, Херсонесу и Пантикапей, а изъ принадлежащихъ царямъ Босфора: Рескупорису II и Савромату III *); случилось видѣть и еоодосійскія. Колоніи придунайскія [!] Калатія, Томи, Истрось и Одиссошь имѣютъ также своихъ представителей; но монеть фанаторійскихъ или повдвѣйшихъ босфорскихъ мы не встрѣчали. Нахожденіе въ Ольви монеть, принадлежащихъ Амизосу, Синопу, Амастріи и Команѣ подтверждаетъ вполне извѣстную надпись въ честь Θεокла... Всѣ поименованныя медали бывають отыскиваемы преимущественно у пристани, или по дорогѣ къ ней, и служатъ доказательствомъ о существованіи здѣсь оживленной морской, а не сухопутной торговли". Еще отмѣтимъ замѣчаніе на стр. 21-й: „Вообще слѣдуетъ замѣтить, что медали нашихъ колоній рѣдко встрѣчаются за предѣлами юга Россіи и потому интересуютъ въ высшей степени ученыхъ, занимающихся археологіею". Вотъ и всѣ свѣдѣнія, которыя намъ удалось почерпнуть относительно степени распространенія монеть Ольвійскихъ и находокъ въ Ольви монеть иноземныхъ.

Обращаясь теперь къ случайнымъ и скуднымъ упоминаніямъ епиграфическихъ памятниковъ о внѣшнихъ сношеніяхъ Ольви, мы можемъ отмѣтить, что отъ временъ, предшествующихъ гетскому погрому, сохранились прямыя указанія на сношенія ея съ городами: Месимвриею (Inscr. № 8), Каллатіею (№ 15), Херсонисомъ (№ 17), Кизикомъ, за монетами котораго еще въ IV в. до Р. Хр. было признано право обращенія на городскомъ рынкѣ наравнѣ съ мѣстными деньгами (№ 11), далѣе съ Тенедомъ (№ 48), Косомъ (№ 49), Родомъ (№ 14). Нахожденіе въ развалинахъ Ольви множества амфорныхъ ручекъ съ еасійскими, кидскими и особенно родійскими штемпелями, восходящими, судя по характеру письма, до IV в. до Р. Хр., свидѣтельствуетъ объ огромномъ ввозѣ въ Ольвию изъ этихъ мѣстъ вина и масла ¹¹⁾. На торговля сношенія съ Аѳинами указываютъ сохранившіеся обломки пьедестала, на которомъ стояло какое-то произведеніе рѣзца великаго Праксителя (№ 145), и вывезенный изъ Аттики камень, послужившій Клеомвроту Панталову матеріаломъ для вырѣзки стихотворнаго посвященія построенной имъ башни Ираклу и народу ¹²⁾.

*) Рескупоридъ II царствовалъ при Веспасіанѣ, Титѣ и Домиціанѣ, а Савроматъ III—при Северѣ Александрѣ. В. Л.

¹¹⁾ Литература керамическихъ надписей вкратцѣ указана выше, стр. 9 пр. 23.

¹²⁾ Ср. выше стр. 85.

съ городами, лежавшими на Эгейскомъ морѣ, были повидимому оживленнѣе до гетскаго погрома, нежели послѣ него; здѣсь Ольвіи, какъ кажутся, вела торговлю главнымъ образомъ съ своей митрополию—Милетомъ, затѣмъ съ островами Родомъ, Фасомъ, Косомъ и др. и наконецъ съ Лоидами, тогда какъ сношенія съ другими городами были значительно слабѣе. Но само собою разумѣется, что наши выводы, какъ основанные на крайне скудномъ матеріалѣ, никакъ не могутъ претендовать на полноту и достовѣрность.

Относительно правового положенія Ольвійскихъ гражданъ достушные намъ скудные источники не даютъ ровно никакихъ свѣдѣній. Были ли всѣ граждане вполнѣ равноправны, или родовитые имѣли какія либо преимущества предъ вновь пожалованными, какія были условія родовитости, существовалъ ли имущественный цензъ, или какія либо другія условія для доступа въ совѣтъ, народное собраніе и къ должностямъ, были ли какія либо подраздѣленія гражданской общины (въ родѣ филъ, фратрій, третей и т. п.), подобныя существовавшимъ въ самомъ Милетѣ и нѣкоторыхъ другихъ его колоніяхъ, въ чемъ состояла совокупность гражданскихъ правъ и какія допускались ограниченія, — обо всемъ этомъ мы напрасно стали бы искать не только примыхъ отвѣтовъ, но даже и косвенныхъ намековъ въ существующихъ литературныхъ, эпиграфическихъ и нумизматическихъ памятникахъ. Поэтому, воздерживаясь отъ всякихъ предположеній, какія могли бы быть сдѣланы по аналогіи съ извѣстными намъ фактами изъ жизни самого Милета или другихъ его колоній, мы прямо обратимся къ разсмотрѣнію существовавшихъ въ Ольвіи органовъ правительственной власти.

ГЛАВА III.

Органы верховной власти.

Верховная власть народа въ греческихъ демократическихъ республикахъ проявляла себя въ вѣчѣ или народномъ собраніи (ἐκκλησία); по обыкновенно между вѣчемъ и отдѣльными гражданами, между органомъ верховной власти и обществомъ было посредствующее звено—дума или совѣтъ (βουλή); онъ проводилъ въ вѣче возбужденія и желанія, идущія изъ общества, подвергая ихъ при этомъ обсужденію и оцѣнкѣ, а также содѣйствовалъ исполненію принятыхъ народомъ рѣшеній. Оба эти дѣятельные органа верховной власти народа существовали и въ Ольвіи.

§ 1. Совѣтъ.

Въ сохранившихся государственныхъ актахъ Ольвіополитовъ совѣтъ почти всегда упоминается рядомъ съ народнымъ собраніемъ (ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος¹⁾); пока извѣстенъ лишь одинъ случай, гдѣ постановленіе издано отъ имени одного народного собранія (*Inscr.* № 12). Но затѣмъ мы не видимъ въ документахъ никакихъ слѣдовъ самостоятельной дѣятельности совѣта. Всѣми отраслями государственнаго управленія, начиная отъ выборовъ должностныхъ лицъ и отъ дипломатическихъ сношеній до заботъ о заготовкѣ хлѣба въ неурожайные годы, завѣдуетъ народное собраніе, такъ что совѣтъ, повидимому, имѣлъ исключительно провулентическое значеніе, т. е. занимался предварительнымъ обсужденіемъ предложеній, шедшихъ на разсмотрѣніе и утвержденіе народного собранія; даже и въ этомъ отношеніи возможны были исключенія: если въ № 12 постановленіе издано отъ имени одного народного собранія, то, стало быть, оно было внесено авторомъ прямо туда, безъ предварительнаго обсужденія въ совѣтъ. Въ какихъ случаяхъ былъ возможенъ этотъ болѣе краткій путь для проведенія псифисмы, опредѣлить пока невозможно.

Относительно состава совѣта, его численности, способа избранія его членовъ, условій, которымъ должны были удовлетворять кандидаты, и пр. мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго. Бѣкъ²⁾ не сом-

¹⁾ *Inscr. P.* №№ 11, 13, 15—18, 21, 22, 24—27, 35, 38, 57, 68, 109.

²⁾ *C. I. Gr.* II стр. 88 b: „Archontum... officia videntur eiusmodi fuisse, ut prytanibus Atticis similes essent; et fortasse nati ex Milesiorum prytanibus erant. Certe ut Athenis prytanes, Olbiae archontes vocant concionem (n. 2058 [= *Inscr. P.* № 16] A vs. 85), referunt ad populum, quod fit τῷ εἰπεῖν...; simul quin senatui, ut prytaneo praesederint, non dubito. Itaque quod senatus et concionis pars sunt, dicitur aliquando ἔδοξε τοῖς τε ἀρχοῦσι καὶ τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ..., quod Athenis nunquam dicitur, quia Novemviri non sunt Senatus pars; sed apud Boeotos archontes Senatus sunt participes (introd. Boeot. II, 4) et alibi quoque similia reperies in titulis“. Миѣніе Бѣка принимаютъ графъ Уваровъ (*Изслѣд.* стр. 78) и 6. Кеис (М. Коч. I стр. 17), присоединивъ къ нему свои собственныя замѣчанія, восьми оригинальнаго свойства. Графъ Уваровъ, говоря, что Ольвійскій совѣтъ былъ составленъ „изъ пяти архонтовъ и семи представителей другихъ [?] Ольвійскихъ сословій [?]“, ссылается въ подтвержденіе своихъ словъ на фразу Бека „Septemviri quid gesserint nescimus“. Какимъ образомъ изъ этого замѣчанія можно было сдѣлать выводъ о принадлежности Семи къ составу совѣта, мы рѣшительно не понимаемъ, равно какъ не находимъ никакихъ данныхъ, которыя бы подтвер-

нѣвается, что въ составъ совѣта входили архонты, главнымъ образомъ потому, что два постановленія изданы отъ имени архонтовъ, совѣта и народа (ἔδοξε τοῖς τε ἄρχουσι καὶ τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ, №№ 26 и 27); но намъ кажется, что на основаніи этой формулы скорѣе можно сдѣлать заключеніе какъ разъ обратное, т. е. что архонты не были членами совѣта, такъ какъ еслибы они входили въ его составъ, то понятіе ἄρχοντες заключалось бы въ понятіи βουλή и стало быть не было бы никакого основанія называть ихъ отдѣльно. Чѣмъ объяснить эту особенность редакціи двухъ указанныхъ декретовъ, мы увидимъ впослѣдствіи.

Занимался-ли совѣтъ текущими дѣлами въ полномъ своемъ составѣ, или для этого была избираема особая комиссія подъ названіемъ притановъ, или какимъ либо инымъ изъ служившихъ для означенія подобныхъ комиссій, мы не знаемъ, но послѣднее представляется гораздо болѣе вѣроятнымъ, какъ по аналогіи съ другими демократическими республиками, такъ въ особенности потому, что пританы извѣстны и въ государственномъ устройствѣ Милета и нѣкоторыхъ другихъ его колоній ³⁾.

Мѣстомъ засѣданій совѣта служилъ храмъ Зевса. Это мы знаемъ изъ Борисеенитской рѣчи Діона Хрисостома. Но мнѣніе гр. Уварова и бар. Кёне ⁴⁾, что члены совѣта назывались „старѣйшинами“, основано исключительно на невѣрномъ пониманіи фразы Діона, какъ сразу замѣтитъ всякій мало-мальски знающій по гречески ⁵⁾.

Для дѣлопроизводства въ совѣтѣ безъ сомнѣнія былъ избираемъ особый секретарь, но упоминаній о немъ никакихъ не сохранилось.

ждали слѣдующія предположенія б. Кёне: „Нѣтъ никакого сомнѣнія [?], что Ольвійскій совѣтъ былъ очень многочисленъ; вѣроятно онъ состоялъ изъ лицъ, которые исполняли нѣсколько разъ должность архонтовъ и служилъ некоторымъ образомъ [?] совѣтомъ для архонтовъ и народа, который вѣдѣтъ съ членами Совѣта разсуждалъ о важныхъ дѣлахъ государственнаго управленія и высшихъ сношеній“.

³⁾ Пританы въ Милетѣ (незадолго до 135 г. до Р. Хр.): *Dittenberger, Syll. inscr. Gr. № 240*. Въ Книжкѣ: см. *Guil. Kersten, De Cyzico nonnullisque urbibus vicinis quaestiones epigraphicae (diss. Hal. 1886)* стр. 9 сл. Въ Кіосѣ: см. тамъ же стр. 34. Въ Лампсаѣ: тамъ же стр. 38. О пританахъ вообще ср. *G. Gilbert, Handbuch d. Staatsalterth. II* стр. 326.

⁴⁾ Гр. *Уваровъ*, *Иссл.* стр. 78. *Кёне*, *М. Коч.* I стр. 17. О храмѣ Зевса ср. выше стр. 168.

⁵⁾ См. выше стр. 168 пр. 2.

§ 2. Народное собраніе.

Чѣмъ ограниченнѣе былъ кругъ дѣятельности Ольвійскаго совѣта, тѣмъ шире была власть народнаго собранія; оно, на сколько мы можемъ судить по эпиграфическимъ документамъ, вѣдало всѣ отрасли государственнаго управленія и является не *de iure* только, но и *de facto* верховною властью въ государствѣ.

Собраніе народа называется, какъ и въ большинствѣ другихъ греческихъ республикъ, *ἐκκλησία*; но его рѣшенія издаются, какъ всегда, отъ имени всего народа, т. е. всѣхъ полноправныхъ гражданъ государства: не говорится *ἔδοξε τῇ ἐκκλησίᾳ*, а *ἔδοξε τῷ δήμῳ*. При этомъ необходимо оговориться, что относительно объема понятія *δῆμος* въ Ольвійскихъ документахъ можно сдѣлать то же самое замѣчаніе, которое сдѣлано нами о значеніи слова *δαμος* въ документахъ Хероониса Таврическаго ¹⁾: въ однихъ случаяхъ этимъ словомъ обозначается все государство, въ другихъ—народное собраніе въ тѣсномъ смыслѣ ²⁾.

При словѣ *ἐκκλησία* въ заголовкахъ нѣсколькихъ документовъ римскихъ временъ стоитъ еще опредѣленіе *πάνδημος* ³⁾, которое, на сколько намъ извѣстно, нигдѣ кромѣ Ольвии не встрѣчается въ заголовкахъ декретовъ. Объяснить значеніе этого опредѣленія пытались уже многіе ученые, но нельзя сказать, чтобы приведенныя объясненія не допускали никакихъ возраженій, и поэтому приходится снова поднять этотъ вопросъ. Первый, если не ошибаемся, обратилъ вниманіе на это выраженіе Рауль-Рошеттъ при объясненіи декрета въ честь Теокла Сатирова. Сопоставляя

¹⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.* іюнь 1884, отд. кн. ел. стр. 49.

²⁾ Не видя надобности приводить всѣ встрѣчающіеся въ надписяхъ Ольвійскихъ примѣры того и другаго значенія слова *δῆμος*, ограничиваемся нѣсколькими выдающимися. Въ значеніи „народнаго собранія“ нужно понимать *δῆμος* прежде всего тамъ, гдѣ это слово стоитъ рядомъ съ *βουλή*, затѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ „народъ“ совершаетъ какое либо административное дѣйствіе, какъ напримѣръ во многихъ случаяхъ въ декретахъ въ честь Протогена и т. п.; въ значеніи „всей гражданской общины въ совокупности“ *δῆμος* употребляется напримѣръ въ посвященіяхъ (см. №№ 12, 99, 101, 102, 105 и др.), въ постановленіяхъ о награжденіи того или другаго заслуженнаго дѣятеля отъ имени народа (*στεφανωθῆναι ὑπὸ τοῦ δήμου χρῆσθαι στεφάνῳ* и т. п.), тамъ гдѣ говорится о нѣсколькихъ лицахъ изъ народа (напр. № 13) и пр.

³⁾ *Inschr. P.* №№ 22, 24, 27 а, [28, 42].

πάνδημος съ аѳинскимъ *κυρία* (*ἐκκλησία*), онъ предполагаетъ, что эти выраженія эквивалентны и что присутствіе всѣхъ гражданъ въ собраніи считалось необходимымъ для того, чтобы оно было законно ⁴⁾. Бёкъ ⁵⁾ находятъ это объясненіе невѣрнымъ и съ своей стороны считаетъ вѣроятнымъ, что въ декретѣ въ честь Теокла вѣче названо *πάνδημος* потому, что въ него допущены были иностранцы, хотя, быть можетъ, безъ права голоса (для присутствованія при обсужденіи вопроса о награжденіи умершаго Теокла золотыми вѣнками отъ имени Ольвіи и тѣхъ городовъ, граждане которыхъ находились тамъ во время кончины Теокла). Противъ этого мнѣнія вскорѣ же возсталъ Мейеръ ⁶⁾, который съ своей стороны полагаетъ, что подъ *ἐκκλησία* *πάνδημος* разумѣлось такое собраніе, въ которомъ принимали участіе всѣ граждане или большая часть ихъ, тогда какъ въ обыкновенныхъ собраніяхъ участвовали только патриціи. Графъ Уваровъ думаетъ, что въ первыя времена существованія Ольвіи въ ней было только такое собраніе, на которое созывались родовые граждане, то есть поселившіеся тамъ греки, и что оно называлось просто *ἐκκλησία*, а „въ позднѣйшія времена Ольвіи начала давать право гражданства и чужестранцамъ, какъ обитавшимъ въ городѣ, такъ и тѣмъ, которые поселялись въ его окрестностяхъ или въ Ольвійскихъ поселеніяхъ.

⁴⁾ *Ant. du Bosphore Cimm.* стр. 167: „... il paraît que cette acception [*ἐκκλησία* *κυρία*] était particulière à Athènes; et l'on pourrait, en la prenant dans un sens plus étendu, la regarder comme équivalant à *ἐκκλησία* *πάνδημος* de notre inscription, dans les états où la constitution exigeait, pour qu'une assemblée du peuple fût *légitime*, la présence de tous les citoyens ayant droit de suffrage“.

⁵⁾ C. I. Gr. II стр. 87 b.: „Ceterum *populus* ut *liber* decernit in *ἐκκλησία* (n. 2058); semel, n. 2059 *ἐκκλησία* memoratur *πάνδημος*, ad quam admissos peregrinos, fortasse tamen sine suffragio, esse res ibi narrata probabile reddit: Athenis nulla concio sollempni usu vocatur *πάνδημος*, nec recte hanc et *κυρίαν* Rochetus Ant. B. p. 167 putat eandem esse, quum *πάνδημος* potius videatur *σὺγκλητος* fuisse ac proinde *κυρία* opposita“.

⁶⁾ Уж. ст. въ Энциклоп. Эрша и Грубера, стр. 482: Wenn ein Mal *ἐκκλησία* *πάνδημος* genannt wird, so glaube ich nicht, dass damit eine Versammlung bezeichnet werde, an der auch die fremden Kaufleute, wenn gleich ohne Stimmrecht, Antheil gehabt hätten; eher dürfte es wol blos eine grosse Volksversammlung bezeichnen, bei der die ganze oder der grösste Theil der Bürgerschaft erschienen sei; denn da die Verfassung Olbias, wie die einer andern ionischen Handelsstadt, nämlich Massilias, Etwas aristokratisches hatte, so möchte man annehmen, dass zu gewöhnlichen Volksversammlungen nicht alle Bürger berechtigt, nur die Patricier verpflichtet waren zu erscheinen, die *πάνδημος* aber habe die Anwesenheit aller stimmfähigen erhelscht“.

ствѣ иностранцевъ на Ольвійскомъ вѣчѣ при обсужденіи вопроса объ оказаніи почестей умершему Теоклу. Съ другой стороны извѣстно, что участіе въ народномъ собраніи было однимъ изъ тѣхъ правъ, которыя въ демократическихъ республикахъ предоставлялись всѣмъ полноправнымъ гражданамъ, не обращая вниманія на большую или меньшую степень ихъ родовитости. Въ тимократической конституціи Солона τὸ σωμακλήσιασμα и τὸ δικάζειν были единственными права, предоставленными бѣднѣйшему классу гражданъ⁹⁾. Родовитость иногда принималась въ разсчетъ при выборѣ въ чины, при замѣщеніи жрецовъ и т. п. Поэтому съ этой стороны не выдерживаетъ критики мнѣніе графа Уварова, различающаго собраніе родовыхъ гражданъ отъ собранія всѣхъ жителей Ольвіи, имѣвшихъ право гражданства. Одновременное существованіе двухъ народныхъ собраній, не представляя никакихъ выгодъ для общины, могло, напротивъ, только тормозить теченіе государственныхъ дѣлъ, такъ какъ сплошь и рядомъ могли являться случаи, въ которыхъ невозможно было рѣшить, въ которое изъ двухъ собраній должно было идти на обсужденіе то или другое дѣло, или рѣшеніе одного собранія могло оказаться несогласнымъ съ мнѣніемъ другого и т. п., наконецъ такое существованіе двухъ собраній прямо противорѣчитъ принципу демократическаго равенства. Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что вѣче въ Ольвіи было одно и что въ немъ участвовали только граждане, но всѣ, безъ различія степени родовитости. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ понадобилось называть его „сенароднымъ“? Намъ кажется, что для болѣе правдоподобнаго отвѣта на этотъ вопросъ нужно прибѣгнуть къ сравненію формулъ Ольвійскихъ декретовъ съ формулами постановленій другихъ государствъ, на примѣръ съ аттическими, наиболѣе намъ извѣстными. Общеизвѣстенъ фактъ, что заголовки аттическихъ декретовъ въ болѣе древнія времена были очень кратки, но еще въ IV вѣкѣ до Р. Хр. дѣлались чѣмъ далѣе, тѣмъ подробнѣе¹⁰⁾; въ числѣ этихъ подробностей приблизительно съ 112-й Олімпіады¹¹⁾ введено обозначеніе рода собранія, въ которомъ вотировался извѣстный декретъ, т. е. было ли оно ἐκκλησία κορία,

⁹⁾ *Плут.* 6. Солонъ гл. 18.

¹⁰⁾ Ср. *Will. Hartel*, Studien über Attisches Staatsrecht und Urkundenwesen (Wien 1878) стр. 3 сл.

¹¹⁾ С. I. Att. II, № 177. Ср. *Ad. Reusch*, De dicibus contionum ordin. apud Athen. (diss. Argentor. 1879) стр. 1 сл.

или просто ἐκκλησία, или ἐ. σύγκλητος. Такое же постепенное развитіе заголовковъ видимъ мы и въ декретахъ Ольвійскихъ. Къ сожалѣнію во многихъ изъ нихъ начало не сохранилось, но и сохранившихся прамѣровъ достаточно для того, чтобы составить себѣ приблизительное понятіе объ ихъ формулировкѣ. Въ древнѣйшемъ декретѣ (№ 8) вовсе нѣтъ никакихъ praescripta: въ немъ просто констатируется фактъ пожалованія Ольвіополитами права гражданства и привилегій Хэригену. Далѣе въ №№ 11, 13 и можетъ быть 15-мъ кромѣ обычной формулы ἔδοξε τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ имѣется только обозначеніе авторовъ предложенія, въ № 16 прибавлена дата собранія (αἰκάδι) съ пропущеннымъ, повидимому случайно, названіемъ мѣсяца ¹²⁾, въ № 18, относящемся скорѣе всего до II в. до Р. Хр., обозначенъ сверхъ того епонимъ и можетъ быть εἰσηγητής; наконецъ въ декретахъ римскихъ временъ къ указаннымъ обозначеніямъ присоединяется еще то выраженіе, смыслъ котораго мы стараемся здѣсь опредѣлить. Изъ числа относящихся къ этой эпохѣ 6 декретовъ, praescripta которыхъ сохранились или вполне или на столько, чтобы можно было съ достовѣрностію судить о присутствіи или отсутствіи въ нихъ слова κάυδημος, оно въ трехъ (№№ 22, 24, 27) сохранилось или цѣликомъ или отчасти, въ одномъ (№ 28) восстанавливается съ полной вѣроятностію, а въ двухъ (№№ 21 и 29) его совсѣмъ нѣтъ; но относительно декрета № 21 мы уже замѣтили въ другомъ мѣстѣ ¹³⁾, что онъ вырѣзанъ не на государственный счетъ, а однимъ изъ Карвозавовыхъ друзей, который повидимому велѣлъ сократить praescripta, такъ какъ въ нихъ недостаетъ еще обозначенія τοῦ εἰσηγητοῦ καὶ τοῦ αἰκάδιου; точно такъ же относительно декрета № 29, не смотря на незначительность сохранившагося обломка, можно замѣтить, что его praescripta отличались сравнительной краткостью: кромѣ обозна-

¹²⁾ Такое объясненіе, котораго, судя по переводамъ, придерживались еще первые издатели Протогеновской надписи — Келлеръ (*Ges. Schriften* т. I стр. 75) и Кёппенъ (*Nordgest. d. Pontus* стр. 87, переводъ Эйхенфельда), намъ кажется гораздо проще и вѣрнѣе, чѣмъ мнѣніе графа Уварова (*Изсмд.* стр. 76: „На двадцатый день Архонты и семь мужей обнародовали рѣшеніе собранія; при этомъ неволью рождается вопросъ: не существовалъ ли этотъ двадцатидневный срокъ для исполненія только такъ опредѣленія собранія, которыя не требовали немедленнаго рѣшенія?“), не говоря уже о поражающемъ своею странностію переводѣ Куно (*Die Skythen*, стр. 350): „Beschluss des rates und der gemeinde, des zwanzigertagsausschusses (ἔδοξε αἰκάδι)“ и т. д.

¹³⁾ *Извст. Р.* I стр. 55.

ченія собранія пропущено и имя тоѣ εἰσηγησαμένου. Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что выраженіе „ἐκκλησίας γενόμενης (или συνθηθροισμένης) πανδήμου“ представляетъ обычную подробность, входящую въ составъ praescripta декретовъ римскихъ временъ, по подробности несущественную, какъ видно изъ того, что въ болѣе раннія времена не считали нужнымъ вводить ее въ praescripta, а въ римскія времена иногда ее выпускали; значить она могла служить только для обозначенія того, что извѣстное постановленіе было сдѣлано всѣмъ народомъ, а не частью его, т. е. иначе говоря, что въ данномъ собраніи присутствовало такое количество гражданъ, рѣшеніе котораго признавалось волею всего народа и слѣдовательно считалось законнымъ. Но такъ какъ таковымъ признавалось всякое дѣйствительно состоявшееся собраніе, то прибавка о всенародности собранія въ заголовкахъ декретовъ является, дѣйствительно, совершенно несущественною и дѣлалась вѣроятно только для придавіа болѣе пышности заголовку, какъ нельзя лучше соотвѣтствовавшей общему напыщенному тону самыхъ декретовъ; этимъ же объясняется и тотъ фактъ, что въ другихъ еллинскихъ городахъ такая подробность въ заголовкахъ декретовъ, на сколько намъ извѣстно, никогда не прибавлялась (хотя прибавка о законности собранія иногда встрѣчается). Такимъ образомъ наше объясненіе ближе всего подходитъ къ мнѣнію Рауль-Рошетта.

Для собранія было отведено одно опредѣленное мѣсто подъ названіемъ ἐκκλησιαστήριον, упоминаемое, впрочемъ, одинъ только разъ въ документѣ IV вѣка до Р. Хр. (№ 11). Диттенбергеръ⁴⁾, основываясь на томъ, что въ этомъ мѣстѣ обязательно должна была производиться продажа золота и серебра, полагаетъ, что τὸ ἐκκλησιαστήριον составляло часть торговой площади. Продавцы и покупатели становились при этомъ на „камень, что въ еkkлiастирiи“ (ὁ λίθος ὁ ἐν τῷ ἐκκλησιαστήριῳ), подъ которымъ слѣдуетъ, согласно съ Мордтманомъ⁵⁾, разумѣть тотъ камень, на которомъ становились ораторы, герольды и другія лица, которымъ приходилось говорить публично.

Относительно того, были ли опредѣленные дни для собраній, пока нельзя сказать ничего положительнаго на основаніи тѣхъ документовъ, въ которыхъ сохранились полныя даты: такихъ докумен-

⁴⁾ *Syll. inscr. Gr.* прим. 3 къ № 354.

⁵⁾ *Lettes* т. XIII стр. 377, прим. 3.

товъ всего три, и число мѣсяца, въ которое состоялось собраніе, во всѣхъ трехъ различно: 20-е въ № 16, 12-е въ № 21, 15-е въ № 22. На основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ въ Протогеновскомъ документѣ можно было бы сказать, что опредѣленныхъ дней не было и народъ соби-рался по мѣрѣ надобности⁴⁰⁾, но намъ могутъ возразить на это, что въ важныхъ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, могли быть созываемы экстраординарныя собранія независимо отъ ординарныхъ, имѣвшихъ мѣсто въ опредѣленные дни. Точно такъ же на основаніи единственнаго мѣста въ томъ же декретѣ (А стр. 83 сл.), гдѣ ска-зано, что народъ былъ созванъ въ собраніе архонтами, нельзя рѣ-шить, дѣлалось ли это постоянно, или только въ экстренныхъ слу-чаяхъ, каковымъ было тогда появленіе царя Саитафарна, по поводу котораго архонты созвали вѣче. Нельзя также сказать навѣрное, кто предсѣдательствовалъ въ собраніи, хотя очень вѣроятно, что пред-сѣдателями были архонты, должность которыхъ была очень важна и которымъ постоянно приходилось обращаться къ собранію за рѣ-шеніемъ тѣхъ или другихъ вопросовъ, относящихся къ администра-ціи. Особенно много говоритъ въ пользу этого предположенія то, что именно архонты передавали на обсужденіе народа предложенія, вне-сенныя тѣмъ или другимъ гражданиномъ, о чемъ подробнѣе скажемъ ниже, когда поведемъ рѣчь о процедурѣ народныхъ опредѣленій.

Теперь обратимся къ ближайшему разсмотрѣнію тѣхъ дѣлъ, ко-торыя подлежали вѣдѣнію народнаго собранія, и для удобства обо-зрѣнія распредѣлимъ ихъ по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) вопросы внѣшней политики и общественной безопасности, 2) внутреннее управ-леніе: а) выборы чиновниковъ, б) государственное хозяйство, в) по-становленія относительно отдѣльныхъ лицъ.

1. Въ числѣ вопросовъ внѣшней политики на первомъ планѣ можно поставить урегулированіе отношеній къ сосѣдямъ. Зброшенная въ варварской странѣ, вдали отъ единоплеменниковъ и безъ надежды получить отъ нихъ помощь въ случаѣ надобности, Ольвія должна была видѣть залогъ своего существованія въ добрыхъ отно-шеніяхъ къ сосѣднимъ варварамъ и заботиться постоянно объ ихъ поддержаніи тѣми или другими средствами. Первые вѣка ея суще-ствованія протекли, повидимому, мирно и благодаря этому ея мо-гущество и благосостояніе постепенно увеличивались. Но затѣмъ

⁴⁰⁾ № 16 А, стр. 58 сл., 95 сл.; В, 1—22.

среди окрестныхъ народовъ начинается броженіе, одни племена тѣснятъ другія и въ своемъ наступательномъ движеніи обрушиваются на Ольвию. Положеніе ея относительно сосѣдей въ эти времена обрисовано уже выше на основаніи свидѣтельствъ Протогеновскаго декрета: съ одними изъ сосѣдей Ольвія старается поддерживать миръ посредствомъ принесенія имъ въ опредѣленные сроки „даровъ“, т. е. иначе говоря, посредствомъ дани, отъ другихъ старается отбиться вооруженною силою. Тѣми и другими средствами обороны завѣдывало вѣче. „Когда царь Саитафарнъ прибылъ въ Канкитъ— читаемъ мы въ Протогеновскомъ декретѣ—и требовалъ даровъ по случаю проѣзда, а между тѣмъ общественная казна была пуста, Протогенъ по просьбѣ народа далъ 400 золотыхъ“ (А, 9—13). „Когда явились во множествѣ саи за полученіемъ даровъ, а народъ не могъ имъ дать и попросилъ Протогена помочь его стѣсненнымъ обстоятельствамъ, онъ предложилъ 400 золотыхъ“ (А, 33—38). „Когда было отдано на откупъ снаряженіе посольства въ резиденцію царя по постановленію...., то Протогенъ, увидѣвъ, что городъ подвергнется большимъ непріятностямъ, самъ, явившись въ собраніе, далъ 300 золотыхъ“ (А, 39—58). „Когда царь Саитафарнъ явился на ту сторону за дарами и архонты, созвавъ вѣче, объявили о прибытіи царя и о томъ, что въ казнѣ нѣтъ никакихъ суммъ, Протогенъ, выступивъ, далъ 900 золотыхъ; когда же послы Протогенъ и Аристократъ взяли эти деньги и явились къ царю, то царь, недовольный дарами, разгнѣвался и выступилъ въ походъ, вслѣдствіе чего народъ, собравшись, пришелъ въ ужасъ“ и т. д. (А, 82—96). Изъ двухъ послѣднихъ цитатъ видно, что снаряженіе посольствъ къ сосѣднимъ властителямъ также относилось къ кругу дѣятельности вѣча; стало быть сюда же могутъ быть отнесены тѣ мѣста въ позднѣйшихъ декретахъ, гдѣ упоминается о подобныхъ посольствахъ, или о „встрѣчахъ“ сосѣднихъ царей Ольвійскими гражданами⁴⁷⁾.

Въ случаѣ, если принятыя вѣчемъ мѣры оказывались недостаточными для предотвращенія опасностей, грозившихъ со стороны сосѣднихъ варварскихъ племенъ, и приходилось бояться ихъ нападеній, вѣче заблаговременно принимало мѣры къ ихъ отраженію или къ оборонѣ города. Наиболѣе яркую картину печальнаго состоянія, въ

⁴⁷⁾ Упомянутія о посольствахъ и „встрѣчахъ“ приведены выше на стр. 190. Относительно дипломатическихъ сношеній съ другими славянскими городами Ольвійскіе документы не даютъ никакихъ указаній.

которомъ очутилась Ольвія въ виду грозившаго ей нападенія галатовъ и скировъ, рисуютъ намъ первыя строки задней стороны (B) Протогеновскаго декрета. Такъ какъ намъ уже приходилось привлечь ихъ къ разсмотрѣнію (см. стр. 97), то здѣсь можно ограничиться замѣчаніемъ; что принадлежность организаціи обороны народному собранію ясно видна изъ слѣдующихъ строкъ декрета (B, 22—27): ὦν ἐνεκεν συνελθὼν ὁ δῆμος διηγωνοκῶς καὶ τὸν κίνδονον τὸν μέλλοντα καὶ τὰ δαινά πρὸ ὀφθαλμῶν ποιούμενος παραχάλει πάντας τοὺς ἰσχύοντας βοηθῆσαι καὶ μὴ περιδεῖν τὴν ἐκ πολλῶν ἐτῶν τετηρημένην πατρίδα ὑποχείριον γενομένην τοῖς πολεμίοις и т. д. Постройка четвертой скинии совершена Протогеномъ также по просьбѣ народнаго собранія (B, 57—64). Можно думать, что и Клеомвротъ Пантакловъ, старшій современникъ Протогена, построилъ башню Иракла, пилонъ и скинию не по собственной инициативѣ, а по просьбѣ вѣча⁴⁰⁾. Въ случаѣ же, если, несмотря на предварительно принятые мѣры, Ольвіи приходилось выдерживать нападеніе враговъ, и военныхъ силъ не хватало для ихъ отраженія, то вѣче принимало экстраординарныя мѣры, какія ему казались наиболее цѣлесообразными въ данномъ случаѣ. Такъ, во время осады города Зопириономъ были освобождены рабы и дано право гражданства иностранцамъ для увеличенія числа защитниковъ города, а бѣднымъ гражданамъ, для облегченія ихъ матеріальнаго положенія, были прощены долги.

Если окрестности города были небезопасны отъ враговъ, а между тѣмъ гражданамъ по тѣмъ или другимъ причинамъ нужно было выѣзжать изъ города, то они были снабжаемы военнымъ конвоемъ вѣроятно также по постановленію вѣча; такое заключеніе можно вывести изъ слѣдующей фразы документа въ честь Никирата Папіева: διαβάντων εἰς τὴν Ἰγλαίαν τῶν πολιτῶν οὐδὲν τούτοις τοῦ προνοεῖν τῆς [πόλεως ἐδέθη· οἴμενο]ς γὰρ τῆι ἑαυτοῦ παρουσίᾳ τοὺς ὄχλους εὐφυλακτοτέρους ἕσεσθαι, ἄνευ στρατεύματος (?) καὶ τῆς καθηκούσης ἀκολουθίας παραγεγόμενος αὐτόθι προεφύλασεν⁴¹⁾.

⁴⁰⁾ *Inscr. P.* №№ 99 и 100. Посвященіе Клеомвротомъ и Анаксимномъ Посидеевымъ (№ 101) построенныхъ ими башенъ имени народа не можетъ, однако, служить доказательствомъ того, что онѣ построены именно по просьбѣ народа. Ававъ Калисееновъ также посвящаетъ народу портикъ (№ 102), построенный имъ навѣрное по собственной инициативѣ.

⁴¹⁾ *Inscr. P.* № 17 стр. 13 сл., ср. выше стр. 139.

2. Переходя къ обзору дѣятельности народнаго собранія, шей отношеніе къ внутреннему управленію, остановимся всего на выборахъ должностныхъ лицъ. Способы ихъ избра были извѣстны до послѣдняго времени. Бѣкъ ²⁰⁾ могъ от только относительно членовъ коллегіи Девяти, что они были расмы голосованіемъ, а не жребіемъ (ἀίρεθεις τῆς τῶν ἐννέα № 16 А, стр. 39). Теперь изъ документа въ честь Никирата мы что для выборовъ чиновниковъ назначалось ежегодно особое (ἀρχαιρετικὴ ἐκκλησία), и стало быть имѣемъ право думать, что нымъ способомъ замѣщенія должностей былъ не жребій, а протягиваніемъ рукъ; это подтверждается впервыхъ одной декрета въ честь Карзоаза ²¹⁾, гдѣ спеціальнй терминъ употребленъ относительно избранія во всякую государственную, а во вторыхъ тѣмъ, что въ документахъ римскихъ встрѣчается много случаевъ неоднократнаго избранія одного же лица въ одну и ту же должность ²²⁾.

Народное собраніе вѣдало, затѣмъ, дѣла, относящіяся государственному хозяйству. Ближайшее завѣдываніе различіе отраслями принадлежало спеціальнымъ магистратамъ, но вѣ водило ихъ дѣятельностью и издавало постановленія болѣ характера. Оно обращало свое вниманіе какъ на тѣ стороны ства, которыя касались торговыхъ сношеній Ольвіи съ дру родами, такъ и на относившіяся къ внутреннему устройст госостоянію города. Еще въ IV в. до Р. Хр., въ виду шир витія Ольвійской торговли и наплыва драгоценныхъ мет ея рынокъ, вѣче сочло нужнымъ издать обязательное посл относительно купли и продажи золота и серебра, имѣвшіе цѣлью защитить государственные интересы и, главнымъ поддержать курсъ мѣстной серебряной и мѣдной монеты и ленной высотъ (№ 11, см. выше стр. 49).

Къ IV же вѣку до Р. Хр., судя по характеру письма, почетные декреты №№ 8 и 9 (впрочемъ первый можетъ даже къ V в.), въ которыхъ также можно отмѣтить примѣ денія вѣчемъ торговыхъ интересовъ Ольвіи. Ольвіополиты, п

²⁰⁾ С. I. Gr. II, стр. 88, 8.

²¹⁾ *Inscr. P.* № 21 стр. 8: φιλῶν τὰς ἐπιταγὰς πάσης χειροτ ρίαν ἐπεδείκνυτο.

²²⁾ Примѣры указаны выше, стр. 215 прим. 7.

гимъ еллинамъ, награждали иностранцевъ, оказывавшихъ имъ услуги, различными правами и привилегіями; въ числѣ послѣднихъ упоминается право беспошлиннаго ввоза и вывоза товаровъ; но для того, чтобы этою привилегіею подъ именемъ получившаго ее лица не воспользовался кто либо другой, въ декретахъ подробно перечислены лица, которыя имѣли на нее право, именно такія, интересы которыхъ самымъ тѣснымъ образомъ связаны были съ интересами получившаго привилегію лица: его дѣти, неотдѣленные братья и слуги или прикащики (*θεράποντες*); впрочемъ упоминаніе о братьяхъ есть только въ № 8, а въ № 9 оно опущено и, на сколько намъ извѣстно, не встрѣчается и въ декретахъ другихъ городовъ. Въ № 15, относящемся къ болѣе позднему времени, нежели предыдущіе, беспошлинность уже совсѣмъ не упомянута въ числѣ привилегій, можетъ быть потому, что Ольвія къ тому времени стала бѣднѣе: судя по письму, этотъ документъ по времени не слишкомъ далеко отстоитъ отъ Протогеновскаго, въ которомъ яркими красками рисуется плачевное положеніе Ольвіи.

Возвратимся теперь опять къ этому драгоценному памятнику, на этотъ разъ для того, чтобы рассмотреть, въ чемъ выражалось печеніе народнаго собранія о внутреннемъ благоустройствѣ и благосостояніи города. Объ этой сторонѣ его дѣятельности документъ также сообщаетъ весьма интересныя подробности: въ случаѣ неурожаевъ, отъ которыхъ Ольвія страдала при Протогенѣ, вѣче свое временно принимало мѣры противъ поднятія цѣнъ на хлѣбъ и въ крайнихъ случаяхъ прямо обращалось къ зажиточнѣйшимъ гражданамъ съ просьбою открыть свои житницы для продажи хлѣба народу по удешевленной цѣнѣ (А. 23—32 и 58—82). Вѣроятно также по порученію вѣча архонты закупали вино по дешевымъ цѣнамъ, безъ сомнѣнія для того, чтобы потомъ продавать по тѣмъ же цѣнамъ народу и тѣмъ избавить его отъ произвола и притѣсненій виноторговцевъ; по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, который упомянуть въ декретѣ (А. 19—23), архонты, не имѣя денегъ для уплаты за вино, доложили объ этомъ народу, и послѣдній уже самъ обратился къ Протогену съ просьбою ссудить нужную сумму.

Въ критическихъ случаяхъ вѣче простирало свою заботливость и на отдѣльныхъ гражданъ, стараясь облегчить ихъ матеріальное положеніе. Бѣднѣйшій классъ народа, наиболѣе страдавшій отъ войнъ и неурожаевъ, къ тому же обремененный долгами, вызывалъ къ себѣ теплое участіе вѣча. Мы уже видѣли, что во время

осады города Зопиріономъ бѣдственное положеніе народа было облегчено посредствомъ уничтоженія долговыхъ обязательствъ. То же самое видимъ мы и въ документѣ Протогена (В, 79 сл.): „Когда все въ городѣ находилось въ упадкѣ вслѣдствіе войнъ и неурожаевъ и средства совершенно истощились, такъ что народъ въ виду этого попросилъ Протогена позаботиться о кредиторахъ и должникахъ, онъ первый, хотя долги ему и отцу его простирались до 6000 золотыхъ, предложилъ народу располагать имъ какъ ему угодно, и когда народъ попросилъ его простить должникамъ ихъ долги, онъ всѣмъ все простилъ“ и т. д.

Народное собраніе завѣдывало также откупамъ. Откупщикамъ отдавалось, по весьма распространенному у грековъ обычаю, какъ взысканіе государственныхъ доходовъ (№ 11), такъ и расходовъ. Въ послѣднемъ случаѣ самыя торги и переторжки производились въ собраніи и по окончаніи ихъ формулировалось постановленіе съ обозначеніемъ окончательной цѣны. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ того мѣста Протогеновскаго декрета, гдѣ говорится о снаряженіи посольства къ царю Сантафарну для подвешенія ему даровъ (А, 45 сл.): „Когда отдано было на откупъ снаряженіе посольства въ резиденцію царя по постановленію, по которому откупщики должны были получить отъ города 300 золотыхъ, и взялъ на откупъ Кононъ, но вслѣдствіе того, что архонты не могли заплатить этихъ денегъ, которыя были у откупщиковъ податей, отказались [Кононъ и его товарищи] отъ откупа и вслѣдствіе этого было три переторжки и въ третій разъ откупъ остался за Форміономъ, то Протогенъ, увидѣвъ, что городъ подвергнется большимъ неприятностямъ, самъ, явившись въ собраніе, далъ эти 300 золотыхъ“. Точно такъ же впоследствии Протогенъ, изъявивъ готовность отстроить недостававшія части городскихъ стѣнъ и обезпечить исполненіе постройки предварительнымъ взносомъ потребныхъ на нее суммъ, представилъ въ собраніе залогъ, затѣмъ отдалъ всѣ работы на откупъ чрезъ глашатая, а когда многіе подрядчики отказались отъ работъ, принялъ на себя ихъ производство (В, 29 сл.).

На народномъ собраніи также лежала забота объ исправномъ содержаніи грузовыхъ судовъ, служившихъ между прочимъ для перевозки нужнаго для общественныхъ построекъ камня изъ каменоломенъ. Печальное матеріальное положеніе Ольвии при Протогенѣ сказалось между прочимъ въ томъ, что въ казнѣ не хватало денегъ на ремонтъ судовъ, которыя вслѣдствіе этого пришли въ совершенную

негодность, и государству приходилось зафрахтовывать для перевозки камня суда частных владѣльцевъ. Протогенъ, въ своемъ ревностномъ служеніи интересамъ отечества, обратилъ вниманіе и на это неудобство и общалъ исправить казенныя суда. Въ документѣ не сказано прямо, что Протогенъ обратился съ этимъ предложеніемъ къ народному собранію, но изъ того, что онъ сдалъ отчетъ въ издержанныхъ суммахъ и получилъ отъ собранія въ награду вѣнецъ, очевидно, что и самое предложеніе внесено было въ собраніе и отчетъ былъ сданъ ему же (В, 49 сл.).

Таковы главнѣйшія данныя о разныхъ сторонахъ дѣятельности вѣча, знакомствомъ съ которыми мы обязаны почти исключительно декрету въ честь Протогена, драгоцѣннѣйшему изъ вещественныхъ памятниковъ Ольвии. Другіе документы сообщаютъ, сравнительно, очень мало данныхъ для разсмотрѣнныхъ уже сторонъ дѣятельности вѣча, но за то богаты фактами, относящимися къ тѣмъ вещественнымъ и невестественнымъ знакамъ, которыми вѣче выражало свою признательность за доблестное служеніе отдѣльныхъ гражданъ отечеству, или за оказанныя ему гражданами и иностранцами услуги. Къ нимъ мы теперь и обратимся.

Награды, опредѣлявшіяся собраніемъ, были очень разнообразны и не всегда строго соразмѣрялись съ дѣйствительными заслугами. Вообще можно замѣтить, что въ позднѣйшую эпоху жизни Ольвии, послѣ разрушенія ея гетами, вѣче щедрою рукою разсыпало вѣнки и другія награды и при этомъ обнаруживало чисто аристократическія тенденціи, обращая вниманіе не только на фактическія заслуги извѣстнаго дѣятеля, но и на благородство его происхожденія, достоинство предковъ и т. п. Впрочемъ о возрѣніяхъ вѣча удобнѣе будетъ судить послѣ разсмотрѣнія отдѣльныхъ случаевъ награжденія.

Первою, самою общеою наградою за всѣ заслуги было выраженіе похвалы (*ἐλαίνας*) отъ имени совѣта и народа; но эта награда сама по себѣ считалась слишкомъ недостаточною и потому всегда соединяется съ другими, которыя были различны, смотря по тому, получали ли ихъ граждане или иностранцы.

Иностранцы, оказывавшіе услуги Ольвиополитамъ, пріѣзжавшимъ въ ихъ города по торговымъ дѣламъ, или сами пріѣзжавшіе въ Ольвию и здѣсь заслуживавшіе своими дѣйствіями одобреніе народа ²¹⁾,

²¹⁾ Каллатіецъ Навтимъ омиъ Пасіада въ III в. до Р. Хр. награждается именно за услуги, которыя ояъ оказывалъ Ольвиополитамъ, пріѣзжавшимъ въ Каллатію

получали обыкновенно потомственную проксенію и право гражданства, соединявшееся, судя по сохранившимся документамъ, всегда съ гарантіею безопаснаго и свободнаго (ἀσφαλείῃ καὶ ἀσπονδίῃ) въѣзда въ Ольвійскую гавань и выѣзда изъ нея въ военное и мирное время, а кромѣ того иногда съ освобожденіемъ отъ пошлинъ за ввозимые и вывозимые товары (ср. выше стр. 51). Изъ указанныхъ документовъ можно замѣтить, что Ольвіополиты не скупались на раздачу права своего гражданства: Навтиму Каллатійцу оно даровано за услуги, сравнительно, неважныя, а Хэригену Месимвріанцу — безъ всякаго обозначенія его заслугъ. И дѣйствительно, для гражданъ другихъ городовъ право гражданства въ Ольвіи, заброшенной въ отдаленномъ углу Скиеіи, само по себѣ врядъ ли было привлекательно; оно имѣло значеніе только въ виду соединявшихся съ нимъ торговыхъ выгодъ; съ другой стороны для самихъ Ольвіополитовъ было конечно, очень важно привлекать на свой рынокъ какъ можно больше иностранцевъ, чего они и старались достигнуть путемъ различныхъ льготъ и привилегій.

Заслуги собственныхъ гражданъ награждались также щедрою рукою, главнымъ образомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы возбудить соревнованіе въ другихъ гражданахъ и поощрить ихъ ревностно служить отечеству въ надеждѣ на достойную награду. Эта мысль не разъ выскачивается въ той или другой формѣ въ документахъ разныхъ временъ, начиная отъ довольно древняго (судя по письму—IV в. до Р. Хр.) декрета въ честь Каллиника Евксенова ²⁴⁾, и кончая декретами позднихъ римскихъ временъ. Самая вырѣзка документа на камень и постановка его на видномъ мѣстѣ города дѣлалась съ тѣми же утилитарными цѣлями ²⁵⁾. Наиболѣе ярко выражается эта

(№ 15). Въ №№ 8, 9 и 10 причины награжденія неизвѣстны, такъ какъ первый изъ этихъ документовъ наложенъ слишкомъ кратко, а отъ двухъ другихъ сохранились только концы. О № 14 умалчиваю потому, что не могу поручиться за вѣрность принятаго мною въ сборникѣ восстановленія Века—[Ῥόδ]ιος.

²⁴⁾ № 12, стр. 3—6: [Ῥίνα οὖν καὶ] οἱ ἄλλοι φιλοτιμότερον ἔχουσι πρὸς τὸ κ[α]λοὺς ἀγαθοὺς εἶναι τῆι πόλει (?), εὐ εἰδότες ὅτι τιμῆς καὶ δωρεῆς ἀξίας ἕκαστος τεύξεται π[α]ρὰ τοῦ δ[η]μό[υ] τῶν] εὐεργετημάτων κ т. д.

²⁵⁾ № 17, стр. 31 сл.: ἀναγράψαι δὲ καὶ τὸ ψήφισμα εἰς τε[λαμῶνα λευκόλιθον καὶ] ἀναθεῖναι ἐν φ[ω]τῶν τόφῳ οἱ προσήκοντες αὐτοῦ βο[ύ]λωνται, ὅπως καὶ οἱ λ[ο]ικοὶ πολεῖται προθυμότεροι γίνωνται εὐ ποιεῖν τὴν πατρίδα, τοὺς εὐαργέτας ταῖς καθ[η]κο[ύ]σαις τιμαῖς χρημουμένους ὀρῶντες.—№ 21, стр. 37 сл.: ἀναθεῖναι δὲ τὸ ψήφισμα ἐν ἐπισήμῳ τόφῳ, ἵνα οἱ ἀναγεινώσκοντες προτροπὴν ἔχωσιν εἰς τὸ μεμεῖσθαι βίην ἐκαινοόμενον.—№ 22, стр. 41 сл.: τὸ δὲ ψήφισμα τοῦτο ἀναγραφῆναι κтл. εἰς τὸ

мысль въ широко разившемся въ позднія времена ²⁶⁾ обычаѣ награждать заслуженныхъ дѣателей послѣ ихъ смерти, когда сами они не могли уже радоваться этой наградѣ; рѣже высказывается болѣе высокая цѣль такой посмертной награды,—чтобы дѣатель „и послѣ смерти былъ въ чести у живыхъ“, или „чтобы получилъ выдающіися почести“ ²⁷⁾.

Первою, наиболѣе обычною наградою въ Ольвіи, какъ и въ другихъ греческихъ городахъ, былъ вѣнокъ. Въ болѣе древнія времена было, кажется, въ обычаѣ давать эту награду за каждую выдающуюся заслугу, такъ что одинъ и тотъ же дѣатель могъ удостоиться ея нѣсколько разъ. Такъ въ Протогеновскомъ декретѣ мы читаемъ, что народъ часто награждалъ Протогена вѣнками и между прочимъ одинъ разъ за своевременную сдачу отчета въ деньгахъ, издержанныхъ на разныя постройки и починки (В, 55 сл.); такая награда, повидимому, считалась на столько незначительною, что самое упоминаніе о ней сдѣлано какъ бы мимоходомъ.

Въ позднѣйшія времена золотой вѣнокъ сдѣлался обычнымъ выраженіемъ признательности отечества къ тому или другому заслуженному дѣателю послѣ его смерти ²⁸⁾. При этомъ дѣло шло обыкновенно слѣдующимъ путемъ: немедленно послѣ смерти дѣателя кто либо изъ гражданъ вносилъ въ совѣтъ предложеніе почтить его заслуги золотымъ вѣнкомъ. Если это предложеніе проходило въ совѣтѣ то архонты представляли его въ народное собраніе, которое и утверждало предложеніе, опредѣляя при этомъ и подробности публичнаго чествованія усопшаго. Обыкновенно постановлялось, чтобы глашатай при выносѣ тѣла усопшаго къ мѣсту его послѣдняго упокоенія провозгласилъ отъ имени народа, что такой-то увѣнчивается за свои заслуги золотымъ вѣнкомъ ²⁹⁾; въ болѣе важныхъ случаяхъ

μαθεῖν πάντας τὸν ἄνδρα πρὸς ἀνδρείαν μὲν εὐτολμον καὶ πρὸς ἀρετὴν δὲ δοκνον καὶ πρὸς πολεΐτας σωτήριον καὶ πρὸς ξένους φιλόφρωνον, ἢ ἰς προτροπὴν τῶν τῆν πόλιν φιλεῖν καὶ εὐεργετεῖν δυναμένων. Подобная же мысль въ концѣ №№ 25 и 35.

²⁶⁾ Древнѣйшимъ изъ сохранившихся примѣровъ этого обычая было посмертное чествованіе Никирата Папіева вѣроятно въ I в. до Р. Хр. (см. выше стр. 141).

²⁷⁾ №№ 17, 21 и др.

²⁸⁾ Подобный же обычай существовалъ въ римскія времена на о. Аморгъ. Ср. ст. *Вейля* въ Mittheil. d. D. Inst. I стр. 347 сл. и *нашу* тамъ-же т. IX стр. 116 сл.

²⁹⁾ Формула провозглашенія опредѣлялась обыкновенно самимъ народомъ и записывалась въ декретъ, такъ что глашатай не имѣлъ права измѣнять ее. См. №№ 17, 21, 22, 24—27, 35, 38, 39.

для приданія въщей торжественности погребальной процессіи прибавлялось, чтобы во время ея запирались всѣ лавки или мастерскіи ³⁰⁾ въ городѣ и чтобы всѣ граждане въ траурномъ платьѣ слѣдовали за гробомъ ³¹⁾.

Графъ Уваровъ ³²⁾ на основаніи того, что въ одномъ курганѣ, отстоящемъ на полверсты отъ Ильинскаго и разрытомъ въ 1842 году, вмѣстѣ съ золотою маскою и другими вещами найденъ золотой лавровый вѣнокъ, предполагаетъ, что вѣнки, которыми были награждаемы усопшіе дѣятели, клались вмѣстѣ съ ними въ могилы. Но намъ кажется, что на основаніи одного примѣра трудно утверждать это положительно; а если мы примемъ во вниманіе свидѣтельство Діона ³³⁾ о крайней бѣдности Ольвіополитовъ въ римскія времена и о томъ, что они постоянно должны были отражать—конечно съ немалыми издержками—нападенія сосѣднихъ варваровъ, то покажется очень мало вѣроятнымъ, чтобы у нихъ могъ существовать обычай зарывать въ землю—въ буквальномъ смыслѣ—золото, которое могло бы пригодиться для удовлетворенія насущныхъ потребностей жизни; притомъ, если бы этотъ обычай дѣйствительно существовалъ, то находка золотого вѣнка въ могилѣ не была бы единичною; напр. въ Пантикапѣѣ и его окрестностяхъ золотыхъ вѣнковъ уже не мало найдено въ могилахъ. Поэтому намъ кажется вполне возможнымъ примѣнить къ Ольвіи замѣчаніе, сдѣланное Вейлемъ ³⁴⁾ относительно о. Аморга,—что для возложенія на усопшихъ или постоянно употреблялся одинъ и тотъ же вѣнокъ, потомъ снимавшійся, или онъ былъ приобрѣтаемъ родственниками усопшихъ на свой счетъ.

Кромѣ отдѣльныхъ заслуженныхъ дѣятелей награжденія золотымъ вѣнкомъ удостоивались цѣлыя коллегіи должностныхъ лицъ за безукоризненное исполненіе должности. Это дѣлалось, конечно, уже по окончаніи срока службы, по особому опредѣленію совѣта и народа. До насъ сохранились отъ римскихъ временъ примѣры такого награж-

³⁰⁾ № 17. Въ стр. 24-й одинаково возможно возстановленіе [ἐργασ]ήρια и [πωλητ]ήρια.

³¹⁾ Такія опредѣленія, въ высшей степени интересныя тѣмъ, что напоминаютъ современные обычаи, въ древнихъ документахъ встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Намъ извѣстны только болѣе краткія опредѣленія въ Мессинской надписи *Bull. de corr. hell.* V стр. 154 n° 5 и въ Аморгской *Ann. dell' Instit.* 1864 стр. 95.

³²⁾ *Изслѣд.* стр. 47 и 77.

³³⁾ *Op.* 36, v. II p. 76 R.

³⁴⁾ *См. выше прим.* 28.

денія стратиговъ (№№ 57 и 68, можетъ быть и 53 и 69). Служитель коллегіи обыкновенно удостоивался при этомъ почетнаго упоминанія на памятникѣ (ὁ θεῖνα ὑπὲρ ἑτέρων εὐαρίστως). Обычай этотъ былъ распространенъ и въ другихъ греческихъ республикахъ²⁵⁾; но въ Ольвіи такая награда, повидимому, цѣнилась очень высоко и коллегіи магистратовъ удостоивались ея лишь за особо важныя заслуги; такъ можно думать на томъ основаніи, что изъ шестнадцати вполне сохранившихся посвячительныхъ записей стратиговъ приписку о награжденіи имѣютъ только двѣ (или, можетъ быть, четыре).

За награжденіемъ вѣнкомъ по степени важности слѣдовала постановка портрета извѣстнаго дѣятеля въ какомъ либо публичномъ зданіи. По настоящее время мы имѣемъ только одинъ примѣръ подобной награды, и то обусловленной спеціальными причинами: послѣ смерти Θεοκλά Сатирова народъ постановилъ украсить его изображеніемъ гимнасій, постройкою котораго онъ завѣдывалъ²⁶⁾.

Вышею наградою считалась, повидимому, постановка на государственный счетъ статуи заслуженнаго дѣятеля. Эта награда давалась, конечно, за самыя важныя заслуги и притомъ, какъ кажется, чаще въ лучшія времена Ольвіи, до гетскаго погрома, нежели послѣ него. Въ сохранившихся декретахъ римскихъ временъ, не смотря на все превознесеніе заслугъ дѣятелей, постановка статуи ни разу не упоминается въ числѣ наградъ, которыя ограничиваются обыкновенно золотымъ вѣнкомъ и въ одномъ случаѣ, сверхъ того, портретомъ²⁷⁾; между тѣмъ въ болѣе раннія времена постановка статуи упоминается неоднократно. Причину исчезновенія этого обычая нужно искать не въ томъ, конечно, что Ольвіополиты позднѣйшихъ временъ считали своихъ заслуженныхъ дѣятелей недостойными такой награды, такъ какъ мы вообще замѣчаемъ, напротивъ, что древнѣйшіе елліны были въ этомъ отношеніи гораздо скупѣе позднѣйшихъ, и въ самой Ольвіи вѣнки раздавались тогда щедрою рукою не только за дѣйствительныя

²⁵⁾ Чтобы не ходить далеко за примѣрами, припомнимъ обычное увѣчаніе совѣта въ Афинахъ. См. *G. Gilbert, Staatsalterth.* I стр. 253.

²⁶⁾ № 22 стр. 39: καὶ ἀνατεθῆναι αὐτοῦ εἰκόνα ἐνοπλιὸν δημοσίᾳ ἐν τῇ γυμνασίᾳ, οὗ τῆς κατασκευῆς τὴν ἐπιμέλειαν αὐτὸς παποιήτο.

²⁷⁾ Не упоминаемъ здѣсь о статуяхъ Карагаллы и Геты, поставленныхъ совѣтомъ и народомъ Ольвіополитовъ (№ 109), такъ какъ онѣ были возвыгауты безъ сомнѣнія не въ награду за ихъ особыя заслуги, а изъ лести или для снисканія милостей.

заслугъ, но и за ожидаемыя ³⁸⁾; причинами безъ сомнѣнія служили: дороговизна металла и мрамора и вообще сооруженія статуи, превосходящія средства обѣднѣвшаго народа, и отсутствіе хорошихъ художниковъ ³⁹⁾.

Статуи, смотря по величинѣ заслугъ, ставились пѣшія или конныя; иногда онѣ посвящались какому нибудь изъ наиболѣе уважаемыхъ Ольвійскихъ божествъ. На пьедесталѣ статуи, обыкновенно состоявшемъ изъ правильно обтесанной и отполированной, но не снабженной никакими украшеніями мраморной глыбы, вырѣзывалось или дѣликомъ постановленіе вѣча о награжденіи статуею, или только краткая формула, заранѣе опредѣленная въ декретѣ ⁴⁰⁾. Въ одномъ случаѣ

³⁸⁾ См. №№ 26 и 27.

³⁹⁾ Статуи Каракалла и Геты могли быть куплены готовыми въ другомъ городѣ, а для пьедестала ихъ былъ употребленъ старый кусокъ мрамора.

⁴⁰⁾ По настоящее время нѣтъ нѣтъ слѣдующіе случаи награжденія статуями заслуженныхъ дѣятелей Ольвии:

1. Статуя Каланика Евксенова, воздвигнутая въ IV в. до Р. Хр. съ посвященіемъ отъ имени народа Зевсу Спасителю. Въ 1848 г. найденъ попорченный пьедесталъ этой статуи съ сохранившимися еще на верхней сторонѣ углубленіями для ея ногъ. На передней сторонѣ пьедестала было вырѣзано почетное постановленіе, верхняя половина котораго къ сожалѣнію оказалась на столько испорченною, что опредѣленіе заслугъ Каланика представляется невозможнымъ. Видно только, что онъ, между прочимъ, отнялъ у кого-то какиѣ-то статуи, которыми причинились поврежденія, и воспрепятствовалъ порчѣ (хорѣ) какого-то зданія или предста. Надпись эта напечатана въ *Inscr. P.* подъ № 12, а весь памятникъ изображенъ у гр. *Уварова* въ Собраніи картъ и рисунковъ къ Иссл. о древн. южной Россіи, табл. XXIV № 2.

2. Статуя неизвѣстнаго по имени дѣятеля, о постановкѣ которой гласитъ найденное на Бѣломъ (и Зинномъ) островѣ почетное постановленіе, относящееся, судя по характеру письма, также къ IV в. до Р. Хр. По формѣ и развѣрамъ найденнаго камня можно предположить, что онъ былъ пьедесталомъ статуи, которая въ такомъ случаѣ была поставлена не въ Ольвию, а въ главномъ мѣстѣ дѣятельности неизвѣстнаго, на Бѣломъ островѣ. Объ этой надписи, изданной въ *Inscr. P.* подъ № 172, ср. выше стр. 52.

3. Статуя Еврисивія Димитріева, *Inscr. P.* № 105. Отъ пьедестала ея сохранилась огромная (болѣе 1½ метра длины, 0,76 шир. и около 0,30 вышины) плита, вполнѣдствіи послужившая матеріаломъ для вырѣзки декрета въ честь Карвоза (№ 21). Плита эта найдена совершенно цѣлою, а между тѣмъ обѣ строки надписи въ честь Еврисивія не имѣютъ начала. Отсюда очевидно, что къ сохранившейся плитѣ слѣва прирѣзана была другая, вполнѣдствіи пропавшая; такимъ образомъ получается пьедесталъ настолько длинный и широкий, что онъ могъ служить только для конной статуи. При личномъ осмотрѣ (въ 1883 г.) этой плиты, хранящейся въ музеѣ И. К. Суручана въ Кишиневѣ, я не имѣлъ возможности изслѣдовать ея

(№ 12) награжденіе статуею соединяется съ денежною наградою въ 1000 золотыхъ.

Далѣе слѣдуетъ упомянуть о погребеніи на общественный счетъ, которымъ Ольвіополиты въ VI в. до Р. Хр. почтили одного неизвѣстнаго намъ по имени дѣителя, оказавшаго имъ много услугъ на Бѣломъ островѣ, гдѣ ему была поставлена статуя ⁴¹⁾.

Наконецъ къ числу наградъ относится также титулъ „отца города“, κατήρ τῆς πόλεως. Его носилъ одинъ изъ видныхъ Ольвій-

видную поверхность, которою плита тогда была приставлена къ стѣнѣ, и поэтому впоследствии просилъ владѣльца принять на себя этотъ трудъ, чтобы окончательно убедиться въ вѣрности моего предположенія. Г. Суручанъ любезно уведомилъ меня, что на задней поверхности плиты онъ нашелъ квадратное углубленіе въ $1\frac{1}{8}$ вершка длиною и шириною и $\frac{7}{8}$ вершка глубиною, находящееся на разстояніи $24\frac{1}{4}$ в. отъ верхняго и $8\frac{1}{2}$ в. отъ нижняго края плиты, нѣсколько ближе къ правой сторонѣ ея (именно на разстояніи 6 в. отъ правой стороны и около $8\frac{1}{2}$ в. отъ лѣвой), и кромѣ того у верхняго края плиты углубленіе съ двумя выемками въ $1\frac{3}{8}$ вершка длины, 2 в. шир. и $\frac{3}{4}$ в. глубины. Мое предположеніе, что плита служила пьедесталомъ для конной статуи г. Суручанъ призналъ совершенно правильнымъ. По моему мнѣнію квадратное углубленіе могло служить для укрѣпленія заднихъ ногъ коня, или доски, къ которой онъ былъ прикрѣпленъ, а находящееся у верхняго края плиты—для скобы, скрѣпившей ее съ другою плитою. — Лицо, въ честь котораго была воздвигнута эта статуя, жило по всей вѣроятности въ III в. до Р. Хр. (см. выше стр. 84 сл.). Статуя, быть можетъ, была уничтожена при нашествіи гетовъ, которые, какъ мы знаемъ, не оставляли въ Ольвіи камня на камнѣ, а затѣмъ, по всей вѣроятности во II в. по Р. Хр., сохранившаяся часть пьедестала была употреблена для вырѣзки декрета въ честь Кароаза.

4. Конная статуя Никирата Папіева, жившаго по всей вѣроятности въ первой половинѣ I в. до Р. Хр. До насъ не сохранилась ни статуя, ни пьедесталъ, дошло только (да и то въ сильно испорченномъ видѣ) постановленіе, на основаніи котораго статуя была воздвигнута (*Inscr. P.* № 17). О заслугахъ Никирата см. выше стр. 139.

Къ крайнему сожалѣнію до насъ не сохранился конецъ декрета въ честь Протогена и потому мы не знаемъ нивѣрное, чѣмъ наградилъ его народъ (см. выше стр. 113 пр. 4); но принимая во вниманіе его неусыпную ревность о благѣ отечества, постоянную готовность служить ему, многочисленность и разнообразіе действительно оказанныхъ услугъ, наконецъ то обстоятельство, что нѣкими Протогенъ былъ награжденъ нѣсколько разъ уже раньше сохранившагося декрета, въ которомъ былъ, такъ сказать, подведенъ общій итогъ его полезной дѣятельности,—сообразая все это, нельзя не сказать съ полною почти увѣренностью, что въ этомъ декретѣ была присуждена Протогену высшая награда, какою только могли располагать Ольвіополиты, т. е. статуя.

⁴¹⁾ См. въ предыдущемъ прим. подъ № 2.

скихъ дѣятелей временъ Септимія Севера, Каллисѣенъ Каллисѣеновъ (Inscr. P. №№ 24 и 97) и кромѣ того, быть можетъ, одинъ изъ его современниковъ, въ честь котораго былъ изданъ декретъ № 33; онъ дошелъ до насъ въ крайне плохомъ видѣ, но наше предположеніе, что въ немъ былъ упомянутъ тотъ же титулъ и что онъ относится ко временамъ Септимія Севера, кажется, можетъ быть признано имѣющимъ значительную долю вѣроятности. Затѣмъ въ № 27а „отецъ города“, какъ кажется, записанъ въ качествѣ докладчика. Этотъ титулъ и соотвѣтствующій ему женскій (μήτηρ τῆς πόλεως) встрѣчаются изрѣдка и въ другихъ городахъ въ римскія времена ⁴²⁾ и по мнѣнію Ваддингтона ⁴³⁾ имѣютъ исключительно значеніе почетныхъ титуловъ, придававшихся благодѣтелямъ и благодѣтельницамъ города, подобно тому, какъ на примѣръ императрица Юлія Домна послала титулъ *mater senatus et castrorum*. Это объясненіе вполне приложимо и къ указаннымъ случаямъ въ Ольвиі, какъ видно изъ тѣхъ словъ, которыми въ декретѣ въ честь Каллисѣена мотивировано дарованіе ему этого титула: онъ получилъ его за свои прекрасные совѣты и полезную дѣятельность (λέγων τὰ ἄριστα καὶ κράττων τὰ συμφέροντα πατὴρ ἀπαδείχθη τῆς πόλεως). Высокое значеніе этого титула въ ряду другихъ наградъ прекрасно доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что носящее его лицо упоминается *honoris causa* въ официальномъ документѣ непосредственно за именемъ императорскаго наместника, выше городскихъ епонимовъ — архонтовъ. Еще замѣтимъ, что почетный титулъ „отца города“ слѣдуетъ отличать отъ того же названія полицейской должности, встрѣчающагося въ позднія римскія и византійскія времена ⁴⁴⁾.

Заслуги общественныхъ дѣятелей, снискававшія имъ уваженіе народа и тѣ или другія почетныя награды, были, конечно, весьма разнообразны. Такъ какъ о заслугахъ Протогена, Клеомвота, Никирата и др. древнѣйшихъ дѣятелей намъ уже приходилось говорить болѣе или менѣе подробно въ 1-й части нашего труда, то здѣсь мы ограничимся только нѣсколькими замѣчаніями о дѣятеляхъ позднѣйшаго періода. Прежде всего необходимо припомнить, что стиль доку-

⁴²⁾ Πατὴρ τῆς πόλεως въ Ермюна (C. I. Gr. № 1223) и въ Римѣ (ibid. № 5901), μήτηρ τῆς πόλεως — въ Аеродисиадѣ (ibid. № 2820 = *Annali dell' Inst. arch.* 1852 стр. 127 = *Le Bas-Waddington*, *Inscr. d'Asie Min.* № 1602).

⁴³⁾ Ук. соч. прим. къ № 1602, стр. 374. Покойный Генценъ въ *Ann. dell' Inst.* ук. м. сопоставлялъ эти титулы съ латинскими *patronus* и *patrona*.

⁴⁴⁾ Ср. объ этомъ замѣчанія Ваддингтона въ ук. соч. стр. 198, къ № 594.

ментовъ этого періода отличается крайнею напыщенностью. Ораторы на перерывъ щеголяютъ звонкими фразами, начинаютъ обыкновенно издалека, въ самыхъ отборныхъ, хотя не всегда грамматически правильныхъ выраженіяхъ превозносятъ дѣйствительныя и воображаемыя заслуги дѣятелей, иногда съ притворною скромностью заявляютъ, что у нихъ даже словъ не хватаетъ для точнаго изложенія заслугъ восхваляемаго лица; но подъ этими риторическими прикрасами часто кроется крайняя бѣдность содержанія, такъ что если отбросить ненужныя побрякушки и вникнуть въ самую суть документовъ, то заслуги нѣкоторыхъ изъ этихъ паче мѣры превознесенныхъ дѣятелей окажутся очень сомнительными. Возьмите, напримѣръ, декретъ въ честь мальчика Дада сына Тумвагова (№ 26) и посмотрите, за что народъ постановилъ послѣ его преждевременной смерти возложить на него золотой вѣнецъ: за то, что отецъ воспитывалъ его „заботливо и сообразно съ достоинствомъ своего рода“, что самъ мальчикъ заранѣе обѣщалъ любить отечество и подавалъ хорошія надежды на исполненіе общественныхъ службъ! Да вѣдь мало ли кого воспитываютъ заботливо, мало ли кто въ дѣтствѣ ведетъ себя примѣрно и подаетъ добрыя надежды, которыя потомъ могутъ и не осуществиться даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ! Неужели же все это заслуживало такой высокой награды, которой удостоивались самые заслуженные дѣятели государства? Мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что у народа „умисель иной тутъ былъ“, что причиною награжденія покойнаго Дада было не столько желаніе почтить его самого, сколько—покурить онімѣмъ предъ его аристократомъ-отцомъ въ надеждѣ получить отъ него за это великія и богатыя милости. Подобно Даду почитается за будущія заслуги неизвѣстный по имени гражданинъ, въ честь котораго былъ изданъ декретъ № 27; но этотъ по крайней мѣрѣ успѣлъ уже заслужить любовь согражданъ своею обходительностью въ частныхъ сношеніяхъ. Гораздо больше ихъ заслуживали награды своими дѣйствительными, а не предполагавшимися только заслугами Карвозъ (№ 21), Теоклъ (22), Каллисоевъ (24) и Посидей (25). Но посмотрите, какъ муссированы въ декретахъ и ихъ заслуги, въ сущности сводящіяся къ безупречному исполненію нѣсколькихъ должностей и порученій! Въ декретѣ Теокла неприятное впечатлѣніе, получаемое отъ напыщенности стила, еще нѣсколько сглаживается дѣйствительно симпатичными чертами личнаго характера и немаловажными заслугами этого дѣятеля, но въ декретѣ Карвоза трескучія фразы, прикрывающія пустоту содержанія, неволью

вызываютъ улыбку. Поэтому намъ кажется, что при посмертномъ чествованіи этихъ дѣателей народъ руководился не столько желаніемъ выразить усопшимъ благодарность за ихъ заслуги, сколько разными посторонними соображеніями и мотивами. Впервыхъ, мы уже отмѣтили черту, отличающую декреты римской эпохи отъ декретовъ предшествующаго времени, — именно ясно выраженную въ нихъ аристократическую тенденцію: въ началѣ всѣхъ этихъ декретовъ кромѣ Карвозова отмѣчается благородство происхожденія дѣателей и упоминаются болѣе или менѣе подробно заслуги предковъ; стало быть одною изъ побудительныхъ причинъ посмертнаго чествованія умершихъ могло быть просто кумовство тѣсно сплоченнаго кружка аристократовъ, стоявшаго у кормила правленія. Вовторыхъ, въ нѣсколькихъ декретахъ ясно высказывается чисто утилитарная цѣль, руководившая народомъ при прославленіи заслугъ умершихъ: имѣлось въ виду возбудить этимъ соревнованіе другихъ гражданъ и заставить ихъ усерднѣе служить отечеству⁴⁵). Втретьихъ, значительную роль могла играть прочно установившаяся традиція, которая постепенно развилась до такой степени, что даже награжденіе такихъ „дѣателей“, какъ Дадъ Тумваговъ, перестало казаться страннымъ и подобные декреты могли проходить въ собраніи. Развился ли обычай посмертнаго награжденія заслуженныхъ гражданъ въ Ольвіи самостоятельно, или былъ завезенъ откуда нибудь извнѣ, — навѣрное рѣшить, конечно, нельзя.

Обратимся теперь снова къ народному собранію и постараемся намѣтить хотя въ краткихъ чертахъ, какой путь долженъ былъ проходить всякій проектъ декрета до своего окончательнаго утвержденія. Этотъ путь былъ въ разные времена не одинаковъ и въ древнѣйшія времена, естественно, проще и короче, нежели въ позднѣйшія. Древнѣйшій, по моему мнѣнію, изъ всѣхъ существующихъ Ольвійскихъ декретовъ, составленный въ честь Хэригена Месамврианца (№ 8), формулированъ такъ коротко, что въ заголовкѣ его не упомянуть ни одинъ факторъ государственной власти, а просто сказано: „Ольвіополиты дали Хэригену проксенію“ и проч. Въ №№ 11, 13, 15 и 16 *praescripta* изложены сжато, лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ намѣчая тотъ путь, которымъ шло предложеніе; подробности о времени и мѣстѣ собранія, его составѣ, предсѣдателяхъ и т. п. еще не встрѣ-

⁴⁵) Ср. выше стр. 242 пр. 24 и 25.

чаются. Изъ нихъ видно, что въ IV и III вв. до Р. Хр. декретъ декрета могъ быть представляемъ какъ частнымъ лицомъ (№ 11 и вѣроятно № 15), такъ и должностными коллегами (№№ 13, 16); въ томъ и другомъ случаѣ онъ былъ подвергаемъ предварительному обсужденію въ совѣтѣ и лишь съ одобренія послѣдняго шелъ въ народное собраніе, въ которомъ авторы проекта читали его лично. Бекъ совершенно справедливо замѣтилъ⁴⁶⁾, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ при магистратахъ, вносящихъ предложеніе на разсмотрѣніе вѣча, не упоминаютъ *ὁ εἰσηγησάμενος*, сами магистраты должны считаться авторами предложенія. До сихъ поръ извѣстно два такихъ случая и въ обоихъ въ роли авторовъ предложенія фигурируютъ двѣ коллегии должностныхъ лицъ, — архонты и Семь. Появленіе архонтовъ въ такой роли весьма легко объяснить тѣмъ, что они, какъ представители высшей администраціи, слѣдили за всѣми отраслями государственнаго управленія, были близко знакомы съ положеніемъ дѣлъ въ городѣ и въ частности могли вѣрнѣе всякаго другаго судить о томъ, кто изъ гражданъ заслуживаетъ похвалы и награды за свою полезную дѣятельность. Труднѣе рѣшить, чѣмъ мотивировано было, при внесеніи предложенія о награжденіи Протогена и ...ра, присоединеніе къ архонтамъ коллегии Семи, кругъ дѣятельности которой, какъ мы постараемся выяснитъ ниже, ограничивался завѣдываніемъ священною казною; по всей вѣроятности это было потому, что полезная дѣятельность Протогена и ...ра такъ или иначе касалась и тѣхъ отраслей финансоваго управленія, которыя находились въ завѣдываніи Семи⁴⁷⁾, хотя съ одной стороны не зная ихъ въ подробности, а съ другой — не владея всѣми данными для полной оцѣнки дѣятельности названныхъ гражданъ, такъ какъ декреты объ ихъ награжденіи дошли до насъ не въ полномъ видѣ, мы не можемъ съ полною достовѣрностью указать того, что именно заставило Семь присоединить свой голосъ къ предложенію архонтовъ.

Изъ Протогеновскаго же декрета видно, что архонты имѣли право созывать экстраординарныя собранія и въ такихъ случаяхъ предсѣдательствовали въ нихъ, объявляли народу причины, побудившія ихъ созвать собраніе и предлагали дѣла на обсужденіе народа (А стр.

⁴⁶⁾ С. I. Gr. II стр. 88: „Ubi ut n. 2058. nullus ut εἰσηγησάμενος nominatur, οἱ εἰπόντες, ibi archontes et septemviri, videntur simul legem sive decretum ab initio proponuisse (εἰσηγήσασθαι)“.

⁴⁷⁾ Такъ напр. Протогенъ выкупилъ заложенные архонтами священные сосуды.

82 сл., см. выше стр. 236). Изъ нѣсколькихъ мѣстъ того же документа видно, что отдѣльные граждане, по волеу ли народа или по собственной инициативѣ, могли дѣлать прямо въ собраніи, безъ предварительнаго внесенія въ совѣтъ, тѣ или другія предложенія, клоунившіяся ко благу народа ⁴⁸⁾. При перечисленіи заслугъ Протогена въ нѣсколькихъ случаяхъ различными мѣропріятія, исходящія отъ народнаго собранія, ради краткости приписываются прямо народу, безъ указанія отдѣльных лицъ, бывшихъ ихъ инициаторами или организаторами ⁴⁹⁾.

Изъ числа декретовъ римскихъ временъ, заголовки въ болѣе или менѣе полномъ видѣ вмѣются въ №№ 21, 22, 24, 27, 28, 29, 30, 31 и 42 ⁵⁰⁾; впрочемъ отъ трехъ послѣднихъ документовъ сохранились остатки слишкомъ незначительные для того, чтобы возможно было возстановить ихъ заголовки хотя приблизительно, такъ что мы можемъ оставить ихъ въ сторонѣ и остановиться только на остальныхъ шести. Въ виду того, что намъ придется разсматривать ихъ довольно внимательно, считаемъ не лишнимъ воспроизвести ихъ здѣсь цѣликомъ, чтобы избавить читателей отъ необходимости по минутно обращаться къ сборнику.

№ 21: 'Επί ἀρχόντων τῶν περὶ Ὀμφάλακον Εὐρηνοβίου, μηνὸς Πανήμιου β', ἔδοξεν τῇ βουλῇ καὶ τῇ δῆμῳ (ἐπαίνεσαι) Καρζόραζον Ἀττάλου κ τ. δ.

№ 22: 'Επί ἀρχόντων τῶν περὶ Θεοκλέα Σατύρου τὸ δ', μηνὸς Βοηδρομιῶνος ε', ἐκκλησίας γενομένης πανδήμου, εἰσηγησαμένου Ἀντιφῶντος Ἀναξιμένου, οἱ ἄρχοντες εἶπαν.

№ 24: [Ἐπί ἀρχόντων τῶν περὶ] Θρασύβουλον Φλειμνάγου τὸ β', μηνὸς [τοῦ δεῖνος τῇ δεῖνι, ἐκκ]λησίας συνηθροισμένης πανδήμου, [εἰσηγησαμένου Καλλισθένου Δάδου, Θρασύβουλος Φλειμνάγου [ὁ π]ρῶ[τος ἀρχων] τὸ β' εἶπεν.

№ 27: [Ἐπί ἀρχόντων τῶν περὶ τὸν δεῖνα] Κα(λλ)ίνου, [μηνὸς — —, — ἐν Ὀλβι]οπόλει Βω[— —, ἐκκλησίας γενομένης πα]νδήμου, εἰ[σηγησα]μένου τοῦ δεῖνος τοῦ δεῖνος (οἰοῦ), τ]οῦ πατρὸς [τῆς πόλεως] κ τ. δ.

⁴⁸⁾ Напр. А стр. 28: [Πρωτογένης] πρῶτος παραθὼν [sc. εἰς τὴν ἐκκλησίαν] ἐπηγγείλατο μεδίμνους διαχιλίους κ τ. δ.; стр. 66: [Πρ.] πρῶτος συνελθοῦσης ἐκκλησίας ἐπηγγείλατο εἰς τὴν σιτωνίαν χρυσοῦς χιλίους, οὐς παρατίτλα ἐνέγκας ἔδωκε κ т. д.

⁴⁹⁾ Примары см. выше на стр. 236 сл.

⁵⁰⁾ Не упоминаемъ № 32, такъ какъ этотъ обломокъ, быть можетъ, происходить и не отъ декрета, какъ уже замѣчено нами въ Addenda къ нашему сборнику на стр. 220.

№ 28: Ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ τὸν δαίνα τοῦ δαίνοσ, μηνὸс Ἀπα]του-
ρεῶν[οс—, ἐκκλησίас γενομένηс πανδήμου, εἰσηγη]σαμένω[v — —].

№ 29: [Τύχη] ἀγαθῆ. Ἐπ[ὶ ἀρχόντων τῶν περὶ τὸν δαίνα —]ου,
μηνὸс [τοῦ δαίνοс —, ὁ δαίνα τοῦ δαίνοс? εἶπε]v.

Мы видимъ, что точное обозначеніе даты собранія, т. е. года (посредствомъ эпонимовъ), мѣсяца и числа ⁶¹⁾, представляетъ черту общую всѣмъ приведеннымъ заголовкамъ, затѣмъ наибольшее сходство замѣчается въ №№ 22, 24, 27 и 28, тогда какъ №№ 21 и 29 представляютъ значительныя отличія: въ первомъ не названы ни ὁ εἰσηγησάμενοс, ни οἱ εἰπόντεс, во второмъ не названъ ὁ εἰσηγησάμενοс и въ обоихъ нѣтъ прибавки о всенародности собранія, которая, впрочемъ, намъ представляется далеко не необходимою ⁶²⁾. Причину особенной краткости заголовка № 21 мы видимъ въ томъ, что до насъ дошелъ не подлинный экземпляръ декрета, а копія, снятая съ него однимъ изъ друзей Карзоаса довольно небрежно, съ нѣсколькими пропусками, въ числѣ которыхъ могло быть и опущеніе именъ τοῦ εἰσηγησάμενοу и τῶν εἰπόντων, можетъ быть даже умышленное. Что же касается до № 29, то краткость его заголовка, по нашему мнѣнію, свидѣтельствуетъ въ пользу того, что этотъ декретъ нѣсколько древнѣе остальныхъ, разсматриваемыхъ теперь документовъ, какъ можно думать, впрочемъ, и на основаніи его письма, болѣе мелкаго и тщательнаго. Во всякомъ случаѣ формулу заголовка №№ 22, 24, 27 и 29 можно считать наиболѣе употребительною въ римскія времена и потому брать за основаніе при разсмотрѣніи процедуры народныхъ опредѣленій.

Ихъ инициаторами и въ эти времена въ большинствѣ случаевъ являлись отдѣльные граждане; только въ одномъ случаѣ, именно въ № 28, стоитъ [εἰσηγη]σαμένω[v] во множеств. числѣ, указывающемъ на то, что проектъ постановленія представлялъ былъ или нѣсколькими частными лицами, или какою либо коллегіею магистратовъ; послѣднее гораздо вѣроятнѣе потому, что въ несохранившейся части строки оказывается слишкомъ мало мѣста для восстановленія нѣсколь-

⁶¹⁾ Кстати замѣтимъ, что данныя, относящіяся къ Ольвійскому календарю, сгруппированы нами въ рефератъ, который былъ прочитанъ на VI арх. съѣздѣ въ Одессѣ (1884) и будетъ напечатанъ въ одномъ изъ выпусковъ его „Трудовъ“. Пока см. *E. Bischoff*, *De fastis Graecorum antiquioribus* (Leipz. Stud. VII, 1884) стр. 396.

⁶²⁾ Ср. выше стр. 234.

кихъ собственныхъ именъ, тогда какъ слова τῶν ἀρχόντων, τῶν στρατηγῶν и т. п. подходить гораздо лучше. Авторъ проекта „вводителъ“ (εἰσηγεῖσθαι) его въ совѣтъ, который по предварительномъ обсужденіи передавалъ его на рѣшеніе народнаго собранія, причѣмъ въ послѣднемъ докладывалъ проектъ не авторъ его, а коллегія архонтовъ, вѣроятно предсѣдательствовавшихъ въ собраніи; при письменномъ изложеніи декрета архонты упоминаются въ заголовкѣ какъ οἱ εἰπόντες, тогда какъ настоящій авторъ называется только „вводителемъ“ или докладчикомъ, ὁ εἰσηγησάμενος или εἰσηγητής⁵³⁾. Въ качествѣ οἱ εἰπόντες записывается или вся коллегія архонтовъ, или, какъ въ № 24, только ея президентъ, который иногда фигурировалъ solo и въ качествѣ епонима⁵⁴⁾. Однако представленіе проектовъ предложеній въ народное собраніе при посредствѣ архонтовъ (въ чемъ Мейеръ видѣлъ одно изъ доказательствъ аристократическаго устройства Ольвии въ римскія времена) не было, какъ кажется, необходимымъ условіемъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторы могли представлять свои проекты лично. Мы основываемъ наше предположеніе на слѣдующихъ данныхъ: 1) въ № 29 не упомянуть ὁ εἰσηγησάμενος, а только ὁ εἰπών; хотя отъ этого документа дошелъ лишь незначительный обломокъ, но во всякомъ случаѣ по сравненію съ 1-ю строкой можно навѣрное сказать, что во 2-й строкѣ нѣтъ мѣста для словъ εἰσηγησάμενου τοῦ δεῖνος; 2) въ №№ 26 и 27 послѣ изложенія причинъ награжденія дѣятели сказано: δι' ἃ δεδόχθαι τοῖς τε ἀρχουσι καὶ τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ и т. д. Въ этомъ упоминаніи архонтовъ, намъ кажется, слѣдуетъ видѣть доказательство того, что они не были упомянуты въ заголовкахъ двухъ названныхъ декретовъ въ качествѣ οἱ εἰπόντες. Въ самомъ дѣлѣ, если бы они явились докладчиками проекта, то этимъ

⁵³⁾ Существительное это въ сохранившихся Ольвийскихъ декретахъ не понадается, но конечно могло употребляться въ оффиціальномъ языкѣ Ольвиополитовъ, подобно тому, какъ у жителей г. Тиръ (см. *Inscr. P.* № 2), государственное устройство котораго, повидимому, представляло близкое сходство съ Ольвийскимъ. Значеніе этого выраженія вѣрно объяснено уже Векомъ, С. I. Gr. II стр. 88: „Quae ad concionem referuntur, proponit civis aliquis vel solus vel cum pluribus (hoc fortasse n. 2083 [= *Inscr. P.* № 28]), ut n. 2059 [= 22] Antiphon Anaximonia f., atque is ut in Milesiorum titulo n. 2264. dicitur ὁ εἰσηγησάμενος, Athenis ὁ εἰσενεγκών: quamquam Attici quoque εἰσηγήσασθαι dicunt, sed non in ipsis decretorum formulis cf. Demosth. de cor. p. 267. 23 etc.), nisi forte recenti aetate, ut in fragmento Luciani (Timon. 44). Neque vero ὁ εἰσηγησάμενος esse magistratus nomen neque εἰσηγεῖσθαι esse idem quod προβουλεύειν, satis sciunt harum rerum periti“ etc.

⁵⁴⁾ №№ 76, 82.

самымъ вполне доказали бы свою солидарность съ его содержаниемъ и не зачѣмъ было бы упоминать ихъ снова въ заключительной формулѣ; и дѣйствительно этого упоминанія нѣтъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ заголовкѣ стоитъ οἱ ἀρχοντες εἵπαν.

Утвержденное народнымъ собраніемъ постановленіе объявлялось во всеобщее свѣдѣніе чрезъ глашатая и зачѣмъ вырѣзывалось на „блокаменной“ плитѣ (στήλη или τελαμών λεοκόλιθος), или иногда на пьедесталѣ статуи, воздвигнутой заслуженному дѣятелю (напр. № 12), и выставлялось или „на самомъ видномъ мѣстѣ города“, ἐν τῷ ἐπιφανεστάτῳ или ἐπισημοτάτῳ τῆς πόλεως τόπῳ⁵⁴⁾, или на мѣстѣ, выбранномъ родственниками умершаго дѣятеля (№ 17). Кто завѣдывалъ вырѣзкой и постановкой документовъ, — объ этомъ въ нихъ никогда не говорится, безъ сомнѣнія потому, что это было постоянною, спеціальною обязанностью опредѣленнаго магистрата, вѣроятно же всего секретаря. Его имя также не встрѣчается въ декретахъ, но какъ а ρητοῖ, такъ и по аналогіи съ устройствомъ другихъ греческихъ республикъ можно сказать, что эта магистратура должна была существовать въ Ольвii и что одною изъ ея функцій было именно завѣдываніе вырѣзкою и постановкою декретовъ. Въ городѣ Тирѣ, устройство котораго, повидимому, было близко сходно съ Ольвийскимъ, этотъ магистратъ носилъ названіе γραμματὸς τῆς πόλεως (№ 2).

При вѣчѣ состоялъ глашатай (κήρυξ), изъ обязанностей котораго въ документахъ упоминаются: вызовъ желающихъ припятъ на себя тѣ или другіе подряды съ публичныхъ торговъ (вслѣдствіе чего самая отдача подрядовъ съ торговъ въ Протогеновскомъ документѣ обозначается словами: ἀποδίδοσθαι τὰ ἔργα ὑπὸ κήρυκα) и торжественное провозглашеніе наградъ, дарованныхъ вѣчемъ заслуженнымъ лицамъ.

⁵⁴⁾ „Подъ этимъ названіемъ, говоритъ графъ Уваровъ (*Изслѣд.* стр. 68), мнѣ кажется, должно подразумѣвать акрополь и народную площадь, особенно же послѣднюю. По положенію ея между пристанью, акрополемъ, мѣстомъ для выставки товаровъ, храмомъ Зевса, видно, что на ней сосредоточивалась вся жизнь Ольвii; тутъ соединены были два главныхъ двигателя богатства и могущества республики: торговля и власть правительствующаго. Для памятниковъ нельзя было выбрать болѣе виднаго мѣста: тутъ проходили архонты и жрецы, тутъ толпились иуды, граждане и иностранцы“.

ГЛАВА IV.

Органы исполнительной власти.

§ 1. Общія черты Ольвійскихъ магистратуръ.

Совѣтъ и вѣче, какъ органы верховной власти народа, имѣли высшее завѣдываніе всѣми важнѣйшими государственными дѣлами, опредѣляли всѣ тѣ положенія, которыми отдѣльные граждане обязаны были руководствоваться въ своей общественной жизни; привождение же этихъ опредѣленій въ исполненіе, наблюденіе за исполненіемъ гражданами какъ этихъ опредѣленій, такъ и коренныхъ законовъ республики и вообще завѣдываніе отдѣльными отраслями государственнаго управленія принадлежало выборнымъ изъ среды гражданъ должностнымъ лицамъ, носившимъ, какъ и въ другихъ государствахъ, общее названіе *ἄρχοντες* или *ἀρχαί* ¹⁾. Имѣющіяся до сихъ поръ свѣдѣнія объ Ольвійскихъ должностныхъ лицахъ, вообще говоря, крайне недостаточны и носятъ чисто случайный характеръ, но все-таки позволяютъ отмѣтить нѣкоторыя общія черты магистратуръ, разграничить, хотя отчасти, области ихъ вѣдѣнія и опредѣлить объемъ власти и значеніе если не всѣхъ, то хотя нѣкоторыхъ магистратуръ. Большую помощь въ этомъ отношеніи оказываютъ намъ свѣдѣнія относительно магистратуръ въ другихъ государствахъ, такъ какъ устройство Ольвіи характеризовалось чертами, свойственными и другимъ эллипскимъ демократическимъ республикамъ.

Нѣкоторыя должности въ Ольвіи, напр. верховнаго распорядителя финансовъ и „царя“, были единоличныя; но большинство магистратуръ носило коллегіальный характеръ: высшею администраціею завѣдывала коллегія архонтовъ изъ пяти лицъ, военнымъ дѣломъ — шесть стратиговъ, торговыми дѣлами — пять агораномовъ, финансами — коллегія Девяти (*οἱ ἐννέα*) и Семи (*οἱ ἑπτὰ*); на счетъ астиномовъ, завѣдывавшихъ городскою полиціею, мы не знаемъ ничего опредѣленнаго, но вѣроятно это также была коллегія. Значительная разница въ численномъ составѣ коллегій заставляетъ думать, что при установленіи числа членовъ коллегій Ольвіополиты

¹⁾ *Inscr. P.* I № 47: διαπέμφασθαι τὸ ψάψισμα τοῦτο δι' ἐπιστολᾶς τοῖς Ὀλβιόπολιταιν ἄρχουσι. Здѣсь *ἄρχοντες* безъ сомнѣнія слѣдуетъ понимать въ общемъ смыслѣ „властей“, а не въ специальномъ — архонтовъ.

не руководились какимъ либо опредѣленнымъ принципомъ, какимъ въ Атикѣ, напримѣръ, было соотвѣтствіе числа членовъ коллегій съ числомъ Клизееновскихъ филъ ²⁾. Чѣмъ объясняется число членовъ каждой коллегіи, рѣшить невозможно. Въ каждой коллегіи одинъ членъ, безъ сомнѣнія наиболѣе достойный и заслуженный, избирался въ президенты на весь срокъ службы; остальные члены были его товарищами (οἱ παρὶ τὸν δεῖνα; обозначеніе коллегіи словами ο δεῖνα καὶ συνάρχοντες, встрѣчающееся напр. въ Афинахъ, въ Ольвіи до сихъ поръ не попадалось).

Относительно способовъ избранія должностныхъ лицъ была уже рѣчь выше (стр. 238). Мы видѣли, что имѣются вполне ясныя данныя, свидѣтельствующія, что по крайней мѣрѣ въ позднѣйшія времена обычнымъ способомъ избранія была хиротонія, производившаяся въ народномъ собраніи, специально назначенномъ для этой цѣли (ἡ ἀρχιρατικὴ ἐκκλησία). Слѣдовъ примѣненія жребія къ избранію магистратовъ въ Ольвіи до сихъ поръ не замѣтно. Нѣтъ также и данныхъ для рѣшенія вопроса, существовала ли въ Ольвіи докимасія кандидатовъ послѣ избранія. Срокъ службы большинства магистратовъ былъ годичный (только „царь“, какъ кажется, былъ пожизненный, см. ниже), но повторительное избраніе допускалось, какъ кажется, безпрепятственно, въ особенности во второмъ періодѣ существованія Ольвіи, хотя уже и въ III в. до Р. Хр. Протогенъ три года сряду былъ верховнымъ распорядителемъ финансовъ. Отъ втораго періода мы имѣемъ уже довольно много случаевъ неоднократнаго исполненія одними и тѣми же лицами однихъ и тѣхъ же должностей ³⁾. Нужно замѣтить, однако, что отмѣтка о количествѣ случаевъ исполненія данной должности ставилась только при имени президента коллегіи: есть нѣсколько случаевъ, въ которыхъ одно и то же лицо упоминается дважды въ спискахъ членовъ одной и той же коллегіи, но безъ всякой отмѣтки кромѣ разницы въ мѣстѣ, занимаемомъ въ спискѣ. Такъ напр. Никій Понтиковъ записанъ въ спискахъ коллегій стратиговъ №№ 50 и 65: въ первомъ изъ нихъ его имя стоитъ на третьемъ мѣстѣ послѣ имени президента, а во второмъ— на первомъ; Нуминій Радамисонтовъ записанъ вторымъ послѣ президента въ № 50 и пятымъ въ № 58; Евплъ Каландіоновъ стоитъ чет-

²⁾ Нужно, впрочемъ, помнить, что и въ Афинахъ были коллегіи съ инымъ численнымъ составомъ, напр. 12 колакретовъ, 9 архонтовъ, 7 номоэлаковъ.

³⁾ См. выше стр. 215 пр. 7.

вернымъ въ № 58 и третьимъ въ № 63. Отсюда приходится заключить, что члены коллегіи размѣщались въ спискахъ не какъ попало, а по старшинству, то есть лица, избравшіяся неоднократно въ одну и ту же должность, съ каждымъ разомъ становились все выше и выше по списку. Если всѣ члены коллегіи занимали данную должность впервые, то размѣщались вѣроятно или по старшинству лѣтъ, или по степени заслуженности въ другихъ должностяхъ и званіяхъ ⁴⁾).

По всей вѣроятности въ Ольвіи, какъ и въ другихъ греческихъ республикахъ, коллегіи магистратовъ были независимы одна отъ другой и находились въ прямыхъ сношеніяхъ съ совѣтомъ и чрезъ него съ вѣщемъ, такъ что каждая власть въ кругѣ своей дѣятельности отвѣчала сама за себя и не была стѣсняема и парализуема дѣйствіями другой власти. Сфера дѣятельности каждой власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ ея важность и почетъ были, конечно, весьма различны. Въ римскія времена самою важною была должность архонта, а затѣмъ страгига. Упомянутія о безукоризненномъ исполненіи этихъ должностей занимаютъ видное мѣсто среди похвалъ заслуженныхъ дѣятелей въ издававшихся въ честь ихъ декретахъ. Изъ нихъ же мы можемъ познакомиться съ тѣми требованіями, которыя Ольвіополиты предъявляли къ исполнителямъ общественныхъ должностей и честное исполненіе которыхъ давало послѣднимъ право разсчитывать на награду со стороны народа. Должностныя лица должны были отличаться лю-

⁴⁾ Граевъ А. С. *Уваровъ* (Изсл. стр. 79) замѣчаетъ: „Изъ надписей можно ясно замѣтить, что между архонтами существовало старшинство. Старшимъ, напримеръ, изъ архонтовъ былъ Теоклъ; онъ умираетъ до истеченія срока архонства; его мѣсто занимаетъ первый послѣ него, Антионъ [sic] сынъ Анаксимена, и предлагаетъ въ народномъ собраніи почтить память Теокла“. Замѣчаніе граева, какъ мы видѣли, совершенно справедливо, но примѣръ для его подтвержденія выбранъ неудачно, такъ какъ изъ документа вовсе не видно, чтобы Антионъ былъ однимъ изъ архонтовъ; предлагать (ἀποφαινεῖν) проекты декретовъ на утвержденіе вѣча могли и частныя лица. Такъ же неудачно и другое замѣчаніе граева (тамъ же и стр. 96, ср. Кёне Муз. Коч. I стр. 13), что „архонты, избранные въ первый разъ, или ничего не писали при своихъ именахъ, или прибавляли, что они новонабранные“. Это замѣчаніе основано на заголовкѣ документа, помѣщеннаго въ нашемъ сборникѣ подъ № 78: Οἱ περὶ Νεικίρατος Νεικίρατος νεώτατος ἀρχοντες; но здѣсь слово νεώτατος не есть нарѣчіе, относящееся къ ἀρχοντες, а прилагательное, опредѣляющее предыдущее имя Νεικίρατος. Νεικίρατος νεώτατος значитъ „Никиратъ младшій“. Наконецъ мнѣніе Кёлера и гр. Уварова (тамъ же), что Пурезій Пурезевъ и Еврисивій Адоевъ были архонтами 11 разъ, основано только на пепѣрномъ чтеніи приписки къ документу № 77. См. ниже стр. 274 сл.

бовью къ отечеству, честностью, справедливостью, энергіею, трудолюбіемъ, умѣренностью, скромностью и обходительностью въ обращеніи съ гражданами, гуманностью къ иностранцамъ и т. п. ⁵⁾). Въ опредѣленные времена магистраты обязаны были сдавать отчеты въ исправномъ исполненіи своей должности ⁶⁾. Въ случаѣ вполнѣ безукоризненнаго служенія какой либо коллегіи совѣтъ и народъ по окончаніи срока службы награждали ее золотымъ вѣщомъ, причемъ эта награда, какъ уже замѣчено выше (стр. 245), цѣнилась повидимому очень высоко и давалась рѣдко.

Каждая коллегія магистратовъ (или по крайней мѣрѣ важнѣйшія изъ нихъ) признавала своимъ спеціальнымъ покровителемъ одно изъ важнѣйшихъ Ольвійскихъ божествъ; такъ, архонты почитали Ахилла Понтарха, стратиги — Аполлона Простата, Фива (Φοῖβος) и также Ахилла Понтарха, агораномы—Ермія Рыночнаго. Почитаніе это выражалось, конечно, прежде всего молитвами и жертвоприношеніями, а кромѣ того—заботливостью о храмѣ божества во все время исполненія должности и посвященіемъ божеству благодарственныхъ приношеній (χαριστήρια) по окончаніи ея срока. Въ документѣ № 61 къ записи о посвященіи стратигами Аполлону золотой Побѣды прибавлено: „при нихъ же возстановлены портики храма изъ общественнаго дохода“ ⁷⁾; эта прибавка проще всего можетъ быть объяснена тѣмъ,

⁵⁾ См. напр. № 21 стр. 14 сл.: ἐν τε ταῖς ἀρχαῖς πιστῶς καὶ πονηκῶς ὑπηρετῶν καὶ ἀσκῶς τὰ ἐπιτασσόμενα κατορθούμενος ἐν ταῖς πρὸς τοὺς γειτνιῶντας βασιλείας πρεσβείαις κτλ. — № 22 стр. 19 сл.: εἰς τε πρεσβείας αὐτὸς ἑαυτὸν ἐκοντὴν παρέχων ἄσκων... ἀρχαῖς τε αἷς ἤρξεν καὶ ἱερατεία καὶ στρατηγίαις καὶ λειτουργίαις ἀπάσαις ἑαυτὸν ἀφελῶς τῇ πατρίδι εἰς ἅπαντα ἐπεδίδου, ἤρεμόν τε ἑαυτὸν παρέχων καὶ ἴσον πᾶσιν, καθαρῶς ἅπαντα καὶ δικαίως διοικῶν. ἀρχων τε τὴν μεγίστην ἀρχὴν τὸ τετράκις, — καθότι τοιοῦτων ἀνδρῶν ἦν ἄρχειν καὶ πλειστάκις, — πᾶσαν ὀμόνοιαν πολετευόμενος, τοῖς μὲν ἡλικιώταις προσφερόμενος ὡς ἀδελφός, τοῖς δὲ πρεσβυτέροις ὡς υἱός, τοῖς δὲ παισὶν ὡς πατήρ, πάση ἀρετῇ κεκοσμημένος ὑπὸ τοῦ βασκάνου δαίμονος ἀφηρέθη μὴ διατελέσας τὴν ἀρχὴν κτλ. — Стр. 43: εἰς τὸ μαθεῖν πάντας τὸν ἄνδρα πρὸς ἀνδρείαν μὲν εὐτολμον καὶ πρὸς ἀρετὴν δὲ ἄσκων καὶ πρὸς πολεῖτας σωτήριον καὶ πρὸς ξένους φιλόανθρωπον κтл. — № 24 стр. 13: πιστῶς μὲν ἑστρατήγησεν... σεμνῶς δὲ καὶ δικαίως τὰς ἐκωνόμους ἀρχάς πρώτας τετράκις ἤρξεν.—№ 23 стр. 4 сл.: σ]τρατηγήσας τε καὶ ἀρχας [τὰς λαμπρο]τάτας ἀρχάς καὶ τὰς ἄλλας [λειτουργίας π]ίσις ἐπιφανῶς καὶ δικαί[ως ἐκτελέσας]; κтл.

⁶⁾ № 16, В стр. 74: τοὺς μὲν λόγους ἐν τοῖς ὠρισμένοις χρόνοις ἀποφίρων. Здѣсь говорится объ отчетахъ, которые сдавалъ Протогосиъ во время исправленія должности верховнаго распорядителя ѡшансовъ. Но безъ сомнѣнія и другіе магистраты обязаны были сдавать отчеты, по крайней мѣрѣ по окончаніи срока службы.

⁷⁾ Греческій текстъ приписки см. выше на стр. 170, прим. 8.

что стратиги сами завѣдывали перестройкою портиковъ или, по крайней мѣрѣ, явились ея инициаторами. Изъ № 58 мы видимъ, что однажды стратиги вмѣсто принесенія благодарственнаго дара Аполлону произвели починку крыши его святилища и возобновили недостающія части кругомъ зданія. Починка „молебни“, какъ кажется архонтами, упоминается въ № 98; объ этой надписи намъ придется ниже говорить подробно (см. стр. 270 сл.).

Обычай Ольвийскихъ магистратовъ посвящать благодарственные дары покровительствующему божеству при окончаніи срока должности извѣстепь намъ изъ сохранившихся въ значительномъ количествѣ записей объ этихъ посвященіяхъ; онѣ вырѣзывались обыкновенно на мраморѣ, гораздо рѣже на простомъ камнѣ, и ставились по всей вѣроятности въ храмъ даннаго божества или въ его оградѣ. Форма записей очень однообразна; мы позволимъ себѣ не разсматривать ее здѣсь въ подробностяхъ, такъ какъ съ нею легко познакомиться по копіямъ, помѣщеннымъ въ нашемъ сборникѣ надписей ⁸⁾; отмѣтимъ только, что въ большинствѣ записей обозначена и цѣль ихъ болѣе или менѣе подробно; самая краткая и обыкновенная формула гласила, что посвященіе дѣлалось „за городъ и собственное здравіе“ данной коллегіи магистратовъ (ὕπερ τῆς πόλεως καὶ τῆς ἑαυτῶν ὑγείας) или „за благосостояніе (ὕπερ εὐσταθείας) города и собственное здравіе“ ⁹⁾. Въ предисловіи къ этой серіи документовъ въ сборникѣ (стр. 85 сл.) отмѣчены нѣкоторыя дальнѣйшія, относящіяся къ нимъ, подробности, именно о количествѣ сохранившихся записей каждой коллегіи съ посильнымъ объясненіемъ причины, почему записей стратиговъ сохранилось гораздо больше, чѣмъ отъ архонтовъ и агораномовъ, далѣе о составѣ припошений и о тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ необходимо всѣ сохранившіеся документы этого рода относить ко второму періоду существованія Ольвии (преимущественно ко II в. по Р. Хр., ср. выше стр. 163 сл.) и слѣдовательно полагать, что

⁸⁾ №№ 50—90.

⁹⁾ Первая формула встрѣчается въ №№ 50, 53, 56, 58, 61, 67, 69, 70, 71, 76, 86, 88, 89, add. 87¹; вторая въ №№ 52, 54, 59, 62, 63 (ἀνδραγαθίας вмѣсто ὑγείας), 75, 79, 80. Нѣсколько иныя формулы въ №№ 64 и 68, наиболѣе подробныя въ №№ 57 и 77 (см. ниже § 3 пр. 13). Совершенно опущена формула посвященія въ записи архонтовъ № 78. Въ записяхъ о посвященіяхъ жрецовъ Ахиллу Понтарху (№№ 82 и 83) вмѣсто εὐσταθείας поставлено εὐκωσίας; объясненіе см. въ сборникѣ, примѣч. къ № 82.

разсматриваемый обычай развился въ Ольвiи только послѣ гетскаго погрома, а раньше его не существовалъ.

Дары были посвящаемы } магистратами при окончанiи ихъ служебной дѣятельности, а не во время ея; это доказывается двумя данными, относящимися, правда, только къ коллегіямъ стратиговъ, но позволяющими дѣлать заключенiя по аналогiи и относительно другихъ магистратовъ, именно: 1) въ четырехъ документахъ стратиговъ ¹⁰⁾ непосредственно за записями о посвященiяхъ прибавлена тою-же рукою похвала служителю коллегiи за безукоризненное исполненiе имъ должности (ὁ θεῖα ὑπηρετήσεων ἐπαρέστω; или. ἐπαρίστω;) и 2) въ двухъ документахъ изъ числа этихъ четырехъ за похвалой служителю вырѣзана отиѣтка о награжденiи самой коллегiи стратиговъ золотымъ вѣнцомъ отъ имени совѣта и народа.

О подчиненныхъ магистратамъ служителяхъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣнiй, кромѣ сейчасть упомянутыхъ.

§ 2. Высшая администрація: архонты.

Приступая къ обзорѣню отдѣльныхъ Ольвiйскихъ магистратуръ, мы прежде всего остановимъ наше вниманiе на архонтахъ, которые являются верховными магистратами и о которыхъ мы имѣемъ наиболѣе данныхъ. Къ сожалѣнiю эти данныя рисуютъ намъ дѣятельность архонтовъ въ двѣ разныя эпохи, раздѣленные большимъ промежуткомъ времени, и притомъ значительно различаются и по характеру: однѣ изъ нихъ заключаются въ декретъ въ честь Протогена, относящемся къ III в. до Р. Хр., другiя разсѣяны въ разныхъ документахъ греко-скиоскаго періода; данныя Протогеновскаго декрета относятся почти исключительно къ разнымъ сторонамъ должностной дѣятельности архонтовъ, а данныя позднѣйшихъ временъ—главнымъ образомъ, такъ сказать, внѣшнiя: однѣ изъ нихъ свидѣтельствуютъ о количествѣ членовъ коллегiи и предсѣдательствѣ въ ней, другiя—объ епонимiи, третьи—о значенiи власти архонтовъ и т. п. Такимъ образомъ мы почти лишены возможности провѣрять однѣ данныя другими и на основанiи такой провѣрки выяснитъ, были ли какiи либо измѣненiя въ сферѣ дѣятельности архонтовъ, всѣ ли функціи архонтовъ древняго періода остались за ними и въ позднѣйшія времена, или же нѣкоторыя были изъяты изъ ихъ вѣдѣнiи. Но если

¹⁰⁾ ММ 53, 57, 68, 69.

мы примемъ во вниманіе, что на демократическомъ устройствѣ новой Ольвии, восстановленной послѣ гетскаго погрома, лежитъ довольно замѣтный налетъ аристократизма, естественнымъ слѣдствіемъ котораго должно было явиться увеличеніе значенія и расширеніе круга дѣятельности отдѣльныхъ органовъ правительственной власти, что должность архонтовъ въ документахъ этого періода представляется высшею и первою въ Ольвии и что въ это время являются такіе признаки высокаго значенія архонтской власти, которыхъ прежде не было (напримѣръ епонимія),—то придется заключить, что сфера дѣятельности архонтовъ тогда была шире и значеніе ихъ выше, чѣмъ при Протогенѣ, и что тѣ функціи ихъ, съ которыми насъ знакомитъ Протогеновскій декретъ, не были отъ нихъ отняты и впоследствии. Поэтому мы считаемъ возможнымъ разсматривать данныя этого декрета рядомъ съ позднѣйшими.

Значеніе должности архонтовъ было весьма высоко, по крайней мѣрѣ въ греко-скиѣскомъ періодѣ; въ позднихъ надписяхъ нѣтъ недостатка въ эпитетахъ, выставляющихъ на видъ ея важность: она называется величайшею (*ἡ μεγίστη ἀρχή*, № 22), первою (№ 24); безъ сомнѣнія ее прежде всего слѣдуетъ разумѣть въ числѣ самыхъ блестящихъ должностей (*ἀρχαί [τὰς λαμπρο]τάτας ἀρχάς*, № 25). И дѣйствительно, судя по широкому объему и важности должностныхъ функцій архонтовъ, ихъ должность имѣла полное право характеризоваться такими эпитетами и была, безъ сомнѣнія, завѣтною цѣлью стремленій всякаго государственнаго дѣятеля. Особенно высоко было положеніе президента коллегіи: Теоклъ Сатировъ, умершій во время четвертаго исполненія должности перваго архонта, восхваляется, какъ предстоятель (*προεστώς*) или глава всего города ¹⁾, Каллисѣопу Каллисѣопову также ставится въ особую заслугу то, что онъ четыре раза былъ первымъ архонтомъ.

Архонты составляли ежегодно смѣнявшуюся коллегію изъ пяти лицъ, считая въ томъ числѣ и президента. Это число не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ мы имѣемъ нѣсколько документовъ ²⁾ съ поименнымъ перечисленіемъ всѣхъ членовъ кол-

¹⁾ Едва-ли однако это названіе было офеціальнымъ и постояннымъ отличіемъ званія перваго архонта, какъ думаетъ б. Кёне (М. Коч. I стр. 13: „Первый архонтъ, имѣвшій главнѣйшую должность (*ἡ μεγίστη ἀρχή*), былъ преемкомъ города, ὁ προεστώς τῆς πόλεως“).

²⁾ *Inscr. P.* №№ 77, 78, 97, 98.

легіи и между ними нѣтъ ни одного, гдѣ было бы записано болѣе или менѣе пяти лицъ. Относительно способа ихъ избранія была уже рѣчь выше.

Президентъ коллегіи назывался *πρῶτος ἄρχων* (№ 24), подобно тому какъ и въ Тирѣ (см. № 2). Имѣя епонимію года, онъ вѣроятно назывался иногда и *ἐπωνύμιος*, какъ можно заключить изъ фразы того же документа (№ 24): *συνῶς δὲ καὶ δικαίως τὰς ἐπωνύμιους ἀρχὰς πρῶτας τετρακίς ἤρξεν*.

Епонимія перешла къ архонтамъ въ довольно позднюю эпоху. Еще въ Протогеновскомъ декретѣ годы обозначаются по именамъ жрецовъ одного изъ Ольвійскихъ божествъ, именно, по вѣроятному мнѣнію Бека ³⁾, Ахилла Понтарха; въ единственномъ случаѣ (А стр. 19 сл.), гдѣ названы архонты съ президентомъ, послѣдній является не столько въ качествѣ епонима, сколько для того, чтобы посредствомъ его имени можно было коротко обозначить, какаю именно коллегію архонтовъ разумѣлась въ данномъ случаѣ. Послѣ перехода къ первому архонту, епонимія обозначалась обыкновенно посредствомъ формулы: *ἐπὶ τῶν κατὰ τὸν θεῖον ἀρχόντων*; гораздо рѣже встрѣчается выраженіе *ἐπὶ τοῦ θεῖου ἀρχοντος* (напр. № 82). Весь годъ обозначался именемъ того епонима, который вступилъ въ должность въ началѣ года, хотя бы онъ умеръ до окончанія срока, какъ это случилось съ Θεοκломъ Сатировымъ. Сослуживцы перваго архонта, т. е. остальные четыре члена коллегіи, обозначались формулою: *οἱ κατὰ τὸν θεῖον ἀρχοντες*. Имѣлъ ли каждый изъ нихъ какое нибудь специальное названіе по характеру дѣятельности (какъ въ Афинахъ *βασιλεὺς*, *πολέμαρχος*, *θεσμοβέται*), навѣрное сказать мы не можемъ, но скорѣе склоняемся къ отрицательному отвѣту въ виду отсутствія всякихъ данныхъ, которыя можно бы было привести въ пользу отвѣта положительнаго. Должностныя свои обязанности коллегія исполняла, какъ кажется, всегда въ полномъ составѣ, а относительно встрѣчающагося въ числѣ Ольвійскихъ магистратовъ *βασιλεός* а мы надѣемся ниже показать, что

³⁾ *C. I. Gr.* II стр. 88: „Superest ut quaeras cuius dei sacerdos ille eponymus fuerit. Est qui eum dicat esse Apollinis Prostatae: id mihi non probabile, quod Apollinis Prostatae praetores, non archontes vota exsolvent. At archontes vota faciunt Achilli Pontarchae; cuius sacerdos etsi n. 2077 [= 78]. 2080 [= 81] a principe archontum differt, tamen ille antequam princeps archontum eponymus fieret, potuit anni esse eponymus, posthac vero hic honor ad principem archontum transferri, quippe qui cum collegio iam antea esset illi sacerdoti nexu artissimo coniunctus“.

онъ не принадлежалъ къ числу архонтовъ, какъ думали Бѣкъ и другіе изслѣдователи ⁴⁾.

Должностныя обязанности архонтовъ неоднократно упоминаются въ документахъ, но мы далеко не можемъ сказать, чтобы онѣ были уже вполне намъ извѣстны. Само собою разумѣется, что ни въ одномъ документѣ нѣтъ полного ихъ перечисленія (которое могло бы сохраниться до насъ развѣ лишь въ полной инструкціи, данной архонтамъ при самомъ ихъ учрежденіи), а обозначаются лишь такія функціи, въ поименованіи которыхъ встрѣчалась надобность въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ. Но и изъ этихъ случайныхъ упоминаній можно вывести, что должностная дѣятельность архонтовъ была очень широка и касалась почти всѣхъ сторонъ государственнаго быта Ольвии. Во времена Протогена они созывали народное собраніе, по крайней мѣрѣ въ экстраординарныхъ случаяхъ, и докладывали ему о чрезвычайныхъ происшествіяхъ, требовавшихъ безотлагательныхъ мѣропріятій. „Когда царь Саитафаргъ, читаемъ мы въ документѣ, явился на ту сторону за дарами, архонты созвали вѣче и объявили о прибытіи царя и о томъ, что государственная казна совершенно пуста“. Если повнимательнѣе вникнуть въ эти строки, то можно будетъ вывести изъ нихъ и болѣе широкія заключенія о дѣятельности архонтовъ, чѣмъ казалось бы возможнымъ на первый взглядъ. Въ самомъ дѣлѣ, откуда могли архонты получить извѣстіе о прибытіи царя и его цѣли? Слухи, до-

⁴⁾ Покойный *Беккеръ* (*Mélanges gr.-rom.* I стр. 517) отождествлялъ перваго архонта съ упоминаемымъ въ Протогеновскомъ декретѣ жрецомъ-спомошникомъ, находя подтвержденіе своему мнѣнію въ легендѣ χ 19P ΘΕΩΒ, встречающейся на Ольвийскихъ монетахъ (см. теперь *Бурачкова Кат.* табл. VII № 168 и т. IX № 226. Беккеръ видѣлъ въ этой легендѣ слова: ἀρχοντας ἱερεω Θεο(κλήους) τὸ β), но не замѣтивъ, что возможность такого отождествленія уже предусмотрѣна и опровергнута *Бѣкомъ* (*C. I. Gr.* II стр. 88: *Dicas quidem primum archontem fuisse ἱερέα dictum, ut Athenis secundus vocatus βασιλεύς, tertius πόλεμαρχος, atque ita expedire difficultatem coneris; sed non novi nequam archontem quinquam, necum principem, esse ἱερέα vocatum*). *И. О. Бурачкова* (*Кат.* стр. 72) также увѣренъ, что въ Ольвиі „по примѣру Аѳинъ и Херсониса“ существовали архонты: василевсы и іеревсы, основывая мнѣніе относительно существованія послѣднихъ на той же монетной легендѣ. Мы убѣждены, что другіе нумизматы гораздо вѣрнѣе видятъ въ буквахъ этой легенды начало имени и отчества архонта (въ родѣ напр. Ἰέρων Θεοβ(ούλου); врядъ ли можно принять чтеніе *Бларамберга*: Ἰέρων Θεο(κλήους) τὸ β), или именъ архонта и монетчика.

шедшіе до нихъ лишь частнымъ путемъ, врядъ ли могли бы служить достаточнымъ основаніемъ для созыва собранія, скорѣе можно думать, что самъ Саитафарнъ послалъ къ архонтамъ вѣстниковъ съ требованіемъ „даровъ“. Значить такого рода требованія направлялись прежде всего къ архонтамъ и уже ими докладывались въ совѣтъ и народномъ собраніи. Отсюда уже не далеко до заключенія, что архонты вообще завѣдывали дипломатическими сношеніями Ольвии съ иностранными государствами. Продолжая разсмотрѣніе вышеприведенныхъ строкъ декрета, мы видимъ, что архонты еще ранѣ созванія вѣча получили точныя свѣдѣнія о состояніи государственной казны; стало быть они или сами завѣдывали ею, или имѣли право помимо совѣта и вѣча сноситься съ казначеями и требовать отъ нихъ свѣдѣній о состояніи фипансовъ. Такъ какъ для управленія финансами во времена Протогена существовали, какъ мы увидимъ, особые магистраты, то предположеніе, что вся государственная казна находилась въ рукахъ архонтовъ, падаетъ само собою; но что они дѣйствительно завѣдывали нѣкоторыми отраслями государственнаго хозяйства, это прямо вытекаетъ изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ того же декрета, изъ которыхъ видно, что архонты имѣли право дѣлать распоряженія экономическаго характера. Разъ, нуждаясь въ деньгахъ на какія то городскія потребности, архонты собственною властью заложили нѣкоему Полихарму священную утварь, въ другой разъ купили вина на 300 золотыхъ; когда вѣче отдало съ торговъ снаряженіе посольства въ резиденцію Саитафарна за 300 золотыхъ, то уплата этихъ денегъ откупщику Коопону лежала на обязанности архонтовъ ⁵⁾. Изъ этого послѣдняго случая особенно ясно видно, что нѣкоторыя отрасли финансоваго управленія были въ вѣдѣніи архонтовъ, хотя мы и не можемъ сказать, какъ именно были распредѣлены относящіяся сюда функціи между архонтами и тѣми магистратами, которые избирались спеціально для завѣдыванія финансами. Можетъ быть архонты распоряжались именно тѣми суммами, которыя ассигновались на расходы по постановленіямъ народнаго собранія (въ Аѳинахъ онѣ назывались τὰ εἰς τὰ κατὰ ψηφίσματα ἀναλίσκομενα).

⁵⁾ Гр. Уваровъ (Изсл. стр. 80) приписываетъ архонтамъ также заботу о постройкахъ и снабженіи города строительнымъ камнемъ, ссылаясь на известныя уже намъ (см. выше стр. 111 сл.) мѣста въ Протогеновскомъ документѣ; но въ этихъ мѣстахъ имя архонтовъ вовсе не упомянуто и, стало быть, для сдѣланнаго гр. Уваровымъ вывода нѣтъ никакихъ основаній.

Говоря объ отношеніи архонтовъ къ финансовому управленію, нельзя не упомянуть о завѣдываніи монетнымъ дѣломъ, входившемъ также въ кругъ ихъ обязанностей. Извѣстно, что въ эллинскихъ государствахъ наблюденіе за чеканкою монетъ и правильностью ихъ вѣса была возлагается на государственныхъ чиновниковъ, которые были отвѣтственны за правильность монетъ и въ удостовѣреніе ея ставили на выпускаемыхъ въ обращеніе экземплярахъ свое имя въ родительномъ или (рѣже) въ именительномъ падежѣ въ полномъ или въ сокращенномъ видѣ, или монограмму, заключающую въ себѣ начальныя буквы имени, или небольшое изображеніе, по мнѣнію Врандиса и Чр. Ленормана представлявшее не что иное, какъ эмблему личной печати магистрата ⁶⁾. Въ однихъ городахъ для завѣдыванія монетнымъ дѣломъ избирались особыя должностныя лица, занимавшія одно изъ второстепенныхъ мѣстъ въ составѣ администраціи (какъ въ Римѣ *tresviri monetales*), въ другихъ оно возлагалось на главныхъ городскихъ магистратовъ. Къ числу городовъ, въ которыхъ монетное дѣло находилось въ вѣдѣніи верховныхъ магистратовъ, принадлежала и Ольвія. На ея монетахъ, начиная съ древнѣйшихъ, называемыхъ въ нумизматикѣ асами, и кончая тѣми, которыя нумизматы относятъ къ позднѣйшимъ римскимъ временамъ, встрѣчаются монограммы, начальныя буквы личныхъ именъ, а иногда, хотя очень рѣдко, и полныя имена, даже съ отчествами, по одному или по два ⁷⁾. Нумизматы обыкновенно признаютъ ихъ за имена архонтовъ ⁸⁾, и это объясненіе подтверждается часто встрѣчающеюся на монетахъ позднихъ временъ ⁹⁾, съ личными именами или безъ

⁶⁾ См. объ этомъ *Fr. Lenormant, La monnaie dans l'antiquité*, III стр. 37 сл.

⁷⁾ Второе имя обыкновенно приписывается монетчику. Ср. *Lenormant* тамъ же, стр. 65.

⁸⁾ Однако нѣкоторыя группы буквъ, неоднократно встрѣчающіяся на Ольвійскихъ монетахъ, по нашему мнѣнію никакъ не могутъ быть приняты за относящіяся къ одному имени, а должны разсматриваться какъ инициалы нѣсколькихъ отдѣльныхъ словъ, или какъ условные знаки, значеніе которыхъ намъ остается неизвѣстнымъ. Таковы напр. группы ВΣΕ, ВΕΣ или ΣΒΕ, а также ТΦС или ТΦСΩ и нѣк. др.; первыя три сочетанія буквъ г. *Бурачковъ* (Кат. стр. 53) принимаетъ за отдѣльныя имена архонтовъ, а *Кёне* (М. К. стр. 51)—за начальныя буквы трехъ именъ сановниковъ, а въ двухъ остальныхъ сочетаніяхъ оба названные нумизмата (Кёне стр. 77, Бур. стр. 72) видятъ имя архонта.

⁹⁾ По мнѣнію *Кёне* (М. К. стр. 71, ср. *Lenormant* т. III с. 64) только на монетахъ втораго періода, т. е. послѣ гетскаго погрома; но мы уже выше видѣли (стр. 118 сл.), какъ мало можно полагаться на хронологическія опредѣленія нумизматовъ, если они основаны только на стилѣ и чеканкѣ монетъ.

нихъ, монограммою X , которую разрѣшаютъ, по нашему мнѣнію выполнѣ правильно, въ $\text{APX}(\sigma\tau\omicron\varsigma)$. Такимъ образомъ выходитъ, что на монетахъ ставились имена одного изъ лицъ, входившихъ въ составъ коллегіи архонтовъ. Было ли это имя президента, или одного изъ его товарищей? Мы думаемъ, согласно съ нумизматами, что непременно перваго, такъ какъ только онъ былъ официальнымъ представителемъ всей коллегіи и кромѣ того его имя, какъ эпонима, могло обозначать вмѣстѣ съ тѣмъ годъ выпуска монеты.

Раздѣляемое нами возрѣніе дастъ намъ смѣлость предложить сильное толкованіе для одной монограммы, часто встрѣчающейся на Ольвійскихъ монетахъ и уже обращавшей на себя наше вниманіе ¹⁰⁾, именно W : исходя отъ положенія, что на монетахъ ставилось имя перваго архонта, мы считаемъ теперь возможнымъ видѣть въ этой монограммѣ начальныя буквы словъ: $\text{Π}(\rho\acute{\omega}\tau\omicron\varsigma)$ $\text{A}(\rho\chi\omega\nu)$. Въ пользу такого толкованія особенно сильно говорятъ тѣ случаи, въ которыхъ эта монограмма сопровождается буквами, которыя можно принять за начальныя личнаго имени архонта ¹¹⁾. Въ тѣхъ случаяхъ, когда на монетѣ кромѣ монограммы нѣтъ такихъ буквъ ¹²⁾, можно объяснять дѣло такъ, что первый архонтъ считалъ достаточнымъ удостовѣрить подлинность монеты однимъ обозначеніемъ своей должности или, такъ сказать, приложеніемъ своей казенной печати; подобные случаи

¹⁰⁾ См. стр. 117. Предлагая мое объясненіе вниманію гг. нумизматовъ, считаю нужнымъ оговориться, что я далеко отъ мысли упорно настаивать на немъ, такъ какъ признаю себя некомпетентнымъ въ нумизматическихъ тонкостяхъ, и рѣшился высказать сго только въ виду того, что не нашелъ въ извѣстныхъ мнѣ трудахъ по Ольвійской нумизматикѣ болѣе удовлетворительнаго объясненія. Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что мое толкованіе будетъ признано болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ предлагаемое г. Бурачковымъ (Кат. стр. 112) объясненіе подобной же монограммы на Херсонисскихъ монетахъ словомъ παραδρος , обозначающимъ по его мнѣнію „помощника архонта, наблюдавшаго по всей вѣроятности за монетнымъ производствомъ“. Не говоря уже о томъ, что существованіе паредровъ извѣстно только въ Аеинахъ (да и тамъ они были лишь при немногихъ важнѣйшихъ чиновникахъ), весьма мало вѣроятно, чтобы завѣдываніе столь важнымъ дѣломъ, какъ монетное, могло возлагаться на лицъ, не имѣвшихъ самостоятельнаго оофициальнаго значенія. Наше объясненіе примѣнимо и къ монограммамъ Херсонисскихъ монетъ, такъ какъ въ составѣ администраціи этого города, по крайней мѣрѣ въ позднія времена, были πρωτοαρχωντες или πρωτεβουτες . См. нашу статью о госуд. устройствѣ Херсониса въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* іюнь 1884, отд. кл. еял. стр. 61 сл.

¹¹⁾ См. *Бурачкова* Кат. табл. V № 76; VI, 115; IX, 209.

¹²⁾ Тамъ же VI, 111 и 112; VII, 162; IX, 210.

отсутствія буквъ, относящихся къ собственному имени, встрѣчаются и на монетахъ съ монограммою X ¹³⁾. Противъ нашего объясненія могутъ, правда, указать на тѣ случаи, когда обѣ эти монограммы стоятъ на одной и той же монетѣ ¹⁴⁾; но такихъ случаевъ весьма немного и въ нихъ, можетъ быть, возможно принимать ту или другую монограмму за позднѣйшую, поставленную вмѣсто клейма при новомъ выпускѣ монеты въ обращеніе; но для окончательнаго рѣшенія этого вопроса необходимо новое освидѣтельствованіе такихъ монетъ, которое мы предоставляемъ гг. нумизматамъ.

Какъ мы уже замѣтили выше, личныя имена архонтовъ въ большинствѣ случаевъ обозначаются двумя-тремя начальными буквами (иногда въ видѣ монограммъ), по которымъ нельзя возстановить ихъ въ полномъ видѣ. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ пишется на столько значительная часть имени, что получается возможность болѣе или менѣе достовѣрнаго возстановленія ¹⁵⁾. Еще рѣже попадаются имена архонтовъ, написанныя не только цѣликомъ, но даже съ именами отцовъ: намъ извѣстны лишь три такихъ случая, но изъ нихъ два являются въ высшей степени интересными, такъ какъ даютъ возможность сдѣлать сопоставленія нумизматическихъ памятниковъ съ эпиграфическими. Поэтому мы позволимъ себѣ остановиться на нихъ вниманіе нашихъ читателей.

1. A. Лиц. $\text{OABIOY[OAEI]TON. X.}$ Голова Аполлона въ лавровомъ вѣнкѣ, вправо, впереди ея лукъ въ колчанѣ, передъ монограммою буква Θ , на шеѣ изображеніи буквы OPT.

Об. $[A]AOOY \Delta E \Lambda \Phi OY.$ Орелъ съ вѣнкомъ въ клювѣ и молніею въ когтяхъ, влѣво, съ обращеніемъ назадъ головою ¹⁶⁾.

Совпаденіе ясно читающагося здѣсь имени $\text{'A}\delta\acute{o}\eta\varsigma \Delta\epsilon\lambda\phi\omicron\upsilon$ съ именемъ того Ольвиополита, который, какъ видно изъ надписи № 115 нашего сборника, поставилъ памятникъ Воспоранцу Т. Флавію Ахз-

¹³⁾ Тамъ же IV, 46; VII, 153.

¹⁴⁾ Тамъ же VII, 165 и 167; IX, 208.

¹⁵⁾ Напр. $\text{KPI}\tau\omicron\text{BOY}(\lambda\omicron\varsigma)$ тамъ же III, 16; $\Delta\iota\omicron\text{EK}\varsigma(\rho\acute{\iota}\theta\eta\varsigma)$ — III, 28; $\Theta\epsilon\omicron\text{PP}(\omicron\pi\omicron\varsigma?)$ —III, 29; $\Sigma\text{ATY}\rho(\omicron\varsigma)$ —IV, 32; $\text{APICTO}\Sigma$ —VI, 136; $\Sigma\text{OCTPA}(\tau\omicron\varsigma)$ —VII, 152 и 154 и др.

¹⁶⁾ *Клме*, М. Коч. I стр. 78, 12, съ указаніемъ предшествовавшихъ изданій. *Бурачковъ*, Кат. стр. 71 № 210 и табл. VII № 170. *Подшиваловъ*, *Нумизм. наб.* Моск. музеевъ, вып. I стр. 13 № 118. Подъ №№ 211—212 и табл. VIII №№ 171—172 у г. Бурачкова описаны и изображены двѣ другія монеты Адоа съ небольшими отличіями отъ описанной нами.

мену, на столько поразительно, что оставляетъ очень мало сомнѣнiя въ тождественности этихъ лицъ. Правда, въ моей копiи надписи имя отца Ольвiополита поставлено въ формѣ ΔΕΑΨΟ(υ), но новый осмотръ камня убѣдилъ меня, что въ копию, къ моему крайнему прискорбию, вкралась ошибка и что слѣдуетъ читать ΔΕΔΦΟ(υ)¹⁷⁾. Принимая лицо, записанное на монетѣ и въ надписи, за одно и то же, мы получаемъ весьма важную данную для опредѣленiя времени не только монетъ съ именемъ Адоа, но и другихъ, сходныхъ съ ними по стилю и чеканкѣ: мы уже видѣли въ сборникѣ, что имя „Титъ Флавiй Ахэменъ“ заставляетъ считать надпись не древнiе времени императора Веспасiана, но едва ли и значительно позднiе, такъ что скорѣе всего можно отнести ее къ первой четверти II вѣка по Р. Хр.¹⁸⁾. Съ другой стороны монета сообщаетъ намъ, что Ольвiйскiй другъ Ахэмена Адой былъ виднымъ дѣятелемъ въ своемъ родномъ городѣ и между прочимъ былъ облеченъ званiемъ перваго архонта.

2. **Æ.** Лиц. ΟΛΒΙΟΠΟ. Голова Аполлона вправо.

Об. ΔΑΔΟΣ ΣΑΤ[ΥΡΟΥ]. Трехструнная лира¹⁹⁾.

Въ числѣ мелкихъ обломковъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „varia“ нашего сборника, подъ № 144 изданъ фрагментъ, на которомъ сохранились только буквы: ΙΔΑΔΟΝΣΑΤΥ. Мы предположили, что эти буквы слѣдуетъ возстановить въ формѣ: [Οι περ]ι Δάδοϋ Σ(α)τύρου ἄρχοντες или στρατῆροι; теперь монета подтверждаетъ намъ, что Дадъ Сатировъ дѣйствительно былъ первымъ архонтомъ, и такимъ образомъ заставляетъ предпочесть первое возстановленiе второму, а надпись, съ своей стороны, характеромъ письма показываетъ, что Дадъ жилъ въ довольно позднiя римскiя времена²⁰⁾.

¹⁷⁾ Эта досадная ошибка произошла отъ того, что въ 1883 г., когда мы списывали надпись, камень на нижней площадке лѣстницы Имп. Публичной Библиотеки былъ плохо освѣщенъ съ той стороны, на которой находится эта надпись, и кромѣ того приставленъ вплотную къ стѣнѣ, такъ что читать концы строкъ, а тѣмъ болѣе снять вѣстампашъ, было неудобно. Теперь камень стоитъ на другомъ мѣстѣ площадки въ болѣе удобномъ для читающаго положенiи.

¹⁸⁾ Такимъ образомъ начинается исполняться предсказанiе гр. Уварова (Исл. стр. 112), что современемъ съ помощью надписей можно будетъ опредѣлять время чеканки монетъ.

¹⁹⁾ *Бларамбергъ*, Оп. мед. Ольви, т. XVII № 167. Гр. *Уваровъ*, Исл. стр. 115. *Кене*, М. Коч. I стр. 80, 16. *Буражковъ*, Кат. стр. 73 № 223 и табл. VIII № 177.

²⁰⁾ Третья монета съ полнымъ именемъ и отчествомъ архонта издана нѣсколько разъ, но чтенiе ее не установлено еще окончательно. На рисункѣ *Бларамберга* (табл. VII № 30, ср. *Кене* стр. 78, 11) ясно читается на оборотной

Кромѣ архонтовъ монетнымъ дѣломъ въ Ольвii въ теченiи нѣкотораго времени завѣдывала коллегiя Семи, о чемъ мы скажемъ ниже, когда поведемъ рѣчь объ этой коллегiи.

Въ епиграфическихъ документахъ римскихъ временъ нѣтъ пока никакихъ указанiй на ту или другую сторону должностной дѣятельности архонтовъ за исключенiемъ того, что они по всей вѣроятности въ качествѣ предсѣдателей народнаго собранiя предлагали на его разсмотрѣнiе и утвержденiе проекты постановленiй, внесенные частными лицами (см. стр. 254). Кромѣ этой подробности въ позднихъ декретахъ встрѣчаются только общiя характеристики государственной дѣятельности того или другого лица, которыя позволяютъ иногда выводить заключенiя о высокомъ значенiи архонтата, но не знакомятъ съ отдѣльными его функциями²¹⁾. Поэтому намъ остается только отмѣтить данныя относительно участiя архонтовъ въ государственномъ культѣ и въ гимнаическихъ состязанiяхъ.

Выше было уже замѣчено, что въ римскiя времена въ Ольвii былъ распространенъ обычай посвящать божествамъ благодарственные приношенiя отъ лица должностныхъ коллегiй при окончанiи срока ихъ службы. Отъ архонтовъ мы имѣемъ до сихъ поръ двѣ записи о посвященiяхъ даровъ Ахиллу Понтарху, изъ коихъ одно сдѣлано коллегiей подъ предсѣдательствомъ Анаксимена Сократова (№ 77), другое— подъ предсѣдательствомъ Никирата младшаго (№ 78); въ первомъ случаѣ даръ посвященъ „за миръ, многоплодiе и мужество города и собственное здравiе“ архонтовъ, другое посвященiе просто названо *χαριστήριον* безъ ближайшаго указанiя цѣли; посвященные дары не названы ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ²²⁾.

Говоря объ участiи архонтовъ въ государственномъ культѣ, нельзя обойти молчанiемъ интересный документъ № 98, уже много разъ обрацавшiй на себя вниманiе изслѣдователей государственнаго устройства и религiи Ольвiiополитовъ, но до послѣдняго времени остававшiйся еще не вполне разъясненнымъ. Онъ уже въ 1819 году хранился въ Стольномъ, Черниговскомъ имѣнiи графовъ Безбородко, гдѣ и былъ

сторонъ: ΠΙΣΙΣΤΡΑΤΟΥ ΔΑΔΑΚΟΥ; между тѣмъ по рисунку г. Бурачкова (т. VIII, № 173) слѣдуетъ читать отдѣльно ΠΙΣΙΣΤΡΑΤΟ[Υ] и ΣΑΤ[ΥΡΟΣ]ΔΑΔΑΚΟ[Υ]. У г. Подшивалова (стр. 13 № 119) надпись описана опять иначе, но очевидно неправильно.

²¹⁾ См. выше стр. 259 прим. 5.

²²⁾ О времени жизни названныхъ архонтовъ см. выше стр. 166.

впервые списанъ Кёппеномъ ²³⁾, но впоследствии по всей вѣроятности былъ снова затерянъ ²⁴⁾, такъ что намъ пришлось перепечатать въ нашемъ изданіи копию Бёка, составленную путемъ комбинаціи чтеній Кёппена и Кёлера. Камень, обломанный или попорченный со всѣхъ сторонъ кромѣ лѣвой, констатируетъ фактъ, что магистраты въ числѣ 5 человекъ (перечисленные поименно) „отстроили моленную своимъ попеченіемъ, покрывъ ее отъ статуи бога до...“ (τὴν προσευχὴν ἐ[πε]-σκέασαν τῇ ἑαυ[τῶν] προνοίᾳ, στεγᾶσα[ντες] ἀπὸ τοῦ θεοῦ μέχρι....). Уже Эйхенфельдтъ, восстанавливая этотъ документъ по копии Кёппена, полагалъ, что въ немъ названа коллегія архонтовъ, но послѣдующіе издатели и толкователи (Кёлеръ, Бёкъ, Стефани, Струве) не рѣшались высказываться такъ опредѣленно; Бёкъ называетъ эту коллегію *magistratus incerti*. При обработкѣ документа для нашего сборника мы сочли возможнымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ видоизмѣнить восстановленія знаменитаго епиграфиста и между прочимъ принять за начало слова ἄρχοντες буквы АРХ въ стр. 6-й, которыя Бёкъ согласно съ Кёппеномъ и Кёлеромъ признавалъ входящими въ составъ имени отца одного изъ должностныхъ лицъ (Ζώβεις Ζωβειάρχ[ου]). Противъ нашего восстановленія могутъ, правда, возразить, что слово ἄρχοντες должно было бы стоять послѣ имени президента коллегіи, а не послѣ имени всѣхъ ея членовъ, и намъ дѣйствительно неизвѣстны аналогичные примѣры; но можно, кажется, оправдать такое отступленіе отъ общей формулы, если принять ἄρχοντες не за имя существительное, а за причастіе, посредствомъ котораго сокращено временное предложеніе δε τῆρχον. Въ пользу же предположенія, что въ документѣ названы архонты, говорить и то обстоятельство, что коллегія навѣрное состояла изъ 5 лицъ и что имя ея президента съ нѣкоторою вѣроятностью можетъ быть восстановлено изъ № 82. Является вопросъ, что разумѣется въ этомъ документѣ подъ словомъ προσευχή? Эйхенфельдтъ перевелъ его на нѣмецкій языкъ словомъ *Bethhaus*, которое Камашевъ въ свою очередь передалъ по русски словомъ

²³⁾ *Nordgest. d. Pont.* стр. 82 № 5 (=стр. 138 русскаго перевода).

²⁴⁾ Въ камни, уцѣлѣвшіе въ Стольномъ до 1880 г. (именно №№ 16, 22, 26, 56, 109+115), были подарены въ этомъ году графиню Л. А. Мусиной-Пушкиной Императорской Публичной библіотекѣ (см. *Журн. М. П. Прои.* за январь 1883, отд. 4 стр. 30), но интересующаго насъ между ними не оказалось. Изъ Кёппенова „*Nachhall vom Nordgest. d. Pontus*“ стр. 15 видно, что въ его время камень былъ вѣшанъ въ стѣну садовой бесѣдки въ Стольномъ.

„молеельница“²⁵⁾. Подобнымъ же образомъ Вёкъ принялъ *προσευχή* за „*sacellum adorando deo destinatum*“. Графъ Уваровъ посвящаетъ нашему документу длинную тираду, въ которой принимаетъ за аксіому, что подъ *προσευχή* разумѣлось не что иное, какъ храмъ Ахилла, стоявшій въ Ольвійскомъ акрополѣ²⁶⁾. Такимъ образомъ названные ученые принимали *προσευχή* за языческій храмъ или святилище. Противъ такого пониманія возсталъ академикъ Л. Э. Стефани²⁷⁾, который, по поводу одной Апапской надписи, принятой имъ за іудейскую, приписалъ іудеямъ и нашъ документъ на томъ основаніи, что слово *προσευχή* никогда-де не употреблялось для обозначенія языческихъ храмовъ. Покойный Э. А. Струве, коснувшись этой же надписи при объясненіи документа, изданнаго нами подъ № 46, заявилъ, что онъ „по зрѣлому обсужденію въ общемъ результатъ придерживался бы мнѣнія, высказаннаго г. академикомъ Стефани“, но въ то же время совершенно справедливо замѣтилъ, что „въ рѣшеніи вопроса, есть ли *προσευχή* здѣсь не языческій молитвенный домъ или нѣтъ, возбуждаетъ сомнѣнія то, что должностныя лица вмѣстѣ производятъ эту перестройку“²⁸⁾.

²⁵⁾ Келеръ (*Ges. Schr.* т. II стр. 35), не соглашаясь съ переводомъ Эйхенфельда, говоритъ: „*Was die Erklärung der προσευχή betrifft, so möchte ich kein Bethhaus darunter verstehen, obgleich das Wort diesen Sinn vormals hatte... Proseuche ist vielleicht hier eine unbedeckte Stoa oder eine Porticus, die aus unbekannter Veranlassung diesen Namen erhalten hatte*“. Такому пониманію прежде всего препятствуетъ глаголь *στυβάωντες* въ надписи; вѣдь, какъ мы видимъ, Келеръ ничѣмъ не мотивировалъ ни своего несогласія съ переводомъ Эйхенфельда, ни своего собственного объясненія. Намъ кажется, что грозный академикъ заговорилъ объ этомъ совсѣмъ не потому, чтобы былъ убѣжденъ въ нецѣлности перевода Эйхенфельда, а просто для того, чтобы сказать нѣсколько лишнихъ словъ въ пику своему противнику. Странно, что Кёппель въ своемъ „*Nachhall*“ ничего не возразилъ противъ его объясненія.

²⁶⁾ *Исл.* стр. 51: „Храмъ Ахиллеса, какъ мы видѣли, стоялъ въ акрополѣ. Въ одной изъ надписей, найденныхъ въ Ольвіи [*Бекъ* n° 2079], упомянуто о поправкѣ какого то храма Ахиллеса... *Προσευχή* означаетъ вообще храмъ. Храмъ Ахиллеса, выстроенный въ акрополѣ, назывался *προσευχή* можетъ быть въ томъ же смыслѣ(,) какъ Римляне(,) говоря „*urbs*“(,) подразумевали Римъ. Слова Диона подтверждаютъ это предположеніе; онъ говоритъ, что въ самомъ городѣ Ольвіи, въ честь Ахиллеса, былъ выстроенъ только одинъ храмъ, и слѣдовательно, говоря „храмъ“(,) не можно было ошибиться, и Ольвійцамъ ясно было, что говорили о единственномъ храмѣ Ахиллеса, существующемъ въ самомъ городѣ“. Ср. стр. 96.

²⁷⁾ *Mélanges gr.-rom.* т. II стр. 202 сл.

²⁸⁾ *Зам. Од. Общ.* т. VI стр. 12.

Не смотря на то, что самъ Струве „въ общемъ результатѣ“ согласился съ мнѣніемъ Стефани, выставленное имъ возраженіе намъ представляется въ высшей степени важнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, мыслимо ли, чтобы главные сановники Ольвійской общины могли предпринять τῆ ἐσότην προνοία поправку молитвеннаго дома, принадлежавшаго иностранному культу, не только не признанному государственнымъ, но быть можетъ и не покровительствуемому, а только терпимому, и притомъ предпринять безъ всякаго видимаго участія послѣдователей этого культа? Далѣе нужно замѣтить, что относительно поселенія іудеевъ въ Ольвии у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ и что главное основаніе мнѣнія Стефани пало само собою, когда на основаніи двухъ вновь изданныхъ надписей — одной изъ Пантикапэя, другой изъ Этолійскаго Θερма — оказалось возможнымъ возстановить конецъ изданной имъ Анапской надписи такъ, что въ ея происхожденіи отъ язычниковъ, а не отъ іудеевъ, не осталось сомнѣнія²⁹⁾. Встрѣчающееся въ Анапской надписи слово *προσευχή* является, такимъ образомъ, первымъ опроверженіемъ мнѣнія Стефани о томъ, что это слово обозначало только іудейскія синагоги; другой случай примѣненія его къ языческимъ храмамъ указалъ недавно А. Я. Гаркави³⁰⁾ въ сочиненіи епископа Епифанія объ ересьяхъ (80. 1), гдѣ говорится, что жители Массалии называли этимъ именемъ зданія и площадь (τόπος πλατεῖς), предназначенныя для молитвы³¹⁾.

Такимъ образомъ мы возвращаемся къ мнѣнію перваго издателя интересующей насъ надписи—Кёппена, или вѣрнѣе сказать, его друга Эйхенфельдта: названныхъ въ надписи магистратовъ принимаемъ за архонтовъ, τὴν *προσευχήν*—за языческій храмъ или модельню. Остается вопросъ: какому богу она быда посвящена? Намъ кажется, что это

²⁹⁾ См. объ этомъ въ нашемъ сборникѣ стр. 130.

³⁰⁾ *Zap. II. Русскаго Арх. Общ. в. с. т. II* (1886) стр. СХХХІХ.

³¹⁾ Указанное г. Гаркави свидѣтельство относится, правда, къ IV в. по Р. Хр., но вѣдь слово *προσευχή* какъ въ первоначальномъ своемъ значеніи „молитва“, такъ и въ метонимическомъ—„мѣсто молитвы“ вообще употребляется только въ языкѣ позднихъ временъ, преимущественно въ священномъ писаніи и у христіанскихъ писателей, рѣже у языческихъ и іудейскихъ (напр. *Иосн. I, 3, 296; Иос. Фл. Iуд. др. XIV, 10, 23; Филозъ II р. 523* и др.). Ср. *Stephani Thes. Gr. linguaе v. v.* Свидѣтельства Епифанія и нашей надписи являются, далѣе, всѣмимъ опроверженіемъ общераспространеннаго мнѣнія (ср. *Thes. Gr. l. ук. м. и S. Reinsch* въ *Bull. de cong. hell. X* стр. 334), что словомъ *προσευχή* обозначались только открытыя (sub dio) мѣста для молитвенныхъ собраній, а не храмы въ собственномъ смыслѣ.

угадалъ уже графъ Уваровъ; но такъ какъ онъ выставилъ свою догадку въ видѣ аксіомы, не приведя для нея никакихъ доказательствъ, то намъ приходится самимъ указать тѣ данныя, которыя говорятъ въ ея пользу. Мы уже выше (стр. 259) изъ двухъ документовъ стратеговъ вывели заключеніе, что эта коллегія заботилась объ исправномъ состояніи храма того божества, которое считала своимъ патрономъ, то есть Аполлона Простата. По аналогіи то же самое можно предположить и относительно коллегіи архонтовъ; а такъ какъ документы №№ 77 и 78 даютъ намъ право думать, что патрономъ архонтовъ считался Ахиллъ Понтархъ, то вполне естественно будетъ принять, что они имѣли попеченіе о святилищѣ именно этого божества. При этомъ нѣтъ необходимости раздѣлять предположеніе графа Уварова, что храмъ Ахилла назывался просто *προσευχή*, безъ прибавленія имени божества: камень, на которомъ вырѣзанъ интересующій насъ теперь документъ, обломанъ со всѣхъ сторонъ кромѣ лѣвой, и потому ничто не мѣшаетъ думать, что начало документа имѣло примѣрно слѣдующій видъ: [Ἀγαθῆ τύχη. Ἀχιλλεῖ Ποντάρχη οἱ] περί Σ[άτορον Ἀρταμιδῶ]ρον τὸ β (слѣдуютъ имена) ἄρχ[οντες] τὴν προσευχὴν ἐ[πε]σχεύασαν и т. д.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о мнимомъ предсѣдательствѣ архонтовъ на праздничныхъ гимническихъ состязаніяхъ. Широко распространившееся, съ легкой руки Кёлера, мнѣніе объ этомъ предсѣдательствѣ основано исключительно на припискѣ внизу посвятителной записи архонтовъ № 77 (строки 16—20). Приписка эта, сдѣланная болѣе мелкими буквами, чѣмъ въ главной части надписи, плохо сохранившаяся на камнѣ и еще хуже того списанная первыми изслѣдователями, подала поводъ къ многоразличнымъ и нѣрѣдко очень оригинальнымъ толкованіямъ. Рауль Рошеттъ, впервые издавшій этотъ документъ по плохой копіи Стемшковскаго, далъ весьма курьезный переводъ приписки и цѣлый десятокъ страницъ посвятилъ на то, чтобы растолковать его читателямъ²²⁾. Кёлеръ въ своей рецензіи труда Рауль-Рошетта²³⁾ далъ новую копію этой надписи, болѣе точную въ главной части, но въ припискѣ также не вполне удовлетворительную, и представилъ вскія возраженія противъ даннаго французскимъ ученымъ фантастическаго перевода приписки, причемъ однако самъ сознался, что не вполне понимаетъ ея

²²⁾ *Ant. du Bosph.* стр. 15—25 и табл. V, 2.

²³⁾ *Gesamm. Schr.* I стр. 88 сл.

смысл²⁴⁾; нѣсколько лѣтъ спустя, въ другомъ трудѣ²⁵⁾ Кёлеръ повторилъ свою конію надписи и на этотъ разъ предложилъ слѣдующій переводъ приписки: „*Purthaeus fils de Purthaeus étant archonte pour la onzième fois, (a dirigé les jeux de la course) et du disque: Heuresibius nommé archonte pour la onzième fois, (a présidé aux jeux) de la course des jeunes garçons*“. Такое пониманіе приписки легло въ основу и того ея объясненія, которое предложено было Вёкомъ: онъ видоизмѣнилъ нѣсколько ея возстановленіе, отвергъ между прочимъ, вмѣстѣ съ Бларамбергомъ, чтеніе ἐνδέχεται, но согласился съ мыслью о предсѣдательствѣ архонтовъ на играхъ, хотя и долженъ былъ сознаться, что редакція приписки представляется весьма затруднительною для пониманія²⁶⁾. Спустя болѣе тридцати лѣтъ послѣ первыхъ изданій документа покойному Одесскому археологу П. В. Беккеру пришла счастливая мысль провѣрить чтеніе двухъ интересныхъ Ольвійскихъ документовъ, хранящихся въ Одесскомъ музеѣ,

²⁴⁾ Ibid. стр. 93: „Ces cinq lignes étant trop obscures pour en découvrir le sens, il est possible que les mots ΔΙΣΚΟΥ et ΔΡΟΜΩ ΠΑΙΔΑ indiquent l'intervention des deux Archontes cités dans cette appendice à l'occasion de quelques jeux gymniques“.

²⁵⁾ *Mém. sur les îles et la course cons. à Achille* стр. 108 сл. Вотъ греческій текстъ приписки, данный здѣсь Кёлеромъ Περρθαῖος Πορθαῖου, ἀρχοντεύων ἐνδέχεται καὶ δίσκου, Εὐρηξίβιος Ἀδδού ἀρχοντεύων ἐν[δέχεται] δρόμῳ παιδῶν. Объясненію Кёлера слѣдуетъ гр. Уваровъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ „Исслѣдованій“ (стр. 66, 78, 80, 96), повидимому не обративъ вниманія на то, что нѣкоторые пункты его были основательно опровергнуты Вёкомъ. Бар. Кене (М. Коч. I стр. 14) замѣчаетъ только, что архонты „наблюдали также за играми въ честь Ахилла, который, какъ видно изъ многихъ мраморныхъ статуй [?], былъ ихъ богомъ покровителемъ“.

²⁶⁾ *G. I. Gr.* II № 2076. Вѣкъ возстановилъ приписку въ такомъ видѣ: Π. Π. ἀρχοντεύων [ἐν ἀγῶνι δίσκου] καὶ δίσκου. Εὐρηξ[ίβιος] Ἀδδού ἀρχοντεύων ἐν [ἀγῶνι — — καὶ] δρόμῳ παιδ[ῶ]ν. Изъ его объясненій отмѣтитъ слѣдующее: „... lectionem ἐνδέχεται video mihi iure expulisse cum Blarambergio. Nominativi cum participio ἀρχοντεύων, quod ad analogiam recte formatum est, in eadem structura positi sunt in qua priores: „Archontes hi et illi dicarunt haec Achilli; *inter hos Purthaeus et Heuresibius gymniciis simul ludis praefecti*“. Ludis enim praefectos illos esse patet. Tamen dictio est eiusmodi, ut aegre patiatur interpretationem; nec video aliud nisi ut Purthaeus dicatur munere suo archontis functus *essu in ludis* (ἐν ἀγῶνι), *diavli* et *disci* certamini speciatim praepositus, et similiter Heuresibius *alli certamini et cursui* puerorum.... Utrumque ludum, et disci et cursus, Achillis cursu et robore praestantis, cui in vicina Hylaeae δρόμος ille sacer, honori datum esse apertum est, ideoque archontes his ludis praefuerunt, quod illi Achillis sacris potissimum addicti erant“.

именно №№ 61 и 77 нашего сборника. Его тщательное сличение²⁷⁾ дало блестящие результаты: въ № 61 не оказалось никакого Аполлона Ионпора, упоминание о культѣ котораго съ легкой руки Келера сдѣлалось общимъ мѣстомъ во всѣхъ трудахъ, такъ или иначе относившихся къ Ольвиѣ, а въ интересующей насъ теперь припискѣ № 77-го Беккеръ первый далъ вѣрное чтеніе $\lambda\acute{o}\nu\chi\alpha\iota = \lambda\acute{o}\gamma\chi\eta$ и $\kappa\alpha\iota\delta\eta\mu[\alpha\tau\iota] = \kappa\eta\delta\eta\mu\alpha\tau\iota$ и такимъ образомъ констатировалъ, что въ ней не было никакого упоминанія о бѣгѣ мальчиковъ, за существованіе котораго въ Ольвиѣ такъ сильно стоялъ Келеръ. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ частностяхъ Беккеру не удалось добиться истины: изъ его транскрипціи, перевода и замѣчаній, относящихся къ припискѣ²⁸⁾, видно, что онъ 1) въ строкахъ 17 и 19 считалъ послѣднія сохранившіяся на камнѣ буквы EN и первоначально послѣдними, тогда какъ на самомъ дѣлѣ правый край камня попорченъ во всю длину, такъ что въ концѣ указанныхъ строкъ могло пропасть по нѣскольку буквъ, какъ во всѣхъ другихъ строкахъ; 2) принималъ глаголь $\acute{\alpha}\rho\chi\omicron\upsilon\tau\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ въ значеніи $\acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\epsilon\acute{\upsilon}\omega$, а въ концѣ своего комментарія прямо смѣшалъ одинъ съ другимъ. По нашему мнѣнію, принимая во вниманіе порчу камня въ концѣ строкъ 17 и 19, вполне возможно возстановить тамъ глаголь EN[EIKΑ], какъ въ концѣ надписи № 80 ($\Lambda\epsilon\omega\nu\acute{\iota}\delta\eta\varsigma$ 'Αχιλλέως ἐνείχα λόγῃ), поразительною аналогіею которой Беккеръ почему то не воспользовался (хотя и зналъ

²⁷⁾ *Mélanges gr.-rom.* II стр. 51 сл. и *Zam. Od. Obs.* IV (1856) стр. 119 сл.

²⁸⁾ Приводимъ ихъ изъ *Зап. Од. Общества*:

транскрипція:	переводъ:
Πουρ[θαί]ος Πουρ[θαί]ου ἄρχοντε(ύ)ων ἐν λó(γ)χ(η), δίσκφ. Εύρησ(ίβιος 'Α)δóου ἄρχοντεύων ἐν δρόμφ, π(η)δῆμ(ατῖ).	Пуреей, сынъ Пуреея, первенствующій въ метаніи копья (и) бросаніи диска; Гевриазивій [sic], сынъ Адосса, первенствующій въ бѣгѣ (и) скаканіи.

„Въ строкахъ 17 ничего не недостаётъ послѣ буквъ EN, которыми оканчивается также 19 строка; въ обѣихъ стало быть ничего не нужно дополнять. Въ стихѣ 17 4-я буква, очевидно, есть X, а не K, и слово ΛΟΝΧΑΙ написано по его выговору, противъ орфографіи, вмѣсто ΛΟΓΧΗ“.

„Съ цѣлью также оставлено послѣ EN въ концѣ двухъ строкъ мѣсто, на которомъ бы могло умѣститься много буквъ, именно, чтобы упражненіи, въ которыхъ Пуреей и Гевриазивій одержали побѣды, будучи поставлены въ началѣ новыхъ строкъ, всякому прямо бросались въ глаза [?]. При $\acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ вещь, въ которой кто нибудь отличается, ставится не только въ дательномъ падежѣ просто, но и въ дательномъ съ предлогомъ ἐν, напр. *Hom. Ilias* XI, 409 *цит.*] и *Pind. Nem.* XI, 18 *[цит.]*“.

эту надпись); глаголъ же ἀρχοντεύειν мы принимаемъ въ значеніи „быть архонтомъ“ (ср. βασιλεύω, πρᾶξω, δεκαπρωτεύω, ἐπταδεύω и мн. др.). Вѣрность нашего объясненія подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что при немъ въ припискѣ получаются полныя, грамматически правильныя предложенія, которыхъ не было ни въ одномъ изъ прежнихъ возстановленій приписки, не исключая и Беккера. Мы читаемъ и переводимъ:

Ποῦρῶ[αῖ]ος Πο[υρῶαῖ]ου ἀρχον[ε]ύων
ἐν[εῖχα | λ]ύνηαι, δίσκ[ωι]. Εὐρησ[ίβιος
'Α]δῶος ἀρχον[τ]εύων ἐ[νεῖχα] δρόμ[ωι],
π[α]ιδήμ[ατι].

Пуревъ Пуревъ въ бытность архонтомъ одержалъ победу [въ состязаніяхъ] копьемъ и дискомъ; Еврисвій Адовъ въ бытность архонтомъ одержалъ победу въ бѣгѣ и прыганьи.

Такимъ образомъ оказывается, что въ документѣ упомянуто не о предсѣдательствѣ двухъ архонтовъ на гимническихъ состязаніяхъ, а о побѣдоносномъ ихъ участіи. Очевидно эти состязанія пользовались большимъ уваженіемъ въ Ольвіи и побѣда на нихъ цѣнилась такъ высоко, что первые сановники государства не считали несогласнымъ съ своимъ достоинствомъ принимать въ нихъ участіе и свои побѣды съ гордостью записывали на своихъ официальныхъ документахъ. Совершались эти состязанія безъ сомнѣнія въ честь Ахилла Понтарха, какъ справедливо предположилъ уже Бекк²⁹⁾.

§ 3. Военное начальство: стратеги.

Существованіе въ Ольвіи должности стратеговъ извѣстно исключительно изъ надписей греко-скифскаго періода. Тогда стратеги составляли ежегодно смѣнявшуюся коллегію изъ шести членовъ, въ числѣ которыхъ одинъ былъ президентомъ; коллегія почитала Аполлона Простата, какъ своего спеціальнаго покровителя, и представляла собою высшее военное начальство, заботившееся объ охранѣ города и объ отраженіи непріятельскихъ на него нападений. Таковы главные выводы, которые можно теперь сдѣлать изъ существующихъ эпиграфическихъ памятниковъ; но такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ выводовъ идутъ въ разрѣзъ съ мнѣніями прежнихъ изслѣдователей государственнаго устройства Ольвіи, то является необходимость ближе разсмотрѣть данныя, на которыхъ они основываются.

²⁹⁾ См. выше стр. 275 пр. 36.

Ежегодная смѣта стратиговъ представляетъ фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнiю; онъ очевиденъ 1) изъ того, что въ разныхъ документахъ этой коллегiи, которыхъ до насъ сохранилось болѣе двадцати¹⁾, называются постоянно разные лица, 2) изъ встрѣчающихся въ почетныхъ декретахъ упоминанiй о прошедшемъ исполненiи должности стратига, иногда даже о неоднократномъ²⁾. Избирались стратиги безъ сомнѣнiя хиротонiею, а не жребиемъ; этотъ способъ избранiя необходимъ былъ уже потому, что въ городѣ, отовсюду окруженномъ врагами и постоянно со страхомъ ждавшимъ ихъ нападений, для этой важной и отвѣтственной должности требовались не первые попавшiеся исполнители, а люди опытные и талантиные. Прямое подтвержденiе этого мы видимъ въ нѣсколькихъ примѣрахъ неоднократнаго исполненiя должности стратига³⁾.

Во всѣхъ такихъ документахъ, въ которыхъ перечислены поименно всѣ члены коллегiи и которые сохранились до насъ въ цѣломъ видѣ⁴⁾, поименовано всего шесть лицъ, изъ которыхъ одинъ былъ президентомъ коллегiи, а остальные его товарищами (οἱ περί τὸν δαίνα στρατηγοί); только въ одной надписи № 57 названо пять лицъ вмѣстѣ съ президентомъ. Этотъ фактъ обратилъ на себя особенное вниманiе Бека, который, принимая во вниманiе число архонтовъ и агораномовъ, счелъ себя въ правѣ положительно утверждать, что коллегiя стратиговъ состояла изъ пяти лицъ, а число шесть объяснилъ тѣмъ, что въ надписяхъ, гдѣ оно встрѣчается, во главѣ коллегiи стратиговъ названъ не ихъ президентъ, а архонтъ епонимъ⁵⁾. Автори-

¹⁾ №№ 50, 52—72, 79, 84, 85.

²⁾ См. цитаты, приведенныя на стр. 259 въ прим. 5.

³⁾ Дважды упоминаются въ числѣ стратиговъ Νεκτiας Ποντικῆς (№№ 50 и 65), Νομῆνιος Ῥαβασιφῶντος; (№№ 50 и 58), Εὐπλοῦς Καρανθiωνος; (№№ 58 и 63). Количество избранiй, какъ уже замѣчено выше (стр. 257), отмѣчалось только при имени президента коллегiи.

⁴⁾ №№ 50, 52, 54—56, 58, 59, 61—65, 67—69, 71, 79, 80.

⁵⁾ *C. I. Gr.* II стр. 89: „Inter principes Olbiae civiles magistratus sunt praetores (στρατηγοί). Horum numerus cum principe, circum quem sunt, sine controversia est quinquarius, ut archontum et aedilium, n. 2071[=57].. eundem numerum licet statui in mutilis titulis n. 2068[=84]. 2069[=53]. 2078[=70]. 2075[=66]. Sed quinque sunt praeter eum, circum quem illi esse dicuntur, n. 2067[=50]... n. 2070[=54]... n. 2072[=61]... n. 2074[=56]... Quis vero credit modo quinque modo sex esse creatos? Neque ὑπέρτις, quem sane habuerunt..., potest inter sex latere illos: quis enim ministrum magistratibus annumerarit? Potius quam vulgo ille, circum quem reliqui esse dicuntur, princeps collegii sit, his ille locis videtur archon eponymus esse...“

Употребленіе ея было бы даже необходимо для того, чтобы отличить записи, имѣвшія во главѣ архонта епонима, отъ такихъ, въ заголовкѣ которыхъ былъ поставленъ только первый стратигъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ запись № 57, въ которой записано всего 5 лицъ и стало быть по мнѣнію Бека на первомъ мѣстѣ поставленъ президентъ стратиговъ, а не первый архонтъ, по внѣшней формѣ несколько не отличается отъ тѣхъ записей, въ которыхъ перечислено по 6 лицъ. Уже одинъ этотъ фактъ, намъ кажется, достаточно для опроверженія мнѣнія Бека. Затѣмъ необходимо припомнить и то, что запись съ 5-ю именами — до сихъ поръ единственная⁹⁾, между тѣмъ какъ цѣликомъ сохранившихся записей съ 6-ю именами известно уже болѣе десятка; этотъ фактъ даетъ намъ право признать ея особенность чисто случайною и объяснить напримѣръ смертью одного изъ членовъ коллегіи до конца года службы; при коллегіальномъ устройствѣ военнаго начальства потеря одного члена коллегіи не могла быть на столько важною, чтобы требовать немедленнаго замѣщенія, и должность его легко могла быть оставлена вакантною до конца года, особенно если это лицо скончалось (или оставило коллегію по какимъ нибудь другимъ причинамъ) не задолго до конца года. Тотъ фактъ, что стратиговъ въ Ольвіи было однимъ больше, нежели архонтовъ и агораномовъ, былъ конечно обусловленъ какими либо особыми причинами, но намъ онѣ неизвѣстны. Намъ кажется даже страннымъ, что при опредѣленіи числа стратиговъ аналогія съ числомъ архонтовъ и агораномовъ показалась столь соблазнительною Беку и въ новѣйшее время Гильберту, когда имъ были извѣстны въ Ольвіи другія коллегіи магистратовъ, состоявшія изъ семи и даже изъ девяти человекъ. Заключенія по аналогіи въ такихъ случаяхъ всегда сомнительны.

Характеромъ должностной дѣятельности стратиговъ давно интересовались изслѣдователи государственнаго устройства Ольвіополитовъ; высказывавшіяся о немъ мнѣнія широко расходились одно съ другимъ, но всѣ одинаково не имѣли за собою никакихъ прочныхъ основаній¹⁰⁾, такъ какъ фактическія данныя по этому вопросу только съ

⁹⁾ Предположеніе Бека, что по пяти лицъ было записано и въ обломанныхъ снизу документахъ №№ 53, 66, 70, 84 и др., лишено всякаго основанія.

¹⁰⁾ Въ виду полной бездоказательности прежнихъ мнѣній о характерѣ должностной дѣятельности стратиговъ, мы сочли излишнимъ приводить ихъ въ текстъ и ограничиваемся краткимъ перечисленіемъ ихъ здѣсь въ прилѣжаніи. *Бла-*

Омпсалакъ Еврисивіевъ съ товарищами, поставивъ въ храмѣ Аполлона Простата запись о произведенномъ ими возобновленіи храма, прибавили къ ней четверостишіе доморощеннаго поэта, въ которомъ съ гордостью заявили, что они позаботились объ украшеніи храма послѣ того, какъ „свели на толпы супостатовъ трофееносную побѣду“.

Завѣдывали ли стратиги, кромѣ того, какими нибудь отраслями гражданскаго управленія, мы не можемъ сказать за неизвѣстными данными. До насъ дошло довольно много документовъ стратиговъ, но всѣ они однородны и для ознакомленія съ ихъ должностными функциями почти не представляютъ данныхъ. Это—записи о пожертвованіяхъ, которыя коллеги стратиговъ при оставленіи должности посвящали въ храмъ своего покровителя — Аполлона Простата и иногда въ храмъ Ахилла Понтарха. Что стратиги ставили себя подъ покровительство Аполлона Простата и завѣдывали его святилищемъ и культомъ, — это особенно ясно видно изъ вышеупомянутой эпитафии, гдѣ стратиги называютъ себя *τρόφοι* храма Аполлона. Жрецъ его иногда вмѣстѣ съ стратигами участвовалъ въ посвященіи благодарственнаго дара ¹¹⁾. Записей о приношеніяхъ стратиговъ сохранилось гораздо больше, чѣмъ отъ архонтовъ и агораномовъ. Этотъ фактъ едва ли можетъ быть признанъ случайнымъ; гораздо вѣроятнѣе думать, что или стратиги были обязаны ежегодно посвящать приношенія Аполлону Простату, между тѣмъ какъ другіе магистраты дѣлали это лишь по собственному желанію, или стратиги были гораздо болѣе ревностными исполнителями этого обычая. Сама приношенія были очень разнообразны: встрѣчаются статуетки Побѣды золотыя (№№ 59. 61. 63), или серебряныя (53), или золотыя съ серебрянымъ пьедесталомъ (56. 70. 71), золотыя ожерелья (*στρακτοί*, 50. 54. 57. 64), серебряныя чаши (52. 55? 62. 67), золотой вѣнокъ (68), маленькое ложе (62), *τρίκλινον* (86). Выборъ того или другого дара вѣроятно предоставлялся собственному желанію стратиговъ; едва ли можно думать напр., что статуетки Побѣды посвящались только въ тѣ годы, когда стратигамъ удавалось дѣйствительно одержать побѣду надъ врагами. Противъ этого говорить, по крайней мѣрѣ, тотъ фактъ, что агораномы также посвящали серебряныя Побѣды своему покровителю Ермію Риночному (75. 76).

¹¹⁾ *Inschr. P.* № 66+86, *ep. add.* стр. 221.

вить торговля пошлыны, которыя брались съ предметовъ ввоза и вывоза. Ихъ существованіе въ Ольвіи можно было бы предположить уже а priori въ виду того, что взиманіе ихъ было общераспространеннымъ обычаемъ въ древнемъ мірѣ и что въ городахъ, которые, подобно Ольвіи, жили почти исключительно торговлею, онѣ должны были составлять главную статью доходовъ. Но мы имѣемъ и прямыя свидѣтельства о взиманіи торговыхъ пошлынь въ Ольвіи, именно: а) въ дарованіи заслуженнымъ иностранцамъ, въ числѣ другихъ привилегій, права беспошлыннаго ввоза и вывоза ихъ товаровъ ¹⁾; еслибы пошлынь не существовало, то не могла бы дароваться и беспошлынность; б) въ постановленіи Канова объ урегулированіи торговли чеканнымъ золотомъ и серебромъ также сказано, что купля и продажа этихъ металловъ должны производиться беспошлынно ²⁾; в) изъ сообщаемой Діогеномъ Лаертскимъ біографіи Біона Борисоенита мы видѣли (стр. 142), что отецъ его, торговавшій соленой рыбой, былъ проданъ въ рабство за нарушеніе уставовъ о торговыхъ пошлынахъ. Размѣры пошлынь, ихъ названія и способы взиманія намъ неизвѣстны, равно какъ и приблизительное количество ежегоднаго дохода, получавшагося этимъ путемъ; оно впрочемъ безъ сомнѣнія подвергалось весьма сильнымъ колебаніямъ, смотря по политическимъ обстоятельствамъ: на примѣръ, при томъ положеніи, въ которомъ Ольвія находилась во времена Протогена, ея торговля неминуемо должна была прійти въ крайній упадокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соединенный съ нею источникъ дохода сводился къ нулю.—Далѣе къ числу τέλη принадлежатъ косвенные палогы, изъ которыхъ намъ пока извѣстенъ одинъ только налогъ на жертвоприношенія, введенный эдиктомъ коллегіи Семи по всей вѣроятности въ III в. до Р. Хр., въ довольно значительныхъ размѣрахъ; хотя онъ былъ вносимъ въ священную казну (εἰς τὸν θρασσορὸν), но мы уже выше (стр. 101) видѣли, что его смѣло можно отнести къ числу государственныхъ доходовъ и самое введеніе его объяснять истощеніемъ государственной казны.

Затѣмъ въ нашихъ источникахъ есть намеки на тѣ источники доходовъ, которые подходятъ подъ понятіе τμήματα. Такъ, въ не-

¹⁾ *Insct. P.* № 8 и 9. Въ № 15 беспошлынность не упоминается въ числѣ привилегій, дарованныхъ Навтиму Каллатійцу; можетъ быть она не была дарована вслѣдствіе плохого состоянія ольвійскихъ финансовъ во время изданія этого докрета. Мы относимъ его приблизительно къ 1-й пол. III в. до Р. Хр.

²⁾ *Insct.* № 11, ср. выше стр. 48.

какъ уже имѣли случаи разсматривать ихъ болѣе или менѣе подробно ⁴⁾.

На обзорѣниі государственныхъ расходовъ Ольвійскихъ мы не будемъ здѣсь долго останавливаться, такъ какъ главные источники, сообщающіе намъ свѣдѣніа объ этомъ предметѣ, именно Протогеновскій декретъ и нѣкоторыя надписи римскихъ временъ, уже достаточно знакомы читателямъ изъ предшествующаго изложенія. Мы видѣли, что во времена Протогена, благодаря различнымъ посѣтншмъ Ольвію невзгодамъ, государственная казна была совершенно опустошена, такъ что народу приходилось выпрашивать у богатыхъ гражданъ деньги для покрытіа тѣхъ расходовъ, которые должны были падать на казну. Главныя, наиболѣе раззорительныя статьи расходовъ въ это время были слѣдующія: 1) „дары“, которыми Ольвіа ограждала столь дорогую сердцу всякаго еллина свободу отъ покушеній Саитафарна и разныхъ сосѣднихъ „скиптропосцевъ“. 2) Постройки городскихъ укрѣпленій для защиты отъ нападений воинственныхъ сосѣдей, изъ которыхъ самыми страшными во время Протогена были галаты и союзные съ ними скиры. Кромѣ укрѣпленій вѣроятно на казенный счетъ строились различныя общественныя зданія, изъ которыхъ въ Протогеновскомъ декретѣ упоминаются хлѣбный магазинъ и мѣсто выставки товаровъ. 3) Ремонтъ общественныхъ зданій, судовъ и пр. (сюда же можно отнести упоминаемый въ декретѣ наемъ частныхъ судовъ, къ которому государство прибѣгало во избѣжаніе значительныхъ единовременныхъ затратъ на ремонтъ). 4) Расходы на различныя воен-

⁴⁾ См. стр. 103 сл. и 168 сл. Замѣтимъ еще, что въ нѣсколькихъ почетныхъ декретахъ греко-свиенскаго періода упоминаются *leitourgiai*, но намъ кажется, что это слово слѣдуетъ понимать тамъ не въ томъ специальномъ значеніи, въ которомъ оно употреблялось въ Афинахъ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ (т. е. въ смыслѣ принятія на себя отдѣльными гражданами расходовъ по исполненію тѣхъ или другихъ государственныхъ или общественныхъ повинностей: *τριραρχία*, *προεταφορά*, *χορηγία*, *γυμνασιάρχια* и др.), а въ болѣе общемъ смыслѣ исполненія *гражданскихъ обязанностей* вообще, или *отдѣльныхъ повинностей*, въ которыхъ оказывалась надобность въ томъ или другомъ случаѣ. Необходимость такого пониманія особенно ясно видна изъ фразы декрета въ честь Карзоаса (№ 21): *ἐν ταῖς κοιναῖς χρῆμασι αὐθαίρετως λειτουργῶν ἀνεπιζήτητον πόνον εἰσέφε(ρε)*; оно вполне приложимо и въ №№ 22, 25 (add. стр. 220), 26 и 27. Почти такъ же объясняютъ эти *leitourgiai* Бѣкъ (C. I. Gr. II стр. 89: „Sunt magistratus et magistratibus similia curatorum ministeria (ἐπιμελείαι), qua de re vix dubito“) и Мейеръ (ук. ст. стр. 483).

т. е. подробному изложенію заслугъ Протогена; поэтому сообщаемыя въ декретѣ свѣдѣнія являются чисто случайными и далекими отъ желанной полноты.

При разсмотрѣніи должностной дѣятельности архонтовъ мы уже видѣли, что они, какъ кажется, имѣли въ своемъ завѣдываніи нѣкоторыя отрасли финансоваго управленія, а именно, можетъ быть, производство расходовъ по постановленію вѣча. Но кромѣ того были и особыя магистраты, избравшіеся для спеціальнаго завѣдыванія финансами, именно: 1) верховный распорядитель финансовъ, 2) коллегія Девяти (οἱ ἐννέα) и 3) коллегія Семи (οἱ ἑπτά). Определеніе круга дѣятельности каждой изъ этихъ магистратуръ давно уже занимало изслѣдователей государственнаго устройства Ольвии; но въ виду того, что воззрѣнія ученыхъ, пользующихся у насъ наибольшимъ авторитетомъ, намъ представляются неосновательными^{*)}, а бо-

^{*)} Отмѣтимъ вкратцѣ эти воззрѣнія. *Бларамбергъ* (Оп. др. мед. Ольвии стр. 27 р. пер.) говоритъ только о „септемвирахъ“: они, по его мнѣнію, „конечно должны были составлять между собою совѣтъ; но права ихъ совершенно намъ неизвѣстны“. *Бекъ* (С. I. Gr. II стр. 89, 10) откровенно признаетъ, что о единадцатыхъ магистратахъ Ольвии ему почти ничего неизвѣстно: „Septemviri... quid gesserint nescimus. Novemviri... videntur rem pecuniariam curasse et locasse ea, quae per redemptores facienda erant. Utrum unus ex his fuerit ὁ ἐπὶ τῆς κοινῆς οἰκονομίας καὶ ταμείας... an is ab illis diversus, nescio: Protogenes hoc munus tres continuos annos gessit“. Къ предположеніямъ Бека относительно Девяти намъ еще придется вернуться. *Мейеръ* (ук. ст. стр. 483) осторожно воздерживается отъ всѣхъ предположеній, приводя только то, что дано въ Протогеновскомъ декретѣ. За то тѣмъ щедрѣе на догадки наши отечественные изслѣдователи. Такъ, гр. *Уваровъ* говоритъ (Иссл. стр. 81): „Этому совѣту [т. е. Девяти мужей], какъ видно, были поручены денежные дѣла. Но такъ какъ эти дѣла имѣли тѣсную связь съ торговлею, доходами и податями, то Совѣтъ девяти, вѣроятно, состоялъ преимущественно [?] изъ пяти агораномовъ, одного архонта, стратега, астинома и верховнаго жреца. Всѣ они вмѣстѣ составляли совѣтъ девяти мужей. Одному изъ членовъ этого Совѣта была, вѣроятно, поручена должность хранителя общественной казны. Чиновникъ этотъ имѣлъ въ рукахъ своихъ городскіе доходы; подъ его вѣдомствомъ находились откупщики. Протогенъ занималъ эту должность въ продолженіи трехъ лѣтъ и, по словамъ псеопыма, въ назначенное время представлялъ отчеты“. Слова почтеннаго ученаго о составѣ совѣта девяти и о принадлежности къ нему „хранителя общественной казны“ очевидно ни на чемъ не основаны; кромѣ того изъ его изложенія вытекаетъ, что должность этого „хранителя“ соединялась въ одномъ лицѣ съ должностью агораномомъ, или астиномомъ, или архонта, или стратега, или наконецъ жреца. Бар. *Кене* (М. Коч. I стр. 13 и 16) считаетъ верховнаго распорядителя однимъ изъ членовъ коллегіи Семи, а коллегію Девяти отождествляетъ съ архонтами, т. е. иначе говоря, полагаетъ,

столько самостоятельно, что имѣлъ право собственной властью съ одной стороны конфисковать имущество неисправныхъ должниковъ, съ другой — не взыскивать процентовъ съ должныхъ имъ суммъ, откладывать уплаты на неопредѣленные сроки и даже совершенно прощать долги, а свободныя суммы засчитывать себѣ въ уплату за долги хотя бы фиктивно; онъ только обязанъ былъ сдавать отчеты въ опредѣленные сроки, безъ сомнѣнія въ народномъ собраніи. Власть эта была, безъ сомнѣнія, единоличною: во всей приведенной тирадѣ нѣтъ никакого намека на то, чтобы Протогену приходилось дѣйствовать купно съ товарищами, напротивъ изъ всего видно, что онъ всѣ распоряженія по должности дѣлалъ совершенно самостоятельно, будучи обязанъ только отчетностью предъ народомъ *). Такимъ образомъ мы видимъ, что это была весьма важная, почетная, но въ то же время и очень отвѣтственная должность, требовавшая честнаго, опытнаго и даровитаго исполнителя, такъ какъ отъ него зависѣло все направление финансовой политики государства. Если искать для нея аналогіи въ другихъ государствахъ, то скорѣе всего приходитъ на мысль Аѳинскій верховный финансовый магистратъ $\acute{o} \acute{\epsilon}\pi\acute{\iota} \tau\eta \delta\iota\omicron\iota\chi\eta\sigma\alpha\iota$ †), хотя конечно, между аѳинскою и ольвійскою магистратурою были и различія, между прочимъ и относительно срока должности. Аѳинскій магистратъ избирался на 4 года безъ права вторичнаго избранія, а въ Ольвіи, какъ кажется, только на годъ, но съ правомъ неоднократнаго избранія: мы видѣли, что Протогенъ три года сряду стоялъ во

*) Этихъ соображеній вполне достаточно, кажется, чтобы дать отрицательный отвѣтъ на первшесный Вѣнокъ (см. предъид. прим.) вопросъ, принадлежалъ ли верховный распорядитель къ составу коллегіи Десяти.

†) Это сравненіе сдѣлалъ уже *Θ. Α. Струве* въ Зап. Од. Общ. VI стр. 7. Объ Аѳинскомъ магистратѣ ср. *Böckh*, Staatshaushaltung d. Athener (3 Aufl. von *Fränkel*, 1886), т. I стр. 200 сл. *K. Fr. Hermann*, Staatsalterth⁵. § 151, 16. *Schömann*, Griech. Alterth. I², стр. 444; *G. Gilbert*, Staatsalterth. I стр. 231 сл. *Th. Fellner*, Zur Geschichte der Attischen Finanzverwaltung (Wien 1879) стр. 55 сл.; *Car. Droege*, De Lycurgo Atheniensi pecuniarum publicarum administratore (diss. Bonn. 1880), стр. 20 сл. Последний характеризуетъ должностную деятельность $\tau\omicron\upsilon \acute{\epsilon}\pi\acute{\iota} \tau\eta \delta\iota\omicron\iota\chi\eta\sigma\alpha\iota$ слѣдующими чертами: „Ergo et ex nomine $\tau\omicron\upsilon \acute{\epsilon}\pi\acute{\iota} \tau\eta \delta\iota\omicron\iota\chi\eta\sigma\alpha\iota$ et ex eis quos attulimus locis efficitur illum magistratum summam redituum curam atque custodiam habuisse atque id prospexisse, ut reditus et quam maximi pararentur et prudenter atque apte expenderentur; non summum fuisse quaestorem neque ipsum praefuisse aerario, sed reliquorum magistratum fiscalium, imprimis apodectarum quasi gubernatorem atque custodem, summam administrationis pecuniarum obtinuisse“.

Что касается, наконецъ, коллегіи Семи, то до половины 60-хъ годовъ всѣ наши свѣдѣнія о ней ограничивались однимъ названіемъ коллегіи, поставленнымъ въ началѣ Протогеновскаго декрета: Οἱ ἀρχοντες καὶ οἱ ἑπτά εἵλασ. Само собою разумѣется, что эта фраза открывала новымъ изслѣдователямъ широкое поле для догадокъ. Только у Бларамберга и Бѣка хватило духа откровенно заявить, что о коллегіи Семи имъ ничего неизвѣстно; гр. Уваровъ, бар. Кѣне, В. Н. Юргевичъ и др., напротивъ, старались опредѣлить ихъ дѣятельность путемъ разныхъ предположеній, болѣе или менѣе оригинальныхъ, но одинаково неосновательныхъ⁹⁾. Въ 1867 году покойный Э. А. Струве впервые издалъ¹⁰⁾ эдиктъ этой коллегіи о введеніи значительнаго налога на жертвоприношенія¹¹⁾, снабдивъ его очень подробнымъ, даже подчасъ многословнымъ и избыточнымъ ненужными отступленіями комментаріемъ, въ которомъ однако самаго главнаго, т. е. именно характера дѣятельности Семи, коснулся лишь слегка и выяснилъ его недостаточно. На 14-ти страницахъ, посвященныхъ объясненію документа въ русскомъ его изданіи, къ должностной дѣятельности Семи, строго говоря, относятся лишь слѣдующія немногія слова: „Изъ новой надписи явствуетъ, что они имѣли надзоръ надъ казною (θησαυρός) и заботились о ея доходахъ. Эта казна вѣроятно находилась въ храмѣ Юпитера, какъ надобно заключать изъ того любопытнаго обстоятельства, что наша надпись, какъ мнѣ сообщилъ г. Бурачковъ, найдена была вмѣстѣ съ главою Юпитера, находящеюся также въ его коллекціи. Какъ въ Ольвii казна помѣщена была въ храмѣ Юпитера, такъ въ Лоннахъ она находилась въ Парееновѣ на акрополѣ, въ веденіи [вѣдѣніи?] десяти τμήματα τῆς θεοῦ“ (стр. 4). Искрѣе высказывается авторъ въ пѣмецкой обработкѣ статьи (стр. 561): „Ohne Zweifel war dies der Schatz der Stadt, da die Vorsteher desselben eine so wichtige Rolle neben den Archonten spielen“. Мы уже замѣтили въ сборникѣ, что фактъ находки надписи „вмѣстѣ съ главою Юпитера“ не имѣетъ ровно никакого значенія, такъ какъ никто не можетъ утверждать, что ни статуя, отъ которой сохранилась голова, ни камень съ надписью не были сдвинуты съ ихъ первона-

⁹⁾ Ихъ мнѣнія приведены выше, въ прим. 5.

¹⁰⁾ *Зап. Од. Общ.* т. VI стр. 2 сл. (ср. рецензію К. Я. Любимилъ въ Изв. И. Русскаго Археолог. Общества, т. VI, отд. 2, стр. 162) и *Rhein. Mus. für Philol.* т. XXIV стр. 559 сл.

¹¹⁾ Теперь см. этотъ документъ въ *Inscr. P.* № 46; ср. вышестр. 101.

таются буквы ЕПТА, но только Θ. А. Струве ⁴⁶⁾ поставилъ вопросъ, не имѣетъ ли эта надпись какой либо связи съ коллегіею Семи. П. О. Бурачковъ въ своемъ каталогѣ издалъ уже два типа такихъ монетъ съ ясною надписью ОΙΕΠΤΑ ⁴⁷⁾ и вполне увѣренно отнесъ ихъ къ тому времени, когда во главѣ городского управленія состоялъ совѣтъ семи*. Намъ кажется несомнѣннымъ, что эти буквы обозначаютъ коллегію Семи, но не какъ стоящую во главѣ городского управленія, а какъ завѣдующую монетнымъ дѣломъ и гарантирующую цѣвность монеты ⁴⁸⁾. Мы не знаемъ, чѣмъ былъ обусловленъ переходъ этого завѣдыванія къ Семи, но принадлежало оно имъ, по видимому, лишь въ теченіе короткаго времени, такъ какъ съ названіемъ ихъ коллегіи есть всего два типа монетъ и кромѣ того есть монеты тѣхъ же типовъ съ буквами, обозначающими начало одного собственнаго имени, по всей вѣроятности архонта ⁴⁹⁾.

Такимъ образомъ нашъ взглядъ на распредѣленіе функций финансоваго управленія между верховнымъ распорядителемъ и двумя разсмотрѣнными коллегіями оказывается вполне согласнымъ со взглядомъ Г. Гильберта ⁵⁰⁾: „An der Spitze des Finanzwesens stand, wie es scheint, ein Beamter, dessen Amtstitel uns unbekannt ist und dem wohl οὐ ἐπίτα als Vorsteher des heiligen und οὐ ἐννοία als Vorsteher des öffentlichen Schatzes untergeben waren“. Существовало ли это управленіе въ томъ же видѣ въ римскія времена, или было какъ нибудь преобразовано, мы не знаемъ, такъ какъ въ документахъ этого періода нѣтъ никакихъ упоминаній о финансовомъ управленіи.

Въ заключеніе нашего обзора финансоваго устройства Олвиин считаемъ нужнымъ обратить вниманіе еще на одно мѣсто Протогеновскаго декрета, которое, кажется, указываетъ на существованіе въ Олвиин еще одной магистратуры, упущенной изъ виду во всѣхъ комментаріяхъ къ этому документу, не исключая и даннаго нами въ сборникѣ надписей. Мѣсто это (В, 79 сл.) гласитъ слѣдующее: Τῶν

⁴⁶⁾ *Зап. Од. Общ.* т. VI стр. 10.

⁴⁷⁾ *Кат.* стр. 57 № 120 и табл. V № 88: *Лиц.* Голова Аполлона вправо. *Об.* Лукъ въ коритѣ въ горизонтальномъ положеніи, внизу ΙΕΠΤΥ, вверху (очень ясно) ΟΛΒΙ.—Стр. 58 № 123 и т. V № 91: *Лиц.* Голова Аполлона вправо. *Об.* Обращенный вправо стрѣлокъ, опершись на правое колено, готовится пустить стрѣлу изъ лука; сбоку у него коритъ. Вперед: ΜΕΠΤΑ.

⁴⁸⁾ Ср. *Lenormant*, *La monnaie dans l'ant.* III стр. 37 сл.

⁴⁹⁾ См. *Бурачкова Кат.* табл. V № № 92—96.

⁵⁰⁾ *Staatsalterth.* II стр. 187.

къ заключенію, что этимъ глаголомъ обозначена здѣсь официальная должность съ опредѣленными функціями. Такое заключеніе подтверждается тѣмъ, что глаголь ἐπιτηνείω и по формѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые обозначаютъ должность или званіе (ἐπιτηνείω=ἐπιτήνιος аіμ; ср. βασιλεύω, ἀρχοντεύω, προτανεύω, πρεσβεύω и т. п.). Остается, стало быть, выяснить, въ чемъ могла состоять должность τοῦ ἐπιτηνείου? Этотъ трудъ облегчаетъ намъ молодой Страсбургскій ученый Вильг. Дёрмеръ, тщательно собравшій всѣ встрѣчающіяся (главнымъ образомъ въ надписяхъ) упоминанія объ ἐπιτήνιοι ²³⁾. Изъ его сопоставленій видно, что употребленіе названія ἐπιτήνιοι было довольно широко распространено въ греческихъ государствахъ, именно въ городахъ западнаго берега М. Азии (Лампсакъ, Илии, Смирнѣ и др.), на нѣкоторыхъ островахъ (Фирѣ, Косѣ) и въ милетскихъ колоніяхъ (Киосѣ, Одиссѣ, Истронолѣ). Последній фактъ особенно много говоритъ въ пользу нашего объясненія: онъ даетъ намъ право думать, что должность τῶν ἐπιτηνείωνъ существовала и въ самомъ Милетѣ и оттуда могла быть заимствована Ольвиполиитами. Названіе это встрѣчается какъ для обозначенія государственныхъ должностей, такъ и въ разныхъ коллегіяхъ и обществахъ; характеръ обозначаемыхъ имъ должностей былъ то гражданскій, то религіозный; самое названіе въ однихъ случаяхъ объясняется тѣмъ, что носившія его лица ежемѣсячно смѣнялись, въ другихъ—тѣмъ, что ихъ служебныя обязанности ежемѣсячно повторялись (напр. завѣдываніе ежемѣсячными жертвоприношеніями или праздниками). Несмотря на названіе, οἱ ἐπιτήνιοι въ нѣкоторыхъ городахъ были епонимами года, откуда видно между прочимъ важное значеніе этой должности. Въ приведенномъ мѣстѣ Протогеновскаго декрета очевидно можетъ быть рѣчь только о государственной должности и притомъ гражданскаго, а не религіознаго характера. Поэтому, отсылая къ книгѣ Дёрмера желающихъ познакомиться съ тѣми случаями, въ которыхъ эта должность носила религіозный характеръ или принадлежала частнымъ обществамъ, мы остановимъ наше вниманіе только на государственныхъ ἐπιτήνιοι гражданского характера. Въ Лампсакѣ и Смирнѣ встрѣчаются ἐπιτήνιοι τῆς βουλῆς ²⁴⁾, кото-

²³⁾ *Guil. Doermer*, De Graecorum sacrificulis qui ἱεροκοιοὶ dicuntur (diss. Argentor. 1883) стр. 65—74. Ср. *G. Kersten*, De Cyzico стр. 34 сл.; (*Le Bas et Waddington*, Inscr. d'Asie Min. стр. 279 нъ № 1140.

²⁴⁾ *C. I. Gr.* 3641b и 3137, ср. *Doermer* стр. 73.

§ 5. Городская полиция: агораномы и астиномы.

Изъ числа существовавшихъ въ еллинскихъ городахъ магистратовъ, наблюдавшихъ за порядкомъ и благочиніемъ въ городѣ, или за торговлею, промыслами и ремеслами, въ Ольвіи упоминаются агораномы и астиномы.

1. Агораномы. Памятникомъ существованія этой магистратуры служатъ по настоящее время двѣ записи о посвященіи двумя коллегіями агораномовъ серебряныхъ статуетокъ Побѣды покровителю ихъ, Ермію Рыночному (*Ἑρμῆς Ἀγοραῖος*), за благосостояніе города и ихъ собственное здравіе. Одна изъ этихъ записей (*Inscr. P. № 76*) не древнѣе времени императора Траяна, суда по тому, что президентъ коллегіи послалъ ими Марка Ульпія Пирра, а другая (*№ 75*) по характеру письма можетъ быть признана еще болѣе поздней. Но имѣя въ виду, что агораномія была весьма распространеною магистратурою въ еллинскихъ городахъ и что торговля, бывшая издревле главнымъ занятіемъ Ольвіополитовъ, требовала постоянного наблюденія, можно думать, что учрежденіе агораномовъ въ Ольвіи относится еще къ первому періоду ея существованія и что они лишь случайно не упоминаются въ дошедшихъ до насъ болѣе древнихъ памятникахъ. Двѣ сохранившіяся записи знакомятъ насъ, такъ сказать, только съ внѣшностью этой магистратуры. Мы видимъ, что агораномы составляли коллегію изъ пяти членовъ, изъ коихъ одинъ стоялъ во главѣ, а остальные четверо обозначались обычною формулою *οἱ περὶ τὸν δεῖνα*. Коллегія избиралась только на одинъ годъ, но повторительное избраніе допускалось вполне свободно: Посидей Знеовъ при архонтѣ М. Ульпіи Пиррѣ уже въ третій разъ стоялъ во главѣ коллегіи агораномовъ. Посвященіе даровъ патрону коллегіи, Ермію Рыночному, совершалось безъ сомнѣнія при окончаніи срока должности, какъ мы уже видѣли это относительно стратиговъ.

О должностныхъ обязанностяхъ агораномовъ вышеуказанныя записи ничего не сообщаютъ; но уже изъ самаго названія коллегіи и изъ ея уваженія къ Ермію Рыночному видно, что дѣятельность агораномовъ сосредоточивалась на торговой площади и въ общихъ, по крайней мѣрѣ, чертахъ была сходна съ дѣятельностью одноименныхъ чиновниковъ въ другихъ государствахъ. По Арнократиону агораномы были *οἱ τὰ κατὰ τὴν ἀγορὰν ὄνια διοικούντες ἄρχοντες*, по другимъ лексикографамъ *οἱ ἐπὶ τοῖς ὄνιοις φύλακες*. Въ Афинахъ агораномы собирали

классъ представляютъ такія ручки и черепицы, на которыхъ записано имя астинома (обыкновенно въ род. падежѣ, иногда съ предлогомъ ἐπί, то съ именемъ отца, то безъ него; названіе должности обозначается обыкновенно существительнымъ, рѣже причастіемъ) одно или съ именемъ горшечника въ родительномъ или именительномъ падежѣ и обыкновенно съ какою нибудь эмблемою⁴⁾. Покойный Одесскій археологъ Беккеръ, специально занимавшійся находимыми на югѣ Россіи керамическими памятниками и много разъ ихъ издававшій⁵⁾, на основаніи внимательнаго изслѣдованія ручекъ и черепицъ послѣдняго класса пришелъ къ твердому убѣжденію, что всѣ онѣ происходятъ именно изъ Ольвіи. Данныя, послужившія основаніемъ къ этому выводу, сгруппированы Беккеромъ въ первой же статьѣ, посвященной керамическимъ надписямъ⁶⁾, и въ послѣдующихъ только развивались и дополнялись. Онѣ далеко не всѣ одинаково убѣдительно и неоднократно вызвали опроверженія⁷⁾, но намъ кажется, что мнѣніе Беккера въ общемъ обосновано гораздо прочнѣе, нежели возраженія его противниковъ, такъ что мы признаемъ достовѣрнымъ Ольвійское происхожденіе если не всѣхъ, то большинства керамическихъ памятниковъ съ именами астиномовъ. Въ виду того, что намъ предстоитъ вновь внимательно разсмотрѣть эти памятники въ 3-мъ томѣ издаваемого нами сборника надписей, для котораго матеріалы еще не всѣ собраны, мы позволимъ себѣ не входить здѣсь въ подробный разборъ доводовъ Беккера и не приводить мотивовъ нашего съ ними согласія, тѣмъ болѣе, что для интересующаго насъ теперь вопроса объ астиномахъ этотъ разборъ не далъ бы ничего новаго. Данныя керамиче-

⁴⁾ Что второе имя принадлежитъ горшечнику, объ этомъ ясно свидѣлствуютъ слѣдующія надписи: 1) *Mél. gr.-rom.* II стр. 208 № 19—*Зап. Од. Общ.* V стр. 34 № 11: 'Αστυνομήντος Δελφίνιου τοῦ Καλλίου, Βάχχιος Διο(ῶ)ρου ἐκόνης. 2) *Отч. И. арх. Комм.* 1859—1860 г. стр. 142 № 25—*Зап. Од. Общ.* V стр. 45 № 9: Καλλισθένου[ς] κεραμείως, 'Ηρακλείδ[ου ἀστ]υνόμο(υ).

⁵⁾ Работы Беккера въ этой области указаны выше на стр. 9, прим. 23.

⁶⁾ *Mélanges gr.-rom.* I стр. 509 сл. Изъ послѣдующихъ статей ср. особенно *Зап. Од. Общ.* V стр. 67 сл. = *Jahrb. für cl. Phil.* Suppl.-band IV стр. 493 сл.

⁷⁾ Напримѣръ *A. Dumont*, *Inscriptions céramiques de Grèce* (*Arch. des missions scient. et littér.* 2-ème série, vol. 6. Paris 1871) стр. 23 и 141. *В. Н. Юрковичъ*, *Зап. Од. Общ.* XI стр. 58 сл. Противъ мнѣнія Дюмона ср. возраженія Беккера въ *Зап. Од. Общ.* XI стр. 45. Выводы Беккера принимаютъ *Стефанъ* (см. его статьи о керамич. надписяхъ въ *Mélanges gr.-rom.* т. II и въ *Отчетахъ И. Арх. Коммиссіи съ 1859 г.*) и *Гедерли* (*ук. с. стр. 92*).

Ольвии. Это послѣднее возраженіе сохраняло бы силу и въ такомъ случаѣ, если бы мы предположили, что должность „царя“, не имѣя ничего общаго съ архонтствомъ, была годичною. Намъ кажется, что фактъ совмѣщенія должности стратига и „царя“ въ одномъ лицѣ можетъ найти себѣ удовлетворительное объясненіе единственно въ предположеніи, что послѣдняя должность была пожизненною, причѣмъ облеченное ею лицо не теряло права на занятіе другихъ должностей, срокъ исполненія которыхъ былъ ограниченъ однимъ годомъ. Очень можетъ быть, что въ болѣе древнія времена должность „царя“ въ Ольвии была ограничена годичнымъ срокомъ, но потомъ, въ римскія времена, была сдѣлана пожизненною. Аналогичные примѣры неоднократно встрѣчаются въ другихъ греческихъ государствахъ ⁴⁾.

О характерѣ должности „царя“ вышеприведенное краткое свидѣтельство ничего не сообщаетъ; но конечно Бѣкъ не ошибся, называя его „rex sacrificulus“, то есть приписывая его должности характеръ чисто религіозный. Извѣстно, что во многихъ еллинскихъ государствахъ, какъ дорическихъ, такъ и іоническихъ и эолическихъ ⁵⁾, имя „царя“ не умерло вмѣстѣ съ паденіемъ царской власти и было перенесено, вмѣстѣ съ религіозными обязанностями прежнихъ царей, на особаго магистрата, обыкновенно смѣнявшагося ежегодно и иногда игравшаго довольно видную роль въ ряду другихъ чиновниковъ. Между прочимъ такой „царь“-чиновникъ существовалъ въ Милетѣ и нѣкоторыхъ его колоніяхъ, имѣя если не исключительно, то преимущественно, религіозныя обязанности ⁶⁾. Отсюда является вполне естественное предположеніе, что и въ Ольвию эта должность была

⁴⁾ Напр. жрецы Асклепія въ Афинахъ во времена Римской имперіи были пожизненные, а раньше смѣнялись ежегодно. См. *P. Girard, L'Asclépiéion d'Athènes* (Paris 1882) стр. 23.

⁵⁾ Въ Афинахъ, Мегарахъ съ колоніями (ср. нашу статью о госуд. устройствѣ Херсониса Таврическаго въ *Ж. М. Н. Пр.* июль 1884, отд. кл. еп. стр. 56 сл.), въ Илридѣ, Кимѣ, Митилинѣ, Приенѣ, Ефесѣ, Киринѣ, Самоосахъ, Хіосѣ, Аморгѣ, Сиенѣ и др. Ср. *K. Fr. Hermann, Staatsalterth.* § 56, 15. *Gilbert, Staatsalterth.* II стр. 71, 100, 155, 157, 165, 188, 194, 203, 209, 272, и др. (Диссертация *Am. Haucette-Vesnault, De archonte rege* (Paris. 1884) къ соматвію не имѣемъ подъ руками).

⁶⁾ Въ Милетѣ: *Revue arch.* n. s. t. 28 стр. 106—*Dittenberger, Syll. i. Gr.* № 376. Въ Евникѣ: *C. I. Gr.* II стр. 921, *Mitth. d. D. Inst.* VI стр. 51; *Kersten, De Syzico* стр. 26.

Ольвиополитовъ, естественно должна была придти въ крайній упадокъ; поля оставались необработанными, къ политическимъ невздамъ присоединились экономическія, и нѣкогда цвѣтущій городъ обдѣлѣлъ и захирѣлъ до того, что только патриотизмъ отдѣльныхъ гражданъ въ родѣ Протогена и Клеомвота, сумѣвшихъ и въ этомъ крушеніи сберечь ранѣе накопленнаго богатства и щедрою рукою разсыпавшихъ ихъ теперь на помощь родному городу, спасалъ его на краю гибели. Но Протогеновъ безъ сомнѣнія было немного, ихъ богатства были не вѣчны — и вотъ во II в. Ольвія склоняетъ свою многострадальную голову подъ иго варварскихъ царей и на ея мостахъ рядомъ съ именемъ нѣкогда „счастливаго“ города являются имена безвѣстныхъ Фарзоевъ, Инисмеевъ, Канитовъ и Скилуровъ. Тяжело жилось тогда, безъ сомнѣнія, гордымъ и свободолюбивымъ еллинамъ, но все таки это униженіе было легко въ сравненіи съ тѣмъ ударомъ, который поразилъ ихъ во второй четверти послѣдняго вѣка до Р. Хр. отъ руки новыхъ варварскихъ завоевателей—гетовъ. Это былъ величайшій разгромъ, который когда либо испытали Ольвиополиты. Они покинули полуразрушенный городъ съ поруганными храмами и изуродованными памятниками и только по настоятельной просьбѣ скиновъ, скоро почувствовавшихъ неудобства, явившіяся вслѣдствіе прекращенія торговли съ еллинами, рѣшились возвратиться на старое пепелище. Съ тѣхъ поръ городъ существовалъ еще почти три столѣтія, но по внѣшности представлялъ лишь тѣнь прежняго, а по составу населенія — пеструю смѣсь еллиновъ съ туземцами, въ значительномъ количествѣ поселившимися въ городѣ и принятыми въ гражданскую общину. Несмотря на то, что скины сами пригласили Ольвиополитовъ возвратиться въ городъ, отношенія между ними, по крайней мѣрѣ чрезъ полтора столѣтія послѣ возобновленія, были далеко не дружелюбныя, Ольвиополитамъ приходилось жить въ постоянномъ береженіи отъ сосѣдей. Однако несмотря на столь печальныя обстоятельства, несмотря на то, что въ своей образованности они далеко отстали отъ другихъ грековъ, а по внѣшности уподобились окружающимъ ихъ варварамъ, они все еще сохраняли много отличительныхъ чертъ еллинскаго духа: живая любознательность, стремленіе къ образованію не покидали ихъ въ самыя тяжелыя минуты. Глубокой грустью дышетъ жалоба Иеросонта на свое тяжелое положеніе, но особенно печалитъ его то, что имъ приходится жить чистыми варварами, что пріѣзжающіе къ нимъ

ства, не только сумѣли уберечь въ чистотѣ, но даже въ большей или меньшей степени, смотря по обстоятельствамъ, распространять въ его темныхъ массахъ. Здѣсь, на краю извѣстнаго древнимъ міра, „*inter inhumanae nomina barbariae*“, свѣтъ еллиназма въ теченіи столѣтій горѣлъ если не такъ же ярко, то по крайней мѣрѣ почти такъ же ровно, какъ и въ самой Елладѣ, распространяя отъ себя тихій отблескъ на окружающія страны, окутанныя густымъ „кимерійскимъ мракомъ“.

В. Латышевъ.
